

**“MARKAZIY OSIYO SIVILIZATSIYASI:
O‘TROQ VA KO‘CHMANCHI
MADANIYATLARINING O‘ZARO TA‘SIRI”**

mavzusidagi xalqaro ilmiy konferensiya materiallari

*Tarix fanlari doktori, professor Abdulhamid Anarbayev
tavalludining 75 yilligiga bag‘ishlanadi*

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
MILLIY ARXEOLOGIYA MARKAZI

O‘ZBEKISTON MODDIY MADANIYATI TARIXI

42-NASHRI

F.A. Maqsudov umumiy tahriri ostida

**“MARKAZIY OSIYO SIVILIZATSIYASI:
O‘TROQ VA KO‘CHMANCHI
MADANIYATLARINING O‘ZARO TA’SIRI”**
mavzusidagi xalqaro ilmiy konferensiya materiallari

O‘zR FA “Fan” nashriyoti
Toshkent – 2022

UO‘K: 930.85(1–925.3)(082)

BBK: 63.3(50‘)

Bosh muharrir:

F.A. Maqsudov

Tahririyat kengashi:

t.f.d., professor A.A. Abdurazzoqov, O‘zR FA akademigi A.A. Asqarov,
t.f.d., professor A. Anarbayer, t.f.d., professor R.H. Sulaymonov,
t.f.d. N.U. Xolmatov, t. f.d., professor T.Sh. Shirinov, t.f.n. M.A. Reutova,
t.f.d. G.Sh. Zununova, t.f.n. A.D. Iskanderova, t. f.n. J.K. Mirzaahmedov,
t.f.n. Sh.T. Odilov, t.f.n. M.H. Pardayev, t.f.n. S.R. Ilyasova, t.f.n. M.M. Saidov,
t.f.n.S.R. Baratov, t.f.n. D.H. Murodova, t.f.n. Y.A. Gordeyeva.

Taqrizchilar:

professor A. Ashirov

professor Sh. Nurmammedova

Jurnalning mazkur soni O‘zbekistonning mashhur arxeologlaridan biri, Markaziy Osiyo mintaqasi tarixining keng ko‘lamli muammolari bilan shug‘ullanuvchi tarix fanlari doktori, professor A. Anarbayer tavalludining 75 yilligiga bag‘ishlangan. Ushbu sondagi maqolalarda qadimgi va o‘rta asrlarda Markaziy Osiyoda shaharsozlik, karvon yo‘llari, o‘troq va ko‘chmanchi madaniyatlar o‘rtasidagi munosabatlar, qadimgi hunarmandchilik kabi ko‘plab tadqiqot masalalari yoritilgan.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР АРХЕОЛОГИИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 42

Под общей редакцией Ф.А. Максудова

Материалы международной научной конференции
**“ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОСЕДЛОЙ И
КОЧЕВОЙ КУЛЬТУР”**

Издательство «Фан» АН РУз
Ташкент – 2022

УЎК: 930.85(1–925.3)(082)

КБК: 63.3(50⁶)

Главный редактор

Ф.А. Максудов

Редакционная коллегия:

д.и.н., профессор А.А. Абдураззоков, академик АН РУз А.А. Аскарлов,
д.и.н., профессор А. Анарбаев, д.и.н., профессор Р.Х. Сулейманов,
д.и.н. Н.У. Холматов, д.и.н., профессор Т.Ш. Ширинов, к.и.н. М.А. Реутова,
д.и.н. Г.Ш. Зунунова, к.и.н. А.Д. Искандерова, к.и.н. Ж.К. Мирзаахмедов,
к.и.н. Ш.Т. Адылов, к.и.н. М.Х. Пардаев, к.и.н. С.Р. Ильясова, к.и.н. М.М. Саидов,
к.и.н. С.Р. Баратов, к.и.н. Д.Х. Муродова, к.и.н. Е.А. Гордеева.

Рецензенты:

профессор А. Аширов
профессор Ш. Нурмухаммедова

Настоящий номер журнала посвящен 75-летию со дня рождения профессора А. Анарбаева, доктора исторических наук, одного из самых известных археологов Узбекистана, занимающегося широким кругом проблем истории Среднеазиатского региона. Статьи этого номера охватывают многие исследовательские вопросы, такие как градостроительство в древней и средневековой Центральной Азии, караванные пути, взаимоотношения оседлой и кочевой культур, древние ремесла.

UZBEKISTAN ACADEMY OF SCIENCES
NATIONAL CENTER OF ARCHEOLOGY

THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE OF UZBEKISTAN

Volume 42
Edited by F.A. Maksudov

Materials of the international scientific conference
**“CIVILIZATION OF CENTRAL ASIA:
RELATIONSHIPS BETWEEN SEDENTARY AND
NOMADIC CULTURES”**

AS RUz “Fan” Publishers
Tashkent – 2022

UO‘K: 930.85(1–925.3)(082)

BBK: 63.3(50‘)

Editor-in-Chief

F.A. Maksudov

Editorial Board:

Professor A.A. Abdurazzokov, Academician of the ASc
of the Republic of Uzbekistan A.A. Askarov,

Professor A. Anarbaev, Professor R.Kh. Suleymanov,

Dr. N.U. Kholmatov, Professor T.Sh. Shirinov, t.f.n. M.A. Reutova

Dr. G.Sh. Zununova, Ph.D. A.D. Iskanderova, Ph.D. Zh.K. Mirzaakhmedov,

Ph.D. Sh.T. Adylov, Ph.D. M.Kh. Pardaev, Ph.D. S.R. Ilyasova, Ph.D. M.M. Saidov,

Ph.D. S.R. Baratov, Ph.D. D.Kh. Murodova, Ph.D. E.A. Gordeeva.

Reviewers:

Professor A. Ashirov

Professor Sh. Nurmukhammedova

This volume of the journal is devoted to the 75th anniversary of professor A. Anarbaev, doctor of historical science and one of the most well-known archaeologists of Uzbekistan who focuses on a wide range of problems in history of Central Asian region. The articles in this volume cover many research issues such as urban planning in ancient and medieval Central Asia, the caravan routes, the interrelationships between the settled and nomadic cultures, and ancient crafts.

**TARIX FANLARI DOKTORI, PROFESSOR
ABDULHAMID ANARBAYEVNING 75 YILLIGIGA
BAG'ISHLANADI**

**ПОСВЯЩАЕТСЯ 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
АБДУЛХАМИДА АНАРБАЕВА**

**DEVOTED TO THE 75TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR
ABDULHAMID ANARBAEV**

ИЗВЕСТНОМУ АРХЕОЛОГУ И ОБЩЕСТВЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ АБДУЛХАМИДУ АНАРБАЕВУ – 75 ЛЕТ

Археологические источники играют важнейшую роль в освещении древней истории. Поиск, выявление, изучение и введение в научный оборот памятников археологии и, таким образом, восстановление исторического процесса всегда было трудоемкой и в то же время почетной задачей археологической науки. Одним из ярких представителей узбекской археологии, посвятивший свою трудовую карьеру этой науке, является доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом «Археология Шелкового пути» Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан Абдулхамид-ака Анарбаев, которому исполнилось в этом году 75 лет.

А. Анарбаев начал свою деятельность в области археологии в 1973 году и за время своей творческой деятельности в стенах нашего Института показал себя трудолюбивым ученым, внесшим весомый вклад в отечественную археологию, научным руководителем с уникальными лидерскими качествами, человеком, имеющим огромный жизненный опыт. Его научная деятельность связана с изучением таких актуальных проблем археологии, как возникновение и развитие оседло-земледельческой культуры, урбанизма и государственности на территории древней Средней Азии.

За период научной деятельности А. Анарбаев исследовал ряд археологических источников, на основе которых получена новая информация о закономерностях заселения и расселения древнеземледельческих племен на территории Ферганской долины. Он занимался вопросами возникновения городской культуры и благоустройства средневекового города Средней Азии. На основе междисциплинарных подходов им выявлены особенности формирования и этапы развития культурного (антропогенного) ландшафта, взаимовлияния между человеком и природой, масштабы использования природных ресурсов средневековым городом Средней Азии на примере города Ахсикет (Фергана) – столичного центра древней и средневековой Ферганы – и его округа. Города являлись сосредоточением металлообрабатывающего и керамического производства и многих других видов ремесел и промыслов в северо-восточной части нашей страны.

В результате многолетнего, кропотливого исследования А. Анарбаев выявил уникальные для того периода системы водоснабжения, уличные сети, жилые и ремесленные кварталы и историческую топографию таких средневековых урбанизированных центров Средней Азии, как Афрасиаб, Пенджикент и Ахсикет, которые являлись узловыми центрами политической, социально-экономической и культурной жизни. В частности, было установлено, что для предотвращения различных эпидемий, проявлявшихся обычно в древней густозаселенной городской среде жарких и засушливых регионов, жители городов Средней Азии уделяли особое внимание вопросам городского водоснабжения и гигиены и развили специфическую систему благоустройства

с многочисленными подземными водоотводами, городскими прудами (хаузами), общественными банями и т.д. Система городского благоустройства также включала строгий надзор с введением различных налогов со стороны городских властей.

Исследования А. Анарбаева также позволили уточнить время возникновения и этапы развития ранних государств на территории нашей страны. В частности, определено, что уже в конце второго тысячелетия до нашей эры в таких историко-культурных областях Среднеазиатского междуречья как Бактрия, Согд, Хорезм и Фергана, с некоторыми хронологическими различиями, возникли ранние формы государственности, где к началу первого тысячелетия до нашей эры сформировались первые малые централизованные государственные образования. Вопросы истории и археологии Ферганы на примере изучения городища Ахсикент имеют особое значение в научной деятельности А. Анарбаева. Исследование археологических, нумизматических и письменных источников на протяжении нескольких десятилетий позволили автору предположить, что столичный город Ферганской долины, известный по китайским летописям II века до нашей эры как «Юань» и по арабским письменным источникам VII–VIII вв. нашей эры как «Фаргана», располагался на месте городища Ахсикент (Эски Ахси). Со второй половины IX века этот город упоминается как «Фаргана-Ахсикет», и только со второй половины XI века он начал именоваться «Ахсикат».

Вместе с тем, предложена еще одна научно обоснованная гипотеза: знаменитые «Дамасские клинки», известные на Востоке в IX–XII веках, вероятно, изготавливались в Фергане, точнее ремесленниками Ахсикета. Известно, что оружием, изготовленным на Востоке из прочной, так называемой «булатной» стали, были заинтересованы рыцари средневековой Европы. Исследованиями под руководством А. Анарбаева установлено, что такое оружие могло изготавливаться только на Ахсикете, где обнаружено громадное количество шлаковых отходов черной металлургии и обломков каолиновых тиглей исследуемого периода, обработанных при температуре около 1650–1700 градусов по Цельсию.

Различные аспекты городской топографии, этапы ее развития, ремесло и новые данные по истории социальной и культурной жизни города Ферганы нашли отражение в фундаментальном труде автора под названием «Ахсикет – столица древней Ферганы», явившегося результатом многолетних исследований А. Анарбаева. Как автор идеи возраста города Маргилана, 2000-летний юбилей которого проводился в 2007 году, А. Анарбаев опубликовал серию научных статей и монографию под названием «Древний Маргилан».

Под его же руководством проводились многолетние исследования по изучению древней истории города Коканда и его округа в целях определения возраста города. В результате этих исследований определено, что территория Коканда непрерывно начала обживаться с VII в. до н.э. и не позднее 2000 лет тому назад построен город Коканд, что нашло отражение в научной монографии А. Анарбаева «Археологические исследования в г. Коканде и его окрестностях».

Научная деятельность А. Анарбаева многогранна, о чем также свидетельствуют его исследования по истории периода раннего средневековья Средней Азии.

В частности, на основе анализа материальных артефактов и их верификации с письменными источниками, им изучены судьбы среднеазиатских (согдийских, чачских и ферганских) купцов в Корею и Китае в Танскую эпоху. А. Анарбаевым обнаружено, что среднеазиатские торговцы доходили по Шелковому пути до Корейского полуострова, заселяли пригородные кварталы крупных городов Китая и других государств Дальнего Востока, где интегрировались с местным населением и некоторые из них даже удосуживались высоким чинов местной власти. К примеру, им выявлено, что крупные антропоморфные каменные изваяния при одном из раннесредневековых императорских мавзолеев Кореи были посвящены согдийцам. Эта гипотеза вызвала большой интерес среди археологов и историков.

Кроме того, особого внимания заслуживают исследования А. Анарбаева по монументальной архитектуре Самарканда периода Амира Темура и Темуридов, где выявлены многие особенности архитектуры Средней Азии. За период своей научной деятельности А. Анарбаев опубликовал более 200 статей в научных и научно-популярных изданиях, охватывающих проблемы археологии и древней истории, из них более 30 вышли в печать за рубежом.

Так же под руководством А. Анарбаева проводятся археосейсмологические исследования. Это считается новым направлением в узбекской археологии. Совместно со специалистами из Института физики Земли имени Отто Шмидта Российской академии наук и Института сейсмологии Академии наук РУз впервые проведены археосейсмологические полевые исследования в Ферганской долине, с целью уточнения ее сейсмической опасности, а также составлены сводки мощнейших землетрясений, имевших место на данной территории. Объектами изучения стали такие крупные памятники, как Ахсикент, Эйлатан, Куюльтепа, Мугкала, Мугтепа и Кыркхуджра, Баландтепа, которые были повреждены или полностью разрушены в разное время, в результате сейсмической активности региона. В ходе работы были получены данные, дающие возможность расширить знания о сейсмической истории региона, которые показывают ошибочность в оценке сейсмической опасности территории самой впадины. Это является первой попыткой изучения сейсмологической активности региона на основе археологических памятников в Ферганской долине. Результаты исследований изложены в серии статей в известных зарубежных научных журналах. Дальнейшие исследования могут помочь при построении новой карты сейсмического районирования региона.

А. Анарбаев является популяризатором науки. Согласно Постановлению Кабинета Министров РУз за №831 от 16 октября 2017 года “Об учреждении памятного комплекса по охране и исследованию объекта археологического наследия “Ахсикент”” были начаты работы по изучению, охране и повышению туристического потенциала памятника. Проведены крупномасштабные археологические раскопки на памятнике, вскрыты подземные водопроводы, огромные крепостные стены двухтысячелетней давности высотой и шириной по 20 метров, мастерские, где изготовливались так называемые «Дамасские клинки», жилые кварталы, общественные бани и другие туристические объекты. Объект был готов в 2019

году. В ходе рабочего визита в Наманганскую область в феврале 2019 года, Президент Узбекистана Шавкат Миромонович Мирзиёев посетил археологический памятник Ахсикент в Туракурганском районе. В ходе посещения археологического памятника Ахсикент Президент ознакомился с основным планом комплекса, его научно-исследовательскими объектами, проектами туристического центра, которые будут восстановлены на территории, дал рекомендации по углубленному изучению истории этого памятника, необходимости сбора информации об исконном прошлом наших предков и проведения систематической работы по его восстановлению, о необходимости организации фестиваля, пропагандирующего историю и рекомендовал открыть направления по археологии в Наманганском государственном университете. Также он подчеркнул важность преподавания истории на исторических объектах, говоря о том, что некоторые практические занятия школьников и студентов университета нужно проводить именно здесь.

За рамками этого краткого обзора еще надо отметить научно-педагогическую работу — А. Анарбаевым прочитана целая серия курсов лекций в ряде университетов, подготовлены доктора (DSc), PhD, магистры и бакалавры.

Он участвовал и продолжает выступать с научными докладами и публичными лекциями на конференциях и симпозиумах, во многих исследовательских центрах и университетах мира, включая Францию, Германию, Великобританию, Китай, Южную Корею, Турцию, Россию. А. Анарбаев также имеет огромный опыт в международном научном сотрудничестве. Свидетельством этого, является активное участие в многочисленных совместных археологических экспедициях, которые ведутся на территории нашей страны.

В творческом коллективе Национального центра археологии Академии наук РУз и Самаркандского Института археологии А. Анарбаева знают, как организатора науки, постоянно ведущего пропаганду научных открытий в области археологии и древней истории среди молодежи, прививающего идею национального самосознания путем изучения и осмысления древней истории нашего Отечества и народа.

А. Анарбаев в 2019 году награжден орденом «Мехнат шухрати» за высокие заслуги и значительные успехи в научно-педагогической сфере, за многолетний плодотворный и самоотверженный труд в развитие археологической науки, активное участие в популяризации науки, за воспитание молодого поколения в духе патриотизма и верности идеям независимости, а также активность в общественной жизни.

От чистого сердца поздравляем Абдулхамид-ака Анарбаева – ведущего узбекского ученого-археолога и учителя – с его 75-летним юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, долгих лет творческой жизни и семейного благополучия!

Ф. Максудов, М. Саидов

Андрей Корженков, Абдулхамид Анарбаев

СЕЙСМИЧЕСКИЕ ДЕФОРМАЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ АНСАМБЛЕ МАВЗОЛЕЯ ШАХИ-ЗИНДА, САМАРКАНД

Аннотация: Всемирно известный архитектурный комплекс Шахи-Зинда является шедевром средневекового зодчества Самарканда. Собранные нами данные указывают на сейсмический характер выявленных деформаций в средневековом мавзолейном комплексе Шахи-Зинда. Это наклоны, выдвигения и развороты вокруг вертикальной оси частей строительных конструкций. Ранжирование деформаций в зданиях различного возраста указывают на три одновременных источника колебаний грунта, приведшие к образованию серьезных повреждений в строительных конструкциях мавзолейного комплекса. Это наклоны субмеридиональных стен на запад. Все деформированные здания были построены в XI–XV вв. Эти результаты указывают, что сейсмические колебания, приведшие к описанным в статье деформациям, приходили с ЗЮЗ. Все эти здания были построены до землетрясения 1490 г. и, по всей видимости, были повреждены именно во время этого сейсмического события. Его эпицентральная зона располагалась к ЗЮЗ от великого города, на месте западного латерального вспарывания периклинали Зеравшанского хребта. В мавзолейном комплексе Шахи-Зинда имеются также наклоны древних стен на север. Время строительства и перестроек деформированных строений растянулось с XI по XIX вв. Собранные материалы свидетельствуют о распространении сильных сейсмических колебаний, приходивших с севера в XIX и начале XX в. Кандидатами – провокаторами этих деформаций могут быть землетрясения 1817–1818 гг., 1821–1822 гг. или дуплетное землетрясение 1907 г. Источником выявленных нами деформаций могли быть активные разломы, приводящие к росту адырных складок к северу от бывшей столицы Мира, таких как Актау и Нуратау. Наклоны стен и частей зданий к востоку также наблюдались в мавзолейном комплексе Шахи-Зинда. Землетрясение 1799 г. может быть источником этих деформаций. Его эпицентральная зона находится к ВЮВ от Самарканда, что соответствует активным разломам адырной зоны Зеравшанского хребта. Судя по сильным деформациям важнейших – сакральных объектов средневекового Самарканда, построенных в очень высоком качестве лучшими архитекторами и строителями Мира, степень описанных разрушений может быть оценена в $II = VIII$ –IX баллов по макросейсмической шкале.

Ключевые слова: сейсмические деформации, Шахи-Зинда, Кусама ибн Аббаса Самарканд, Узбекистан, мухтасиб, водопровод, ташнау, сильные землетрясения, колебания грунта, кинематические индикаторы, средневековье.

Введение. Территория Узбекистана известна своими сильными землетрясениями. Их возникновение в этом краю Мира понятно: горная система Тянь-Шань растет не только в высоту, но и распространяется в латеральном направлении. Горы – это

всегда тектонические подвижки, часто – импульсные, сейсмические. Тянь-Шань же является северным фронтом Альпийско-Гималайского горного пояса, тектонической границей планетного масштаба, где как не во фронте ожидать сильные сейсмические события.

Город Самарканд находится к западу от рельефно выраженных высоких цепей Тянь-Шаня (рис. 1), однако и здесь видны небольшие вытянутые поднятия, которые местные жители называют адырами. Адыры и есть будущие высокие горные хребты, а пока горы здесь находятся в своем зачаточном – «младенческом» состоянии. Младенческий возраст адыров не должен никого успокаивать: их рост, подъем сопровождается значительными сейсмическими подвижками по сейсмогенным разломам.

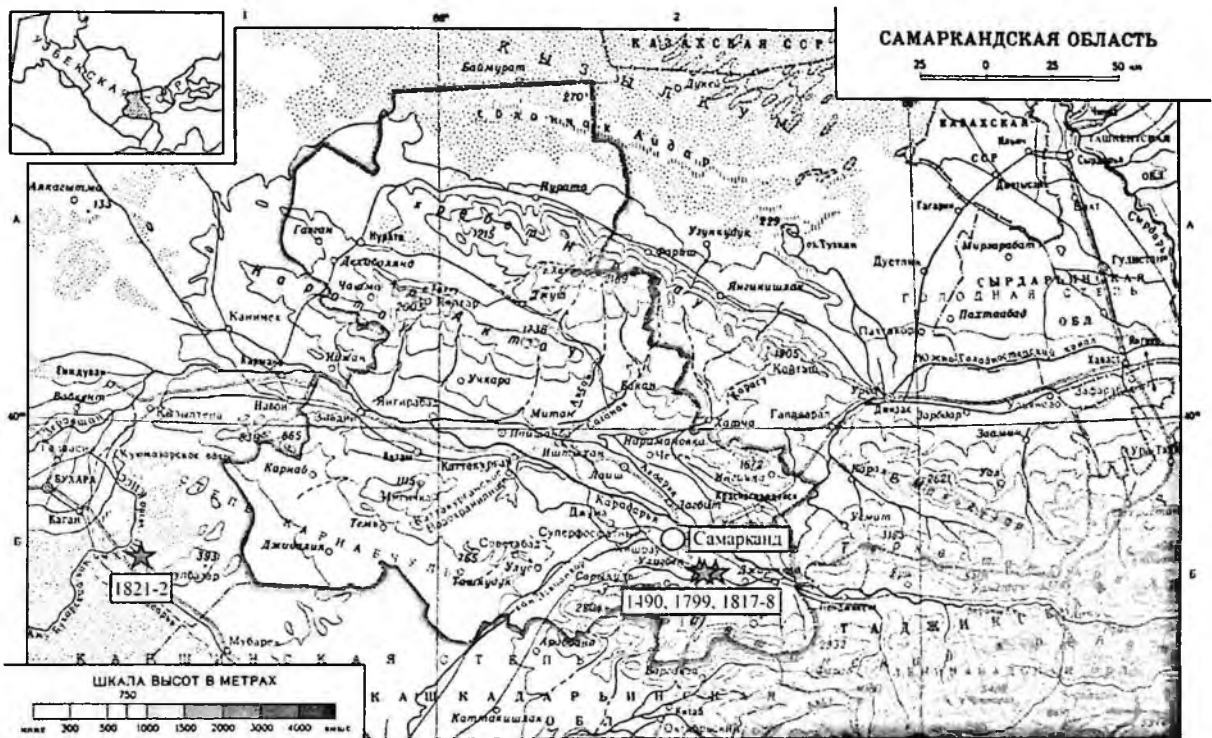

Рис. 1. Топографическая карта Самаркандской области. Красные звезды – эпицентры известных сильных исторических землетрясений по данным Нового каталога ... [1977].

Под ними подписаны годы произошедших сейсмических событий.

Разломные зоны необходимо изучать с помощью методов палеосейсмологии. Однако, при больших мощностях рыхлых накоплений во впадинах, сейсмогенные разрывы даже при сильных землетрясениях могут не достичь поверхности, формируя так называемые «слепые разломы». В этом случае могут применяться методы исторической сейсмологии и археосейсмологии.

Историческая сейсмология предполагает поиск информации о сейсмических катастрофах в древних письменных источниках. Город Самарканд находится на территории, где издревле проживали люди. Здесь же проходила одна из основных ветвей Великого шелкового пути. К сожалению, письменные источники редки для

данной территории, виной чему являлись многочисленные войны и природные катастрофы. Настоящая архитектурная слава начинается здесь со времен эмира Тимура, который сделал Самарканд своей столицей. Великие ученые, лучшие архитекторы, строители, ремесленники собирались в столицу со всей известной тогда Ойкумены. Они создали самый красивый город Мира, архитектурные памятники которого услаждают взор местных жителей и путешественников по сей день.

Исторические летописи и другие письменные источники повествуют о сильных землетрясениях в самом Самарканде, так и в его окрестностях. Научная информация о них собиралась различными авторами, была сведена, наконец, в сейсмический каталог [Новый каталог ..., 1977], выборка из которого по интересующему нас региону приведена ниже (таблица 1).

Таблица 1.

Сильные исторические землетрясения, произведшие деформации в постройках Самарканда. Выборка из [Новый каталог ..., 1977]

Дата	Эпицентр, шир., долг.	Глубина очага, км	Магнитуда	Интенсивность в эпицентре	Примечания
20 февр. 1490 г. (± 1 мес.)	39.4, 67.1 (± 0.5)	(15) 5–45	5.0 (± 1.0)	7–8 (± 2)	«Страшное землетрясение» в Самарканде
1799 (± 1 год)	39.4, 67.2 (± 0.5)	(10) 3–30	6.0 (± 1.0)	8–9 (± 1)	Разрушена крепость Ургут (близ Самарканда)
1817–1818 (± 10 лет)	39.4, 67.1 (± 0.5)	(10) 5–20	5.3 (± 1.0)	7–8 (± 1)	В Самарканде серьезно повреждены два здания медресе
1821–1822 (± 1 год)	39.5, 64.5 (± 1.0)	(20) 7–60	6.4 (± 0.7)	8 (± 1)	Разрушения жертвы в Бухаре. Новые повреждения зданий в Самарканде
Окт. 1907 04 часа 23 мин.	38.5, 67.9 (± 0.3)	(35) 0–52	7.4 (± 0.1)	9 (± 1)	Каратагское (I). Описание в тексте
Окт. 1907 04 часа 44 мин.	38.7, 68.1 (± 0.3)	(24) 0–48	7.3 (± 0.5)	9 (± 0.5)	Каратагское (II). Описание в тексте

Анализ приведенной таблицы указывает на частые сильные землетрясения, происходившие в районе Самарканда за последние 500 лет. Их интенсивность находилась в пределах от $I = 7$ баллов (небольшие повреждения саманных и глинобитных построек) до $I = 10$ баллов, когда серьезнейшим разрушениям

подвергаются здания даже очень хорошей постройки: дворцы, мечети, крепости. В упомянутом Новом каталоге [1977] не имеется никаких упоминаний о пострадавшем Самарканде во время сильных двойных землетрясениях 1907 г. Это связано, по нашему мнению, с тем, что их предполагаемые эпицентральные области находятся на значительном отдалении от Самарканда, однако М. Юнусовым [2020] собраны материалы о сильных повреждениях и разрушениях в городе в это время.

Землетрясения 1907 года

Сильнейшее землетрясение в Самарканде 8 октября 1907 года стало серьезным испытанием для уникального архитектурного наследия древнего города [Юнусов, 2020; в Новом каталоге..., 1977 оно датируется 21 октября 1907 г.]. По данным газеты «Самаркандский вестник», в этот день, с разницей в полчаса, произошли два подземных толчка силой в 8 баллов. Газета «Русское слово» писала: «Землетрясение продолжалось с перерывами до 5 ½ часов вечера. Два раза сила землетрясения доходила до 8 баллов. Обрушившимися зданиями убиты две местные женщины. Крест с колокольни Покровской церкви упал и разбился; колокола от сотрясения звонили. Северная колонна мечети Улугбека отделилась от здания на три вершка. Население опасается спать в домах, ожидая повторения...»

О последствиях стихийного бедствия генерал-губернатор Самарканда в специальном письме доложил археологической комиссии русского императора. Согласно этому письму, была создана специальная комиссия, которая изучила последствия подземных толчков и их влияние на исторические достопримечательности. Было установлено, что на главном фронте медресе Улугбека на Регистане образовались две крупные трещины, однако минареты сохранили свое вертикальное положение. Seriously пострадал южный купол медресе Шердор, на нем образовались трещины, обвалились часть кирпичей и штукатурка внутри купола. Во многих местах сооружения образовались трещины. В медресе Тия-кори обвалились облицовочные плиты крайних минаретов, разрушилась их верхняя часть. Слетели декоры и с барабана большого купола, а имевшиеся ранее трещины на здании значительно увеличились. Серьезные трещины появились и на куполе мечети Биби-ханым, местами обрушилась кирпичная кладка, облицовочные материалы. Частично были разрушены шестигранные минареты. Пострадал внешний купол мавзолея Ширин-бека в некрополе Шахи-зинда. Обрушилась часть фасада мавзолея Туркан-ога, что привело к ослаблению основы барабана, на котором стоит купол. На других сооружениях образовались трещины. Пострадали и другие исторические архитектурные объекты Самарканда.

Анализ таблицы 1 показывает, что параметры позднесредневековых землетрясений приводятся со значительной погрешностью. Так эпицентры могут иметь неточность в определении до одного географического градуса, а это латеральная ошибка в сотню километров! Неточность в определении интенсивности сейсмических колебаний может достигать ± 2 балла. Так интенсивность землетрясения 1490 г. была определена как 7–8

± 2 балла. Однако -2 балла, это – всего лишь 5–6 баллов. Землетрясение ощутимое, но не приводящее к значительным повреждениям и уж тем более к разрушениям. В то же время, $+2$ балла, это интенсивность колебаний в эпицентральной области 9–10 баллов. Полное разрушение всех обычных сырцовых сооружений и серьезнейшие повреждения хорошо укрепленных крепостей и замков! Как же быть?

Современная инструментальная сейсмическая сеть существует лишь последнюю сотню лет, в то время как для строителей требуется информация о сильных землетрясениях в регионе за последние тысячи лет, а то и десятки-сотни тысяч лет (атомные электростанции, хранилища радиоактивных отходов). Частично восполнить лагуну в сейсмологических материалах могут методы археосейсмологии. Древние памятники, их руины могут служить «окаменевшими сейсмоскопами» [Korzhenkov and Mazor, 1999; Korjenkov and Mazor, 2003], то есть указать направление на источник сильных сейсмических колебаний. Использование макросейсмических шкал (например, Шкала МСК–64) позволяют оценить сейсмическую интенсивность древних сейсмических событий. Возраст землетрясений может быть определен по письменным источникам или археологическими методами.

Мы исследовали деформации в средневековых сооружениях мавзолейного комплекса Шахи-Зинда (рис. 2). Здесь находятся здания, построенные в последнюю тысячу лет (XI–XX вв.). Мы попытались выявить деформации, возникшие в строительных конструкциях во время сильных сейсмических колебаний грунта, а также оценить направления их прихода – направление на древнюю эпицентральной зону. Интенсивность колебаний была определена с помощью макросейсмической шкалы МСК–64.

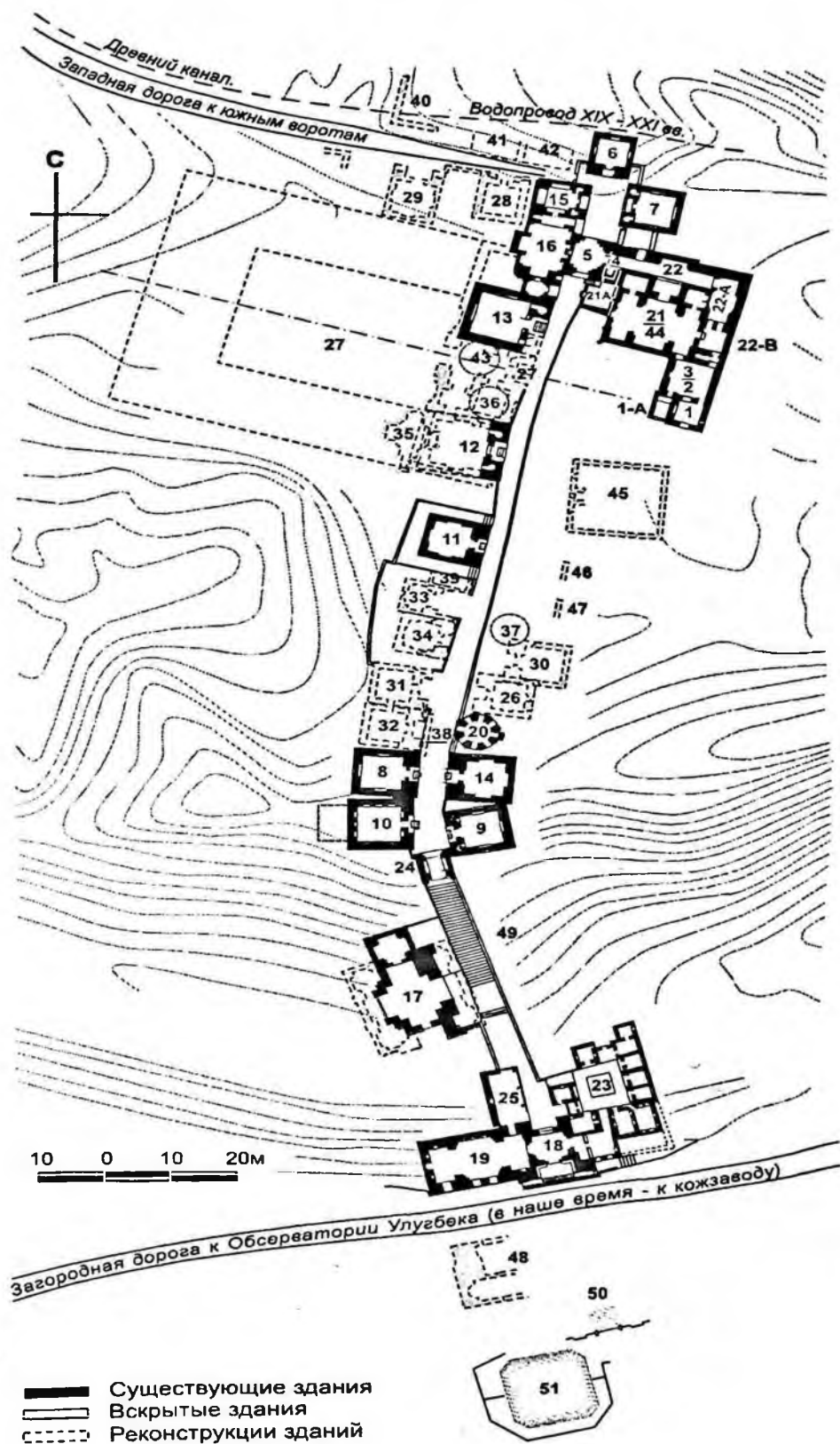

Рис. 2. План ансамбля Шахи-Зинда (по [Немцева, 2019]).

1. Гурхана мавзолея Кусама ибн Аббаса. XI в.
2. Чилляхана. XI в.
3. Зиаратхана мавзолея Кусама ибн Аббаса. XI–XIV вв.
4. Минарет комплекса Кусама ибн Аббаса. XI в.
5. Третий проходной чартак. XIV в.
6. Мавзолей Ходжи Ахмада. Середина XIV в.
7. Мавзолей 1360/61 г.
8. Мавзолей Шади-Мульк-ака (Туркан-ака). 1372 г.
9. Мавзолей Туглу-Текин (амира Хусейна). 1376 г.
10. Мавзолей Эмир-заде. 1386 г.
11. Мавзолей работы усто Алима Насафи («Безымянный–1»). 80-е гг. XIV в.
12. Мавзолей «Безымянный–2». 90-е гг. XIV в.
13. Мавзолей эмира Бурундука. 90-е гг. XIV в.
14. Мавзолей Ширинбек-ака. 1385/86г.
15. Мавзолей Туман-ака. 1405/06 г.
16. Мечеть Туман-ака. 1405/06 г.
17. Мавзолей «Матери султана». Первая треть XV в.
18. Входной портал и дарвазахана Улугбека. 1434/1435 г.
19. Зимняя мечеть XV в. слева от входного портала Улугбека (1434/35 г.).
20. Мавзолей «Восьмигранник». XV в.
21. Большая мечеть в комплексе Кусама ибн Аббаса. Середина XV в.
22. Северо-восточный обводной коридор в комплексе Кусама ибн Аббаса. XI–XIX вв.
23. Медресе Давлета Кушбеги. Начало XIX в.
24. Второй проходной чартак. XVIII–XX вв.
25. Летняя мечеть. Начало XIX в.
26. Склеп и остатки мавзолея 80-х гг. XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
27. Медресе Кусамийа. 1066 г. (раскопки 60-х – 90-х гг. XX в.).
28. Склеп и основание мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в.).
29. Склеп и основание мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в.).
30. Склеп и основание мавзолея 80-х гг. XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
31. Склеп и основание мавзолея с порталом. XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
32. Остатки порталной ниши мавзолея. XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
33. Мавзолей с айваном. Начало XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
34. Остатки порталной ниши и двухкамерного склепа мавзолея XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
35. Крестовидный склеп XV в. за мавзолеем «Безымянный–2» (раскопки 60-х гг. XX в.).
36. Склеп мавзолея XVI в. на руинах медресе XI в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
37. Завал декора XI в. (раскопки 60-х гг. XX в.).

38. Основание стены и завал резной неполивной терракоты XII в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
39. Остатки стен XI–XII вв. (раскопки 60-х гг. XX в.).
40. Фрагмент стены мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в. – 2004 г.).
41. Остатки сводчатого склепа мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в. – 2004 г.).
42. Основание склепа с куполом балхи мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в. – 2004 г.).
43. Склеп с куполом балхи мавзолея XVI–XVII вв. на территории входного айвана медресе Кусамийа, XI в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
44. Мечеть XI в., вскрытая под мечетью XV в. в комплексе Кусам ибн Аббаса.
45. Гробница Лачин-бека. XI в. (раскопки 2004 г.).
46. Фрагмент стены XI–XII вв. (раскопки 2004 г.).
47. Фрагмент стены XI–XII вв. (раскопки 2004 г.).
48. Зимняя баня для ритуальных омовений. 30-е гг. XV в. (раскопки 2004 г.).
49. Лестница. XVIII–XX вв.
50. Ступенчатый подъем в лесопарковую зону. 30-е гг. XV в. (?)
51. Хауз. 30-е гг. XV в. (?)

Историко-археологический очерк

Самарканд, расположенный в центральной части Мавераннахра, возник не позднее VIII в. до н.э. на территории городища Афрасиаб и являлся один из центров цивилизации Центральной Азии. Он не раз подвергался природным и военным разрушениям и запустению. Но всякий раз город вновь поднимался из руин, застраивался жилыми домами, храмами, мечетями и дворцами. И славился своими базарами, красивыми площадями и хаузами, обсажены различными деревьями. Об этом арабский географ X в. Ибн Хаукал писал следующее: «я поднимался на цитадель Самарканда и «...осматривал прекраснейший из видов, который когда-либо видел взор человека и которым он когда-либо восхищался, а именно: свежую зелень деревьев, блистающие замки, текущие каналы и непрекращающуюся культуру» (Бетгер, 1957. С.14). Продолжая он отмечает, что на площадях города имеются стриженные из кипарисового дерева, диковинные изображения животных, поставленные так, точно они наступают друг против друга и высматривают один другого, как будто собираются вступить в бой или состязание (Бетгер, 1957. С.14–15). Эти прекрасные слова, высказанные более тысячи лет тому назад, подтверждаются археологическими раскопками. В частности, были открыты великолепные дворцы, монументальные жилые дома, площади, хаузы усаженные деревьями, Соборная мечеть, классические бани, наземные арыки, подземные водопроводы из керамических кубуров, улицы-вымещены камнем, индивидуальные канализационные сооружения – ташнау,

глубокие ямы-бадрабы (Анарбаев, 1981. С. 59–113). Как удалось выяснить, город был обеспечен полностью проточной водой, общественные постройки, жилые дома и производственные учреждения без исключения, были обеспечены ташнау и бадрабами. Все это, и четкая организация городской жизни давала возможность содержать город в чистоте и порядке. Существовали определенные внутригородские правила, которые должны были соблюдать все жители города. За их выполнением, постоянно следил мухтасиб-государственный чиновник. Об этом в XII веке ал-Газали писал: «Мухтасиб должен был следить за чистотой на улице, чтобы на нее не выбрасывали арбузных и дынных корок и другого мусора, чтобы после поливки она не стала скользкой и опасной для прохожих, чтобы сточные трубы не пачкали прохожих,... Снег, сброшенный на улицу с крыши определенного дома, должен был быть убран хозяином» (Большаков, 1973. С. 333). Например, во времена правления основателя государства Западный Караханидов Ибрахима Тамгачхана уровень жизни народов Самарканда был высоким. Об этом свидетельствуют вакфные документы (о передаче имущества для использования в религиозных или благотворительных целях), написанным от его имени в 1066 году (Большаков, 1971. С. 170–178). Именно в это время на юге города Самарканда (Афрасиаба) начал создаваться ансамбль Шахи-Зинда – уникальный памятник зодчества Центральной Азии. Следует отметить, что архитектурная основа Шахи-Зинда появилась в начале XI в, когда был основан мемориально-поминальный комплекс в честь Кусамы ибн Аббаса – одного из сподвижников Пророка Мухаммеда. В 1066 г. здесь был построен ханифитское медресе Караханидским правителем Ибрахимом Тамгачханом. В целом, в течение XI–XII вв. вокруг святыни вырос богатый некрополь караханидской знати. Как показали археологические материалы (резные терракоты), найденные в Шахи-Зинда всесторонне рисуют выразительный внешний облик зданий караханидского времени, где демонстрируется новый стиль, формы и приемы художественной отделки. Внутренний интерьер покрывался не резным ганчем, как раньше, а в основном, полихромной росписью (Немцева, 2015. С. 40–127).

После Караханидов архитектурный памятник Шахи-Зинда постепенно пришёл в запустение. Известная исследовательница Шахи-Зинда Н.Б. Немцева отмечает, что памятники ансамбля Шахи-Зинда не были разрушены монголами. Но общий экономический урон, нанесенный монголами городу, ускорили процесс естественного разрушения (Немцева, 2015. С.119). В эпоху Тимура и Тимуридов в основном сложился комплекс Шахи-Зинда – один из крупных святынь Центральной Азии. Нам известно, что в других регионах Средней Азии также создавались крупные культовые центры, когда суфизм вышел на стадию политизации. Например, в городе Туркестан (Южный Казахстан) был создан культовый комплекс, посвященный Ходже Ахмаду Ясави.

Археосейсмологические исследования

В настоящее время все памятники архитектурного ансамбля Шахи-Зинда в той или иной степени, чаще всего – в значительной степени отреставрированы. Следы бывших разрушений заделаны и ликвидированы. Однако некоторые повреждения в стенах не стали разбирать и снова выкладывать кирпичом, они были бережно отреставрированы. Именно это обстоятельство позволило нам задокументировать наблюдаемые деформации. Строительство летней мечети в архитектурном ансамбле Шахи-Зинда (25 на рис. 2) отнесено Н.Б. Немцевой [2019] к началу XIX в. Наши исследования показали, что, по крайней мере, западная стена мечети неоднократно перестраивалась или ремонтировалась (рис. 3). Прежде всего, бросается в глаза горизонтальная полочка в средней части стены в ее западном фасе. Ширина этой полочки в центре 4 см увеличивается в северном и южном направлении до 10 см., то есть получается, что нижняя часть стены выгнута к востоку. Верхняя часть стены ровная. Это означает, что она более поздняя, надстроенная над старой – деформированной частью стены и поэтому их простирания в западном фасе не совпадают. Азимут простирания северной части стены внизу 162° , азимут простирания южной части стены внизу 168° . Азимут простирания верхней части стены 165° .

Более того, видно, что восточный фас западной стены ремонтировался. По всей видимости, восточный фас нижней части стены выпал в восточном направлении – в направлении изгиба нижней части стены. Все эти факты свидетельствуют о возможных сильных колебаниях грунта, пришедших к зданию с востока, что и привело к изгибу стены и обрушению восточного фаса. Таким образом, нижняя – деформированная часть, по всей видимости, имеет более ранний возраст, а не XIX в.

а)

б)

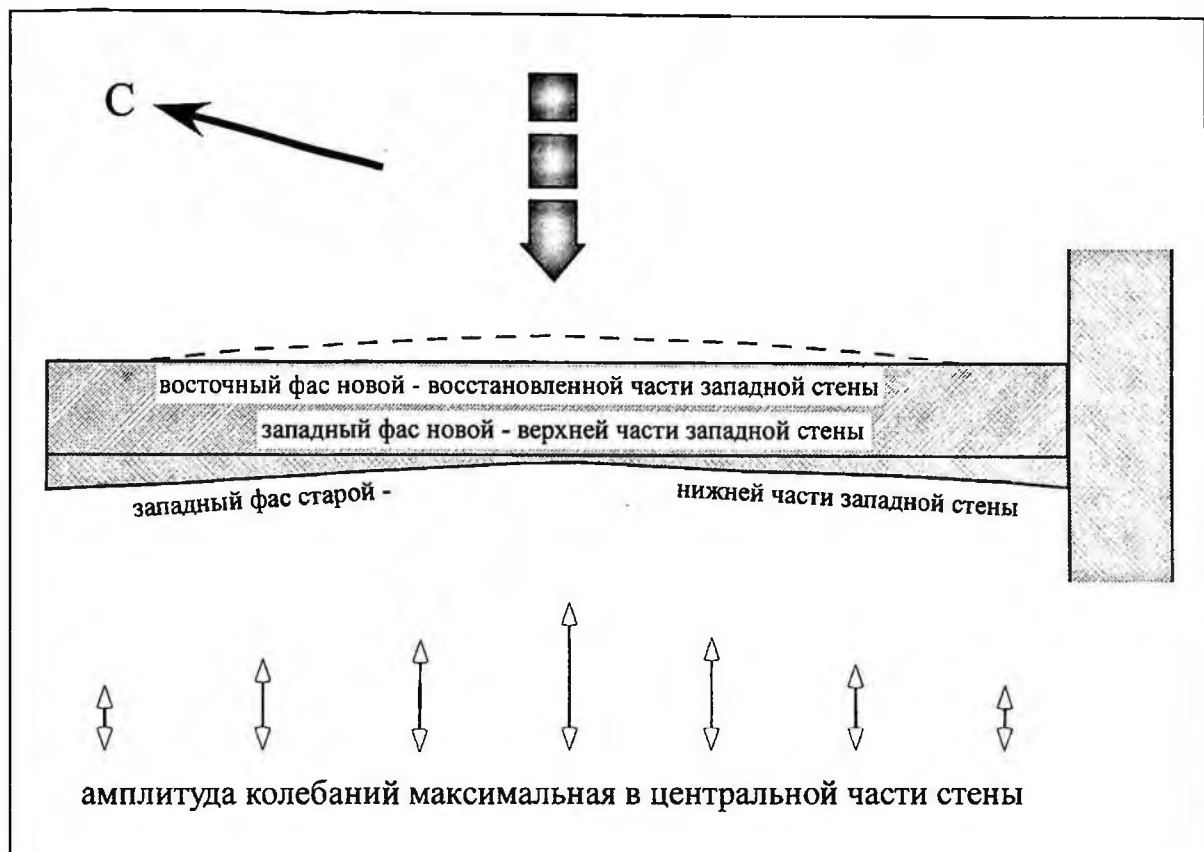

Рис. 3. Летняя мечеть в мавзолеем ансамбле Шахи-Зинда (№ 25 на рис. 2).

а) Северная часть стены, западный фас. Вертикальные стрелки показывают горизонтальную полочку в стене, уменьшающуюся в южном направлении (серая стрелка). Вид на ЮВ. Фотография 2022 г.

б) Южная часть стены, западный фас. Вертикальные стрелки показывают горизонтальную полочку в стене, уменьшающуюся в северном направлении (серая стрелка). Вид на ЮВ. Фотография 2022 г.

в) Схематическая внесмаштабная зарисовка, план. Нижняя часть западной стены выгнута к востоку. Несоответствие простирания нижней части и северной части стены создало полочку в ее средней части. Разорванная серая стрелка показывает направление прихода максимальных сейсмических колебаний.

Этим же возрастом - началом XIX в. датируется время строительства Медресе Давлета Кушбеги [Немцева, 2019] (рис. 4). В нем мы также нашли следы деформаций. Так одна из стен с простиранием 65° и шириной в 1 м наклонилась в северном направлении под углом 83° . Наклонилась верхняя часть стены высотой в 1.4 м, в то время как нижняя часть (0.5 м) осталась субвертикальной. Имел место как бы надлом стены в нижней части, сместившейся во время землетрясения вместе с грунтом в южном направлении.

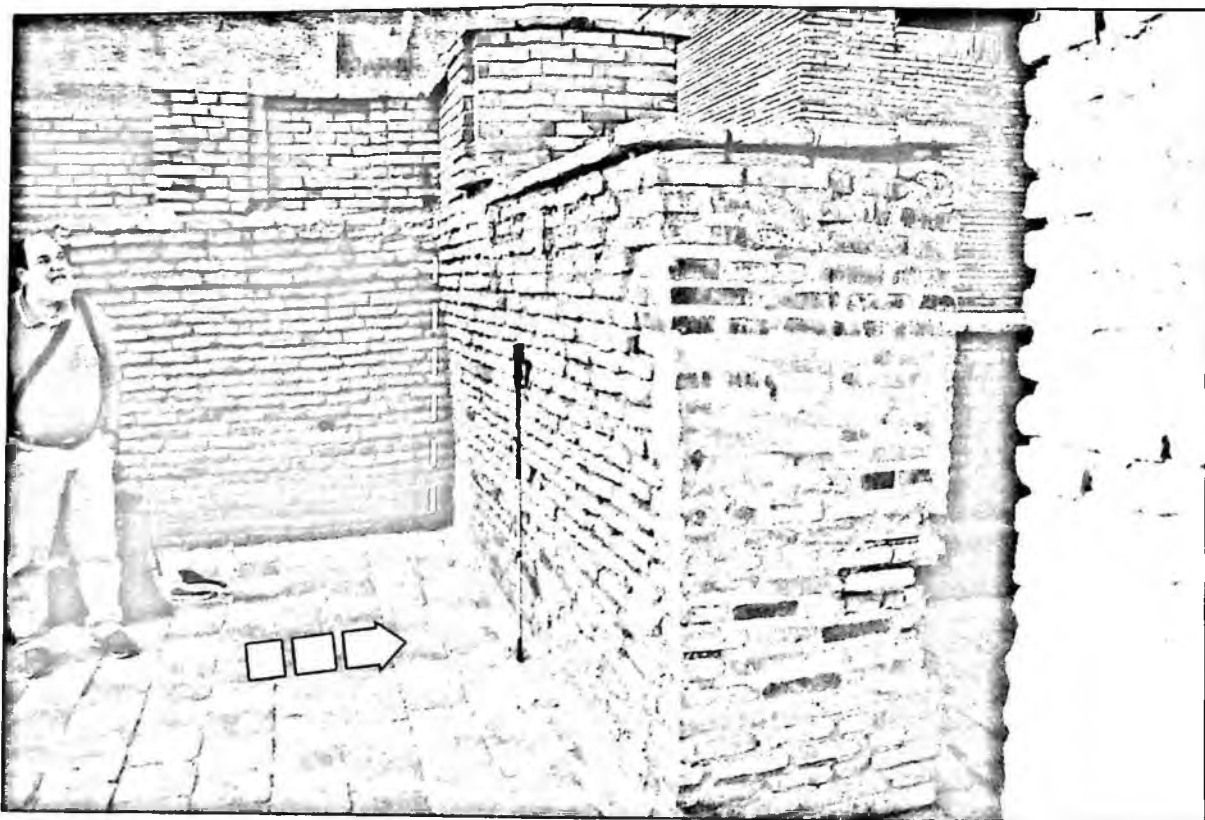
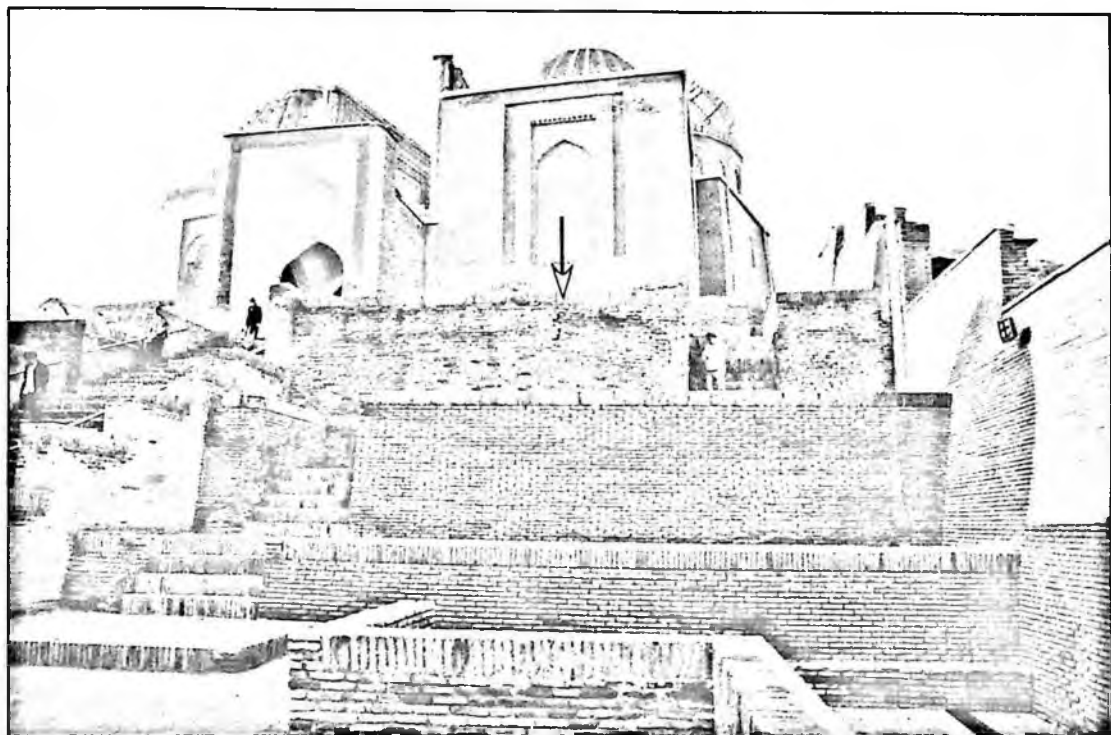
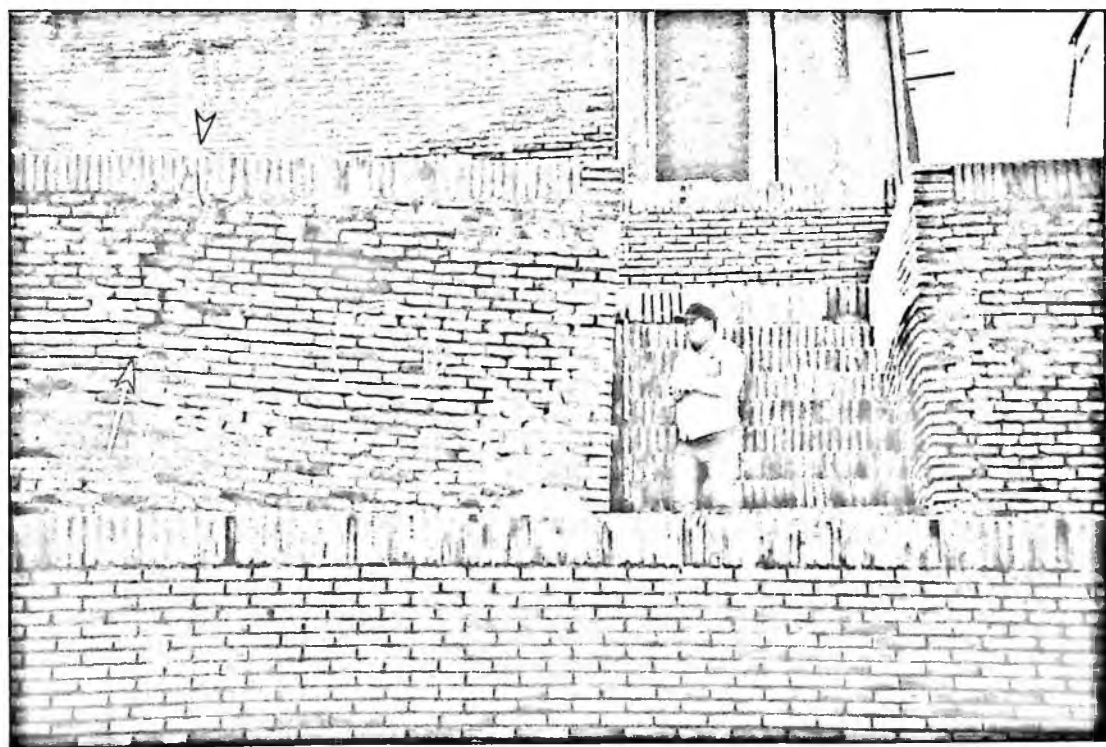

Рис. 4. Наклон на север субширотной стены в Медресе Давлета Кушбеги (№ 23 на рис. 2). Серая стрелка показывает движение грунта, приведшее к наклону строительной конструкции.

К востоку от протяженной лестницы (№ 49 на рис. 2) [Немцева, 2019] расположен террасовый комплекс. В одной из широтных стен с простиранием 85° имеется разрыв, по которому произошло опускание восточной части лестницы. В настоящее время этот фрагмент стены имеет угол наклона 82° на восток. Произошел как бы поворот этого фрагмента стены по часовой стрелке вокруг горизонтальной оси. Важно отметить, что разрывная плоскость раскрывается кверху, то есть просадку – как причину деформации можно исключить.

а)

б)

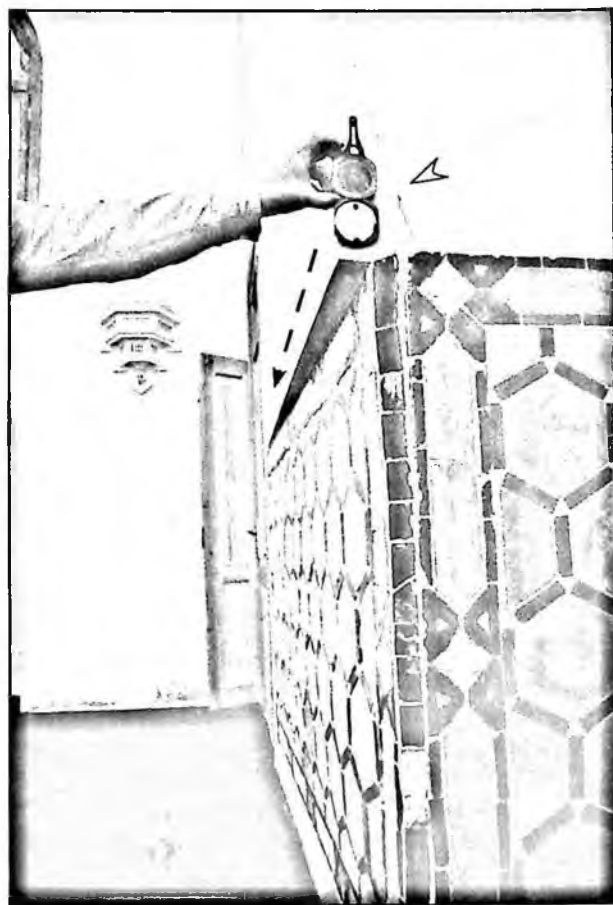
Рис. 5. Террасовый комплекс к востоку от лестницы № 49 на рис. 2. В одной из широтных стен произошел разрыв (показан стрелками), по которому произошел наклон разворот восточной части стены по часовой стрелки вокруг горизонтальной оси. а) Общий вид (на север). б) Крупное изображение – деталь деформации.

Сильнейшая деформация, которая может быть вызвана резкими сейсмическими подвижками грунта, была зафиксирована нами в Мавзолее «Матери Султана» (№ 17 на рис. 2), построенном в первой трети XV в. [Немцева, 2019]. Сразу бросаются в глаза многочисленные трещины, начинающиеся от углов порталов и идущие вверх. Эти трещины идут через потолок, через всё здание. Таким образом, вся восточная часть здания наклонилась на восток.

Нами был выявлен также поворот всей верхней части здания по часовой стрелке вокруг вертикальной оси (рис. 6). Подобные повороты возникают в том случае, если распространение сильных сейсмических колебаний направлено под углом к стенам обоих направлений [Korzhenkov and Mazor, 1999]. Особенно хорошо виден разворот в южной части мавзолея. Это вращение привело к образованию нависающих частей сооружения (рис. 6 а, б) и полочек (рис. 6 в). Величина горизонтального перемещения верхней части мавзолея относительно нижней части достигает 10 см. Величина смещения уменьшается в западном направлении. Угол поворота достигает 10° . Так в одной из внутренних стен сооружения азимут простираения нижней части субширотной стены составляет 155° (рис. 6 а), в то время как азимут простираения верхней части – 165° . Смещение верха мавзолея относительно нижней части иногда приводило к растрескиванию угловой части смещавшейся стены (рис. 6 б).

а)

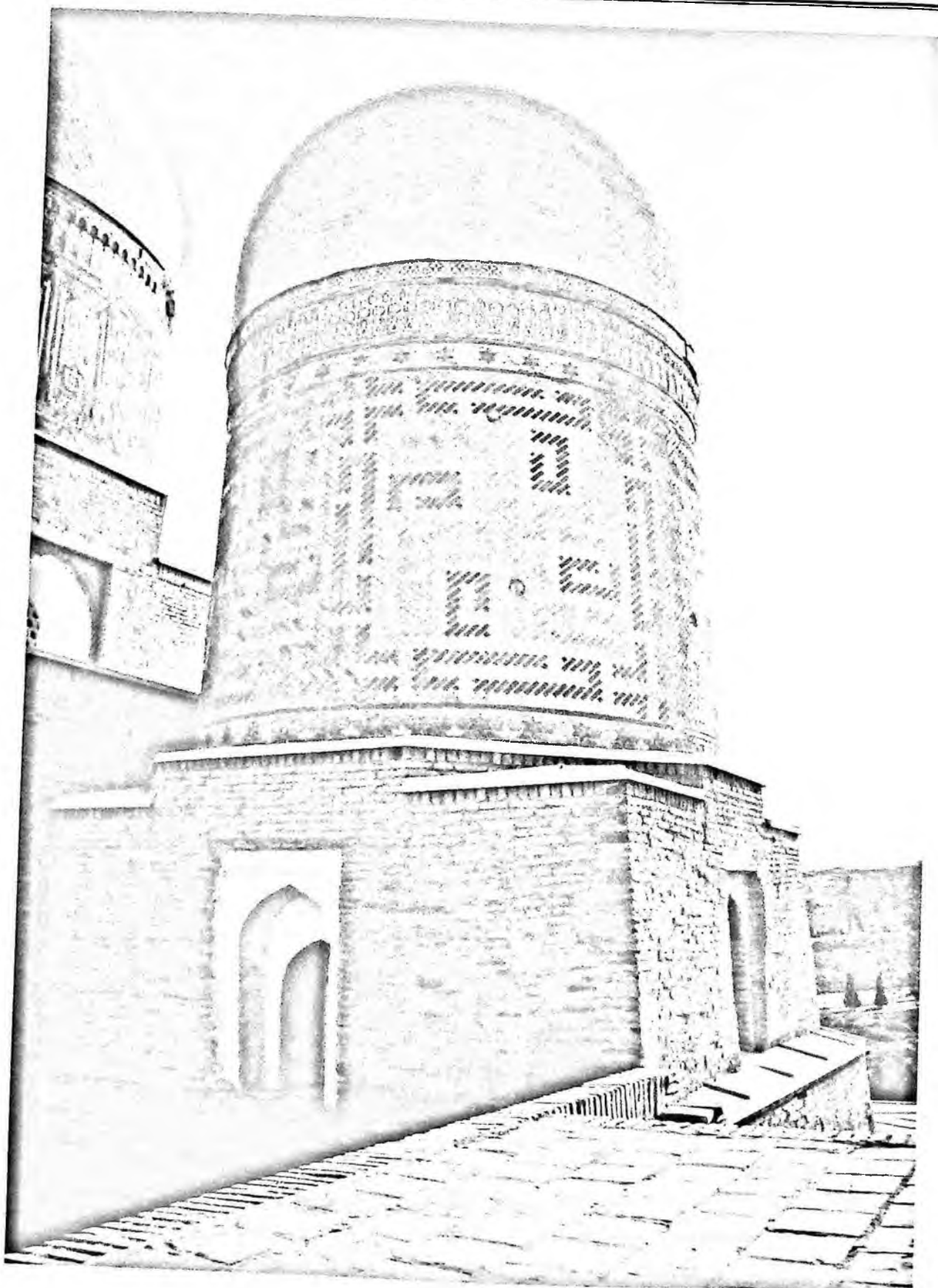
б)

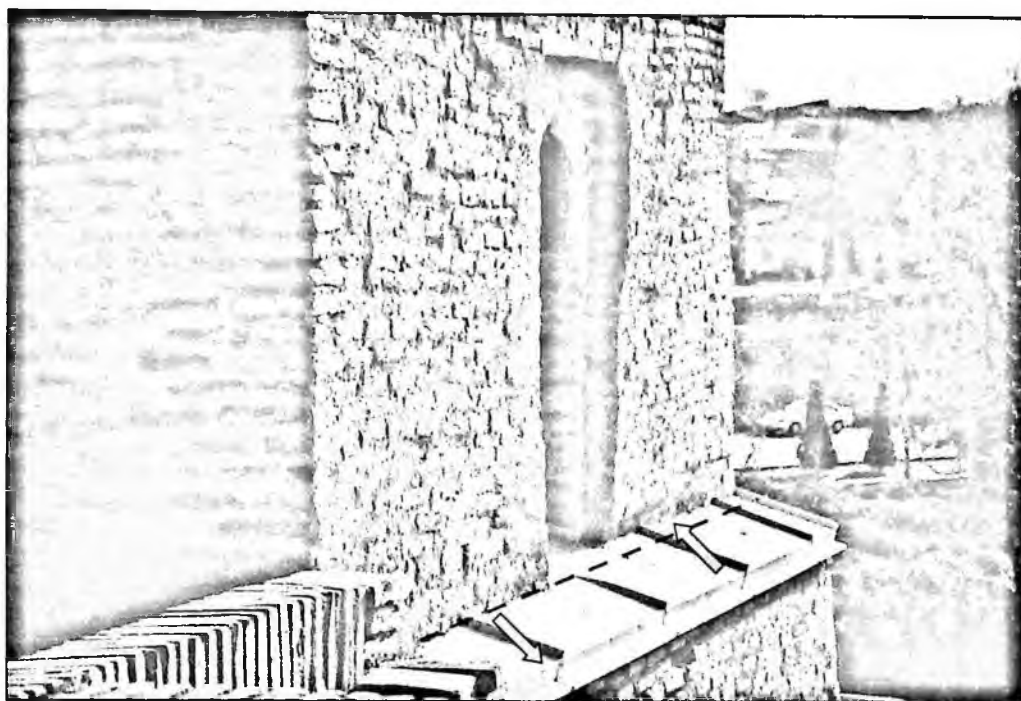
в)

Рис. 6. Разворот по часовой стрелке вокруг вертикальной оси всей верхней части Мавзолея «Матери Султана» (№ 17 на рис. 2). а) и б) Нависание верхних частей внутренних субширотных стен, уменьшающееся в западном направлении (показанное прерывистыми стрелками). Белая стрелка указывает на угловую трещину, образовавшуюся в связи с движением верхней части здания. в) Полочка, уменьшающаяся в западном направлении (показано прерывистой стрелкой) во внешней субширотной стене мавзолея.

Интересная деформация имеется в северной – арочной стене купольного сооружения к северу от Мавзолея «Матери Султана». Здесь имеется значительное латеральное несовпадение частей стены (рис. 7). Западная часть стены отступает к югу, а восточная часть – к северу. Разница между частями стен достигает 15 см. Трудно себе представить, что арочная стена изначально была так неровно построена. Скорее всего, причиной расхождения частей северной стены относительно арочного пространства вызвано значительным, но кратковременным горизонтальным динамическим воздействием, направленным под углом к описанной стене.

a)

б)

в)

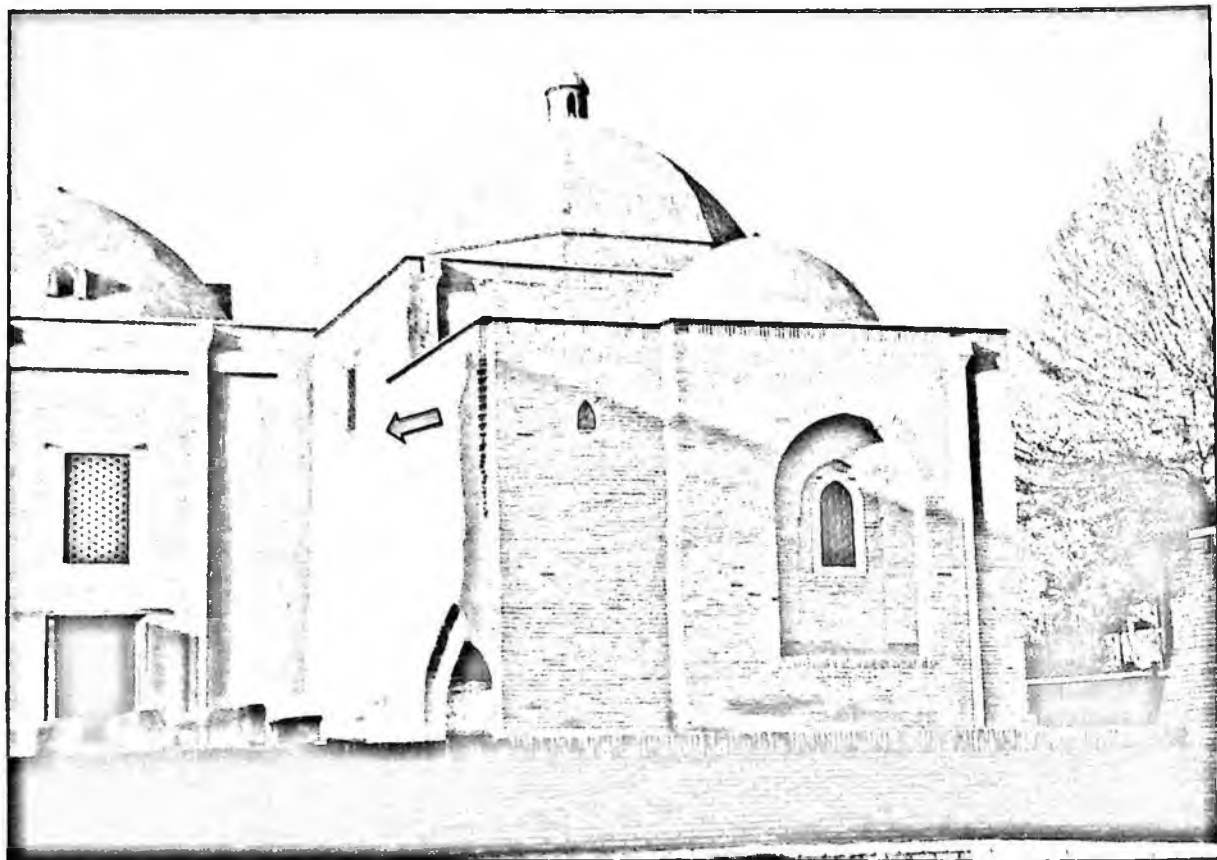
Рис. 7. Купольное сооружение к северу от Мавзолея «Матери Султана». Северная стена деформирована: западная и восточная части стены сдвинуты друг относительно друга. Невозможно, чтобы так плохо изначально была построена арочная стена.

а) Общий вид (на ЮЗ)

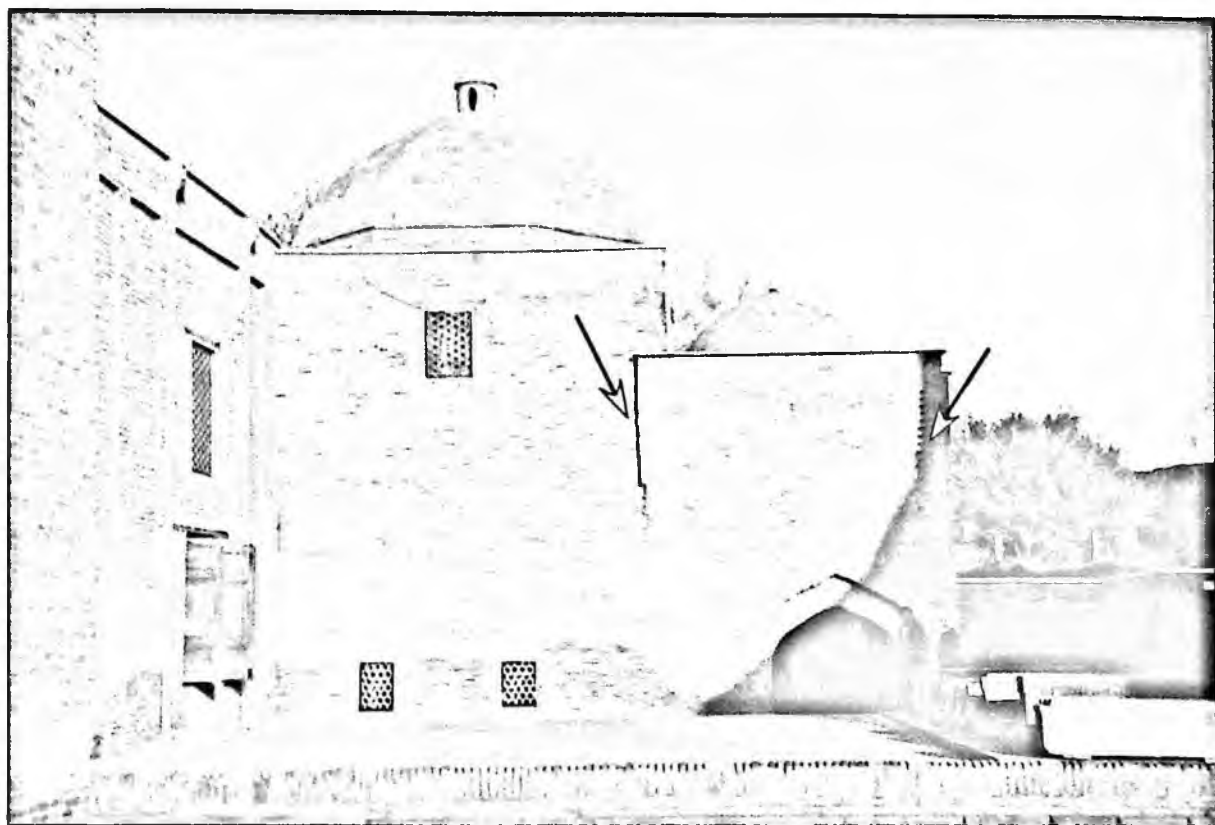
б) детальное изображение северной стены. Стрелки показывают смещение разных частей стен друг относительно друга.

в) Мавзолей «Матери Султана». Фото середины XX в. из книги Н.Б. Немцевой [2019]

Классический тип сейсмических деформаций был отмечен нами в одной из стен Гурханы мавзолея Кусами ибн Аббаса, построенного в XI веке (№ 1-А на рис. 2) [Немцева, 2019]. Здесь верхняя часть западной стены по двум разрывам отсоединилась от смежных стен и наклонилась в западном направлении (рис. 8). Азимут простирания этой стены 10° , угол наклона ее верхней части 5° . Горизонтальное несовпадение верхней и нижней частей стен составляет 30 см. Подобные деформации обычно возникают при сильном динамическом воздействии грунта, в нашем случае направленное с запада на восток. Затухание величины наклона вниз и его отсутствие в нижней части конструкции исключает просадочный генезис деформации.

a)

б)

Рис. 8. Наклон верхней части западной стены Гурханы мавзолея Кусамы ибн Аббаса (№ 1-А на рис. 2).

а) Вид на север. Серая стрелка показывает направление наклона.

б) Вид на восток. Стрелки показывают разрыв, по которым произошел отрыв части западной стены и ее последующий наклон на запад.

Аналогичный азимут простирания - 10° имеет верхняя же часть восточной стены Мавзолея эмира Бурундука, построенного в 90-х годах XIV века (№ 13 на рис. 2) [Немцева, 2019]. Угол наклона здесь также составляет первые градусы, а величина нависания недеформированной части стены достигает 20 см (рис. 9). Аналогичный стиль деформации в двух рядом расположенных зданиях означает лишь один генезис деформации в обоих - сейсмический. Приход максимальных сейсмических колебаний - с запада.

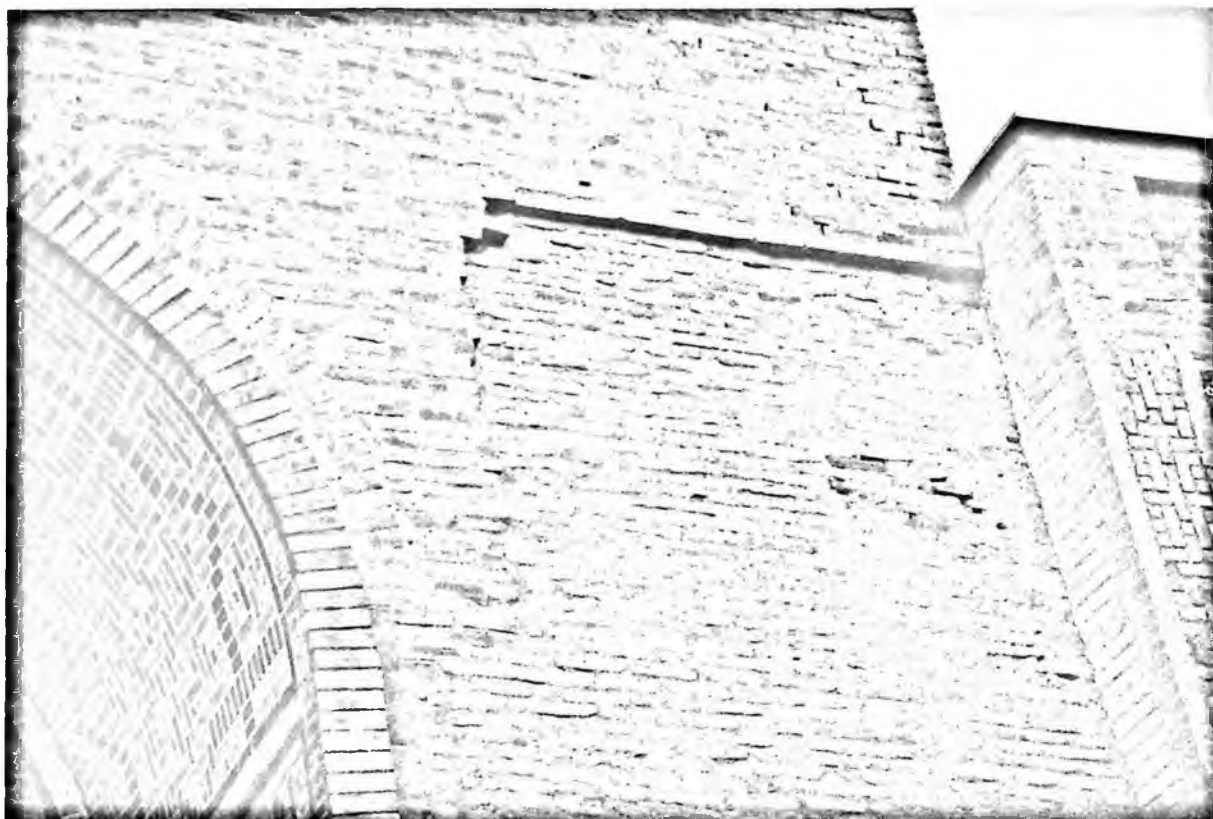
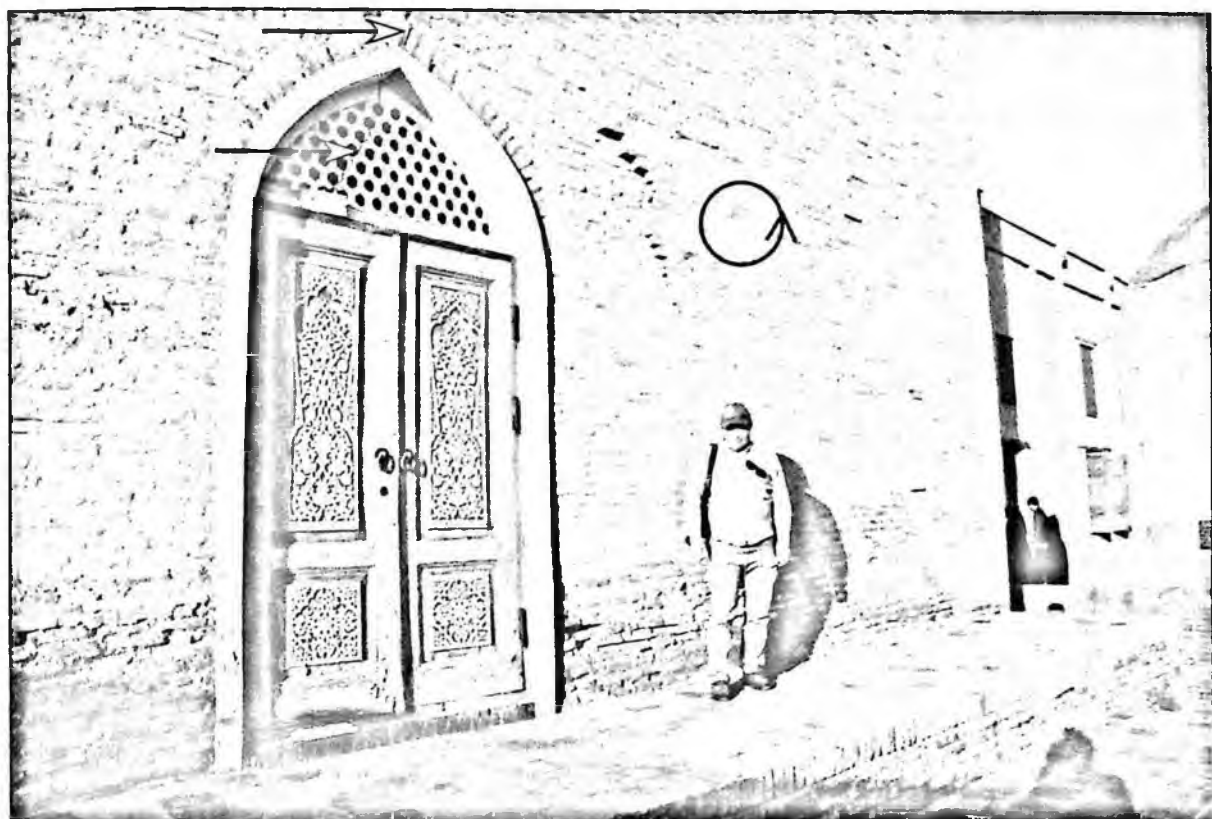

Рис. 9. Наклон вовнутрь восточной стены Мавзолея эмира Бурундука (№ 13 на рис. 2). а) Общий вид восточной стены здания с востока.
б) Деталь восточной стены с деформацией наклона. Вид на запад.

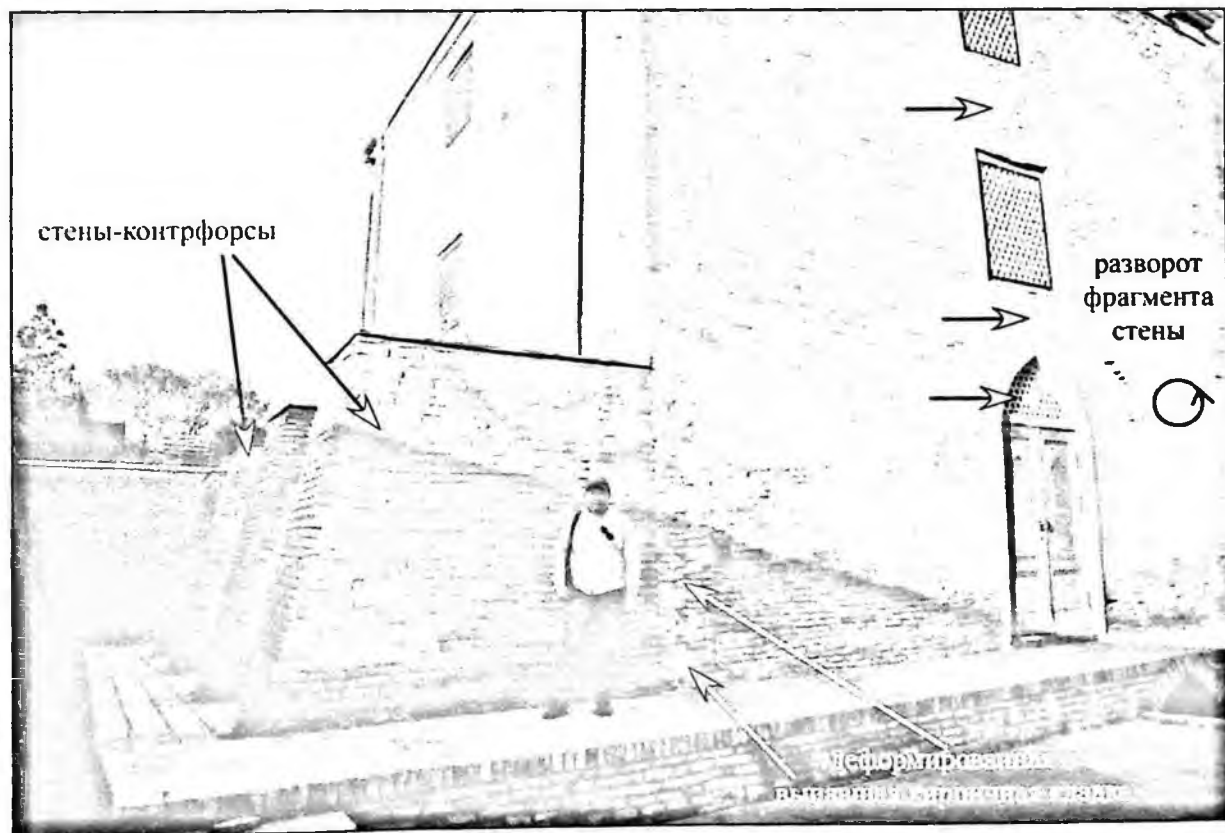
Южная стена Мавзолея эмира Бурундука также имеет несколько деформаций. Прежде всего бросается в глаза разворот против часовой стрелки значительного пакета кирпичей в центральной части стены (рис. 10). Азимут простираения недеформированной стены составляет 106° , в то время как азимут простираения повернутого пакета 101° .

Имеются межблоковые (межкирпичные) трещины, начинающиеся от портала и идущие вверх - к окнам (рис. 10). Между средним и верхним окном трещины раскрываются в пучок, образуя так называемую цветочную структуру. Данная структура подразумевает горизонтальные подвижки по системе трещин.

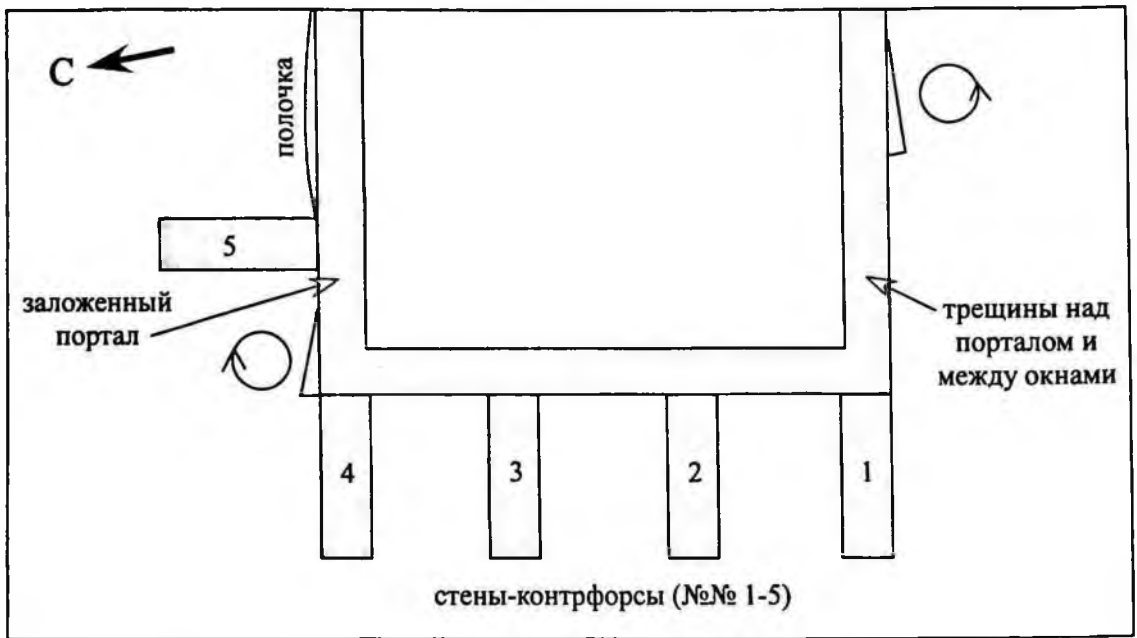
В ЮЗ углу мавзолея имеется зона разрушения. Здесь старые кирпичи выпали и выпавший угол был впоследствии отремонтирован (рис. 10 б). По всей видимости были какие-то деформации и в западной стене мавзолея, из-за которых пришлось возвести систему стен-контрфорсов (рис. 10 б, в) для предотвращения дальнейшего повреждения и последующего обрушения стены.

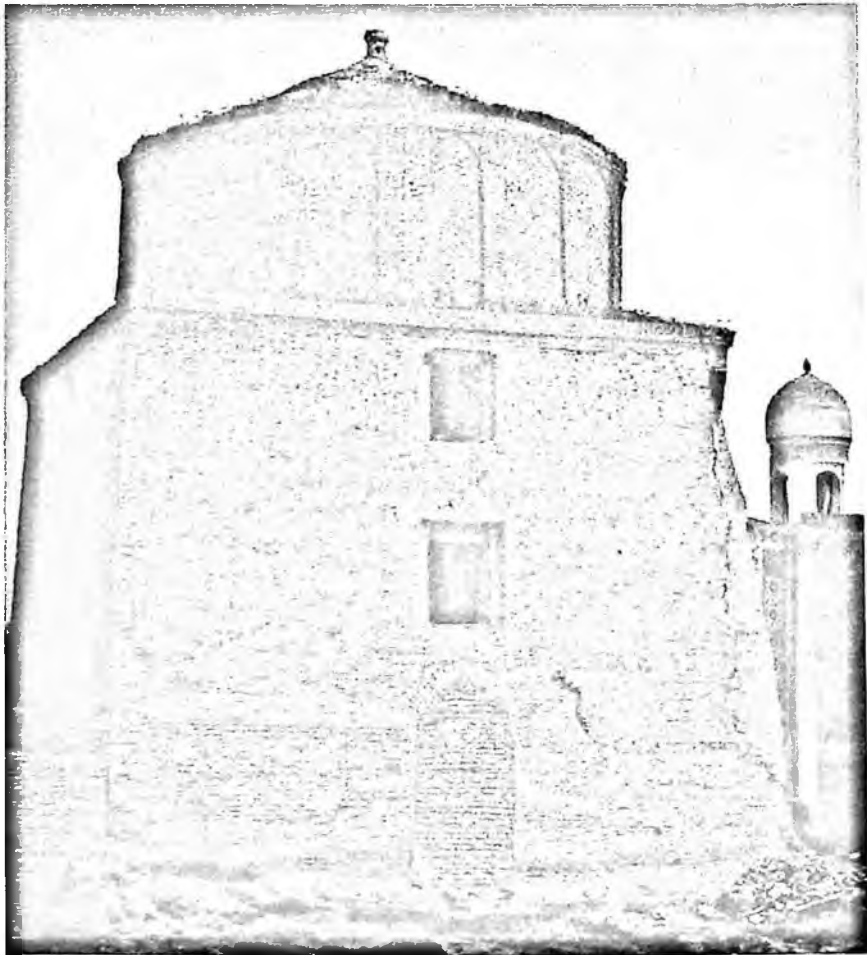
а)

б)

в)

г)

Рис. 10. Деформации в южной, западной и северной стене мавзолея эмира Бурундука. а) Разворот пакета кирпичей в центральной части стены против часовой стрелки.

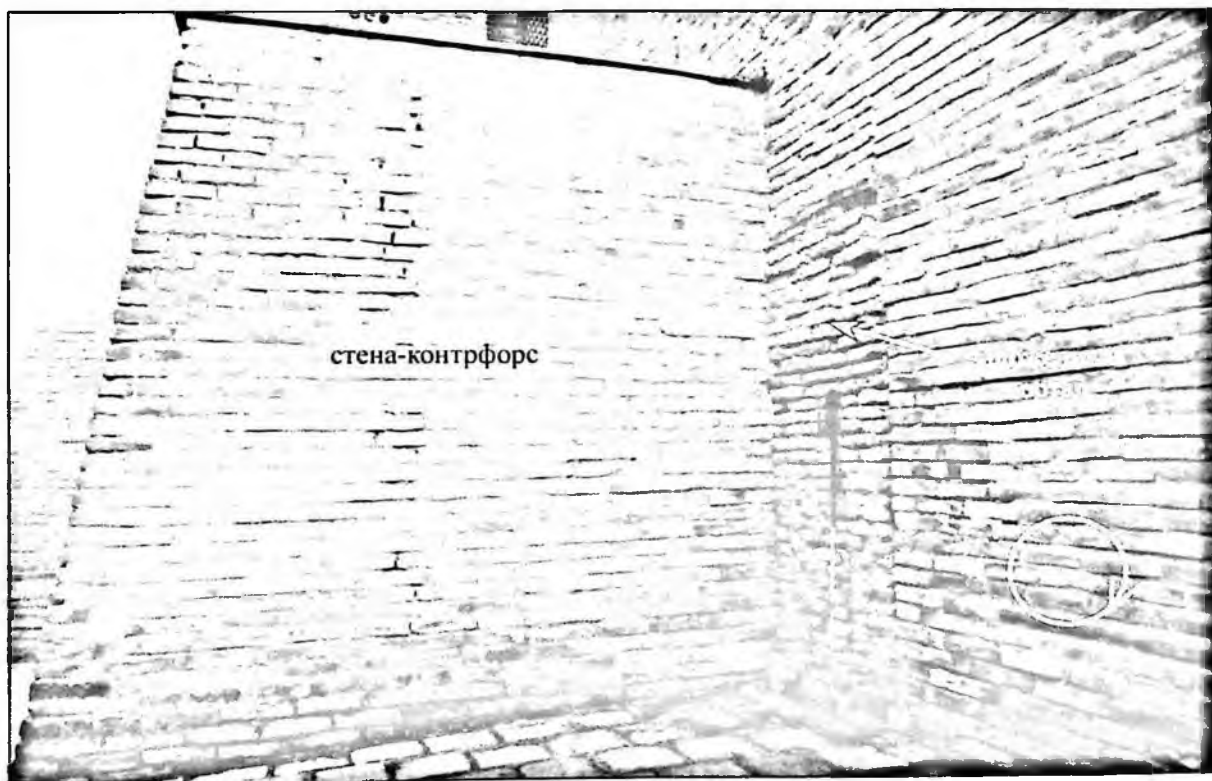
Горизонтальные стрелки показывают трещину над порталом. Вид на СВ.

б) Справа-налево: разворот пакета кирпичей вокруг вертикальной оси, ансамбль трещин над порталом и между окнами (показан горизонтальными стрелками), разрушенный угол здания и стены-контрфорсы. Вид на ССВ.

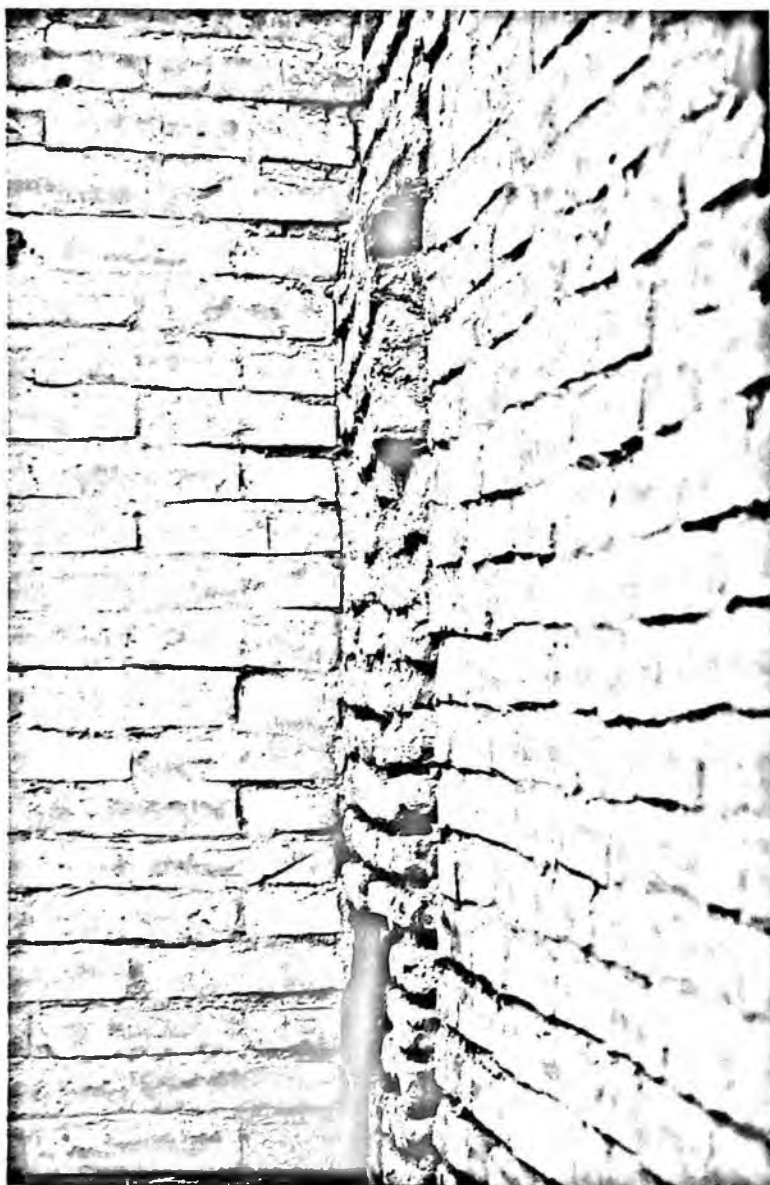
в) Схематическая немасштабная зарисовка, план.

г) Мавзолей эмира Бурундука, вид с юго-запада. Фото 1998 г. из книги Н.Б. Немцевой [2019].

В северной стене мавзолея эмира Бурундука также имеются деформации. Стена подперта контрфорсом (рис. 10 в, 11 а). Что-то случилось с имевшимся там ранее порталом и его заложили кирпичом (рис. 11). Однако отсутствие связей между основной стеной и более поздней кладкой, заблокировавшей портал, привело при сейсмических колебаниях к выдвигению более поздней кирпичной кладки наружу (на север, это видно на рис. 11 б). Вся западная часть северной стены мавзолея к западу от стены-контрфорса повернулась по часовой стрелке на 5° (рис. 10 в, 11 а). Общий азимут простираения стены 100° , азимут простираения повернутой части 105° . К востоку от контрфорса северная стена мавзолея в нижней части имеет небольшую полочку, уменьшающуюся в западном и восточном направлении (рис. 10 в). Эта полочка является свидетельством выпячивания старой стены на север. По всей видимости стена была разрушена и переложена. От старой стены остались лишь нижние ряды кирпичей.

а)

б)

Рис. 11. Деформации в северной стене Мавзолея эмира Бурундука. а) Общий вид на ВЮВ.

б) Деталь. Крупно показано выдвигание вторичной каменной кладки, блокирующей портал.

Стены-контрфорсы потребовались для поддержки западной стены Мечети Туман-ака, построенной в 1405/06 г. (№ 16 на рис. 2) [Немцева, 2019]. На рисунке 12 видна разница простираций частей западной стены к северу (азимут простираания 80) и югу от водосточной трубы (азимут простираания 15°). То есть, южный фрагмент стены повернулся по часовой стрелке вокруг вертикальной оси на угол в 7°. Интересно отметить наличие деревянного бруса, горизонтально уложенного между рядами кирпичной кладки. Местонахождение в таком месте деревянной

балки можно объяснить лишь знанием древних строителей о существующей сейсмической опасности и желании уменьшить воздействие вертикальных сейсмических колебаний с помощью деревянного демпфера.

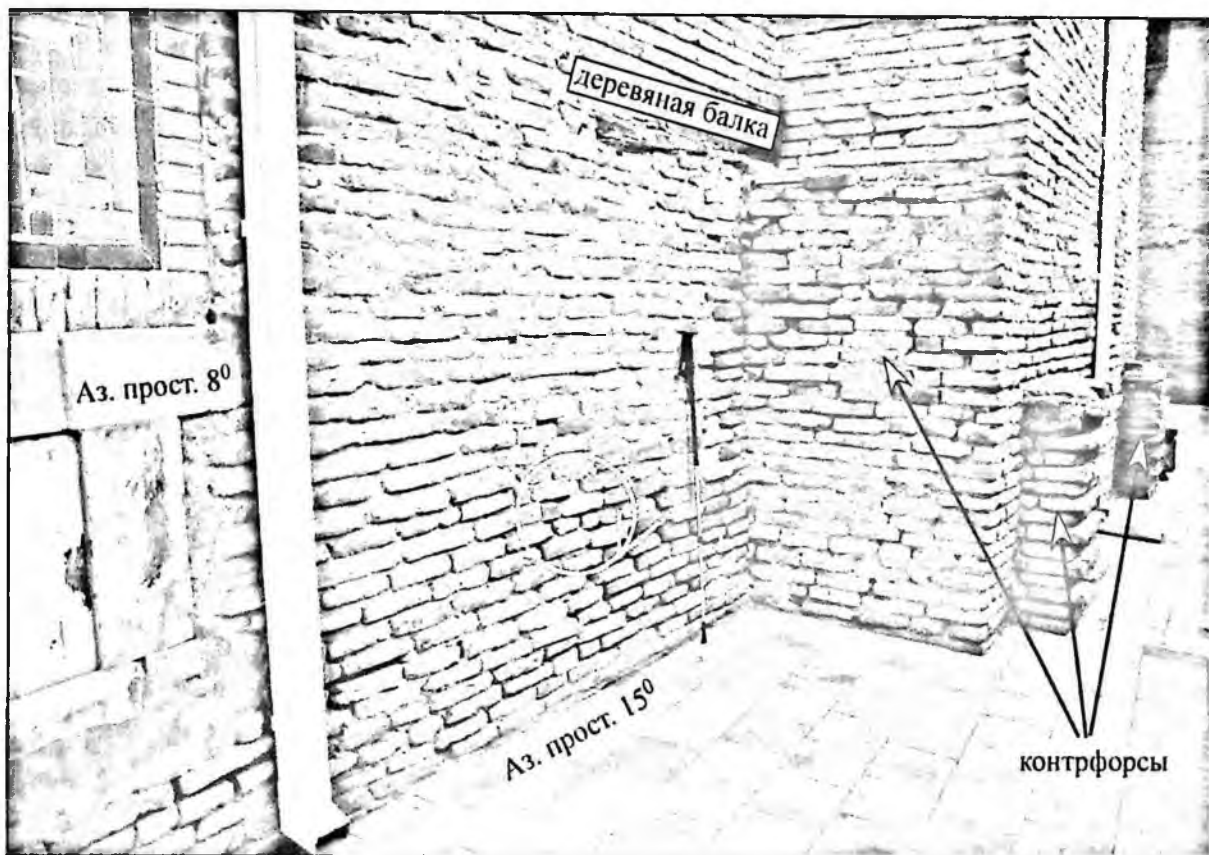

Рис. 12. Западная стена Мечети Туман-ака имеет поворот по часовой стрелке своей южной части, а также систему контрфорсов для предотвращения ее дальнейшего повреждения и разрушения.

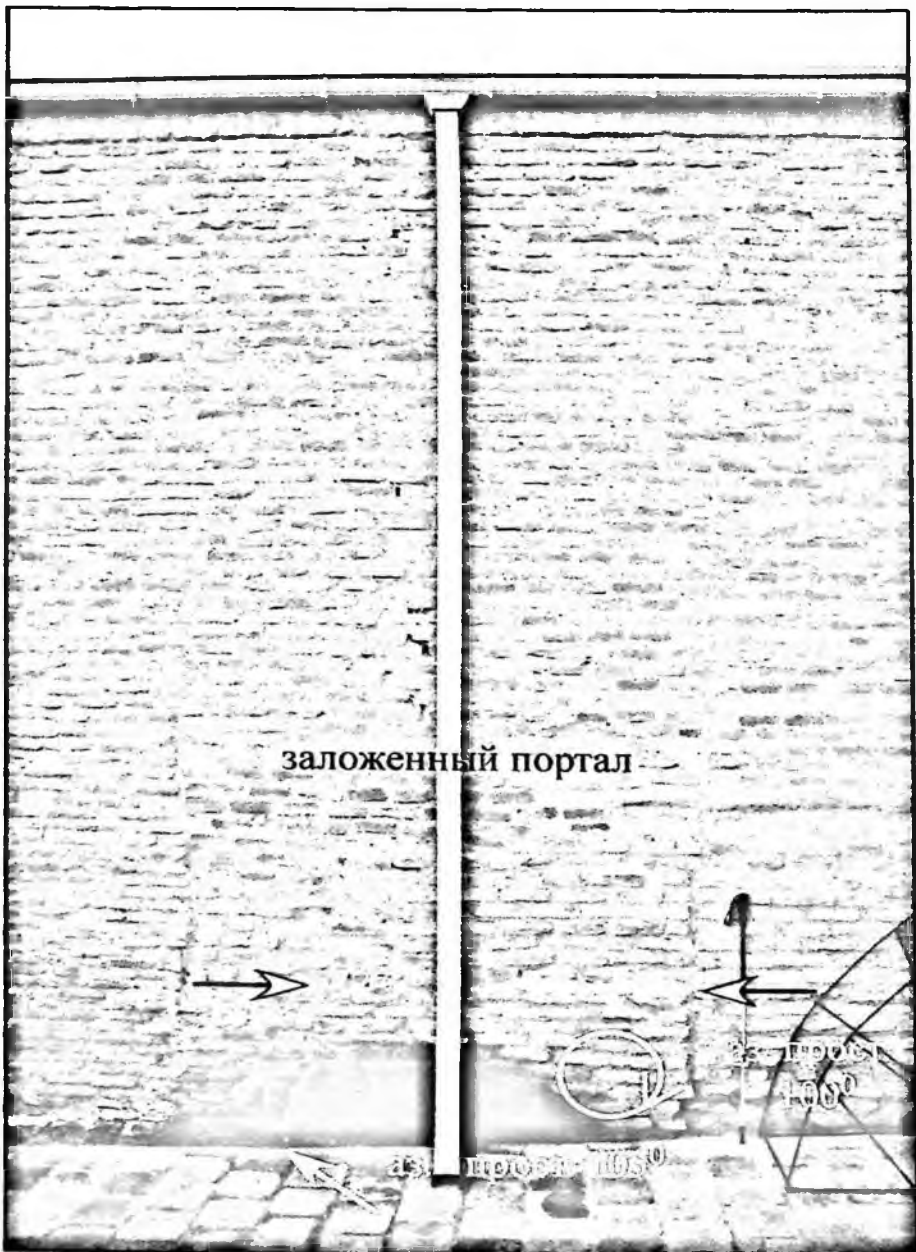
Имеются повреждения в северной стене Северо-восточного обводного коридора в комплексе Кусамы ибн Аббаса (№ 22 на рис. 2) [Немцева, 2019]. Время его строительства и перестройки растянулось с XI по XIX вв. Прежде всего бросаются в глаза бывшие порталы, заложенные кирпичной кладкой (рис. 13 а, в). Закладывание двух порталов на одной стене может быть свидетельством их одномоментного повреждения. Важно отметить, что пакеты кирпичей, составляющие блокировку порталов, также сильно деформированы.

Так, например, в западной части стены (рис. 13 а) нижняя часть пакета кирпичей разбита субвертикальной трещиной, которая является осью поворота по часовой стрелке части заклада портала. При общем простирании северной стены коридора в 100° повернутый пакет кирпичей имеет простирание 105° , т.е., имел место разворот на 5° .

Выше повернутого фрагмента кирпичей образовалась полочка шириной в несколько сантиметров, уменьшающаяся к востоку.

В центральной части северной стены Обводного коридора имеется ее значительное (до 12 см) выпирание на север в нижней части (рис. 13 б). В связи с этим в стене образовался вертикальный уступ / угол, уменьшающийся навверх. Не лишним будет упомянуть и горизонтальный вертикальный брус в кирпичной кладке, центральная часть которого в настоящее время уничтожена современным окном.

Выпираание наружу кирпичной кладки, блокирующей портал, наблюдается в восточной части северной стены Обводного коридора (рис. 13 в). Западнее деформированного участка имеется небольшой контрфорс, что подтверждает неблагоприятное состояние не только заложенных порталов, но и всей стены.

а)

б)

в)

Рис. 13. Деформации в северной стене Северо-восточного обводного коридора в комплексе Усамы ибн Аббаса (№ 22 на рис. 2).

а) Западная часть стены. Разворот пакета кирпичей, блокирующего бывший портал, по часовой стрелке. Горизонтальные стрелки показывают полочку, образовавшуюся в

результате поворота. Наклонная стрелка указывает субвертикальную трещину в кирпичной кладки - ось упомянутого поворота. Вид на юг.

б) Центральная часть стены. Выпираание нижней части стены наружу - не север. Вид на юг. в) Восточная часть стены. Выпираание нижней части пакета кирпичей, выполняющих бывший портал. Контрфорс, удерживающий саму стену обводного коридора от выпучивания или наклона на север. Вид на ЮВ.

Обсуждение полученных данных

Собранные нами данные указывают на три источника колебаний грунта, приведшие к образованию деформаций в строительных конструкциях мавзольного комплекса Шахи-Зинда. Это наклоны субмеридиональных стен и строений целиком на запад. Этот тип деформаций наблюдался в верхней части западной стены Гурханы мавзолея Кусамы ибн Аббаса (рис. 8), построенном в XI веке. Аналогичный наклон (внутри постройки!) имеет восточная стена Мавзолея эмира Бурундука (рис. 9). Мавзолей построен в 90-х годах XIV века. Западная стена Мавзолея эмира Бурундука, по всей видимости, также имеет наклон на запад. Свидетельством этого обстоятельства являются многочисленные контрфорсы, пристроенные с западной стороны и удерживающие стену от обрушения (рис. 10). Стены-контрфорсы (рис. 12) понадобились для поддержки с запада для западной стены Мечети Туман-ака, построенной в 1405/06 г. Все эти данные однозначно указывают, что сейсмические колебания, приведшие к описанным деформациям, приходили с запада. Правда, разворот пакета кирпичей против часовой стрелки на южной стене Мавзолея эмира Бурундука (рис. 10) говорит нам о том, что сильные сейсмические колебания приходили не перпендикулярно меридиональным стенам, а под небольшим углом, скорее всего, с ЗЮЗ. Все эти здания были построены до землетрясения 1490 г. и, по всей видимости, были повреждены именно во время этого сейсмического события. Его эпицентральная зона располагалась не к ЮВ от Самарканда, как это следует из Нового каталога ... [1977] (рис. 1), а к ЗЮЗ от великого города, в месте западного латерального вспарывания периклинали Зеравшанского хребта. В мавзольном комплексе Шахи-Зинда имеются также наклоны древних стен на север. Так, широтная стена в Медресе Давлета Кушбеги, построенная в начале XIX века, имеет наклон к северу в своей верхней части (рис. 4). Хотя мавзолей эмира Бурундука был построен в 90-х годах XIV века, его портал в северной стене был позднее заложен пакетом кирпичей (рис. 11). Этот кирпичный заклад выдвинулся к северу при очередном сейсмическом событии. Аналогичные систематические деформации (выдвижения к северу) 3-х заложенных кирпичом порталов имеются в северной стене Северо-восточного обводного коридора в комплексе Кусамы ибн Аббаса (рис. 13). Время его строительства и перестройки растянулось с XI по XIX вв. Эти материалы свидетельствуют о распространении сильных сейсмических колебаний, приходивших с севера в XIX или XX веках нашей эры. Кандидатами - провокаторами этих деформаций могут быть землетрясения 1817-1818 г., 1821-1821 г. или дуплетное землетрясение 1907 г. Однако эпицентральные зоны этих землетрясений

располагались к ЮВ, ЗЮЗ и к югу от Самарканда, соответственно. Источником выявленных нами деформаций могли быть активные разломы, приводящие к росту адырных складок к северу от бывшей столицы Мира, таких как Актау и Нуратау.

Наклоны стен и частей зданий к востоку также наблюдались в мавзолеем комплексе Шахи-Зинда. Примером может служить нижняя часть западной стены Летней мечети, выгнувшейся к востоку (рис. 3). Мы указывали выше, что возраст этой части строительной конструкции должен быть древнее XIX в. [Немцева, 2019]. То есть, землетрясение 1799 г. может быть источником деформаций. Его эпицентральная зона находится к ЮВ от Самарканда (рис. 1). Комплекс деформаций Мавзолея «Матери Султана» построен в первой трети XV в. [Немцева, 2019]. Мы уже указывали выше, что его восточная часть наклонилась на восток, а поворот всей верхней части по часовой стрелке (рис. 4) указывает, что сейсмические колебания приходили под углом к сооружению – ВЮВ. Что соответствует активным разломам адырной зоны Зеравшанского хребта. Террасовый комплекс к востоку от Мавзолея «Матери Султана», по всей видимости, имеет тот же возраст, что и Мавзолей. Часть террасовой конструкции также оторвалась и наклонилась к востоку (рис. 5).

Судя по сильным деформациям важнейших – сакральных объектов средневекового Самарканда, построенных в очень высоком качестве лучшими архитекторами и строителями Мира, степень описанных разрушений может быть оценена в II = VIII–IX баллов по макросейсмической шкале.

Заключение. Собранные нами данные указывают на сейсмический характер выявленных нами деформаций в средневековом мавзолеем комплексе Шахи-Зинда города Самарканда. Это наклоны, выдвигения и развороты вокруг вертикальной оси частей строительных конструкций. Ранжирование деформаций в зданиях различного возраста указывают на три одновременных источника колебаний грунта, приведшие к образованию серьезных повреждений в строительных конструкциях мавзолеем комплекса.

Это наклоны субмеридиональных стен на запад. Все деформированные здания были построены в XI–XV вв. Эти данные указывают, что сейсмические колебания, приведшие к описанным в статье деформациям, приходили с ЗЮЗ. Все эти здания были построены до землетрясения 1490 г. и, по всей видимости, были повреждены именно во время этого сейсмического события. Его эпицентральная зона располагалась к ЗЮЗ от великого города, в месте западного латерального вспарывания периклинали Зеравшанского хребта. В мавзолеем комплексе Шахи-Зинда имеются также наклоны древних стен на север. Время строительства и перестроек деформированных строений растянулось с XI по XIX вв. Собранные материалы свидетельствуют о распространении сильных сейсмических колебаний, приходивших с севера в XIX или XX веках нашей эры. Кандидатами – провокаторами этих деформаций видимо были землетрясения 1817–1818 г., 1821–1822 г. или дуплетное землетрясение 1907 г. Источником выявленных нами деформаций могли быть активные разломы, приводящие к росту адырных складок к северу от бывшей столицы Мира, таких как Актау и Нуратау.

Наклоны стен и частей зданий к востоку также наблюдались в мавзолеем комплексе Шахи-Зинда. Землетрясение 1799 г. может быть источником

этих деформаций. Его эпицентральная зона находится к ВЮВ от Самарканда, что соответствует активным разломам адырной зоны Зеравшанского хребта.

Судя по сильным деформациям важнейших – сакральных объектов средневекового Самарканда, построенных в очень высоком качестве лучшими архитекторами и строителями Мира, степень описанных разрушений может быть оценена в II = VIII–IX баллов по макросейсмической шкале.

Использованная литература:

1. *Анарбаев А.* Благоустройство средневекового города Средней Азии (V- нач. XIII в.). Ташкент. 1981. 120 с.
2. *Бетгер Е.К.* Извлечение из книги «Пути и странь» Абу-л-кассима ибн Хаукаля // Труды Среднеазиатского государственного университета. Археология Средней Азии. Вып. IV. Ташкент, 1957. С. 13–40.
3. *Большаков О.Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. // Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С. 132–352.
4. *Большаков О.Г.* Два вакфа Ибрахима Тамгачхана В Самарканде // Страны и народы Востока. Вып. X. Москва, 1971. С. 170–178.
5. *Немцева Н. Б.* Ансамбль Шахи-Зинде: история-археология-архитектура. Ташкент, 2015.
6. *Немцева Н.Б.* Ансамбль Шахи-Зинда: история – археология – архитектура. – Самарканд, 2019. – 310 с., ил.
7. *Новый каталог* сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времен до 1975 г. Отв. ред. Н.В. Кондорская и Н.В. Шебалин. М., «Наука», 1977, 536 с.
8. *Юнусов М.* Исторические архитектурные объекты Самарканда пострадали от землетрясения 1907 года. 3.
9. *Korzhenkov A.M., Mazor E.,* Structural reconstruction of seismic events: ruins of ancient buildings as fossil seismographs // Sci. New Technol., 1999, no. 1, pp. 62–74.

Сведения об авторах:

Корженков Андрей Михайлович, доктор геолого-минералогических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт Физика Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, Россия, 123242, г. Москва, ул. Большая Грузинская, д. 10, стр. 1. E-mail: korzhenkov@ifz.ru

Анарбаев Абдулхамиджон, доктор исторических наук, профессор, заведующий отдела, Национальный центр археологии АН РУз, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81. E-mail: anarbaev-ahsi@mail.ru

SHOHI-ZINDA ANSAMBLIDAGI SEYSMIK DEFORMATSIYALAR

Shohi-Zinda ansambli o'rta asr Samarqand me'morchiligining durdonasidir. Bu yerda olib borilgan arxeoseysmologik tadqiqotlar tufayli qadimda bo'lib o'tgan zilzilalarning maqbaralarga u yoki bu ko'rinishdagi ta'siri aniqlangan. Zilzila oqibatlari asosan XI–XV asrlarda qurilgan maqbaralarda

yaqqol ko‘rinib turibdi. Aniqlanishicha, dastlabki zilzilaning markazi Zarafshon tog‘ tizmalarida bo‘lib, Samarqandga G‘JG‘ tomondan kelgan. Tekshirilgan maqbaralar tarixiy manbalarda tilga olingan 1490-yilda yuz bergan kuchli yer qimirlashidan avval qurilgan. Demak, maqbaralardagi ba‘zi bir yoriqlar va qisman buzilishlar yuqorida tilga olingan zilzila oqibatida paydo bo‘lganligiga shubha yo‘q. Shu bilan birga, yodgorliklarning holatiga 1799-yil va XIX asming boshlarida yuz bergan zilzilalar ham ta’sir qilgan. Lekin shunga qaramay, o‘z zamonasining yirik arxitektorlari va qo‘li gul ustalari tomonidan qurilgan maqbaralar hozirgi kungacha o‘z salobatini to‘kib turibdi.

Tayanch so‘zlar: seysmik deformatsiyalar, Shohi-Zinda, Qusam ibn Abbos, Samarqand, O‘zbekiston, muhtasib, suv ta’minoti tizimi, tashnov, kuchli zilzilalar, yer tebranishlari, kinematik ko‘rsatkichlar, o‘rta asrlar.

SEISMIC DEFORMATIONS IN THE MEDIEVAL ENSEMBLE OF THE SHAKHI-ZINDA MAUSOLEUM, SAMARKAND

The world-famous Shahi-Zinda architectural complex is a masterpiece of medieval architecture of Samarkand. The data collected by us indicate the seismic nature of the deformations identified by us in the medieval mausoleum complex of Shahi-Zinda. These are tilts, extensions and reversals around the vertical axis of parts of building structures. The ranking of deformations in buildings of different ages indicate three different sources of ground vibrations, which led to the formation of serious damage in the building structures of the mausoleum complex. These are the slopes of the submeridional walls to the west. All deformed buildings were built in the XI–XV centuries. These data indicate that the seismic vibrations that led to the deformations described in the article came from the South. All these buildings were built before the earthquake of 1490 and, apparently, were damaged during this seismic event. Its epicentral zone was located to the south of the great city, at the place of the western lateral opening of the pericline of the Zeravshan ridge. The Shahi-Zinda mausoleum complex also has slopes of the ancient walls to the north. The time of construction and reconstruction of deformed buildings stretched from the XI to the XIX centuries. The collected materials indicate the spread of strong seismic vibrations coming from the north in the XIX and early XX centuries. The candidates provoking these deformations may be the earthquakes of 1817–1818, 1821–1822 or the doublet earthquake of 1907. The source of the deformations identified by us could be active faults leading to the growth of adyr folds to the north of the former capital of the World, such as Aktau and Nuratau. The slopes of walls and parts of buildings to the east were also observed in the Shahi-Zinda mausoleum complex. The earthquake of 1799 may be the source of these deformations. Its epicentral zone is located to the east of Samarkand, which corresponds to the active faults of the Adyr zone of the Zeravshan ridge. Judging by the severe deformations of the most important – sacred objects of medieval Samarkand, built in very high quality by the best architects and builders of the World, the degree of the described destruction can be estimated at I / = VIII–IX points on a macroseismic scale.

Keywords: seismic deformations, Shahi-Zinda, Kusama ibn Abbas Samarkand, Uzbekistan, mukhtasib, water supply, tashnav, strong earthquakes, ground vibrations, kinematic indicators, the Middle Ages.

Рустам Сулейманов

РОЛЬ КОЧЕВНИКОВ В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация: Автор в статье анализирует роль кочевнического мира в истории Центральной Азии. Выделяет, географическую особенность региона, повлиявшую на миграционные процессы. Отмечает, что основная специфика степей заключается в периодической частичной или полной смене населения в связи с изменениями климата и истреблениями войнами, что приводит к изменениям расы, культуры, языка. Указывает, на проблему выяснения происхождения кочевнического уклада жизни в Центральной Азии, кроме того, объясняет роль периодической засухи в рождении государственности кочевников. Туран или Туркестан и Хорасан, как и Ближний Восток имели отличающийся от Казахстана, Восточного Туркестана, Забайкалья и Монголии экологический и культурный ландшафты. Здесь не было бескрайних степей, тянувшихся вдоль средних широт на тысячи километров. Земледельцы мелких оазисов и скотоводов обширных степей и полупустынь или горных хребтов изначально были обречены жить вместе в одной стране и совместно развивать свою культуру и государственные институты. В землях Турана и Хорасана экономический потенциал городов, оседлых земледельцев и кочевых скотоводов был пропорционален и равнозначен. Здесь не было тотального господства кочевнической культуры как на просторах Монголии и Казахстана. Не было и господства обширной и монолитной земледельческой культуры как в Древнем Китае или Египте. Считает, что слабость власти и государственности самих кочевников состояла в их рассеянности и периодической сезонной смене места жительства. Кочевники хорошо знали формы неравенства оседлых государств. Война кочевников изначально формировалась на принципах поведения волчьей стаи-неожиданно атаковать организованную и превосходящую армию противника, нанести удар и разбежаться подальше от войска врага, который пытается преследовать. Затем опять собраться, атаковать и разбежаться.

Ключевые слова: Туран, Хорасан, Казахстан, Монголия, Китай, скифы, андроновцы, неолит, энеолит, бронзовый и раннежелезный века, средневековье, Амир Темур, степь, ранние кочевники, номады.

Тема не новая. В России уже начиная с переводов китайских источников Иакинфа Бичурина и исследований Г.Е. Грумм – Гржимайло в этом направлении сделано очень много. Особо следует отметить труды С.В. Киселева, К.Ф. Смирнова, Л.Н. Гумилева, Э.А. Новгородовой и А.М. Хазанова. Книга последнего “Кочевники и внешний мир” дает глобальный обзор и систематизацию истории кочевых обществ не только Евразии, но и Африки. Но эпицентром сложения и процветания кочевнических народов и их государств были обширные засушливые просторы Центральной Азии. Изображение всадника на коне есть уже в археологической культуре Окса Средней Азии (Цивилизация Окса по Г.П. Франкфурту), это конец

III–II тыс. до н.э. Но цельное общество кочевнического хозяйственно-культурного типа сложилось далеко на Востоке в конце II - начале I тысячелетия до н.э.

Следует остановиться на географических особенностях Центральной Азии, находящейся в центре великого степного пояса Евразии.

В недавно опубликованной монографии С.М. Горшениной “Изобретение контента Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой” автор подробно анализирует всю историографию географической терминологии понятия Центральная и Средняя Азии, Высокая Азия и Туранская низменность А. Гумбольта, Клапрота и Бичурина, триаду Центр – Переходная зона – периферия Рихтгофена Осевую зону и Срединную землю Х. Дж. Маккиндера. Дается критика и анализ географических понятий и И. В. Мушкетова, Р. Фадеева, Н. Данилевского эпохи “Большой игры”. Особо рассмотрены понятия Туран, Туркестан, Тартария, Татария и Трансоксиана (Горшенина С.М. 2019).

Мы в нашей географии событий жизни Амира Темура придерживаемся традиционной географии “Шахнаме” о Туране как бассейне р. Сырдарьи и Иране как бассейне р. Амударьи и используется средневековое географическое понятие Хорасан, как о землях к югу от Амударьи. Каждый из этих терминов имеет свою историю, но граница этих историко-культурных областей уже современных границ русской Средней Азии и европейской Центральной Азии, тянувшейся как минимум от Каспия до Монголии включительно, также нами использованы. С.М. Горшенина отмечает, что географические представления о Центральной Азии у отдельных специалистов включают не только Афганистан и Северную Индию, но и Иран (Горшенина С.М., 2019, С. 100).

Тоже самое можно сказать и о динамике географического понятия “Шелковый путь”, которое геолог Ф. П. В. Рихтгофен ввел в науку, имея в виду торговлю шелком Китая. Со временем это понятие превратилось в “Великий шелковый путь”, объединявший все страны Евразии в широтном направлении от Японии до Европы. В принципе этот путь состоит из основных трасс миграции и торговли Центральной Азии, выходящих на своих хвостовых концах в Китай, Индию, Европу и Ближний Восток до Африки. Большая часть торговых путей идет по степям, которые тянутся от равнин Центральной Европы правобережья Дуная, вдоль средних широт на восток вплоть до бассейнов Хуанхэ и Амура. Эту степь средневековая Русь называет “Дикое поле”, в средневековых источниках Турана ее именуют “Бадбахт дала” – “Голодная степь” или “Бесплодное поле.” Освоение этих гигантских просторов происходило очень медленно. Сначала эти бескрайние равнины начинают осваивать пастушеские племена 4–3 тысячелетий до н.э., которые жили и передвигались на перекрытых кошмой телегах. С конца 2- начала 1 тысячелетия до н.э. их сменяют древние кочевники, освоившие верховую езду. В Средней Азии они по мере прорастания травы двигались от своих южных зимовий близ тугаев Амударьи и Сырдарьи к северу вплоть до Тюмени, и потом по мере похолодания климата возвращались назад, скармливая скоту оставшуюся траву. Это были годовичные меридиональные перекочевки на длительные дистанции в пределах своих традиционных кочевий каждого этно-племенного или государственного образования. Скотоводы горных районов летом поднимались в горы, зимой же спускались в речные долины с разнообразной флорой.

В ином широтном векторе направления происходили длительные в пространстве и времени миграции племен и народов начиная с эпохи энеолита вплоть до реформы П.А. Столыпина, который переселял безземельное крестьянство России в Сибирь и Среднюю Азию. В этом же направлении с запада на восток шли представители ранних цивилизаций эпохи медного и бронзового веков. Позже, в обратном направлении, с востока на запад, идут завоевательные походы кочевников, к которым их принуждали засухи, заморозки, перенаселенность или истребительные войны. По этим же направлениям развиваются межцивилизационные торговые трассы Великого шелкового пути, которые опять же контролируют кочевники. Это общая схема преобладающих маршрутов пересечения степного пояса. Хотя в каждом конкретном случае трассы передвижения людей имели более сложный характер, в зависимости от их целей и меняющихся экологических условий их маршрутов.

В Средней Азии этот степной пояс имеет широкое южное ответвление, через Кызылкум и Каракумы, степные и пустынные пространства уходят на юг вплоть до пустыни Тар в долине Инда, низовьях Гильменда и на запад через пустыни Дашти Лут и Дашти Кабир в Иране, далее минуя Загросский хребет, степи и пустыни продолжают в Месопотамии с выходом на Аравийский полуостров и далее в Северную Африку.

Этот ландшафт сложился задолго до появления человека и по этим степям мигрировали дикие животные. Ранние гоминиды – охотники и собиратели, преследуя дичь, сами того не ведая, где-то 2 миллиона лет назад выходят из с-в Африки и через Левант распространяются по Евразии.

Академик А.П. Деревянко в своем фундаментальном многотомном исследовании приходит к выводу о том, что в эпоху плейстоцена все эти обширные пространства были освоены и обживались ранними людьми, почти миллион лет назад, когда климатические условия были вполне благоприятными для человека (Деревянко А.П., 2017, с. 481).

К югу, а местами и к северу от этого пояса с 4 тысячелетия до н.э. возникают оседлые центры притяжения урбанизированных цивилизаций, с которыми активно взаимодействуют степные скотоводы. В степь уходит продукция земледелия, ремесла и идеологические учения. В обратном направлении шли продукты скотоводства и военная экспансия с целью грабежа и получения дани. При этом особенностью степей является периодически происходящая частичная или полная смена населения. Племена и народы приходят и уходят из степей в силу частых изменений климата, засух или истребительных войн. При этом меняются расы, культуры и языки.

С переходом к производящему хозяйству особую роль обретают конкуренция и борьба за ресурсы. У земледельцев вырабатывается система равномерного распределения земли и воды, особое значение обретает понятие справедливости. У кочевых же скотоводов этот принцип постоянно нарушался, соперничество переходило в войны. Животные при дефиците травы быстрее передвигаются. Деление пастбищных территорий было условным. При внедрении стада на чужую территорию ее хозяин в наказание конфискует и угоняет чужой скот, это приводило к войне. Со временем войны обретают периодический, а временами регулярный характер. Война и добыча превращается в разновидность экономической деятельности, но

мобильным и агрессивным кочевникам удобнее было грабить оседлые сельскохозяйственные страны, население которых экономически были привязаны к своим посевам и садам. Последние не успевали дать отпор неожиданно появившимся степным налетчикам, которые ограбив и разорив их, опять исчезали в степи. История сложения и развития оседло-земледельческой цивилизации достаточно известна, хуже дело обстоит с изучением кочевнической цивилизации, оказавшей гигантское влияние на формирование всех цивилизаций Евразии и Северной Африки. Проблема выяснения происхождения кочевнического уклада жизни в Центральной Азии и этнокультурная атрибуция археологических культур ранних кочевников Центральной Азии еще далека от своего решения. Придомное скотоводство как способ производства в Средней Азии был известен по памятникам оседло-земледельческой джейтунской неолитической культурой с 7 тыс. до н.э. Недавно на стоянке Аяак Агитма в низовьях Зарафшана, относящейся к кельтимилярской неолитической культуре, тоже были найдены кости, одомашненных барана, козы и коровы. Появляются и кости одомашненного верблюда Бактриана. Все это датируется с 7 тыс. до н.э. и позже. Ранее считалось что кельтимилярцы занимались лишь охотой и собирательством (Брунэт Ф. и др., 2012). В эпоху бронзы скотоводческие сообщества консолидируются на северных границах Китая. С XV в. до н.э. на гигантских степных просторах Монголии и Восточного Туркестана скотоводы начинают переходить к всадническому образу жизни. Следует отметить, что технология верховой езды возможно была известна со времен эпохи энеолита, когда лошадь уже была одомашнена (Ботайская археологическая культура Северного Казахстана).

В древней Монголии в эпоху позднего бронзового века на контакте скотоводов алтайской языковой группы и оседлого земледельческого населения Китая складываются мобильные и воинственные группы кавалеристов, противостоять которым оседлое население не было способно. На этой базе формируется наиболее ранняя кочевническая культура, ее представители впервые создали привилегированное сословие воинов-всадников эпохи древности и средневековья. Археологические остатки ее представлены поздними наследниками карасукской археологической культуры. В XII в. до н.э. они распространяются от Сианя до Енисея в Минусинской котловине, где они вытесняют и ассимилируют поздних андроновцев. Вслед за этим наступает эпоха скифов. Последний анализ так называемого неизвестного письма на серебряной чаше из скифского кургана Иссык V в. до н.э. показал, что оно относится к раннетюркскому языку (Гасанов З., 2014, С. 215–230). Махмуд Кашгари и ал-Бируни называли скифов “искит” и относили их к древнейшим тюркоязычным народам. В X в. до н.э. скифы достигли низовий Сырдарьи, где известны гробницы их вождей (Могильник Северного Тагискена). Создатели карасукской культуры были европеоидами с небольшой примесью монголоидности за счет женщин.

С VIII в. до н.э. кочевники с территорий современной Монголии и Восточного Туркестана начинают внедряться вглубь великой китайской равнины. Археолог Го Мо Жо отмечает скифский облик их погребальных обрядов и вооружения и считает их скифами. После этих миграций в Китае начинается Эпоха Джань го

- эпоха воюющих царств. Скифы создают в Китае свои мелкие царства и владения. С VIII–VII вв. до н.э. курганы скифов известны в Европе на западном берегу Дуная, более того, проф. Сорбонны Адиле Айда, занимавшаяся расшифровкой этрусской письменности, считает, что язык этрусков был пратюркским. Книга ее так и называется “Этрусклер (Турсакалер) туркилер идилер” “Этрусски (Турсаки) были тюрками” (Adile Ayda, 1992). Кочевников скифов, которые грабят земли Китая, древнейшие китайские иероглифические источники называют Ди на севере и Жун на западе Китая. А. Ходжаев убедительно показал, что за этими иероглифами кроются названия тюркских этнонимов (Ходжаев А. 2011, С. 25–72). Китайское правительство на агрессию кочевников отвечало периодическими карательными походами, иногда сопровождавшимися геноцидом кочевников, и ассимиляцией тех, которые проживали на территориях, находившихся под контролем правительства Китая. Кроме того, они формируют воинские контингенты из кочевников, проживающих в Китае или на территории, граничащей с великой земледельческой равниной самого Китая, для отражения натиска кочевников. Истории гуннов, тюрков, монгол и манчжур, покорявших весь Китай, свидетельствуют, что немногочисленные кочевники на протяжении нескольких поколений полностью ассимилировались в плотном, однородном и многомиллионном населении страны.

Сам по себе образ жизни постоянного кочевания и охраны стада не простое дело. Такого человечество не знало с появления производящего хозяйства. В какой-то мере это возврат к охотническому и собирательскому образу жизни, с тем отличием, что скот был богатством, за охрану которого нужно было воевать, т.е. всегда надо было быть воином, готовым дать отпор налетчикам. Кочевники были вечными воинами и они злоупотребляли этим, издревле грабя или облагая земледельцев данью. Это начинает практиковаться с эпохи ранних скифов. И при своем движении на запад они переносят эту практику вплоть до Европы и Ближнего Востока. Геродот отмечает, что скифы говорили на семи языках, но главными среди них были царские скифы. Это были древнейшие тюркоязычные народы, лишь с эпохи Чингиза степи Восточной части Центральной Азии стали называться Монголией.

Суровый климат этих степей накладывает специфические особенности на образ жизни тюрко-монгольских этносов. Вот что пишет об этом Л.Н. Гумилев: “Наряду с этнической мозаичностью Великой степи в ней наблюдаются общие черты, свойственные всем евразийским кочевникам. Они прослеживаются прежде всего в хозяйстве и быте, основанном на бережном отношении к богатствам природы, что ограничивало прирост населения, ибо стимулировалась детская смертность и межплеменные войны.

Современному европейцу и то, и другое кажется дикой жестокостью, но в ней есть своя логика и строгая целесообразность. При присвоющем натуральном хозяйстве определенная территория может прокормить определенное количество людей, входящих в геобиоценоз как верхнее, завершающее звено. Чрезмерный прирост населения ведет к истощению природных ресурсов, а попытки расселения

– к жестоким войнам, так как свободных угодий нет. Переселение же в далекие страны с иными природными условиями тем более сложно потому, что ско-

ту трудно, а то и невозможно там адаптироваться. Следовательно, остается только самоограничение прироста населения, а это легче всего делать с новорожденными.

Зимой ребенка бросали в снег, а затем кутали в тулуп. Если он оставался жив – вырастал богатырём; а если умирал – то через год появлялся новый сын. Когда он становился юношей – его посылали в набег на соседей. Если его убьют – ладно, новый вырастет, а если он привезет добычу – значит, он герой. Поэтому редкий мужчина доживал до старости и смена поколений шла быстро, а развитие производственных отношений – медленно.

Девочкам было труднее. Уход за ними в детстве был еще хуже, а потом кроме смерти их подстерегала неволя. Зато, став матерью, женщина царила в доме, а овдовев – становилась женой деверя, который должен был обеспечить ей почет и покой, даже если брак был фикцией” (Гумилев Л.Н., 1974, С. 13).

Как отмечал Л.Н. Гумилев, экологические условия Монголии были всегда более суровыми чем в степях Дашт-и кипчака и Восточной Европы. Поэтому кочевники при экологических кризисах или усилении агрессии Китая мигрировали на запад. Первой крупной волной в этом направлении был великий поход скифов, достигший Эллады, Аппенин и границ Египта. Известно, что скифы служили полициями в Афинах эпохи демократии. Как уже отмечалось, это были миграции ранних кочевников. В обратном направлении, из Европы и Средиземноморья на Восток шли древние миграции эпохи каменного и бронзового веков. Культурологически это были миграции более крупных исторических и этнокультурных градаций, несших на Восток не только новые этносы, но и новые технологии и идеологические учения.

Как отмечалось, в конце эпохи бронзы на Востоке Центральной Азии к северу от р. Хуанхе в бескрайних степях Монголии и на плато Ордос происходит переход от локальных форм пастушеского скотоводства к кочевому скотоводству. Причиной тому был массовый переход от передвижения на телегах и колесницах к верховой езде. Это дало возможность перегонять большие стада домашних животных на сотни и даже тысячи километров. Такими животными были лошадь и овца. Они могли круглый год пастись в степи, так как были способны к тебеневке (тепиниш), разгребать снег копытами и поедать траву под ним. Для защиты своего скота и грабежа других скотоводов возникают военные объединения военных всадников, вооруженных длинными копьями и мечами для боя верхом на коне. Эти явления, как указано, впервые были отмечены для карасукской культуры Монголии с XII–XI вв. до н.э. Видимо это были отдаленные предки тюркских народов. В XII веке до н.э. под натиском этих кочевников падает государство династии Шань-Ин, на их место приходит династия Чжоу - выходцы из северо-западных степей. Как отмечалось, с XII в. до н.э. представители карасукской культуры оккупируют Минисунскую долину, и далее в X в. до н.э. они распространяются по степям Казахстана, где они оставили царские погребения могильник в северного Тагискена, Дандыбая и Бегази. Прежнее население андроновской культуры было ассимилировано ими. Экономика войны имеет пока эпизодический характер. Это указывает на сложение ранних форм государственности кочевнического способа производства.

Как отмечалось, западная часть Центральной Азии, древний Туран, средневековый Туркестан и Хорасан, состоявший из ряда отдельных оазисов, разделенных степями и горами, развивал свой тип цивилизации, где гармонически сочеталось орошаемое земледелие оазисов со скотоводческим комплексом, занимавшим свободные пространства между ними. Восточная и Северная части Центральной Азии представляли собой безводные, каменистые мелкосопочники Казахстана и Монголии, а к юго-востоку вплоть до р. Хуанхэ шли степи, переходящие в большие пустыни Такламакан и Гоби. В них стекают мелкие речушки Восточных склонов Тянь-шаня и северных склонов Каракорума и Тибета. На концевых, дельтовых частях этих речушек, имевших малый дебет воды, складываются уже с эпохи неолита и бронзы мелкие поселения, тянущиеся редким пунктиром с запада на восток на расстоянии до 3000 км. В своей книге “Великий шелковый путь” Валери Хансен убедительно показала, что при всех своих мизерных орошаемых площадях и гигантским пространствам, разделявшим их, они превратились всего лишь в мелкие городки – государства, или укрепленные поселения, которые всегда политически были зависимы от недолговечных крупных военно-политических государств родо-племенных союзов или конфедерации кочевников. Автор приводит расстояние от Самарканда до Чаньяня (Сианя) 3600 км. К северу от пустынь Такламакана и Гоби путь сначала идет вдоль судоходной реки Тарим, где были более крупные города. Далее на Восток путь опять шел через опасные пустынные пространства. Автор на основе письменных и археологических источников показывает, что во всем этом регионе преобладал мелкий локальный обмен местными продуктами и сырьем. Лишь со временем эпохи Тюркского каганата и халифата по этим трассам прошли большие караваны (Хансен В. 2014).

Вторая особенность этих гигантских пространств это крайняя этно-культурная и конфессиональная пестрота их. Но кочевники в границах своих гигантских политических объединениях чувствовали себя как дома. Так каганы тюрков Ашинов при расширении своей власти в Азии преследуют не признающих их власти вплоть до Центральной Европы. Беглых тюрков, вошедших в состав аварского каганата европейские историки называют псевдоаварами. Каган пишет гневное письмо императору Византии обвиняя последнего в том, что тот дал убежище его беглым конюхам. В моменты усиления власти Тюркского каганата ему подчинялось и срединная равнина Китая. Так один из каганов сообщает в своей надписи, что он напоил своих коней водами Яшил окуза – Янцзы.

Таким образом именно Восточная часть Великой степной полосы Евразии оказалась эпицентром миграции волн древних и средневековых кочевников. Историко-географически Центральная Азия большинством специалистов подразделяется на Западную и Восточную части, или используются понятия Большой Центральной Азии с Средней Азией как западной части Центральной Азии (Горшенина С.М. 2019).

Основной причиной частых войн и набегов кочевников была слабость и ненадежность их собственной экономической базы – рискованного кочевого скотоводства. Они всегда нуждались в продуктах оседлых хозяйств. Отсюда жизненная необходимость к обмену с земледельцами. Однако частые иммиграции неизбежно

приводят к столкновениям и войнам. Самым весомым аргументом в споре оказалось оружие. Это рождает воинственность и милитаризм кочевнических-политических объединений. Это началось очень рано, известно, что величайшие из древних кочевников скифы и сарматы поклонялись Мечу как божеству воинов. Но длиться война бесконечно не могла, она прерасалась по мере истощения завоевательного потенциала кочевников и достижения определенных объемов дани с покоренных земель. Далее следует следующая стадия – развитие мирной государственности с неизбежным классовым расслоением и ассимиляцией оседающих кочевников.

Исследователь номадических культур Центральной Азии Томас Барфилд в своей книге “Опасная граница, кочевые империи и Китай” (221/1757 г.) пишет, что государственность кочевников была обусловлена необходимостью создания эффективной эксплуатации номадами экономических ресурсов китайских государств. Т. Барфилд исследует это явление, начиная с Хунского великодержавия, при Шаньюе Моде-Бахадуре (интернет 30 августа 2018 САА Network).

Археологически гунской культуре предшествует скифская. О царях скифов VII в. до н.э. пишут ближневосточные источники. Геродот пишет не только о царях скифах, но также и о царских скифах, которым были подчинены другие скифские народы. При этом, он отмечает, что скифы говорили на 7 языках, то есть система создания полиэтничных кочевнических империй сложилась уже при древних скифах. Обсуждая идеологические воззрения древних скифов, Геродот сообщает, что скифского первочеловека звали Таргитай, на языке современного тюркоязычного населения Алтая это означает кузнец. Надо полагать, что эта легенда относится к истории царских скифов, которые были тюркоязычными.

Известно, что древнейшие гидронимы и оронимы Центральной Азии и Восточной Европы носят ираноязычный характер. Видимо, это реликты арийских диалектов катакомбной, андроновской и других культур эпохи бронзы и раннего железного века, которых покорили царские скифы. К этому же времени относятся сообщения “Авесты” о противоречиях мирных оседлых арья с кочующими турья. Скифы были основателями первых кочевых империй. Основной формой эксплуатации оседлых народов было получение регулярной дани и участие войска скифов при походах на земли других, часто отдаленных соседей. При этом, признание власти кочевников могло быть мирным, путем договоров. В случае сопротивления начиналась война с людскими потерями и мародерством. Эта форма взаимодействия кочевников с окружающим миром не менялась на протяжении тысячелетий. Дальнейшие подъемы кочевнической государственности происходят при гуннах и древних тюрках. Согласно Л.Н. Гумилева и А.М. Хазанова, максимального расцвета система государственности кочевников достигла в государстве Чингиз-хана (Хазанов А.М., 2002, с. 369–407).

В Центральной Азии и, как уже отмечалось, зоне чересполосного проживания оседлых и кочевых народов гарантией развития культуры была сильная власть правителя. Эта необходимость озвучена еще в “Авесте”. В средние века эту идею развивает Юсуф Баласагуни в своем труде (“Благословенное знание”). Амир Те-

мур, родившийся и выросший в постчингизовском Мавераннахре – под властью Чагатаев, которые систематически обирали и грабили оседлых производителей богатств и благоденствия, с детства понимал значение сильной власти в защите справедливости. Кочующие налетчики Центральной Азии с конца II - начала I тыс до н.э. были вечной проблемой, которая обнажилась уже при Заратуштре.

Завоевать можно было любую страну, но удержать можно было только освоенную и благоустроенную страну, где были налажены стабильное производство и социальная жизнь народа. Сама степь легко меняла хозяев и задержаться тут надолго не мог никто. Древние кочевники неоднократно проносились как ураган по средним широтам Евразии, оставляя только могильники предков. В случае экологического кризиса, когда кочевое скотоводство не оправдывало себя, они мигрировали и оседали на границах уже освоенных земель Китая, Индии, Турана, Ирана и Европы. В новой среде они постепенно создают свои оседлые общины и внедряются в этнические среды давно сложившихся оседлых цивилизаций. Длинные во времени и пространстве миграции эпохи ранних государств по мере демографического роста и усиления охраны государственных границ сменяются войнами с окупацией уже заселенных и освоенных территорий.

Армии оседлых государств, пытаясь покорить земли самих кочевников, всегда терпели поражения. Выдающиеся основатели величайших в истории империи Ахеменидов дважды терпели поражения от кочевников. При этом Кир Великий погиб, по наиболее популярной версии Геродота от массагетов во главе с Томирис, а по второй версии Ктесия, от саков амюргиев во главе с Аморгом и его супругой Спаретрой. Грандиозный поход же Дария на заморских скифов Восточной Европы кончился провалом – он не мог найти скифов и едва успел вернуться обратно. На этом эпизоде остановимся ниже.

На Дальнем Востоке большие карательные экспедиции империи Хань неоднократно терпели поражения в степях у гуннов. Наиболее крупным поражением было пленение основателя династии Хань Гао-Цзу шаньюем Модэ (Бахадур), основателем кочевой гунской империи. Лишь подкуп любимой младшей жены его китайцами, которая уговорила шаньюя отпустить китайцев из окружения, спас армию Хань от уничтожения. Великий поход римской армии Красса, вторгшегося на землю парфян, кончился катастрофическим поражением, римские легионеры были разбиты закованной в броню кавалерией Сулены.

Лишь Александру Македонскому удалось пройти через степи и пустыни Египта и Ближнего Востока до Согда. Проф. П. Бернанд, выдающийся специалист по истории античной культуры, при обсуждении со мной причины победы Александра в Азии отмечал, что сама Македония, крайняя на севере страна греков, считалась варварской. Центральная часть ее представляла собой продолжение степей правобережья Дуная, по которой протекала река Пела. Когда-то в этих степях господствовали скифы. Филиппу II, отцу Александра пришлось всю жизнь воевать с ними и удалась вытеснить скифов к северу на левый берег Дуная. Известно, что это случилось лишь после того, как 90-летний царь скифов Атей погиб, упав с коня. После чего скифы уступили правобережье Дуная Филиппу II.

Фаланги и кавалерия македонцев имела большой опыт войны с кочевниками. Да и власть государства Филиппа II и его сына Александра имела монархический характер. Оба они, как и ранние скифы и персы пытались покорить себе остальные мелкие греческие полисы. Этого удалось добиться при Александре. Покорить греков в полной мере не удавалось ранее даже шаханшахам из Ахеменидов. У Александра была сильная кавалерия и пехота, знавшая тактику и стратегию скифских войн. Но в Средней Азии Александр, получив сильные ранения, вынужден был отказаться от своих намерений покорить скифов за Сырдарьей. Он возвращается в Самарканд и начинает поход на юг в Индию. На севере за Танаисом (Сырдарья) господствовали сильные объединения кочевников массагет, саков и дахов родственных савроматам и более поздние сарматам. Как отмечено, Туран или Туркестан и Хорасан, как и Ближний Восток имели отличающийся от Казахстана, Восточного Туркестана, Забайкалья и Монголии экологический и культурный ландшафт. Здесь не было бескрайних степей, тянувшихся вдоль средних широт на тысячи километров. Здесь земледельцы мелких оазисов и скотоводов обширных степей и полупустынь или горных хребтов изначально были обречены жить вместе в одной стране и совместно развивать свою культуру и государственные институты. В землях Турана и Хорасана экономический потенциал городов, оседлых земледельцев и кочевых скотоводов был пропорционален и равнозначен. Здесь не было тотального господства кочевнической культуры как на просторах Монголии и Казахстана. Не было и господства обширной и монолитной земледельческой культуры как в Древнем Китае или Египте.

Китай на севере граничил с самой большой в Евразии степной зоной Монголии и Восточного Туркестана. Здесь дихотомное противостояние и соперничество оседлой и кочевой цивилизаций было жестоким и длилось с конца 3 тыс. до н. э. до средневековья. Соперничество было безжалостным, войны велись с большими людскими потерями и часто сопровождались случаями геноцида. Великая китайская стена не спасала. Но при усилении имперской власти в Китае организовывались жестокие карательные экспедиции против кочевников, которые бежали далеко на запад. И как отмечалось, эту жестокость войн Чингиз-хан распространил и на остальную часть Азии.

Л.Н. Гумилев приводит характерный пример эпохи троецарствия в Китае, когда соперничество гуннов приводит к взаимному истреблению населения в стране, количество которого упало с 50 млн. до 7,5 млн. на протяжении сорока лет войн 180–220 годов (Гумилев Л.Н., 1974, с.23). И такое происходило не один раз. Часто это было связано с захватом Китая кочевниками, после чего их мелкие владения начинают борьбу за выживание или с целью объединения Китая.

Обычными рекрутами китайских армий, начиная с эпохи Хань, служили “молодые негодяи” – преступники или люди не нашедшие себе места в обществе, но служа в армии, они часто захватывали власть в стране. Этот контингент дополняли предавшиеся Китаю группы кочевников. Для обеих категорий этих рекрутов главной целью был грабеж незащитного населения. Таким образом, эпические масштабы истребления мирного населения были хорошо известны Чингиз-хану, который получил свое воспитание под сильным влиянием государства династии Чжурчженей – Цзинь.

Таким образом, начиная с древних скифов, кочевнические империи строились на энергии захватов и грабежей соседних земель с последующим налогообложением в пользу захватчиков. Дальше в эксплуатации ресурсов кочевнические империи не шли, и не могли идти в силу своего кочевнического образа жизни, когда подданные ханов пасли свой скот в состоянии атомарной и дисперсной рассеянности на гигантских просторах средних широт Евразии без каких-либо средств связи кроме лошади.

Эпистолярное наследие казахских ханов XVIII–XIX вв., изученное Ириной Ерофеевой, очень хорошо иллюстрирует эту власть хана, почти не имевшую мобилизационного потенциала в мирном состоянии. Письма казахских ханов писались соседям с просьбой о протекции и поддержке против своих же соперников соседних казахских ханов, они обращаются к России, Бухарскому и Хивинскому ханам. В письмах императору России они просят в основном о военной поддержке, чаще просят прислать порох и свинец. При этом для ханов это не означало перехода в подданство России. Они мыслили в традициях степной кочевой государственности, имевшие военно-потестарный характер, основанный на генеалогических, родственных отношениях – Улуг-хан, Улуг-ага, Кичик-хан, биродар и другие эпитеты родоплеменных связей. Император России, как и узбекские ханы на юге воспринимались авторами писем в качестве Старшего брата, к которому обращается Младший брат, главное-эти отношения не означали включение казахов в систему российской или другой юрисдикции. Эти акты мыслились в качестве разовых патронажных поддержек.

Точно таковыми были и акты поддержки Тохтамышша со стороны Амира Темура, который не планировал подчинение Золотой Орды, но надеялся на то, что Тохтамыш будет вести внешнюю политику, угодную Амир Темуру. Но тот вел себя как раз наоборот, что также типично для представителей кочевников. Ведь он по крови был Чингизидом и выше самого Амира Темура, поэтому в отсутствии последнего грабил его земли, но это кончилось плачевно для Тохтамышша. Амир Темуру пришлось идти излишним для него походом на Золотую Орду, чтобы уговорить этого неблагодарного просителя о помощи.

У Амира Темура в отличии от кочевников, помимо кавалерии была и мощная пехота с артиллерией и стенобитными машинами, бравшими города.

Слабость власти и государственности самих кочевников состояла в их рассеянности и периодической сезонной смене места жительства. На это, согласно И. Ерофеевой, жаловался русскому царю хан Абулхайр, который пишет о том, что он не знает где и когда находятся его подданные в процессе кочеваний. Он их мог встретить только на зимовье. Но при сплочении и усилении власти, кочевники всегда пытаются подчинить себе оседлые государства с целью регулярного получения дани в виде продуктов земледелия и ремесла. Это демонстрировали государства скифов, гуннов и тюрков.

Важное стимулирующее значение в рождении государственности кочевников играли периодические засухи Центральной Азии. В эти неблагоприятные критические для этноса сезоны в наиболее развитых и многочисленных родоплеменных объединениях к власти приходят наиболее дальновидные и харизматичные лидеры, которые находят выход из кризиса за счет покорения соседних племен и захвата их ресурсов. Нам известно пять основные миграции кочевников на запад: арий-

цы (андроновы), скифы, гунны, тюрки и монголы. В историческое время известны и имена инициаторов сложения кочевнических держав – ранних джахангиров. Моде китайских источников, который Г. Бабаяров считает возможным сопоставить со средневековым “Бахадур”. Известны имена великодержавия Тюркского каганата, Темучжин – Чингизхан, создатель народа и государства монгол. Аналогичным образом неизвестные, но выдающиеся лидеры скифов создавали и скифское великодержавие. Каждый раз это был выход из кризиса кочевнического общества связанный с потерями и небывалым напряжением всех сил родоплеменных объединений. Поскольку мигрировать приходилось на уже освоенные соседями земли, это неизбежно сопровождалось войнами и развивало милитаризм государств ранних и средневековых кочевников. Изначально эти миграции были вызваны похолоданиями и засухами, или агрессией соседей. Далее, несмотря на то, что экологический кризис прошел, сложившиеся агрессивные государства по своей кинетической энергии продолжают расширяться и развиваться. Они оказываются более устойчивыми и сильными в военном отношении по сравнению с государствами соседних земледельцев. Так у кочевников экономика войны обретает особое значение.

При этом сокрушающие все на своем пути волны тюрко-монгольских кочевников, извергаемых с Востока, отнюдь не были сборищем варваров, отправлявшимися с целью грабежей далеко на запад. И скифы, и гунны, и тюрки, и монголы формировали свои культуры и государства в тесном взаимодействии с оседлыми государствами и цивилизациями. Армии кочевников, при сохранении родоплеменных отношений, имели жесткую военную дисциплину. Многие были заимствованы из культуры и традиций государственности Китая. Даже если они не господствовали над Китаем, то пользовались его продукцией, испытывали влияние социальных отношений Китая. Очень часто кочевники служили в войсках Китая в войнах против самих кочевников. Сам Чингиз-хан в годы его неудач на родине в Монголии служил в войсках государства Чжучженей сотником, охраняя границы государства и использовал их силы для уничтожения своих врагов в Монголии. Кочевники хорошо знали формы неравенства оседлых государств. Л.Н. Гумилев сообщает, что китайские рекруты, отправленные на охрану китайских торговых форпостов на Шелковом пути, по соседству с гуннами, часто перебежали на сторону гуннов, считая, что “у гуннов жизнь веселее”. Строительством городов гуннов и Каракорума, столицы Чингиз-хана, занимались китайцы.

Войска кочевников постоянно меняли свою дислокацию на карте. Быстро передвигаясь они всегда имеют возможность использовать ситуацию в свою пользу, чего не могли себе позволить земледельцы, которые всегда привязаны к своим посевам и садам. В еще более уязвимом положении находились древние города. Они всегда были мишенью для малочисленных, но воинственных и сплоченных кочевников. Мобильность делала их неуловимыми.

Как отмечено, мобильность кавалерии кочевников, вооруженных для боя с коня была недоступна и армиям оседлых народов, поэтому кочевники, пользуясь своей неуловимостью, малыми силами были способны изводить и истощать пре-

восходящие, но неповоротливые армии крупных урбанизированных империй. Это преимущество кочевнических армий было присуще им начиная с древних скифов до конца средневековья, когда была изобретена винтовка с нарезным стволом, против которой кавалерия стрелков из лука оказалась бессильной.

Впервые о стратегии войны скифов сообщает Геродот в четвертой книге своей Истории, где описан поход Дария на скифов Северного Причерноморья в период между 516–512 гг. до н.э. Приведем сокращенное описание этого неудачного похода, кончившегося бегством Дария из страны в изложении М.А. Дандамаева: “Через Дунай был сооружен понтонный мост из судов, и, перейдя его, армия Дария начала продвигаться по южнорусским степям. Для охраны моста был оставлен греческий контингент из ионийцев, сопровождавших до этого Дария. Эти греки по распоряжению Дария должны были охранять мост в течение 60 дней и, если к тому времени персидская армия не вернется, разрушить его и отправиться домой.

Скифы не отважились вступить в решающую битву с огромным войском противника и прибегли к своей излюбленной тактике выжженной земли. Они стали отступать, угоняя с собой скот, уничтожая траву и засыпая источники. При этом скифская конница постоянно нападала на отдельные отряды персидской пехоты и уничтожала их. Долгое преследование скифов в глубь их территории истощило армию Дария, и, пока он обдумывал выход из своего затруднительного положения, скифские вожди в ответ на его требование либо вступить в открытую битву, либо заявить о своей покорности, послали в персидский стан вестника. Последний, если верить Геродоту, передал Дарию птицу, мышшь, лягушку и пять стрел. Дарий считал, что таким образом скифы выражают свою покорность, но Гобрий, один из семи убийц мага Смердиса, дал совершенно противоположное истолкование загадке: если персы не улетят в небо, как птицы, не зароятся в землю, как мыши, их ждет гибель от стрел. Не имея достаточных запасов продовольствия или возможности вступить в открытый бой со скифами, Дарий решил отступить. Бросив больных воинов и часть обоза и оставив свой стан с зажженными огнями, чтобы скрыть от скифов внезапное отступление, персы ночью, скрытно двинулись в обратный путь” (Дандамаев М.А., стр.109–110).

Война кочевников изначально формировалась на принципах поведения волчьей стаи-неожиданно атаковать организованную и превосходящую армию противника, нанести удар и разбежаться подальше от войска врага, который пытается преследовать. Затем опять собраться, атаковать и разбежаться. Фактически эту тактику продолжали и хуннские воины. Это продолжалось до тех пор, пока регулярная армия врага не была измотана и не начинала отступать. Далее оставалось только преследовать и добивать деморализованного врага. Эта стратегия и тактика войн хунну и гуннов достаточно проанализирована в ряде трудов Л.Н. Гумилева. Но войны кочевников между собой протекали более драматично и кончались жестокими победами, часто приводящими к исчезновению одной из противоборствующих сторон или бегством их в далекие чужие страны. Главное, война кочевников происходила в процессе их экономического цикла круглогодичного кочевания. При-

ведем описание монгольского похода, оставленного Чжао Хуном в переводе Е.И. Кычанова: “В поход, отправляются, взяв с собой жен и детей. Они сами говорят, что женщины нужны, чтобы заботиться о таких делах, как поклажка, платье, деньги и вещи. У них исключительно женщины натягивают и устанавливают войлочные палатки, принимают и разгружают верховых лошадей, повозки, вьюки и другие вещи. Они очень способны к верховой езде” (Кычанов Е.И., 1993, стр. 27).

Здесь на первое место выступает экономика войны. Во время многолетних походов Амира Тимура на Ближний Восток его воины тоже пасли свой скот и даже сеяли зерно. То есть, чагатаи Амира Тимура продолжали образ жизни и войны, начатые скифами. Х. Хукхэм, опираясь на Ибн Арабшаха, Шильцбергера и других свидетелей, так характеризует походы Амира Тимура в Иран и Ирак:

“Орды Мавераннахра, монголо-тюркские по своему происхождению, называемые иногда татарами, иногда чагатаями – хотя отнюдь не Чингизидского клана-составляли главную силу Тимура, а сердцевину и руководящее ядро составляли представители его собственного рода Барласов.

В походах Тимур располагался непосредственно за авангардом, который составлялся иногда из нескольких туманов. Хромой Завоеватель был полностью предан жизни в седле, кроме случаев болезни, участившихся к концу жизни, когда его перевозили в телеге, запряженной волами или же на носилках. За ним шли отряды конных воинов и вслед за ними пехота. За пехотой более медленно шел обоз, куда входили члены королевского хозяйства, на конях или в телегах перевозились их личное имущество. Здесь было так же казначейство – деньги, бриллианты, запас одежды, оружия и другой экипировки. Тяжелый багаж был огражден сильными туманами чагатаев как на марше, так и во время боя и, хотя временами он бывал объектом атаки, ни в одном из походов он не доставался врагу.

После обоза шли семьи кочевников с их стадами, телегами и кибитками. В перерывах между службой или сражениями кочевники – воины присоединялись к своим хозяйствам и продолжали свою семейную жизнь, как обычно.

Через пустынные местности или в жаркую погоду, орды зачастую путешествовали по ночам, разбивая лагерь и выгоняя скот на пастбища, которых достигали днем. Они брали воду из глубоких степных колодцев или водяных скважин в пустыне. Котлы нагревались на очагах, которые топились кизяком.

Когда Тимур призывал свой народ к войне, писал Клавиho, собирались все, включая жен и детей и выступали с ними, окруженные стадами. Овцы, верблюды и лошади составляли основу пищи из молока и мяса, куда бы они ни направлялись. «Никто никогда не отделяется от своих жен и детей, или своих стад. Эти идут вместе с ними на войну, перемещаясь с одного места на другое. При этом женщины, которые имеют маленьких детей, везут их в маленьких колыбелях, а когда женщина едет на лошади, она кладет ребенка на переднюю луку седла». Арабшах помимо прочего дает оценку и военных качеств кочевых женщин. «Имелись так же в его (Тимура) армии много женщин, которые вмешивались в рукопашные схватки в самых жестоких боях и боролись с мужчинами и сражались с храбрыми воинами и одолевали мощные орды в сражениях ударами пик, сабель и стрельбой стрелами:

когда одна из них была тяжела и родовые схватки начались на марше, она свернула с дороги, сойдя со своего животного, родила ребенка и, завернув в пояс, скоро села на животное и, захватив ребенка с собой, последовала за своим отрядом, и были в армии люди, которые родились на марше и выросшие до зрелого возраста, которые женились и производили детей и все же никогда не имевшие жилища» (Хукхэм Х., 1995, С.61–62.).

Но Амир Темуру и самому пришлось воевать с реликтовым пережитком скифского образа жизни. Это была восточная половина улуса Чагатая-Моголистан, где городская культура давно была уничтожена. Вот как характеризует эти бесплодные войны Лин фон Паль: “Это были выматывающие, бессмысленные, трудные походы, потому что противником были люди, которые не воевали по правилам. Они были номады и предпочитали честным битвам налеты и удары в спину. Это была своего рода средневековая партизанская тактика, так хорошо известная еще царю Дарию по древним скифам. Те тоже дразнили противника и быстро исчезали, не принимая боя. Темур, привыкший сражаться с врагом, который рвется в бой и потому совершает ошибки, оказался перед лицом противника, стремящегося увести войска в глухие и неудобные для сражений места, заставить их голодать и страдать от погодных условий. Преследуя номадов в первый раз, Темур дошел до горного озера Иссык-Куль. Войско было измучено, и пришлось заключить мир. Когда он вернулся на следующий год, земля снова бунтовала, и снова его пощипывали мелкие отряды мятежников. В Моголистан ему пришлось ходить пять раз, но сложно сказать, насколько он усмирил своих противников. Стоило войску уйти в Трансоксиану, они снова поднимали голову. Так что больше пяти лет Темуру пришлось заниматься бесплодным занятием, это было все равно, что усмирять ветер. Войны с Моголистаном, точнее карательные акции, проводились на протяжении всего правления Темура, их даже перестали нумеровать. В одном из таких походов он был едва не убит, в другом едва не было полностью уничтожено его войско, а еще один Моголистанский поход знаменит тем, что привиделся Темуру страшный сон, будто его сын Джахангир, первенец, умер. И тогда Амир развернул войска, вернулся в Самарканд и узнал, что его сын мертв. Но в 1371–1372 годах это еще было впереди. Моголистанские походы большой пользы не приносили, но уважение к Темуру росло” (Лин фон Паль, 2008, С. 200–202).

Но при всем этом, в отличие от скифов, тюрков и монгол, Амир Темур вел войны за власть в своей стране, не выходя за пределы степей и гор Средней Азии и Ближнего Востока, имевших мусульманское население. Преследование Тохтамыша по Руси и Кавказу было вызвано необходимостью карательного похода на Золотую Орду. В Индийском походе тоже пришлось иметь дело с мусульманскими султанами.

Как отмечалось, в тактике Амира Темура особое значение имели дезинформация и ложные маневры, нацеленные на дезориентацию превосходящих сил противника, который не мог позволить себе держать армию все время в боевом строю. Затем, когда враг деморализован и утомлен, намечается, и с безошибочной точностью наносится наиболее уязвимый удар по деморализованному вра-

гу. Часто это сопровождалось различными приемами наведения паники, включая театральные эффекты, но кончалось все беспощадной рубкой рядов растерянного и потерявшего управление врага. Враг в панике бежит или сдается на милость победителя. Так он дошел до Балха. Эта стратегия представляла собой сплав военных традиций как кочевнической, так и оседлой культур Центральной Азии.

В заключение еще раз отметим, что особое значение в экономике войны имела роль талантливого умного и смелого лидера. Он обеспечивал тактику и стратегию победоносного и удачного грабежа, обогащающего участников налета. Так Чингизхан и Амир Темур в начале своей карьеры могли содержать и награждать своих воинов только войной и полученной при этом добычей. Но вплоть до XX века лидеры сердары туркменских грабительских походов – аламанов предводительствовали только в организации и осуществлении походов. После дележа добычи они автоматически теряли свою роль и влияние. Но, если поход был неудачен сердар не только терял авторитет, но при больших потерях его могли и убить.

Использованная литература:

1. Брунет Ф., Хужсаназаров М., Хашимов Х. Новые данные к хронологии кельтеминарской культуре в Узбекистане (7–4 тыс. до н.э.) // ИМКУ. Вып. 38- Самарканд. 2012. – С. 118–125.
2. Гасанов З. Чтение иссыкской надписи // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Материалы международной научной конференции посвященной 90 летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева 22–24 апреля, 2014 г. Астана. Астана 2014. С. 215–230.
3. Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней /Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с французского М.Р.Майзульса – Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университе Джорджа Вашингтона, 2019. – VIII, 119 с.
4. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. – Москва: “Наука”. 1974., 236 с. Приложение 22 .
5. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. Москва: «Наука». 1985.
6. Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. II. Происхождение человека. Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. Новосибирск. Издательство ИАЭТ СО РАН. 2017. – 481 с.
7. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингиз хан: личность и эпоха. Бишкек: “Кыргызстан”, 1993. 287 с.
8. Лин фон Паль. Месть Тамерлана. Москва. АКТ. Астрель СПб., 2008. 318 с.
9. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, “Дайк Пресс”, 2002, 603 с.
10. Хансен Валери. Великий шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай – Согдиана – Персия – Левант / перевод с английского С.А.Белоусого. – М.: ЗАО Издательство “Центрпалиграф”. 2014. – 477 с.
11. Ходжаев А. Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников). – Алматы, 2011. – 276 с.

12. Хужжэм Х. Властитель семи созвездий: Документально-историческая повесть. Пер. с англ. Г.Хидоятова. Ташкент: Адолат, 1995. 320 с.

13. Adile Ayda. Etruskler (Tursakalar) Turk idiler (ilmi deliller). Ankara, 1992. 391 s.

Сведения об авторе:

Сулейманов Рустам Хамидович, доктор исторических наук, профессор, Главный научный сотрудник Национального центра археологии АН РУз, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81.

O'RTA OSIYO TARIXIDA KO'CHMANCHILARNING ROLI

Maqolada ko'chmanchilar dunyosining Markaziy Osiyo tarixidagi o'rni tahlil qilinadi. Migratsiya jarayonlariga ta'sir ko'rsatgan mintaqaning geografik xususiyatini ta'kidlanadi. Ta'kidlanishicha, dashtlarning asosiy o'ziga xos xususiyati iqlim o'zgarishi va urushlar natijasida yo'q qilinishi tufayli aholining davriy ravishda qisman yoki to'liq o'zgarishi, irqiy, madaniy, til o'zgarishlariga olib keladi. Muallif O'rta Osiyoda ko'chmanchi turmush tarzining kelib chiqishini aniqlash muammosiga ishora qilib, davriy qurg'oqchilikning ko'chmanchilar davlatchiligining vujudga kelishidagi rolini tushuntiradi. Turon yoki Turkiston va Xuroson, shuningdek, Yaqin Sharq, Qozog'iston, Sharqiy Turkiston, Zabaykaliya va Mo'g'ulistondan farq qiladigan ekologik va madaniy landshaftga ega edi. O'rta kengliklar bo'ylab minglab kilometrlarga cho'zilgan cheksiz dashtlar yo'q edi. Kichik vohalar dehqonlari, keng dasht va yarim cho'l yoki tog' tizmalarining chorvadorlari dastlab bir mamlakatda birga yashash, o'z madaniyati va davlat institutlarini birgalikda rivojlantirishni maqsad qilgan. Turon va Xuroson yerlarida shaharlar, o'troq dehqonlar va ko'chmanchi chorvadorlarning iqtisodiy salohiyati mutanosib va teng edi. Bu yerda Mo'g'uliston va Qozog'iston kengliklarida bo'lgani kabi ko'chmanchi madaniyatning to'liq hukmronligi bo'lmagan. Qadimgi Xitoy yoki Misrdagi kabi keng va monolit dehqonchilik madaniyatining hukmronligi ham bo'lmagan. Uning fikricha, ko'chmanchilarning o'z hokimiyatlari va davlatchiligining zaifligi ularning beparvoligi va vaqti-vaqti bilan yashash joylarini o'zgartirib turishidadir. Ko'chmanchilar o'troq davlatlarning tengsizligi shakllarini yaxshi bilishgan. Ko'chmanchilar urushi dastlab bo'rilar to'dasining xulq-atvori dushmanning uyushgan va ustun qo'shiniga to'satdan hujum qilish, ta'qib qilmoqchi bo'lgan dushman qo'shiniga zarba berish va undan qochish tamoyillari asosida shakllangan. Keyin yana to'plangan, hujum qilgan va tarqalgan.

Tayanch so'zlar: Turon, Xuroson, Qozog'iston, Mo'g'uliston, Xitoy, skiflar, andronovlar, neolit, eneolit, bronza va ilk temir asrlari, o'rta asrlar, Amir Temur, dasht, ilk ko'chmanchilar, ko'chmanchilar.

THE ROLE OF NOMADS IN THE HISTORY OF CENTRAL ASIA

The author analyzes the role of the nomadic world in the history of Central Asia. Highlights the geographical feature of the region that influenced the migration processes. He notes that the main specificity of the steppes is the periodic partial or complete change of population due to climate change and extermination by wars, which leads to changes in race, culture, language. Indicates the

problem of clarifying the origin of the nomadic way of life in Central Asia, in addition, explains the role of periodic drought in the birth of nomadic statehood. Turan or Turkestan and Khorasan, as well as the Middle East, had an ecological and cultural landscape different from Kazakhstan, East Turkestan, Transbaikalia and Mongolia. There were no endless steppes stretching along the middle latitudes for thousands of kilometers. Farmers of small oases and pastoralists of vast steppes and semi-deserts or mountain ranges were initially doomed to live together in one country and jointly develop their culture and state institutions. In the lands of Turan and Khorasan, the economic potential of cities, settled farmers and nomadic pastoralists was proportional and equivalent. There was no total domination of nomadic culture here, as in the vast expanses of Mongolia and Kazakhstan. There was also no domination of a vast and monolithic agricultural culture as in Ancient China or Egypt. He believes that the weakness of the power and statehood of the nomads themselves consisted in their distraction and periodic seasonal change of residence. Nomads were well aware of the forms of inequality of settled states. The nomad war was initially formed on the principles of the behavior of a wolf pack-to unexpectedly attack an organized and superior enemy army, strike and run away from the enemy army that is trying to pursue. Then gather again, attack and run away.

Key words: Turan, Khorasan, Kazakhstan, Mongolia, China, scythians, andronovites, Neolithic, Eneolithic, Bronze and Early Iron Ages, Middle Ages, Amir Temur, steppe, early nomads, nomads.

Сергей Баратов

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ КУРУМОВ И МУГХОНА НА ЛАНДШАФТАХ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ В ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация: В статье излагаются вероятные на взгляд автора исторические реконструкции форм и видов хозяйственной деятельности, социальной организации и религиозных представлений племен-носителей культуры курумов и мугхона, обитавших на территории Ферганской долины в эпоху поздней античности и раннего средневековья. Интерпретации сделаны на основе анализа археологических погребальных комплексов – курумов и мугхона древней Ферганы в сопоставлении с материалами этнографических исследований кочевых народов Центральной Азии, Афганистана и Пакистана.

Ключевые слова: Археология Узбекистана, Ферганская долина, эпоха античности, раннее средневековье, хозяйство, социальная организация, религиозные представления, исторические реконструкции.

Анализ предметов погребального сопровождающего инвентаря из погребальных сооружений культуры курумов и мугхона иллюстрирует признаки, позволяющие говорить об ее скотоводческой принадлежности (Баратов, 1991). При реконструировании скотоводческого хозяйства носителей культуры курумов и мугхона Ферганской долины за основу нами принят принцип дифференциации в формах и способах трудовой деятельности в разных экологических нишах, которые объективно детерминировали специфику производственной деятельности. Этот принцип был предложен еще С.П. Толстовым и разработан М.Г. Левиным, Н.Н. Чебоксаровым, Б.В. Андриановым, Я.В. Чесноковым, В.П. Алексеевым и усовершенствован Н.Э. Масановым для определения кочевого культурно-хозяйственного типа (Левин, Чебоксаров, 1955; Алексеев, 1984, С. 348–353; Масанов, 1984; Масанов, 1989, С. 55–64; Масанов, 1995). При моделировании большое значение придавалось симбиозу между хозяйственным коллективом и освоенной им территорией, а также сам коллектив в сочетании с эксплуатируемой территорией, характеризующейся рядом функциональных связей, обеспечивающих жизнедеятельность данной системы, который составляет понятие «антропогенеза», выдвинутое В.П. Алексеевым (Алексеев, 1975). В основу нашего исследования системы материального производства носителей культуры курумов и мугхона Ферганской долины положен экологический подход в сфере взаимодействия естественно-природных и социально-экономических процессов. Н.Э. Масанов определял первостепенную значимость водных ресурсов в жизнедеятельности скотоводческого хозяйства, их определяющую роль в его территориально-пространственном распространении и сезонно-временном

функционировании (Масанов, 1989, С. 55–64; Масанов, 1995). Вода в условиях среднеазиатского климата – первосреда, материальная субстанция номадного хозяйства, наиглавнейший фактор его существования. Динамика системы водопользования объективно определяла внутреннюю природу хозяйственных занятий, ритмо-режимные характеристики системы материального производства.

Памятники носителей культуры курумов и мугхона Ферганской долины располагаются в предгорьях и горных районах (Рис. 1; 2). Это свидетельствует о том, что хозяйство ее носителей базировалось на использовании водоисточников естественного происхождения (реках, озерах и ключах). В этих условиях, вероятнее всего, ими совершались вертикальные перекочевки. На горном ландшафте, где имелись большие запасы водных ресурсов, ритм перекочевок был обусловлен в большой степени кормовыми ресурсами, качеством и количеством растительности. Очевидно, что в этом случае фактор площади охвата системой выпаса пастбищных угодий становится ведущей в организации системы общественного производства ((Баратов, 1991).

Рис. 1 – карта-схема расположения некрополей культуры курумов и мугхона.

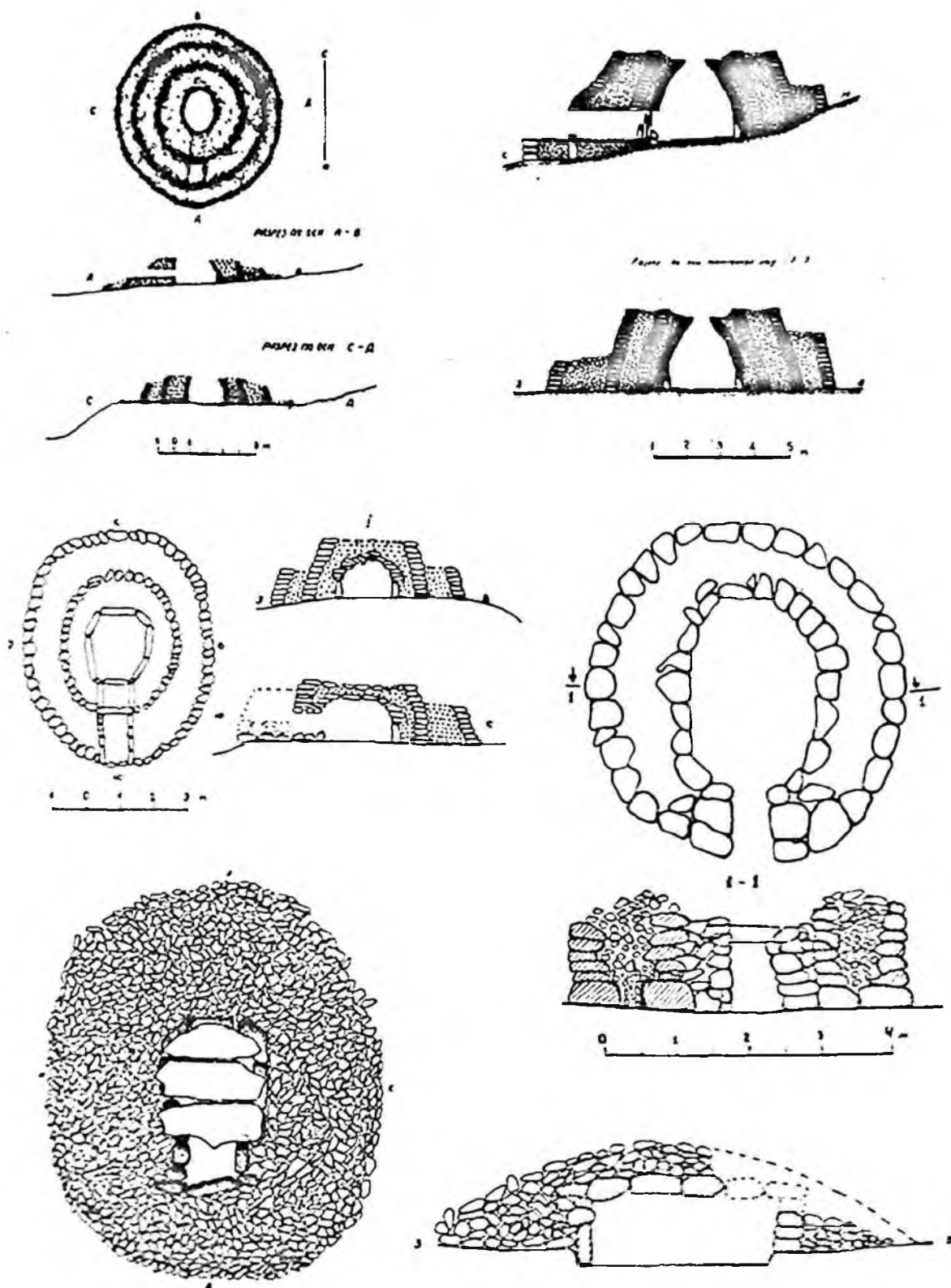

Рис. 2 – основные типы погребальных сооружений культуры курумов и мугхона.

К сожалению, только на данных археологических исследований невозможно полностью выявить систему распределения пастбищных угодий, равно как и организацию общественного производства у древних скотоводов. Для подобных реконструкций обычно прибегают к этнографическим наблюдениям, которые производились у кочевнических и скотоводческих народов в аналогичных природно-экологических условиях. Очевидно, что водный и природно-экологический режим объективно формирует скотоводческий тип хозяйствования, вынуждая его приспособляться к их условиям, что обычно приводит к традиционной – объективной организации системы пастбищных угодий и выпаса, даже при смене на исследуемой территории этнокультурных групп.

В.В. Радлов, исследовавший в XIX веке кочевание и животноводство казахов-киргизов, отмечал большое значение, которое они придавали зимним стоянкам. Он отмечал, что именно зимние стоянки определяют плотность расселения кочевников и от них зависит поголовье скота. Не случайно для кочевника богатство какого-то района определяется обилием и удобством зимних стоянок, все сражения и военные походы киргизских орд в прошлых столетиях были не чем иным, как постоянным стремлением захватить лучшие зимние стоянки. Зимние стоянки должны были обеспечить защиту скоту от непогоды в это суровое время. Как правило, выбирались места, укрытые от ветра в низкой речной долине, с обилием воды и дров, и пастбища с возможно меньшим слоем снега. Зимние стоянки обычно распределены таким образом, что отделяются от соседних естественной границей – речками, озерами, холмами, горными склонами. При отсутствии естественной границы устанавливаются искусственные пограничные знаки, например, столбы или камни. Границы отдельных участков точно известны всем родственникам и соседям, они считаются неприкосновенными и находятся под охраной рода (Радлов, 1989, С. 249–255).

Предгорья южных отрогов Кураминского хребта идеально отвечали всем требованиям, предъявлявшимся зимним стоянкам. Более того, совершенно очевидно, что некрополи носителей культуры курумов и мугхона Ферганской долины, состоящие нередко из нескольких десятков сооружений (Ашт, Варзик, Моголтау, Сарыкулсай), располагались рядом с местами зимовок родовых объединений их оставивших.

Могильники по рельефу не опускаются ниже отметки 600 метров над уровнем моря и, у нижней кромки своего распространения, образуют самые обширные поля. По мере увеличения высоты количество погребальных сооружений резко падает до 50 – 30 – 15 – 10 – 3. По сути, это уже группы сооружений (Чимбийсай, Гавасай, Кулпаксай, Кучкар- ата) (Баратов, 1997. С. 35–40).

Все они были сооружены в сравнительно позднее время – в IV–VI вв. н. э., когда этот регион был видимо, перенаселен и испытывал чрезмерное демографическое и хозяйственное давление. Районы, где они располагаются в меньше степени, но удовлетворяют требованиям зимовок. Зимы здесь относительно мягкие. Температура воздуха не падает ниже –10 градусов, а снежный покров не превышает 15 сантиметров (Сведения получены от начальника метеостанции Бешташ Шайымкулова М.). На зимних пастбищах носителей культуры курумов и мугхона Ферганской долины, по-видимому, располагались целыми родами. Подобное расположение на

зимних стоянках зафиксировано В.В. Радловым у кара-киргизов. «Они «живут не аулами, а целыми родами, зимой, поставив свои юрты по берегам рек непрерывной цепью, которая нередко тянется верст на 20 и более. Летом они таким же образом перемещают юрты все выше и выше в горы, так что каждый род выпасает свои стада на отдельном горном склоне. Такой способ перекочевок определяется отчасти природными условиями, отчасти же весьма воинственным характером народа. Такое расположение юрт позволяет кара-киргизам в течение нескольких часов привести армию в полную боевую готовность» (Радлов, 1989, С. 348). К сожалению, археологам не удалось обнаружить поселения или стойбища культуры курумов и мугхона Ферганской долины. Вероятно, они имели рассредоточенную планировку, а сами жилища – легкую переносную конструкцию типа шатра или юрты.

«До середины апреля киргизы обычно остаются на зимних стоянках, а затем начинают перекочевывать. Чтобы захватить удобное место, каждый аул, состоящий чаще всего из 3–5 юрт, по возможности держит в тайне время, когда он собирается сняться, и место, куда он направится. ... Если оно уже занято, то аул занимает ближайшую свободную территорию. Вслед за переездом одного аула обычно снимаются все аулы данной местности. Каждый старается поскорее устроиться на новом месте и не просто найти благоприятный участок, а такой, который был бы удобен для последующих кочеваний и находился бы на пути к хорошему пастбищу, куда предстоит отправиться в разгар лета. В начале весны, когда травы еще мало, аулы лишь недолгое время могут оставаться на одном месте. Они меняют его, чуть ли не каждые два-три дня. Стада пасутся на залитых солнцем горных склонах, где в это время благодаря стекающим с вершин снеговым водам появляется наиболее богатая растительность. А в начале лета, когда трава выросла высокая, они часто остаются на одном месте неделями. Когда же набирающее силу солнце начинает сжигать здесь траву, они поднимаются все выше и выше по открытым террасам, пока в самый разгар лета не добираются до границы вечного снега, где в приятной прохладе проводят самое жаркое время года. Осенью караваны юрт снова направляются вниз, на не открытые горные террасы, а в прикрытые горные ущелья и долины, туда, где солнце еще не спалило богатый травяной покров. Обратный путь с летних стоянок происходит где-то в середине августа и обычно по тому же пути, которым следовали весной. Осенняя стоянка длится, как правило, с 15 сентября до 15 октября, а затем возвращаются на зимние квартиры, где обычно устраиваются в начале октября» (Радлов, 1989, С. 256).

Отсутствие большого числа остеологических находок в захоронениях культуры курумов и мугхона не позволяет достоверно определить видовой состав стада. Однако ряд факторов: естественно-природные условия среды обитания, характер системы водообеспечения, а также аналогии со структурой стада современных скотоводческих народов, населяющих территорию распространения памятников культуры курумов и мугхона, позволяют предполагать, что ее носители имели преимущественно мелкий рогатый скот.

Зоны, на которых располагаются некрополи, характеризуются сравнительно хорошей увлажненностью атмосферными осадками, сильной расчлененностью гу-

стой сетью оврагов, сухих долин саев и ущелий. В почвенном покрове доминируют сильно эродированные галечниковые и щебнисто-суглинистые светлые сероземы и серо-бурые почвы, которые обогащены гипсом. Растительный покров этих зон, в силу этих условий, очень скуден. Ландшафтно-образующими растительными группировками этих территорий являются сообщества с преобладанием полыней (серой, туранской и ферганской), илака, живородящего мятлика, кей-реука, боялыча и солянок. Урожайность их низкая и колеблется от 0,5 до 2 ц/га. По поймам рек, где обычно развиты луга и кустарниковые заросли, проективное покрытие в 5–6 раз выше (Абдулкасимов, 1983, С. 52). Это современные возможности растительных ресурсов. В этих естественных условиях интересующих нас зон современные животноводы содержат почти исключительно мелкий рогатый скот и верблюдов. Что касается коневодства, то очевидно, что с подобной естественной растительностью продуктивно разводить их невозможно. Вероятно, этим занимались на другой территории. Тем не менее, лошадей содержат и содержали, по-видимому, в древности в большом количестве – в качестве транспортного средства. Об этом говорят, в частности, некоторые археологические данные. На донцах лепных сосудов из курумов и мугхона собственного изготовления часто встречаются отпечатки семян люцерны. Очевидно, что носители культуры курумов и мугхона занимались и земледелием, которое скорее всего культивировалось у них только по принципу дополненности. В качестве изоляторов дна при лепке сосудов применялась и половя проса «сетария» (Спришевский, 1956. С. 59–60). Просо выращивали в качестве дополнительного рациона к собственному питанию, а люцерну – для прокорма верховых лошадей. По такому же принципу существовало земледелие у кочевых народов Средней Азии в XIX в. Оно имело место лишь вблизи естественных источников воды – по речным долинам. В.В. Радлов отмечал, что «во всех маломальских пригодных для земледелия местах он встречал возделанные киргизами земли. Уход за полями возлагали на определенных жителей аула или же на нескольких семейств земледельцев, нанятых для этой цели богатыми людьми. Эти крестьяне живут все лето около полей, а кочующие аулы обеспечивают их необходимым скотом» (Радлов, 1989, С. 295). А. И. Левшин замечает, то «земледелие не делает их оседлыми. Они кочуют около пашен своих...» (Левшин, 1832, С. 199). Я. Гавердовский описывает подробнее: «все скотоводы идут со своими аулами в дальнейшие кочевья и не прежде возвращаются к полям, чем через 60 дней. Тогда, когда хлеб поспевал к жатве. Но между тем в продолжении сего срока караульщики или сами хозяева изредка посещают поля для наблюдения за целостностью оных, а иногда и для наводнения». По окончании молотбы опять пускаются кочевания» (Гавердовский, Л. 105). О наличии существования у носителей культуры курумов и мугхона в хозяйственной деятельности других занятий кроме животноводства, результаты которых могли быть предметами товарообмена, свидетельствует ряд находок в погребальных сооружениях. В. И. Спришевский в камере мугхона 1 в Кулпоксае нашел железный массивный колун с клиновидным концом на одной стороне и плоским четырехугольным обухом – на другой, расплюснутым от ударов (Спришевский,

1950. Архив Музея Истории народов Узбекистана АН УзССР. С. 11; 50; Спришевский, 1951, С. 11). В насыпи курума 7 в Кулпаксае найден большой фрагмент сплава железной руды (Спришевский, 1951, С. 42). Железный колун Спришевский нашел в комплексе с хорошо датирующимся лепным кувшином с носиком-сливом. На стенках сосуда имеются косо расположенные налепы с насечками на них. Подобные налепы широко представлены на горшках 2 этапа каунчинской культуры, что позволяет уверенно датировать и сосуд, и колун IV – V вв. н. э. сплав железной руды найден в насыпи курума, в камере которого лежал нож 4 типа, имевший распространение вплоть до VI вв. н. э.

Эти находки могут свидетельствовать о том, что племена-носители культуры курумов и мугхона занимались добычей полезных ископаемых, в частности, железных руд, и, вероятно, полудрагоценных камней (сердолик и бирюза), о которых упоминает «Синь Тан шу». Ни на одной из исследованных до сих пор шахтных горных выработок на железо и другие металлы в северо-ферганском регионе не найдено материалов ранее IX–XI вв. н. э. Вероятно, в эпоху поздней античности и раннего средневековья скотоводы разрабатывали железные руды, выходявшие прямо на дневную поверхность (железорудные «шляпы») и которых было еще в изобилии. Знакома им была видимо и первичная металлургия, связанная с обогащением руды. Очевидно, что продукция первичной металлургии (слитки) поступала в близлежащие городские центры и земледельческие оазисы для обмена на жизненно важные продукты и изделия. Очевидно, что скотоводами бал освоена и кузнечная металлообработка (Баратов, 1994. С. 42–43). Во всяком случае, часть орудий труда: ножи и железные украшения носят весьма самобытный облик и у земледельцев в долине не встречаются (Рис. 3). Ряд железных предметов, найденных нами: меч и браслет из мугхона в Гавасае (Баратов, Исаметдинов, 1990, С. 86–93), украшения – кольцевидные серьги и подвеска из погребальных сооружений Варзикского могильника были подвергнуты химическому анализу в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, руководимой Н.Н. Тереховой (Россия). Результаты этих анализов продемонстрировали высочайший технологический уровень развития железной металлургии и металлообработки у племен, оставивших курумы и мугхона. Так проведенные исследования меча из мугхона в Гавасае продемонстрировали, что его лезвие было отковано из двух полос: одна его полоса состояла из высокоуглеродистой стали (содержание углерода – около 2%). Вторая полоса металла откована из обычного железа. Обе полосы были приварены друг к другу железом с содержанием углерода с сотыми, долями процента (0,02%) – то есть сварка полос лезвия меча была произведена фактически чистым железом. Технически чистое железо – наиболее чистый металл, полученный в современной металлургии, содержит железо до 99,92 % и отличается: малой коэрцитивной силой, отличными магнитными свойствами, высокой проводимостью, стойкостью к коррозии, пластичностью и хорошей свариваемостью. Для сравнения – показатель примеси углерода и других элементов в знаменитом Делийском столбе (изготовлен в 415 год нашей эры) составляет 0,28 %. (99,720% железа) и содержит лишь незначительные примеси углерода, серы и фосфора.

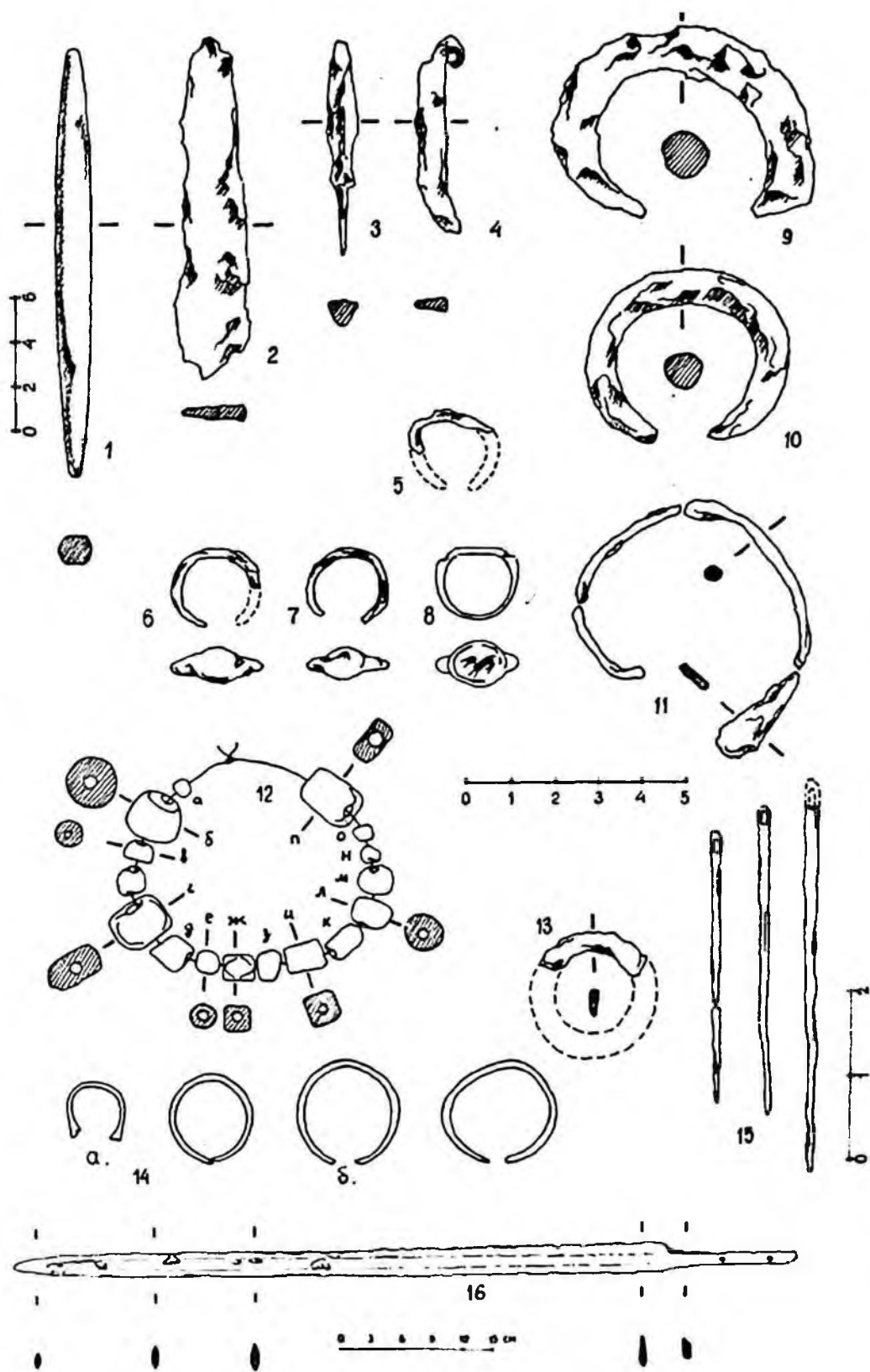

Рис. 3 – металлические изделия культуры курумов и мугхона.

Химический состав материала колонны, %¹⁷¹

Углерод	Кремний	Сера	Фосфор	Азот	Железо
0,08	0,046	0,006	0,114	0,032	99,722

(Мезенин, 1972. С.52–53).

Анализы железных кольцевидных серёг с разъемными концами показали, что они также были выполнены из химически чистого железа. Некоторые такие серьги были выполнены из серебра. Одна подвеска в форме кинжала содержала углерод около 2%. Браслет с острыми заостренными концами был выполнен из белого чугуна¹.

Фергана до VII века нашей эры не имела собственной монеты и в ней, скорее всего, отсутствовали развитые денежные отношения, а торговые операции обычно осуществлялись посредством обычного обмена товара на товар.

Продукция, предназначенная для обмена, требовала значительных профессиональных навыков, которые, скорее всего, передавались по наследству, что позволяет предполагать существование в скотоводческой среде ремесленной специализации. Чрезвычайная сложность конструкции погребальных сооружений скотоводов – мугхона, их однотипность, фиксируемая на значительных пространствах, позволяют предполагать, что их строительством занималась специальная хорошо подготовленная группа людей, причем вероятно своя в каждом родовом объединении.

Таким образом, целый ряд археологических данных позволяет предполагать, что наряду с основным животноводческим занятием, приносящим основные средства к существованию скотоводческого общества, в их среде были развиты и успешно существовали занятия, оформившиеся в ремесла, передавшиеся по наследству, продукция которых предназначалась для собственных нужд и для обмена на городских рынках, где взамен на них приобретали необходимую им земледельческую и ремесленную городскую продукцию (Рис. 4). Такими ремеслами могли быть: добыча полезных ископаемых (медь, железо, серебро, золото и полудрагоценные камни), металлургия и металлообработка. Причем, как показали химические анализы железных предметов культуры курумов и мугхона Ферганской долины они иллюстрируют высочайший технологический уровень развития металлургии и металлообработки их создателей.

Тем не менее следует признать, что скотоводческое население занималось преимущественно натуральным хозяйством и чаще всего вынуждено было довольствоваться продукцией собственного производства. Об этом свидетельствует большое количество погребений, погребальный сопровождающий инвентарь которых сравнительно беден и, в большей степени, представлен грубой лепной керамикой (Рис. 5). Ремесленная гончарная керамика, редко находимая в погребениях, ткани, разнообразная земледельческая продукция, очевидно приобретались посредством натурального обмена в урбанизированных центрах на продукцию скотоводства, металлургии

¹ Такое название металл получил из-за особых цвета и блеска, которые можно очень хорошо увидеть в процессе излома. Данный блеск появляется потому, что в составе материала нет никаких включений графита, что положительно сказывается на его прочностных характеристиках. В общем соотношении графит составляет не более 0,3 процентов.

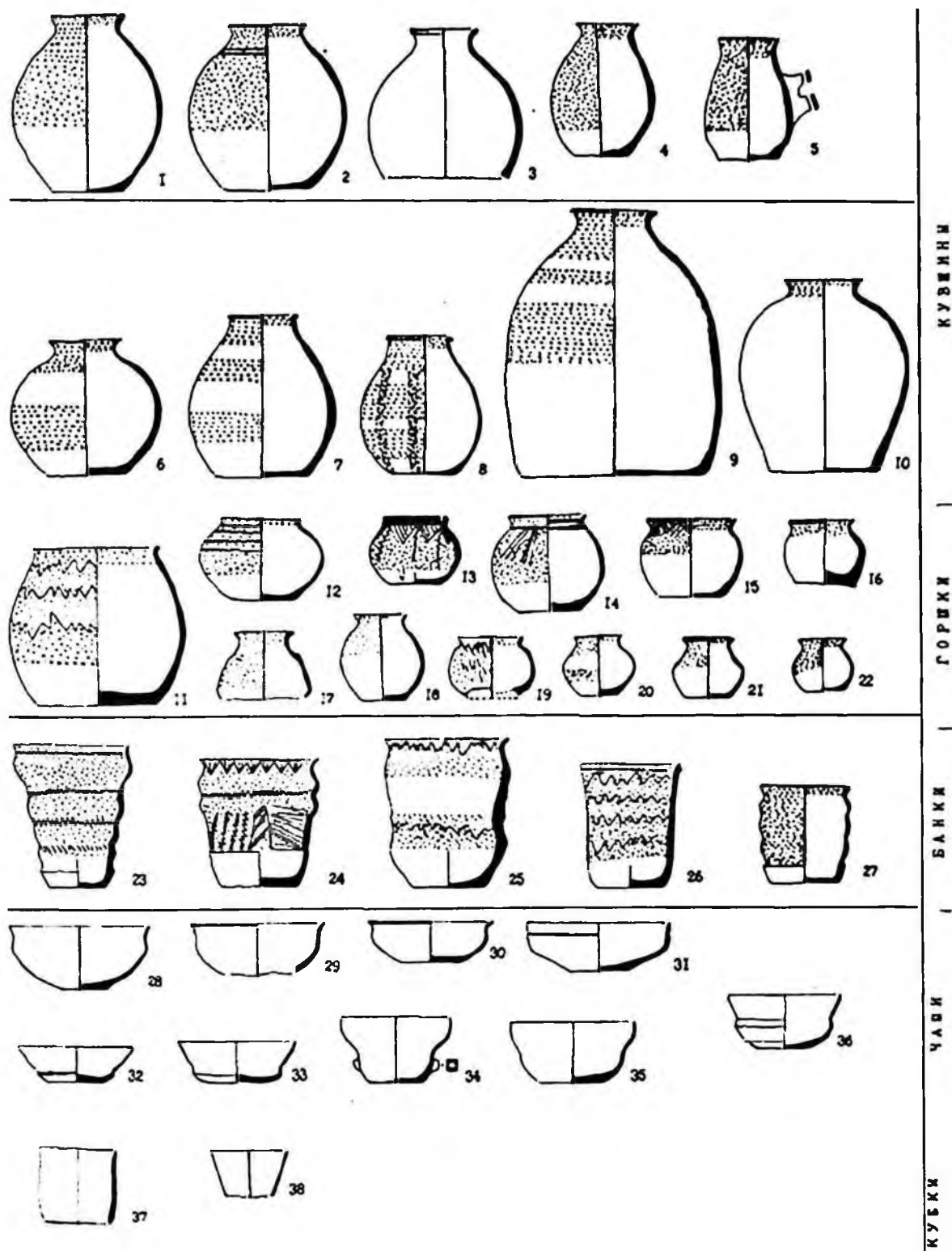

Рис. 4 – ремесленная гончарная керамика из урбанизированных центров, найденная среди сопровождающего инвентаря погребальных сооружений культуры курумов и мугхона.

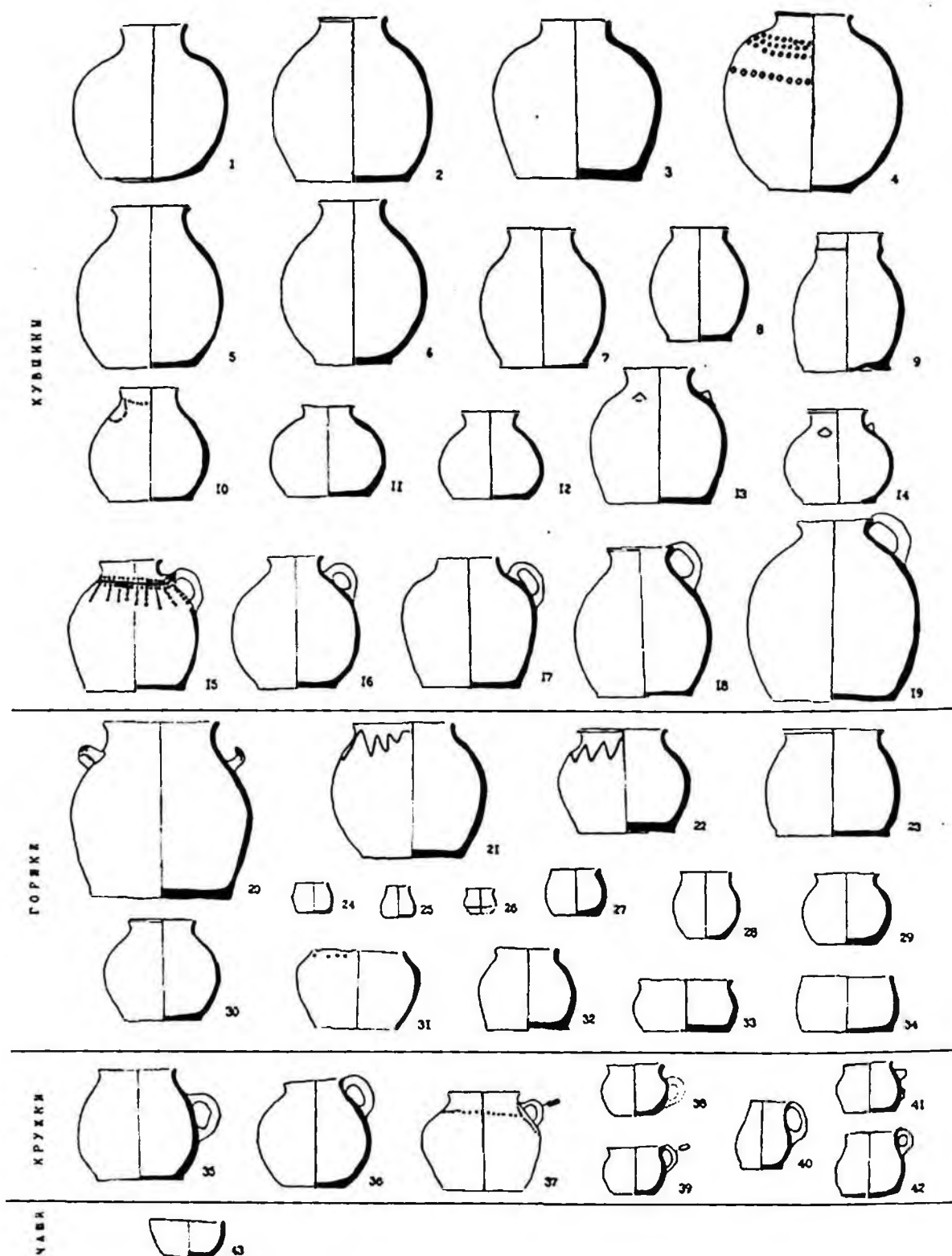

Рис. 5 – лепные керамические сосуды собственного – домашнего производства, найденная среди сопровождающего инвентаря погребальных сооружений культуры курумов и мугхона.

и металлообработки. Социальная организация древних скотоводов северной Ферганы, по-видимому, мало чем отличалась от социальной организации скотоводов XIX в., ведущих аналогичный тип хозяйства. Н.Э. Масанов считает, что рассматриваемый тип хозяйства, связанный с утилизацией поверхностного стока, характеризовался меньшими затратами коллективного труда, меньшим объемом кооперированных форм труда, поскольку наибольшая часть рабочего времени в предгорной и горной зонах расходовалась лишь на перегоны скота с одного пастбища на другое. Вероятно, имела место специфическая форма социальной организации общества, которую можно назвать общиной. Размер и форма общины обуславливались необходимостью основных элементов процесса производства, в частности, трудоемких работ по выпасу скота и организации регулярных перекочевок. Концентрация большой массы трудоемких ресурсов была невозможной из-за ограниченных запасов кормов, что препятствовало сосредоточению скота и продолжительным стоянкам. Вследствие этого имели место иные формы общинной организации (Масанов, 1984, С. 25–33).

Выше было отмечено, что материалы обследованных погребений в некрополях иллюстрируют моногамную форму брачных отношений – патриархальную семью. Каждый погребальный склеп являлся семейной усыпальницей. Очевидно, что топографическое расположение погребальных сооружений на некрополях отражает элементы социальной организации племен их оставивших. Не исключено, что группы сооружений, разделенные лощинами на крупных могильниках, фиксируют первичные социальные подразделения. Однако для подобных реконструкций более удобны небольшие отдельно расположенные группы погребальных сооружений, большей частью насчитывающие от 3 до 12 склепов (Чимбийсай, Гавасай, Кулпоксай). При их анализе возникает предположение, что они могли быть составлены членами одной большой патриархальной семьи, по какой-то причине отделившейся от рода. (Баратов 1997. С. 35–40). Исключение представляет мугхона № 24 Варзикского некрополя, которая содержала погребения 3 семейных пар, погребенных последовательно. Все шестеро погребенных имели искусственную деформацию черепа, удлинявшую голову. Погребальный сопровождающий инвентарь погребений не отличался богатством. Но, очевидно, что погребенные в этом склепе обладали особым статусом – возможно духовным (Баратов, 1997. С. 35–40).

Первичная социальная единица зафиксирована В. В. Радловым у казак-киргизов и кара-киргизов, известная у них под термином «аул». «Члены семьи, находящиеся в наиболее близком родстве, были тесно связаны друг с другом общими интересами, нераздельным владением, являвшимся условием существования менее крупных стад. К ним примыкало несколько более далеких родственников, а также семей, связанных с ними другими отношениями. Этот аул остается вместе и зимой, и летом. Он состоит из 5–10 семей. Главой аула является старейший представитель этой семьи, у которой больше имущества и с которой большинство жителей аула состоит в родстве» (Радлов, 1989, С. 337).

У киргизов аулы объединялись в роды только на зимних стоянках, так как в этот сезон года стада находятся при стойбище. Охрана стада при таком положении

требовала значительно больше людей, да и суровую зиму с ее лишениями легче переносить большим сообществом. Таким образом возникает родовое подразделение, в котором зимой живут сообща, а летом расходятся по пастбищам, не теряя, однако, известной связи и сплоченности, чтобы в случае военной угрозы иметь возможность решительно выступить против общего врага. В таком родовом подразделении представлены уже как общие интересы, так и интересы отдельных аулов, часто вступающих друг с другом в конфликты. Конфликты и решения по спорным вопросам, распределение по аулам летних и зимних пастбищ осуществляли старейшины рода и другие влиятельные люди, отличающиеся богатством, умом и справедливостью, а также имеющие много родни, способной от слов перейти к делу. В беспокойные времена из родов образовывались более крупные объединения – племена, в свою очередь соединявшиеся в родоплеменные объединения – орды. Роды, племена и орды образуют замкнутое целое лишь постольку, поскольку они противостоят другим родам, племенам и ордам (Радлов, 1989, С. 337–339).

Все имущественные споры между аулами решали внутри родовых подразделений. Ранее существовало мнение, что в отношении пастбищ действовало так называемое «право первозахвата» (Баллюзек, 1871, С. 150–151), которое гласило, что тот, кто пришел на то или иное пастбище первым, тот и занимает его и выпасает здесь свой скот. Н.Э. Масанов считает, что это «право» в процессе развития социальной дифференциации, как правило превращалось в юридическую фикцию. Это было обусловлено тем, что качественный видовой и количественный состав стада, как важнейшие условия средств производства, определяли монополию богатых владельцев скота на землю. Собственность на землю в скотоводческом хозяйстве, ведущегося в предгорных и горных условиях, имела весьма специфические формы. Из-за зональности и посезонной продуктивности растительного покрова происходило вовлечение земли в зонально-посезонную собственность скотовладельцев. Кроме того, существовала общинная урегулированность системы кочевания и распределение пастбищных угодий (Масанов, 1989).

Вероятно, аналогичная система распределения и пользования пастбищными угодьями могла существовать и у племен-носителей культуры курумов и мугхона культуры. Социальная организация у скотоводов в силу специфических условий их жизнедеятельности до последнего времени сохранялась почти неизменной. Архаизм и консервативность общественных отношений в скотоводческой среде недавнего прошлого, на наш взгляд, позволяет реконструировать их систему и у племен далекого прошлого.

Религиозные представления племен-носителей культуры курумов и мугхона, вероятно, находились в соответствии с их космогоническими представлениями (Баратов, 1996. С. 145–148). Этнографы давно заметили, что устройство мира в представлении скотоводческих народов всегда соответствовало особенностям окружающей их природы. К. Йетмар, изучавший космогонические представления у горных народов Гиндукуша, сохранивших элементы домусульманских верований, отмечает, что горы у них как бы закрывают вид на мировые просторы. В их представлениях нет такой широкой космогонической картины, в которой бы фигурировали далекие континенты и омывающие их океаны. Поэтому страны света, от-

крывающиеся из долин, не вызывают у них большого интереса. Небо не занимает у них воображения настолько, насколько, например, у жителей степей. Календарь их основан на наблюдениях над тем, в какой точке кольца горных вершин появляется в определенные фазы вегетативного периода солнце при восходе, если в каждом случае смотреть из одного фиксированного пункта долины. Горы в целом не считаются чем-то возвышенным и священным, не всегда враждебны и грозны, но подразделяются на зоны по принципу их чистоты, и критерии эти чрезвычайно конкретны. Воплощением чистоты считаются вершины гор, в первую очередь те, которые благодаря своей высоте и ледяному покрову склонов были недоступны человеку. Чистыми являются также скалы и расположенные на них альпийские луга. Рангом ниже считаются те части долины, в которых уже имеются поля и селения человека. Нечисты и опасны устья долин, нередко узкие, как ущелья, и непригодные для расселения. Река образует как бы ось этой системы, соединяющую области, разобщенные как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Всем растениям приписывается определенная степень чистоты в силу их местоположения. Подтверждение этого видят в том, что самые прекрасные и душистые цветы растут в высоких горах. Средоточием всей чистоты, которая воспринимается одновременно и как святость, считается можжевельник (арча). Во многих обрядах его применяют для создания религиозной атмосферы. В мире животных воплощением чистоты и святости считаются каменный козел и дикая коза (Йетмар, 1986, с. 225–228). Озеро, лежащее под самыми альпийскими лугами, считается Родиной богов. Здесь также растет то могучее дерево, которое считается символом людей и богов. Небо не расположено над землей, а постепенно начинается там, где заканчивается горная долина, в зоне чистых вершин и снегов. Река соединяет небо со средней зоной, где живут кафиры, и с царством мертвых близ выхода из долины (Йетмар, 1986, С. 49–55).

Модель космогонических представлений скотоводческих народов гор Гиндукуша, сохранивших реликты древнеиранских верований, изложенная К. Йетмаров, позволяет найти объяснения многим, на первый взгляд, казалось бы, разрозненным фактам, полученным в результате археологических исследований погребальных сооружений культуры курумов и мугхона, расположенных в предгорьях и горах северной Ферганы.

Все известные нам некрополи племен-носителей культуры курумов и мугхона располагаются ниже кромки альпийских лугов, начинающихся обычно на высоте выше двух тысяч метров над уровнем моря. Ни разу курумы и мугхона не были обнаружены на площади высокогорных пастбищ. Самые обширные некрополи располагаются у выходов горных ущелий в долину и занимают уровни, которые по представлениям кафириков Гиндукуша являются «царством мертвых». Самым крупным таким некрополем, пожалуй, является могильник, расположенный у выхода ущелья Гавасай на равнину. Наивысший уровень распространения курумов и мугхона и сегодня находится ниже кромки произрастания арчи, считавшейся у дардов священной. Очевидно, что племена-носители культуры курумов и мугхона культуры также почитали арчу как средоточие чистоты и как святость и, вероятно, применяли ее ветви в своих религиозных обрядах в качестве символа божественного начала. Священ-

ной и почитаемой она остается до сих пор у наших народов. Уровню произрастания арчи соответствует и эфедра, сок которой, как полагают многие исследователи, мог использоваться для приготовления священного ритуального напитка – хаомы. Это не маловажно для нашего региона, так как именно здесь локализован этноним саков хаумаварга – саков, почитающих Хаому – авестийское божество. По топографии расположения некрополей курумов и мугхона совершенно определенно выделяется самая нижняя – нечистая зона – царство мертвых – место выхода ущелий на равнину. Верхняя ее граница доходит до 1700–1800 метров над уровнем моря, а нижняя опускается до 600 метров. По ландшафту это самые узкие неудобные ущелья и бесплодные адырные террасы, сложенные аллювиальными отложениями.

Среднему уровню соответствуют альпийские луга, служившие летними пастбищами и стойбищами. Это – благоприятный мир для жизни людей и скота, считавшийся чистым. Воплощением чистоты считались, очевидно, вершины гор, а также озера, находившиеся ниже и выше альпийских лугов – Родина и место обиталище богов, фей и демонов. О том, что древними скотоводами северной Ферганы почитались горные вершины, свидетельствует наивысшая точка Кураминского хребта – гора Бобо-и Об, сохранившая, вероятно, свое древнее название. На его вершине (3769 м) сохранился культовый комплекс, состоящий из двух отдельных частей. Нижний – Суннат Булак – состоит из остатков помещений, прямоугольных и округлых в плане оград. Проходы в помещения и ограды оформлены вертикально поставленными обработанными камнями – лингамами до 150 см высотой. Верхний состоит из выложенных из дикого камня оград, конусовидных сооружений, спиралей, кромlexов, кольцевых выкладок. (Информация о культовом комплексе на горе Бобо-и Об получена от его исследователя – ферганского краеведа В.Л. Огудина). Комплекс функционирует и сегодня. Его посещают паломники-мусульмане раз в году в течение самого жаркого месяца.

Ниже альпийских лугов, расположенных в верховьях Гавасая располагается озеро Кукалла, в водах которого, по местным преданиям, живет прекрасная пэри в образе прекрасной белой лошади. В полнолуние лошадь выходит на берег озера и превращается в прекрасную девушку. По преданиям жителей селения Олмас, основателем его является пастух, женившийся на этой пэри. Потомки этого пастуха и пэри сегодня являются жителями Олмаса. Девушки селения отличаются особенной красотой и их не выдают замуж чужакам. Этим же и объясняется этимология названия Олмас (не взять).

Б.А. Литвинский, рассматривая погребальную практику, совершавшуюся в курумах и мугхона, сопоставил их с погребальными сооружениями осетин, которые ряд исследователей сближали с древнеиранскими. Он поддержал точку зрения К.И. Иностранцева, рассматривавшего последние в качестве комбинации дахмы и остодана – науса и, не исключаяющего, что в этом же ряду стоят курумы и мугхона, представляющие собой один из вариантов древнеиранских погребальных сооружений с погребальной практикой, не имевшей отношения к ортодоксальному зороастризму (Иностранцев, 1907. С. 107; Литвинский, 1972, С. 209–210).

Перечисленные выше параллели побудили нас обратиться к пантеону богов древнеиранских скотоводческих племен. Расположение культового комплекса Бобо-и Об среди скотоводческих памятников на почти недоступной высоте позволяет предполагать, что он мог быть оставлен племенами-носителями культуры курумах и мугхона. Присутствие на нем явно фаллической символики совершенно очевидно свидетельствует о поклонении здесь культу плодородия, связанного с мужским началом. Скотоводство считалось мужским занятием и поэтому не удивительно, что божество, призванное способствовать благополучию стад, имело мужской облик.

Бобо-и Об можно отождествлять с древнеиранским божеством Йимой, который занимал первенствующую роль и почитался как верхнее божество. В «Ардвисур-яште» Йиме приписан божественный статус. Он помещен на священной горе Хукарья, где творит жертвоприношение богине Ардвисуре Анахите ради обретения власти над богами и людьми. К. Йетмар полагал, что у кафи́ров в предгорьях Гиндукуша до принятия ими ислама отражением Йимы было божество Имра. Лингвисты полагают, что название Имро или Юм на языке Камката-вари происходит от заимствования санскритского яма-раджа «Царь Яма» через средне индоарийскую форму Ям(а) рай(а) с характерным северо-западным изменением звука j на у (Lurker, 2004. P. 87; Allen, 1991. PP. 141–168; Malamoud, 1991. PP. 115–121). Примечательна роль Имры-Йимы в пантеоне богов кафи́ров, содержание которой может помочь нам при реконструкции роли верховного божества культуры курумов и мугхона Ферганской долины: «Он оживил своим дыханием других богов, и поэтому все они ему покорны. Имра создал также фей и демонов. Он создал семь дочерей, чтобы они заботились о земледелии, к которому он как мужчина не может иметь отношения. Он сотворил людей, сбивая масло в золотом козьем бурдуке. Имра – полновластный господин над жизнью и смертью, он – Бог неба, о нем рассказывают, что он живет в тучах и тумане. Имра дал людям домашний скот, научил их доить и сбивать масло. Просветив людей, он покинул их, и никто никогда больше его не видел» (Йетмар, 1986, С. 55–72).

Очевидно, что в пантеоне скотоводческих племен северной Ферганы существовал целый ряд божеств, разные персонификации которых ведали конкретными сферами хозяйственной, общественной и культурной жизни общества. Однако недостаточное еще количество имеющихся в нашем распоряжении археологических данных не позволяет сколько-нибудь аргументированно говорить об их персонификации.

Очевидно, что, кроме богов в верованиях древне-ферганских скотоводов значительное место занимали феи, пери и демоны. Отголоски этих верований до сих пор живы в устном фольклоре скотоводов и охотников Кураминского хребта.

Использованная литература:

1. *Абдулкасимов А.А.* Проблемы изучения межгорно-котловинных ландшафтов Средней Азии, Ташкент: Фан, 1983. 126 с.
2. *Алексеев В.П.* Становление человечества. М.: Наука, 1984. С. 462.

3. Анарбаев А.А., Баратов С.Р., Кубаев С., Саидов М., Насриддинов Ш. Археологические исследования на городище Чильхуджра в 2013 г. // Археологические исследования в Узбекистане в 2013–2014 гг. Самарканд. 2016. С. 23 – 36.
4. Баратов С.Р. Исаметдинов М. Новые раскопки мугхона в Гавасае. ИМКУ. Вып. 24, Ташкент, 1990, С. 86 – 93.
5. Баратов С.Р. Культура скотоводов северной Ферганы в древности и раннем средневековье (по материалам «курумов» и «мугхона»). Автореф. дис. канд. ист. наук. Самарканд 1991. 24 с.
6. Баратов С.Р. К истории древней металлургии курамино-чаткальского горного массива. Тезисы доклада на международной конференции: «История и перспективы горнорудной промышленности Средней Азии». Худжанд. 1994. С. 42 – 43.
7. Баратов С.Р. К вопросу реконструкции космогонических и религиозных представлений саков Ферганы. Материалы международной конференции: «Жречество и шаманизм в скифскую эпоху». Проект «Skifika-Siberika». СПб, 1996. С. 145 – 148.
8. Баратов С.Р. К вопросу о характере труположений в погребальных сооружениях типа «курумы» и «мугхона». // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд. 1997. С. 35 – 40.
9. Археологические работы на могильнике Варзик. Археологические открытия в 1983 году. М. 1985. С. 522 - 523.
10. Мезенин Н.А. Железная колонна в Дели // Занимательно о железе: Металлургия. М, 1972. С. 52 – 53. 200 с.
11. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевников общества). М., 1995. 320 с.
12. Иностранцев К. Туркестанские оссуарии и остоданы. // ЗВОРАО. Т. XVII. СПб., 1907. С. 107.
13. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4.
14. Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана из рубежа XVIII–XIX веков, Алма-Ата: Наука, 1984.
15. Масанов Н.Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989.
16. Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 740 с
17. Спришевский В.И. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории // Труды Музея истории Узбекской ССР. Вып. III. Ташкент, 1956.
18. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. СПб., 1832.
19. Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона // Записки Оренбургского отдела РГО. Вып. 2, 1871.
20. Йетмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986.
21. Иностранцев К.А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // ЖИНП., нов. сер., СПб., XX. № 3. 1909.
22. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1972.

23. *Allen N.J.* Some gods of Pre-Islamic Nuristan. In: *Revue de l'histoire des religions*, tome 208. N. 2. Année, 1991. PP. 141–168.

24. *Lurker M.* *The Routledge Dictionary of Gods Goddesses Devils and Demons.* Routledge. 2004. p. 87.

25. *Malamoud C.* Histoire des religions et comparatisme: la question indo-européenne. In: *Revue de l'histoire des religions*, tome 208. N. 2. Année, 1991. PP. 115–121.

Архивные материалы:

Гавердовский Я. Обзорение киргиз-кайсакской степи, или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого. Ч. 2. // Рукописный отдел ЛОИИ АН СССР. Кол. 115. № 495. Л. 105 обр.

Спришевский В.И. Дневник работ археологического отряда Памиро-Ферганской экспедиции АН СССР. 1950. Архив Музея Истории народов Узбекистана АН УзССРАН УзССР.

Сведения об авторе:

Баратов Сергей Равшанович, кандидат исторических наук, заведующий отдела, старший научный сотрудник Национального центра археологии АН РУз, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81.

ANTIK DAVR VA ILK O'RTA ASRLARDA FARG'ONA VODIYSI LANDSHAFTLARIDA QURUMLAR VA MUG'XONA MADANIYATI VAKILLARINING XO'JALIK VA MADANIY FAOLIYATINI QAYTA TIKLASH TAJRIBASI

Maqolada muallifning fikriga ko'ra, so'nggi antik davr va ilk o'rta asrlarda Farg'ona vodiysi hududida yashagan qurumlar va mug'xona madaniyati qabilalarining xo'jalik faoliyati, ijtimoiy tuzilma va diniy tasavvurlari shakllari va turlarining tarixiy rekonstruksiyalari keltirilgan. Talqinlar Qadimgi Farg'onaning arxeologik dafn majmualari – qurumlar va mug'xonalar tahlili asosida O'rta Osiyo, Afg'oniston va Pokiston ko'chmanchi xalqlarining etnografik tadqiqotlari materiallari bilan taqqoslagan holda amalga oshirilgan.

Tayanch so'zlar: O'zbekiston arxeologiyasi, antik davr, ilk o'rta asrlar, Farg'ona vodiysi, xo'jalik, ijtimoiy tuzilma, diniy tasavvurlar, tarixiy rekonstruksiyalar.

EXPERIENCE IN THE RECONSTRUCTION OF THE ECONOMIC AND CULTURAL ACTIVITIES OF THE BEARERS OF THE KURUMS AND MUGHONA CULTURE ON THE LANDSCAPES OF THE FERGANA VALLEY IN THE ERA OF ANTIQUITY AND THE EARLY MIDDLE AGES

The article presents historical reconstructions of the forms and types of economic activity, social organization and religious beliefs of the Kurums and Mughona culture-bearing tribes that

lived in the Ferghana Valley in the late antiquity and early Middle Ages, which are likely in the author's opinion. Interpretations are made on the basis of the analysis of archaeological burial complexes - kurums and mughonf of ancient Fergana in comparison with the materials of ethnographic studies of the nomadic peoples of Central Asia, Afghamistan and Pakistan.

Keywords: Archeology of Uzbekistan, Ferghana valley, antiquity, early middle ages. economy, social organization, religious ideas, historical reconstructions.

Шухрат Адылов

«ГЛАВНАЯ ДОРОГА» И КАВКАЗСКИЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ»

Аннотация: В средневековых письменных источниках термином «Главная дорога» (Шахрох) обозначается магистраль, связывавшая столицу Хорасана Марв аш-Шахиджахан на западе с Самаркандом и прилегавшим к нему регионам на востоке. Этот путь пролегал по берегу Реки Согда (Зарафшана), непосредственно через город Навмиджас (Бухару) и сформировался во времена эфталитов. Термином Кавказский шелковый путь в научной литературе обозначается ответвление «Главный дороги», которое тянулось так же по берегу Реки Согда, но в обход Навмиджаса. Главным городом на этом пути в пределах Западного Согда был Рамисан, который с конца VI – до середины VII веков был столичным центром области Бухары. Этот путь тянулся в обход территории Ирана во времена его конфликта с Тюркским каганатом. Во времена интенсивного функционирования Кавказского шёлкового пути значение «Главный дороги» отошло на второй план. Однако после завоевания арабами территории Ирана значение «Главный дороги» снова возросло, поскольку арабы были заинтересованы в развитии торговых коммуникаций на подвластных им территориях. Одновременно понизилось значение Кавказского шёлкового пути, так как хазары развернули боевые действия в стремлении создать собственный каганат. По этой причине пользоваться Кавказским шёлковым путем стало опасно. В конечном итоге столица Западного Согда вернулась на своё исконное место – Бухару.

Ключевые слова: «Главный путь», Кавказский шелковый путь, Бухара, Рамисан, Западный Согд, торговые отношения, арабы, Тюркский каганат.

Область Бухары – это территория в центре Средней Азии, а в исторические времена она находилась на стыке с другими историко-культурными регионами: Хорезмом, Центральным Согдом, Туркистаном (северной степной территории), Южным Согдом и северо-западной оконечностью Бактрии-Тохаристана. Через Бухару пролегли дорожные коммуникации, связывавшие страны Причерноморья и Средиземноморья с Дальним Востоком и Индостаном. Среди них в первую очередь следует отметить трассы Великого шёлкового пути. По ним передвигались не только купцы с товарами, но также кочевники-скотоводы, переселенцы-мигранты, завоеватели, посольства, миссионеры, строители, ремесленники, искатели знаний. Через них осуществлялся обмен идеями, знаниями, технологиями. Благодаря этим трассам, Нумиджас (первоначальное название Бухары) и другие большие и малые города региона становились узловыми центрами не только международной торговли, но и многих этнических, политических и культурных процессов, имевших глобальное значение для всего Среднего Востока.

О средневековых караванных дорогах и маршрутах, пересекавших область Бухары, хорошо известно по арабским и персидским историко-географическим трактатам. Среди главных магистралей в первую очередь следует выделить трас-

су Шахрох («Главную дорогу»), пересекавшую территорию региона по течению Реки Согда (Зарафшана) с северо-востока на юго-запад. Её называли также «Большой дорогой (*рох-и бузург*) в Хорасан». В рамках географического ареала Средней Азии эта дорога связывала между собой столицу Хорасана Марв аш-Шахиджахан (городище Старый Мерв около г. Байрам-Али, Туркменистан) на западе с Туркменистаном на севере, а также с Самаркандом, Усрушаной, Чачем, Илаком и Ферганой на востоке. При этом основная часть магистрали тянулась по левому берегу Реки Согда (Зарафшана) на всём её протяжении. В пределах низовьев (с северо-востока на юго-запад) – сначала вдоль берегов протока Руд-и Зар (он же – Харамкам, современный Шахруд), который считался главным руслом реки на данном ареале, или по берегам его нижних боковых ответвлений, а на завершающем этапе – по берегу протока Нижний Фаравур. Данный исторический и ныне исчезнувший проток являлся ответвлением другого более крупного протока Самджан. Ему соответствует нынешний проток Каракульдарья (главное русло Зарафшана в низовьях реки). Он достигал в своём нижнем течении поймы Амударьи в районе ж/д станции Фараб (Туркменистан), возле которой находятся развалины исторического города Фарабра (городище Куи-кала). На данном пути находился и главный столичный город – Нумиджкас. В области Бухары западный отрезок генеральной трассы, соединявший Нумиджкас с Марвом, назывался Хорасанской дорогой, а её прямое продолжение на восток во внутренние области Согда – Самаркандской дорогой. Самые нижние участки магистрали Шахрох начали формироваться уже в глубокой древности на путях миграций. Ещё в Эпоху Бронзы со стороны Джайхуна-Амударьи, двигаясь по берегам Нижнего Фаравура и Махандарьи (ещё один сухой проток Каракульдарьи, достигавший в прошлом Амударьи), на юго-западные окраины региона проникали осёдло-земледельческие племена – носители культуры Заманбаба. В IV в. до н.э., когда на основной территории Западного Согда начался процесс урбанизации, одновременно также складывались и дорожные коммуникации между пунктами расселений. Однако особо возросло значение магистрали во времена противостояний Сасанидского Ирана с его восточными соседями, известными под обозначениями хиониты-кидариты-эфталиты. Прежде, во времена древних царств, торговые и прочие связи между двумя столицами – Марвом на западе и Самаркандом на востоке – поддерживались по другой генеральной магистрали, пролежавшей преимущественно по северным районам Бактрии-Тохаристана. Дорога вела сначала на юг по берегу Мургаба к истокам реки в области Марв ар-Руд (на границе Туркменистана и Афганистана), а затем на восток через область Гузганан к Балху (Бактрам) – столице Бактрии-Тохаристана. От Балха пролегал путь на север (с переправой в Термезе) в Кеш и Самарканд. Причём на пути из Термеза в Самарканд приходилось дважды преодолевать горные перевалы, что в зимнее время сильно затрудняло или вовсе сводило на нет движение по этому маршруту.

На восток от Балха тянулась дорога в горную страну Бадахшан, а на юг – дорога в Индостан. Отдельная прямая трасса соединяла Балх с городом Калиф (городище возле ж/д станции Келиф) на Джайхуне. Город располагался по обоим берегам

реки [Камалиддинов,1993, С.54]. Ниже по течению реки располагался город Замм с переправой под названием Каркух ан-Нахр (сравните с современным названием города Керки в Туркменистане, где он локализуется). И он тоже располагался по двум берегам [Камалиддинов,1993, С.54]. От него тянулась древняя дорога сначала к Нахшабу (район Карши), затем по берегу Кашкруда (Кашкадарьи) в Кеш (район Китаба-Шахрисабза) и далее через перевал к Самарканду. Ещё ниже по течению Джайхуна на его левом берегу находился город Амул (городище Амул возле Туркменабада, бывшего Чарджоу) с переправой на правый берег к Фарабру. Амул был своего рода городом-сателлитом Фарабра, составляя с ним единую агломерацию на важнейшей переправе через Джайхун. Амул располагался самой северной оконечности Бактрии-Тохаристана, но по сравнению с Заммом, Калифом, Термезом и другими пунктами в верховьях реки он возник гораздо позже – примерно во II–III вв. н.э. [Массон,1966, С.120–162; Пилипко,1978, С.94–95]. Со временем значение Амула возросло до такой степени, что сам Джайхун стали называть «Рекой Амула» (Амударья), а пустынное пространство к западу от него – «Пустыней Амула». Через неё пролегла сравнительно короткая прямая дорога длиной 36 фарсахов (около 240 км) из Марва в Амул через древний город Кушмайхан (городище Кашмиз-кала к востоку от г. Байрам-Али), что составляло 4–5 дневных переходов. И, тем не менее, прямая дорога из Марва в Амул через пустыню не пользовалась особой популярностью у купцов и путешественников по понятным причинам. Не считая Кушмайхана, относившегося к дельте Мургаба и расположенного сравнительно недалеко от Марва, на этом пути долгое время не было промежуточных станций, а местные рабаты (караван-сарай) появились только после арабского завоевания [Массон,1966, С.75–76, 84]. Данный маршрут с продолжением на северо-восток после переправы во все времена имел, прежде всего, военно-стратегическое и в меньшей степени торговое значение. Несмотря на отсутствие или недостаток природных удобств и транзитных пунктов на этом маршруте, он был на порядок короче обходной, пусть даже благоустроенной дороги по берегам Мургаба и Джайхуна.

После крушения Кушанского царства (на рубеже III–IV вв.) его северные территории и местные торговые пути оказались под властью Ирана, и там сложился кушано-сасанидский доминион, управлявшийся наследниками трона и обозначаемый в среднеперсидских источниках под названием Кушаншахр. А после того, как большая часть территории Средней Азии к востоку от Джайхуна была захвачена кочевыми хионитами (около середины IV в.), Кушаншахр стал ареной перманентных военных столкновений между ними и персами. Поэтому хиониты стремились наладить свои дорожные коммуникации и перенаправить потоки товаров на подконтрольные только им территории. Как следствие, полностью сформировалась инфраструктура и логистика «Главной дороги» на всей территории долины Реки Согда и регионов по соседству, а магистраль через Кушаншахр и Южный Согд отошла на второй план.

По сравнению с прежним маршрутом «Главная дорога» в обход столиц Тохаристана и Южного Согда во всех отношениях была более привлекательной, удобной и эффективной по нескольким причинам.

Во-первых, эта магистраль охватывала более широкий ареал, в частности всю долину Реки Согда. Генеральная трасса и её ответвления обеспечивали более тесные взаимосвязи с сопредельными регионами – с Тохаристаном, Центральным Согдом, Южным Согдом и Хорезмом.

Во-вторых, трасса могла функционировать независимо от времени года, так как пролегла по равнине, была более комфортной – тянулась вдоль берегов больших рек, по более обжитым местам. В связи с этим у путешественников не было проблем с водой и подножным кормом для животных, использовавшихся в качестве гужевого транспорта, а так же тех, которых забивали по пути на мясо.

В-третьих, дорога существенно сместилась к границам Туркистана, обитатели которого во все времена и независимо от политической конъюнктуры являлись активными потребителями и поставщиками товаров на трассах Великого шёлкового пути. В конечном итоге именно «Главная дорога» стала ключевой на ареале всей Средней Азии, и за ней закрепилось соответствовавшее её статусу название. Благодаря этой трассе в эпоху Раннего Средневековья в долину Реки Согда сместился центр экономического и культурного прогресса. Как следствие, были заложены основы для политического возвышения Бухары и Самарканда. Далеко не случайно, что столицами крупнейших средневековых государств, возникавших на пространстве Средней Азии, в основном становились эти два города.

Другой ключевой дорогой, пересекавшей территорию региона с северо-востока на запад, была Согдийско-Хорезмийская магистраль. Она связывала Самарканд со столичными городами Хорезма. Её можно рассматривать как большое боковое ответвление «Главной дороги», поскольку она начиналась у истока магистрального канала Гав-Хульффар (современная Вабкентдарья) и продолжалась на запад по берегам его протоков до тех мест на степной территории, где вода полностью поглощалась песками. Далее на запад маршрут пролегал до самой поймы Джайхуна по его среднему течению, где на месте переправы на берегу реки расположено городище Наргиз-кала (вблизи границы Туркменистана с Узбекистаном, в местности Кабаклы). Городище является остатками крепости, предназначавшейся для защиты этой стратегически важной местности.

После переправы дорога поворачивала на северо-запад – по левому берегу реки до самой её дельты в области Хорезма. Существовал и правобережный (без переправы) маршрут в сторону Хорезма, но на этом пути было намного меньше промежуточных станций (рабатов), к тому же все они строились уже после арабского завоевания.

Нижний участок этой магистрали тоже начал формироваться на месте древнейшего пути миграций. Со стороны Хорезма на западные окраины региона по берегам дельтового протока Махандарьи проникали сначала племена эпохи Неолита, входившие в круг культуры Кальтаминарского типа. Затем в Эпоху Бронзы по тому же маршруту сюда прибывали носители культуры Андроновско-Тазабагьябского типа, а в эпоху Раннего Железа – носители Архаической культуры Древнего Хорезма.

Ещё в трудах античных авторов, посвящённых походам Александра Великого и географии Средней Азии, есть прямые указания на существование пути из Мараканды (Самарканда) в Хорезм. По сообщению Арриана, в 329 г. до н.э. во время

восстания в Согдиане Спитамен, узнав о приближении Александра, перестал осаждать Мараканду и отступил со своим войском на запад. Александр преследовал его до самой пустыни. При этом он пересёк всю страну, орошаемую рекой Политимет (Рекой Согда) – вплоть до тех мест, где вода терялась в песках. Спитамена он так и не достиг – тот, по сообщению Страбона, укрылся в стране хорасмиев. В том же году, по сведениям Арриана, к Александру в Мараканду прибыло посольство из Хорезма во главе с царём страны Фарасманом. Страбон вслед за Аррианом тоже отмечал, что Политимет, оросив страну, устремлялся в пустынную песчанную область и там поглощался песками [История Узбекистана в источниках., С.100–102, 176, 180].

Из этих сообщений следует, что река Политимет в конечном итоге терялась в пустыне, хотя в те времена из трёх основных русел в низовьях полностью поглощалась песками вода Гав-Хутфара. В то же время Самджан и Руд-и Зар всё ещё имели постоянный сток в крупные исторические озёра. Проток Самджан через своё боковое ответвление (современный Тайкыр) впадал в одноимённое озеро (современное полусухое озеро Денгизкуль на юго-западной окраине области Бухары), а проток Руд-и Зар подпитывал водой ныне исчезнувшее озеро Байканд (оно же – Каракуль) вблизи одноимённого исторического города (городище Пайкенд в районе райцентра Каракуль). Постоянный сток в озёра полностью прекратился ещё в Средние Века. А иногда, возможно даже и вода Гав-Хутфара через его основной нижний проток Рамисан (современный Рамитанруд) достигала Махандарьи и устремлялась по её сухому руслу далее на запад – к пойме Джайхуна. Стало быть, у Арриана и Страбона именно Гав-Хутфар ассоциировался с главным руслом реки в низовьях, и они не имели представлений о других протоках и, тем более, озёрах. Трудно поверить, что в ином случае они могли бы упустить такие существенные географические подробности. Поэтому, с большой долей вероятности, путь, по которому двигался из Мараканды в Хорезм Спитамен, преследуемый Александром, и – в обратном направлении – Фарасман со своей свитой, соответствует Согдийско-Хорезмийской магистрали. Вероятнее всего, во время карательного похода Александр достиг Баштепинской зоны к западу от знаменитого городища Варахша, несколько продвинулся от неё далее на запад, где вода реки полностью поглощалась песками, и затем повернул обратно. Кроме того, археолого-топографические исследования показали, что постоянно действовавшая дорога из Хорезма в Марв и область Бухары – по левобережью Джайхуна – существовала, по крайней мере, ещё в IV в. до н.э. [Древности Южного Хорезма., С.265].

Особенно возросло значение Согдийско-Хорезмийской дороги во времена военных противостояний Сасанидского Ирана с Первым Тюркским и Западным Тюркским каганатами, когда она стала ключевым участком Кавказского шёлкового пути – генеральной магистрали опять-таки в обход территории Ирана, проложенной в качестве альтернативы персидским дорожным коммуникациям. От Хорезма трасса продолжалась на северо-запад до берегов Волги, где разветвлялась в трёх направлениях: на юг – в Закавказье, на запад – к Причерноморью, Византии и странам Европы, на север – в Прикамье. Скорее всего, именно по этому пути, в том чис-

ле и через «земли согдийцев» в 568 г. двигалось к Византии посольство от тюркского кагана во главе с согдийцем Маниахом. В следующем году по этой же дороге через территорию Согда в ставку кагана Истеми прибыла ответная миссия, которую возглавил византийский посол Земарх. Об этом известно из хроники, составленной византийским историком Менандром (VI в.) [Blockley, 1985, p. 115–119]. В дальнейшем значение Согдийско-Хорезмийской магистрали только возрастало, в том числе и на ареале области Бухары. Оно достигло такой степени, что на линию дороги на рубеже VI–VII вв. сместился политический и экономический центр Западного Согда. С этого времени до конца 60-х гг. VII в. столицей был город Рамисан (городище Курган-и Рамитан к западу от райцентра Рамитан), а Нумиджас пребывал в упадке. Именно через эту магистраль поступали в страны Запада и Востока знаменитые хлопчатобумажные шёлковые ткани «занданичи», поскольку пункт, в котором они производились (на месте современного селения Зандана в районе райцентра Пешку, на берегу протока Зандана), относился непосредственно к пойме Гав-Хутфара. Но после того, как Иран захватили арабы, а столица Западного Согда окончательно вернулась на своё исконное место, снова на первый план выдвинулась «Главная дорога».

Ещё одним большим ответвлением «Главной дороги» являлся путь из Нумиджаса в Нахшаб (городища Ер-курган и Шуллиук-тепа в окрестностях Карши) и Кеш (городище Каландар-тепа на территории г. Китаб и Шахрисабз). В Раннем Средневековье этот путь имел не столько экономическое, сколько политическое значение. Известно, что в начале VII в. (возможно, и ранее) Кеш представлял собой довольно мощное владение, и власть его правителя распространялась на всю долину Кашкруды. Возможно, она распространялась и на область Центрального Согда, но после китайской административной реформы 658–659 гг. доминирующий статус вернулся к Самарканду [Камалиддинов, 1996, С.13–14].

У обеих генеральных магистралей имелись и другие многочисленные ответвления – дороги местного значения. В большинстве своём они начинались в узловых пунктах, тянулись по берегам больших и малых протоков и все вместе формировали очень густую сеть дорожных коммуникаций. Одной из важнейших дорог местного значения являлась прямая трасса между двумя столичными городами – Нумиджасом и Рамисаном. Её топография примерно соответствует нынешней автомобильной дороге между Бухарой и райцентром Рамитан. Ещё одно ответвление «Главной дороги» (по берегу городского канала Навканда) связывало Нумиджас с другим столичным центром – городком Навакмисан (городище Навмитан-тепа на территории одноимённого селения к югу от Бухары). Двигаясь по этим дорогам вдоль окраин или по внутренней территории Западного Согда, можно было также добраться из Марва или Хорезма в Нахшаб, Кеш, Тохаристан и Индостан. Так, например, опираясь на сведения Фирдоуси, ад-Динавари и ат-Табари о карательном походе Бахрама Гура (Варахрана V) против «тюрков» (хионитов) [Гафуров, 1989, С.248; Фирдоуси, V, С.295–296], можно представить историческую топографию дороги, по которой двигался шаханшах со своей ар-

мией. Он выступил из Марва (городище Старый Мерв) в сторону Кушмайхана (городище Кашмиз-кала). Затем он преодолел пустыню и достиг Амула (городище Амул), переправился на правый берег и захватил Фарабр (городище Куи-кала). Далее, скорее всего, он двигался по дороге вдоль берега Нижнего Фаравура к Байканду (городище Пайкенд) мимо исторической крепости Хуканджа, которая при арабах стала называться Умм Джа'фар (предположительно, на месте райцентра Каракуль). От Байканда его путь пролегал на юго-восток мимо местного озера и по берегу сухого русла под современным названием Арна (хвостовой проток Кашкадарьи, достигавший озера Байканд) к Маймаргу (городище Кум-Совтан в степной зоне к югу от Бухары). На этом степном отрезке пути между Байкандом и Маймаргом имеются остатки двух древних крепостей: поселение Дустмат-тепа к юго-востоку от городища Пайкенд и далее к востоку от него бугор Кокча. Фирдоуси называет Маймарг крайним пунктом, которого достиг Бахрам Гур перед решительной битвой с «тюрьками», но более вероятно, что он продолжил движение вдоль берега протока Арна и далее на юг к Нахшабу (городище Ер-курган), куда в те времена, скорее всего, сместилась столица государства хионитов-кидаритов, и захватил его.

По данным ал-Истахри, в начале X в. в Нумиджжасе пересекались следующие межрегиональные пути и направления: дороги в Хорасан, Самарканд, Хорезм и Насаф (Нахшаб). Вполне естественно, что каждая из дорог возникла намного раньше указанной даты. Они начинались возле конкретных дарбов (ворот), о чём упоминалось выше. Среди дорог местного значения выделялся путь в Рамисан – вторую раннесредневековую столицу [Бартольд, 1963, С.153–154]. Разумеется, существовали прямые или обходные пути в более отдалённые регионы – Туркистан, Кеш и Тохаристан, о чём можно судить на основании других средневековых письменных источников. Сопоставляя все эти сведения с результатами полевых исследований, можно зримо представить историческую топографию каждой из этих дорог с их узловыми и транзитными пунктами.

Использованная литература:

1. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т.1. М., 1963.
2. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн.1. Душанбе, 1989.
3. Древности Южного Хорезма // Труды ХАЭЭ, т. XVI, М., 1991.
4. История Узбекистана в источниках. Ташкент, 1984.
5. Камалиддинов Ш.С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
6. Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX-XIII вв. Ташкент, 1996.
7. Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // Труды ЮТАКЭ. Т.13, Ашхабад, 1966.

8. Пилипко В.Н. Топография находок кушанских монет на побережье Средней Амударьи // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
9. Фирдоуси. Шах-намэ. Т. V. М. 1984.
10. Blochley R.C. The History of Menander The Guardsman. Liverpool, 1985.

Сведения об авторе:

Адылов Шухрат Тешабаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный центр археологии АН РУз, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81.

“ASOSIY YO‘L” VA “KAVKAZ IPAK YO‘LI”

G‘rta asrlar yozma manbalarida “Asosiy yo‘l” (Shahroh) atamasi g‘arbda Xuroson poytaxti Marv ash-Shohijahonni sharqda Samarqand va unga tutash viloyatlar bilan bog‘lagan yo‘lga ishora qiladi. Bu yo‘l Sug‘d daryosi (Zarafshon) bo‘ylab, to‘g‘ridan to‘g‘ri Navmijkas (Buxoro) shahri orqali o‘tgan va eftaliylar davrida shakllangan. Ilmiy adabiyotlarda “Kavkaz ipak yo‘li” atamasi “Asosiy yo‘l”ning bir tarmog‘ini bildirib, u ham Sug‘d daryosi bo‘ylab cho‘zilgan, lekin Navmijkasni chetlab o‘tgan. G‘arbiy Sug‘d ichidagi bu yo‘lning asosiy shahri – Romisan bo‘lib, u VI asr oxiri – VII asr o‘rtalarida Buxoro viloyatining poytaxti bo‘lgan. Bu yo‘l Eron va Turk xoqonligi to‘qnashuvlari davrida Eron hududi bo‘ylab cho‘zilgan. Kavkaz ipak yo‘lining jadal faoliyat yuritishi davrida “Asosiy yo‘l” ning ahamiyati pasaydi. Biroq Eron hududi arablar tomonidan bosib olingandan so‘ng “Asosiy yo‘l”ning ahamiyati yana ortdi, chunki arablar o‘zlariga tobe bo‘lgan hududlarda savdo aloqalarini rivojlantirishdan manfaatdor edilar. Kavkaz ipak yo‘lining ahamiyati pasayishining sabablaridan biri, xazarlar o‘z xoqonligini yaratish uchun jangovar harakatlarni boshlagani bo‘ldi. Oqibatda, undan foydalanish xavfli bo‘lib qoldi. Yakunda G‘arbiy Sug‘d poytaxti o‘zining asl joyi – Buxoroga qaytdi.

Tayanch so‘zlar: “Asosiy yo‘l”, Kavkaz ipak yo‘li, Buxoro, Ramisan, G‘arbiy Sug‘d, savdo munosabatlari, arablar, Turk xoqonligi.

“MAIN ROAD” AND THE CAUCASIAN SILK ROAD

In medieval written sources, the term “Main Road” (Shahrokh) refers to the highway that connected the capital of Khorasan Marv ash-Shahijahan in the west with Samarkand and adjacent regions in the east. This path ran along the banks of the Sogd (Zarafshan) River, directly through the city of Navmijkas (Bukhara) and was formed during the time of the Hephthalites. The term “Caucasian Silk Road” in the scientific literature denotes a branch of the “Main Road”, which also stretched along the banks of the Sogd River, but bypassing Navmijkas. The main city on this route within Western Sogd was Ramisan, which from the end of the 6th – to the middle of the 7th centuries was the capital of the Bukhara region. This path stretched around the territory of Iran during its conflict with the Turkic Khaganate. During the intensive functioning of the Caucasian Silk Road, the significance of the “Main Road” faded into the background. However,

after the conquest of the territory of Iran by the Arabs, the importance of the “Main Road” increased again, since the Arabs were interested in the development of trade communications in the territories subject to them. At the same time, the importance of the Caucasian Silk Road decreased, as the Khazars launched hostilities in an effort to create their own kaganate. For this reason, it became dangerous to use the Caucasian Silk Road. In the end, the capital of Western Sogd returned to its original place - Bukhara.

Key words: “Main Road”, Caucasian Silk Road, Bukhara, Ramisan, Western Sogd, trade relations, Arabs, Turkic Khaganate.

Александр Подушкин

КАНГЮЙ В СВЕТЕ НОВЫХ ПАЛЕОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ, НУМИЗМАТИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация: Публикация посвящена основным результатам археологического исследования памятников государства Кангюй II в. до н. э. - IV в. н. э. на территории Южного Казахстана. Освещены новые ключевые материалы эпиграфики, нумизматики и археологии, дана их развёрнутая характеристика в контексте историко-культурного, этно-социального и культового значения для государства Кангюй, приведены хронологические заключения.

Отдельно рассмотрены археологические комплексы городища Ушбастобе и могильника Кылышжар, где были обнаружены уникальные артефакты, иллюстрирующие высокий уровень развития художественного творчества, изобразительного искусства и религиозных верований в государстве Кангюй.

Ключевые слова: Южный Казахстан, государство Кангюй, палеолингвистический материал, нумизматические находки, археологический комплекс, высокохудожественный артефакт.

Препамбула. В истории Казахстана конец раннего железного века ознаменован появлением на исторической арене нескольких объединений и союзов племён, которые более чем на половину тысячелетия (III в. до н. э. - IV в. н. э.) определяли общую картину этнополитического развития региона Средней и Центральной Азии в древности. В политическом, социально-экономическом и культурном аспектах они пришли на смену сакскому союзу племён, прекратившему к III веку до нашей эры своё существование, и генетически стали правопреемниками традиций азиатских и казахстанских саков на современной территории Семиречья и Южного Казахстана. Из китайских династических хроник нам известны их названия: это племенные союзы сюнну (хунну), ю-сунь (усунь) и государство Канцзюй (Кангюй).

Между тем государство Кангюй по нескольким историко-культурным, социально-экономическим параметрам: мощной системой фортификации (укреплённые районы с крепостями и «длинной стеной»), развитой городской культурой, комплексным земледельческо-скотоводческим типом хозяйства, сословным полиэтническим социумом, синкретичной материальной и духовной культурой, впитавшей традиции оседлого населения и многочисленных групп пришлых кочевников, наконец - наличием письменности, чётко выделяется на фоне союзов племён и империй номадов, каковыми признаны усунь и сюнну (Акишев, 2009. С. 110–111; Крадин, 2001. С. 33–41).

Ограниченность письменных источников, их расплывчатость и субъективность только вносят элементы противоречия в вопросы исследования Кангюй, что определяет особый интерес и внимание к нему современных учёных. Этот контекст высвечивает значимость археологических источников в изучении Кангюй, которые сейчас однозначно становятся приоритетными. Сотни исследованных памятников,

тысячи артефактов дали уникальную возможность обратиться к совершенно новой информации о Кангюе в виде письменности на керамических кирпичках-таблицах, полученных в результате раскопок. О приоритетности археологического материала в отношении Кангюя впервые сказал Б.А. Литвинский: «...при изучении кангюйской проблемы нельзя ограничиваться лишь исследованием письменных источников и языковых данных, а необходимо их рассматривать в теснейшей связи с археологическими материалами, причем эта увязка должна учитывать реальную историко-географическую обстановку в древней Средней Азии» (Литвинский, 1967. С. 37).

Кангюй и арысская археологическая культура Южного Казахстана

Значимыми в контексте изучения материальной культуры Кангюй следует назвать комплексные исследования ранних памятников на территории Южного Казахстана в 70–90 годы XX века. Археологические исследования в регионе «Средняя Сырдарья – зона гор Каратау и Каржантау» в течение последних сорока лет позволили выделить арысскую археологическую культуру, как категорию, фиксирующую устойчивые системы традиций в материальной сфере на многих ранних памятниках Южного Казахстана для периода государства Кангюй II в. до н. э. - IV в. н. э. (Подушкин, 2000. С. 87–106).

В настоящее время учёные имеют полное представление об этой культуре (ареал и типология памятников), о периодизации и хронологии (три этапа: караултобинский IV в. до н. э. - I в. н. э.; каратобинский I в. до н. э. - III в. н. э.; алтынтобинский IV - VI в. в.), о специфическом блоке признаков в виде артефактов (керамика, вооружение и конское снаряжение, предметы быта, культа и другое), наконец, о наглядном облике (образе) арысской культуры Южного Казахстана. Осуществлена также этническая атрибуция культуры с древним племенным (государственным) объединением Кангюй (Кангха авестийских, Канцзюй китайских и Кангу-Тарбан тюркских источников). В результате удалось установить полиэтничность Кангюй: в частности, выявлены поздне-сакский, сарматский, сюннуский и кангюйский этнические компоненты (Подушкин, 2000. С. 140–161). Вблизи почти каждого крупного археологического объекта арысской культуры (раннего городища, поселения) присутствуют курганные могильники, порой несколько (рис. 1: 2–3; 5; 14–15; 30). Некоторые из них образуют погребальные поля, включающие сотни и даже тысячи курганов - таковые, например, могильники Борижарский, Караспанский и другие (рис. 1: 10, 21. 23). Большая часть этих курганных погребений, под которыми обычно фиксируются катакомбы различных типов, была оставлена древним оседлым и кочевым народонаселением во II в. до - IV в. н. э. и прямо связана с государством Кангюй, а столь массовая концентрация подобных памятников свидетельствует только о том, в что те времена регион обживался самым активным образом. Об этом свидетельствует археологическая картография арыско-бадамского укрепленного района, насыщенного ранними памятниками с развитой фортификацией, наличием «длинной стены», которая соединяет укрепленные объекты, и в сочетании с естественными защитными функциями русел двух рек, Арыси и

Бадам, формирует законченный облик всего укрепленного региона (рис. 1: маркировка стены синим цветом). Аналогии системе фортификации с ключевым элементом в виде многокилометровой «длинной» стены для раннего времени, которым датируется весь оборонительный комплекс арыско-бадамского оазиса (I в. до н. э. - рубеж н. э.), в Южно-казахстанском регионе отсутствуют. Некоторые параллели можно отметить только в связи с «длинной стеной» вокруг рустаков Самарканда I в. до н. э. (Массон, 1950. С. 159–163), а также - с

«длинными» стенами средневекового Сайрама (Испиджаба), центром одноименного округа (Иванов, 1923. С. 48–56; Массон, 1928. С. 38–41). Во всех случаях, независимо от времени, «длинные стены» как защитные сооружения возводились только вокруг (вблизи) крупных административных и политических центров, игравших важную роль в истории целых регионов. Арыско-бадамский укрепленный район по своему стратегическому положению (центр оазиса), масштабно-сти и фортификации объектов (включая самое крупное городище Караспантобе), явно претендует на роль самостоятельной политико-административной единицы. Судя по всему, именно этот район (округ) и городище Караспантобе являли собой город-ставку кангюйского правителя Битянь (Подушкин, 2000. С. 169–171).

Заметим, что материальная культура Кангюй несёт печать выраженной земледельческо-скотоводческой синкретичности, которая исходит из аналогичного характера экономической деятельности и полиэтничности народонаселения этого государства. Кратко характеризуем основные достижения археологического порядка в материальной культуре ранних памятников Южного Казахстана на примере кангюйского комплекса артефактов, а также остановимся на последних открытиях в этой сфере. При всей синкретичности, впитавшей традиции кочевников и земледельцев, в материальной культуре этого комплекса в значительной степени доминируют традиции оседло-земледельческого народонаселения Кангюй, его материалы получены из раскопок многих поселений, городищ и могильников с катакомбными погребениями. Это самый насыщенный в контексте археологической и этнокультурной информации материал (рис. 2).

Его характеризуют:

– коллективные, в том числе впускные (до десяти костяков) погребения в катакомбах нескольких видов («Т»-образные с длинным узкотраншейным дромосом; катакомбы с «запличиками»). Обряд погребения - труположение на спине, с подсыпкой дна камеры песком, углем, речной галькой; рис. 2: 1).

– высокого качества керамика различного функционального назначения (столовая, кухонная, хозяйственно-бытовая и ритуальная). Основная масса керамических изделий (десятки форм: от огромных хумов до миниатюрных косметических сосудов) сделана на быстровращающемся круге (за исключением крупных сосудов типа хумов, хумчи), она великолепно украшена. Так, отмечены следующие характерные приёмы декора: станковое рифление; концентрическим каннелюром под венчиком сосуда; покрытия ярко красным (вишнёвым) ангобом; ангобные потёки, лощение по ангобу, прочерченный орнамент (рис. 2: 11).

– зооморфные, антропоморфные изделия из керамики, бронзы, глины, алебастра, а также знаки на керамике, чья семантика и назначение восходят к маркировке семейной (клановой), профессиональной (знак гончара), родовой собственности, часть которых с течением времени трансформируется в династические знаки-тамги правителей Кангюй (рис. 2: 8; 10; 3).

– бытовые вещи и изделия из металла, камня, кости: пряжки, колокольчики, ножи с костяной ручкой, оселки-кайраки (рис. 2: 2; 4; 9; 12).

– украшения в виде наборных ожерелий из многочисленных бус (золочёных, стеклянных, каменных, из стекловидной пасты), подвесок; ручных наборных браслетов с включением бронзовых колокольчиков, бубенчиков, раковин каури, графитовых и иных бус; бронзовые серьги и наборные серьги из гагата (рис. 2: 6–7; 14–15; 5; 16).

– резные камни и косметические приборы в виде каменного штырька-сурьматаша и красящей графитовой основы (рис. 2: 13; 17; Подушкин, 2000. С. 104; табл. на с. 105: наглядный образ арысской культуры).

Эпиграфические артефакты городища Культобе арысского

Начиная с конца девяностых годов XX века в материальной культуре государства Кангюй фиксируются первые находки уникальных эпиграфических артефактов в виде керамических кирпичей-таблиц с древними письменами, найденные на городище Культобе арысское (рис. 3: 1). В настоящее время в распоряжении учёных имеются один абсолютно законченный текст (рис. 3: 8), пять почти полных текста (рис. 3: 2, 4, 7, 9–10) и 19 фрагментов общим количеством более 997 полностью и частично прорисованных знаков, которые оформлены в 100 «строк». Как по технике выполнения письма (вдавливание, прорезывание по сырой глине), так и по палеографии (хорошо фиксируются одинаковые по прорисовке знаки), все фрагменты (таблицы-кирпичи) с письменностью аналогичны друг другу. То есть речь идёт об одном и том же виде древнего письма, несмотря на разный «почерк», размеры и предполагаемую разновременность нанесения знаков на каждый фрагмент.

Пока выводы археологического порядка по письменности Культобе сводятся к следующему:

1. Письмо выполнено на массивных керамических кирпичих-таблицах неправильной прямоугольной (трапециевидной) формы. Отдельные таблицы формовались на песчаной подсыпке. Качество обжига во всех случаях высокое, тесто почти без примесей.

2. Знаки наносились по сырой глине до обжига путём прорисовывания (иногда выдавливания, прорезывания и даже штампа), затем кирпичи-таблицы слегка подсушивались. Лицевая поверхность керамических кирпичей-таблиц до обжига линовалась пальцевыми продольными бороздами и покрывалась светлыми (белесыми) ангобами. В качестве инструмента для нанесения знаков могли использоваться приспособления в виде палочек из дерева (кости) с острым концевым завершением различного диаметра (по всей видимости, практиковалось выведение знаков пальцами рук).

3. Знаки располагались построчно в последовательности: справа-налево и сверху-вниз. Фиксируются как строки, так и строчные «разрывы», разделяющие группы знаков. Характер нанесения знаков уверенной рукой, различные «почерка» и размеры знаков, количественный состав палеолингвистического материала свидетельствуют о том, что данное письмо наносилось профессиональными писцами и могло практиковаться длительное время.

4. Основная масса эпиграфических артефактов обнаружена на рабаде городища Культобе арысского, в жилых помещениях, причём фиксируется вторичность использования кирпичей-таблиц с письменами в бытовых нуждах (выкладка напольных очагов).

5. Зафиксированный факт разрезания (разделения) большого по объёму подготовленного для обжига текста на несколько меньших по размеру кирпичей-таблиц с целью их последующего (после обжига) «собирания» свидетельствует о том, что культобинские эпиграфические артефакты были достаточно существенны по объёму и могли включать большое количество знаковой информации.

6. Письмо найдено вместе с кангюйским археологическим комплексом каратобинского этапа арысской культуры Южного Казахстана, хорошо датируемого многими артефактами из погребальных катакомбных сооружений I в. до н. э. – III в. н. э. Благодаря учёным Франции (профессор археологии Франс Грене) и Великобритании (академик и профессор лингвистики Николас Симс-Вильямс), культобинское письмо «заговорило» на языке одного из вариантов древнего восточно-иранского диалекта. Установлено, что культобинское письмо – самое раннее из пока известных науке текстов, написанных арамейской эпиграфикой на архаическом согдийском языке в регионе Центральной Азии. Письмо определено как алфавитное, строчное, которое включает в том числе и идеограммы. Отметим также, что в таком варианте исполнения (на керамических кирпичих-таблицах арамейским алфавитом) для указанного выше времени письмо не имеет аналогов в регионе Центральной Азии и Казахстана. Ниже предлагаю прочтение наиболее значимых в лингвистическом и информативном аспектах почти полный текст культобинского письма № 4 в версии академика лингвистики Николаса Симс-Вильямса (английский и идентичный русский варианты).

Текст 4 (рис. 3: 4).

«This city was built by the leader of the army, Ch[... the] son of [...]. He went(?) there so that(?) both the (land) allotted to (our) people and the [land allotted to] the nomads [might be ...; and] the lord of Samarkand and the [lord of] K[ish and the] lord of Nakhshab and the [lord of] Nawak-me[than agreed(?); and he(?)] took all the treasure and the [... and the] (land) allotted [to ...] (as his) own».

«Этот город был построен предводителем армии (или: Спадане) Шат [...] сыном [...]. Он пришёл (?) сюда с тем, чтобы (?) и (земля), принадлежащая (нашим) людям, (или: народу bqt, от бак «сад») и (земля, принадлежащая) людям шатров (номадам- кочевникам) (могла быть, и) государь Самарканда и (государь) К(еша, и) (государь) Нахшаба и (государь) Навакме(тана согласились (?); и он (?) забрал все сокровища, и (и теперь эта) (земля) принадлежит (лично ему) или: его горлу-душе» (Sims-Williams, 2009. С. 156; рис. на с. 145).

Из результатов прочтения видно, что культобинские тексты включают важную информацию политического, социального и историко-культурного характера, касающуюся большого региона - Центральная Азия и Казахстан первых веков нашей эры. Этим они отличаются от синхронных по времени хорезмийских письменных памятников (где фигурируют преимущественно т. н. «списки домов», фактически – перечни фамилий и имён владельцев) и парфянского письма (где в основном содержится информация хозяйственно-бытового характера). В частности, в культобинских текстах имеются: названия древних государств, крупных городских центров (владений) Средней (Центральной) Азии первых веков н. э.: Нахшеб, Самарканд, Кеш, Чач, Бухара - Навакметан (причём некоторые из них для этого времени упоминаются впервые); имена личные, титулы (в том числе военные: «командующий») древних правителей.

Присутствуют также социальные термины («люди шатров» - номады); государственные термины («драгоценности» - казна), «общественные работы» - строительство города; термины династические и родства («сын»); служебные слова; фиксация исторических событий регионального масштаба и локальных действий местных правителей (по основанию городских центров) и другое (Sims-Williams, Grenet, 2006. С. 95–111).

Нет необходимости говорить, насколько важна и ценна информация культобинских текстов для историков, этнологов, лингвистов, археологов, культурологов Средней Азии и Казахстана, занимающихся исследованием наименее изученного периода истории данных регионов первых веков до – первых веков нашей эры. По сути, речь идёт о введении в научный оборот принципиально нового письменного источника, который по своей информативности, достоверности и главное - автохтонности происхождения, самым выгодным образом выделяется на фоне известных и крайне скудных источников китайского происхождения. По предварительным выводам, прочитанные тексты Культобе помогут расширить, углубить или уточнить некоторые страницы истории регионов и древних государств Средней Азии и Казахстана времени первых веков н. э. (Канцзюй-Кангюй, Чач, Согд, Хорезм, Кушанское царство).

Несмотря на существенный прорыв в археологическом исследовании городища Культобе арысского, в палеолингвистическом изучении этих эпиграфических артефактов остаются проблемы. Одна из них связана с лингвистической трактовкой культобинского письма, названного авторами его дешифровки вначале «древнесогдийским», затем «прото-согдийским» письмом. Основным аргументом в такой трактовке послужил факт использования подобного (близкого культобинскому) письма в древнем Согде, население которого на рубеже н. э. говорило на одном из диалектов восточно-иранского языка и знало арамейскую письменность. Между тем имеются веские основания связывать культобинскую письменность с племенным объединением Канцзюй (Кангюй) II в. до н.э. - IV в. н.э., центр которого располагался в Южном Казахстане: здесь в указанное время также жило ираноязычное население, знавшее, судя по находкам на Культобе, арамейский алфавит и письмо.

Возможно, найденные тексты представляют собой новый вид региональной письменности, которая приспособлена для иного восточно-иранского диалекта языка, условно названного кангюйским и имеющим прямое отношение к древнему государству Кангха-Канцзюй-Кангюй.

На это косвенно указывают несколько существенных обстоятельств, выделяющих культобинское письмо на фоне согдийского: наличие архаических, неизвестных ранее науке древних арамейских идеограмм (часть которых пока не прочитана, что затрудняет полную дешифровку); выраженная древность самого культобинского письма, подтверждённая синхронизацией материалов городища (стратиграфия, археологические артефакты) и близлежащих могильников, которое может быть датировано первыми веками до – первыми веками нашей эры, что гораздо древнее всех известных согдийских лингвистических материалов; находка керамических кирпичей- таблиц в «сердце» государства Кангюй – бассейне реки Арысь, где располагался мощный арыско-бадамский укрепленный район, включающий самое большое городище Караспантобе (идентифицировано мною как Битянь – столица государства Кангюй) и несколько крупных археологических объектов, ограниченных так называемой «длинной стеной» и руслами рек Арысь и Бадам (рис. 1; Подушкин, 2000. С. 170–171).

Кроме всего, не совсем понятно назначение керамических кирпичей-таблиц с кангюйским («протосогдийским») письмом. Все тексты (и фрагменты) этого письма в целом повествуют об одном событии регионального масштаба рубежа – первого века нашей эры в Кангюй, с незначительным изменением смысла. То есть они являются репликой одной и той же информации, которая, судя по всему, выполнена несколькими мастерами: об этом свидетельствуют различные размеры кирпичей-таблиц и букв, а также количество знаков и строк в каждой таблице. Первоначальная версия, что перед нами – архив государства Кангюй, не подтвердилась. Можно предположить, что таковые кирпичи-таблицы могли играть роль так называемых «лекальных» кирпичей (Ртвеладзе, 2008. С. 233), которые вставлялись в арки дверных (и иных) проёмов (ворот) или крепостную стену как информационно-декоративные артефакты; они также могли выступать в роли «закладных» кирпичей как свидетельство о начале строительства города (последнее обстоятельство подтверждается дешифровкой больших текстов культобинского письма).

В завершение раздела отметим, что сейчас усилия по обнаружению и исследованию кангюйского («прото-согдийского») письма в научных центрах Великобритании, Франции и России воспринимаются как открытие мирового уровня, которое по своей историко-культурной и социальной значимости далеко выходит за рамки Казахстана и Центральной Азии. а специалистам в области палеолингвистики даёт информацию к размышлению на годы вперёд.

Нумизматические находки кангюйского времени из Южного Казахстана

Ранние нумизматические материалы для региона Южного Казахстана зоны «средняя Сырдарья, бассейн р. Арысь, горы Каратау и Каржантау» в период суще-

ствования государства Кангюй (II в. до – IV в. н. э.) крайне редкое явление. За всю историю изучения многочисленных памятников археологии региона этого времени, практически не найдено монет, дающих учёным основание для историко-культурных и хронологических заключений. Судя по всему, это связано со спецификой внешне и внутри экономического развития Кангюй, который в качестве сильной державы находился на северной ветви Великого Шёлкового пути в стратегически важном районе, где пересекались миграционные и торговые артерии Евразии и должны были развиваться товарно-денежные отношения. Например, в не столь отдалённых от Южного Казахстана территориях Центральной Азии находки ранних монет самого различного достоинства исчисляются сотнями, демонстрируя высокий уровень монетного обращения между древними государствами и урбанистическими центрами (Бактрия, Парфия, Великая Кушанская империя, Хорезм, Согдиана, Чач).

Ситуация с Кангюй (Канцзюй) в этом плане совершенно иная, собственно полноценного кангюйского чекана монет до сих пор не зафиксировано, а обнаружение отдельных нумизматических находок связано, как правило, с их принадлежностью к соседним государствам. Определённый вклад в ликвидацию обозначенного «белого пятна» в археологии и нумизматике Центральной Азии и Южного Казахстана вносят новые материалы, полученные в результате работ на ранних объектах арысской культуры. Речь идёт о находках монет, обнаруженных на двух памятниках кангюйского периода, городищах Культобе арысском и Ушбастобе (долина р. Угам).

В 2017 году в результате раскопок на рабаде городища Культобе арысское в культурных слоях основного строительного горизонта периода Кангюй были открыты пахсовые стены большого жилого помещения квадратно-прямоугольной планировки, где зафиксирована пахсовая суфа-платформа и хум с сарматским знаком-тамгой на плечике (рис. 4: I.1). Именно здесь была обнаружена медная монета 1, она в вертикальном положении прилегалa к стенке тулова хума в средней части (сосуд был вкопан в пахсовое основание-платформу в жилом помещении по плечики). Очевидно, монета случайно закатилась в щель между стенкой хума и пахсой (она могла образоваться при высыхании платформы), или была положена туда намеренно, с ритуальными целями (рис. 4: I.2). Судя по приличной стёртости поверхностей, монета была в достаточно длительном обращении, однако сюжетные линии воссоздаются уверенно (рис. 4: II).

На лицевой стороне обрезанного контура монеты изображён портрет правителя в профиль вправо; линейный ободок фиксируется не чётко. У правителя хорошо читаются плечевой торс, длинная шея, контуры европеоидного типа лица (прямой нос с обозначенными крыльями, выраженный подбородок), а у основания шеи – выпуклость (судя по всему, складка одежды в виде накидки). На голове правителя шлем цилиндрически-сферической формы с выраженными бортиками (передний бортик заметно выгнут вверх), над шлемом – нимб из 2-х «лучей» разной толщины каплевидной формы. При этом правая рука правителя согнута в локтевом суставе (на ней читается складка одежды), а её кисть пальцами держит скипетр власти (читается слабо; рис. 4: II.1). На оборотной стороне монеты чётко видны контуры лошади (круп, задние конечности, шея, голова; плохо, но фиксируются хвост и перед-

ние конечности животного), на которой восседает всадник-правитель, прямо свесив ноги и протянув руку впереди себя; в ней он держит так называемый табар-загнул (боевой топор своеобразной формы, похожий на клевец). В числе других деталей отметим наличие двух лент, развевающихся сзади головы всадника, а также – горизонтальную линию в нижней части монеты, которая выделяет сегментовидное возвышение, имитирующее своеобразный подиум, на котором находятся лошадь и всадник. Наконец, ниже морды лошади, на уровне груди животного, видна тамга в виде трезубца кверху и округлого нижнего окончания (легенда отсутствует; рис. 4: П.2).

Метрические и сюжетно-иконографические составляющие медной монеты 1, а также характерная форма тамги, позволяют связать её с одним из ранних чеканов Великой Кушанской империи. Судя по всему, речь идёт о монете из множественной эмиссии в недавнем прошлом безымянного кушанского правителя из серии «Soter Megas» с титулом «царь царей, великий спаситель». Однако после дешифровки Н. Симс-Вильямсом и Дж. Криббом бактрийской рабатакской надписи (в ней правитель Кушанского царства Канишка даёт указание чиновнику возвести святилище и поставить в нём скульптуры в честь предшествующих царей прадеда Куджулы Кадфиза, деда Вима I Такто, отца Вима II Кадфиза и самого себя, Канишки), стало понятным, что все монеты безымянного царя «Soter Megas» принадлежат Вима I Такто (80–90 годы первого века); есть предположение, что такие монеты стали чеканить ещё в конце правления Куджулы Кадфиза (Ртвеладзе, 2002. С. 140–142).

Безусловно, чекан монет «Soter Megas» один из наиболее массовых среди кушанской меди, сотни таких монет как на археологических объектах, так и в кладах найдены в Индии, Бактрии и Чаче (Ртвеладзе, 2012. С. 162–164; Горин, 2009. С. 12–13). На таком фоне обнаружение одной монеты может показаться обыденным явлением, которое не даёт оснований для серьёзных заключений, однако обстоятельства заставляют относиться к этому факту по-иному.

Среди них – новый регион обнаружения, нестандартные условия находки в культурном слое одновременно с несколькими пересекающимися хроно-индикаторами на фоне весомого археологического комплекса городища Культобе, подкреплённого синхронизированными материалами из близлежащих могильников Культобе и Кылышжар. Например, культобинская монета чекана Вима I Такто из серии «Soter Megas» – самая северная, и пока единственная находка в Южном Казахстане (ближе всего к ней монета, найденная в долине р. Пскем на городище Шахджувар; см. Тихонин, 1998. С. 60 – 62).

Кроме всего, находка этой монеты важна тем, что она выступает в роли аргументированного хроно-индикатора как для строительного горизонта кангюйского периода городища Культобе арысского (хум со знаком; другой артефактный материал), так и для 16-го фрагмента культобинского (прото-согдийского, кангюйского) письма, обнаруженного здесь же (рис. 4: I.3). То есть сейчас, опираясь на нумизматический материал и другие перекрёстные хроно-индикаторы, имеются все основания датировать строительный горизонт и культобинское письмо серединой – второй половиной I в. н. э.

Факт обнаружения монеты чекана Вима I Такто в Южном Казахстане свидетельствует о том, что северо-восточные границы Великой Кушанской империи простирались в то время до Кангюй. Это объективно предполагает наличие экономических, культурных, и, возможно, политических контактов между двумя мощными государствами древности (Ставиский, 1961. С. 113).

Другая монета найдена на городище Ушбастобе – новом кангюйском центре в Угамском горном районе. На лицевой стороне этой скифатной монеты изображён портрет правителя в профиль влево; линейный ободок не фиксируется. У правителя европеоидный тип лица, круглые глаза, прямой массивный с выраженными крыльями нос, тяжёлый подбородок с обозначенной вьющейся округлой бородой; причём лицо плотно обрамлено (как бы стиснуто) завивающимися локонами волос причёски. Кроме всего, над глазом отмечен небольшой заштрихованный участок (непонятный атрибут – возможно, это часть налобного обруча или ленты). Примечательно, что форма головы – заострённо-вытянутая кверху (вариант искусственной деформации черепа?), причёска из ниспадающих прямых и вьющихся волос спускается на плечи, а также спину правителя, и книзу завершается округлыми завитками (рис. 5: II.1).

На обратной стороне монеты выбита в два приёма (отмечен вариант наложения чекана) традиционная ранняя чачская тамга в окружении кольцевой согдийской легенды из знаков плохой сохранности, которые почти не читаются (рис. 5: II.2). Метрические и сюжетно-иконографические составляющие медной монеты 2 из Ушбастобе (вес, форма тамги с верхним отростком-«усиком» влево, присутствие легенды на согдийском языке, скифатность монетного кружка), позволяют рассматривать её как монету, принадлежащую к одному из ранне-чачских чеканов.

Как и в случае с кушанской монетой из Культобе арысского, находки ранне-чачских монет на археологических памятниках Южного Узбекистана и в кладках исчисляются сотнями и даже тысячами (особенно с городища Канка; Ртвеладзе, 2006. С. 11; Ртвеладзе, 2002. С. 235). Однако обнаружение таких монет за пределами Чача крайне редки, и этот тезис целиком относится к факту находки ранне-чачской монеты на городище Ушбастобе, который пока является для региона Южного Казахстана единственным.

В сопоставительном плане ушбастобинская монета ближе всего подходит к следующим типам ранне-чачских монет: второй тип (Ртвеладзе, 2006. С. 14 и рис. на ней); группа I, период 2, вариант 1, № 17 (Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 48); T-9 (Мусакаева, 2004. С. 113, рис. на с. 112).

Что касается хронологии, то по поводу начальной даты чеканки ранне-чачских монет имеется несколько версий. Например, Э.В. Ртвеладзе, ссылаясь на мнение В.М. Массона (которое он считает в этом контексте «...более продуктивным»), склонен отнести начало чеканки этих монет «...вероятно, к первым векам н. э.», а расцвет чеканки связывает с III–IV в.в. (Ртвеладзе, 2002. С. 235). А.А. Мусакаева, в работах, посвящённых начальной дате денежного обращения и чекана монет Чача, обозначает границы этого процесса в пределах I в. до - I в. н. э., или I - II вв. н. э. (первый период; Мусакаева, 2004. С. 115; Мусакаева, 2010. С. 175).

Судя по всему, временем первых веков нашей эры и следует датировать медную монету из Ушбастобе. Учитывая выраженный кангюйский облик всего археологического комплекса этого памятника, а также то обстоятельство, что исторически и географически в это время Чач входил в состав Кангюй (владение Юни, отождествляемое с урбанистическим центром, городищем Канка; Буряков, 1976. С. 31–39), можно рассматривать нумизматическую находку как очередное свидетельство определённого уровня развития товарно-денежных и экономических отношений в этом государстве.

Новые археологические комплексы периода государства Кангюй из Южного Казахстана

Выборочно обратимся к характеристике наиболее значимым в контексте историко-культурного содержания археологическим материалам.

Городище Ушбастобе находится на левой крутой высокой надпойменной террасе р. Угам, типологически относится к трёхчастным городищам-убежищам с рабдом различной конфигурации, с развитой системой фортификации, в которой решающую роль играют естественные факторы местонахождения объекта (крутизна склонов практически со всех сторон, за исключением одной, связывающей памятник с надпойменной террасой). Топография Ушбастобе характеризуется собственно цитаделью (включает основной холм-тобе и площадку; рис. 6: 1), большой рабд 1 аморфной формы и малый рабд 2 прямоугольной формы. При этом общая площадь памятника, на которой зафиксированы артефакты (керамика, керамические и железные шлаки), превышает 4 гектара, что позволяет рассматривать Ушбастобе как полноценное городище – древний центр с урбанистическими функциями. На городище в течение последних лет велись планомерные раскопки, позволившие выявить стратиграфию, жилые застройки и получить большой объём артефактов кангюйского времени: керамика кухонного (рис. 6, II: 6–10), хозяйственно-бытового (рис. 6, II: 1–3, 12), столового (рис. 6, II: 4–5, 11 и 13) и ритуального назначения; орудия труда из камня, кости, бытовые предметы из металла (рис. 6, II: 15–19). При этом на керамике фиксируются зооморфные, антропоморфные объёмные и прорисованные изображения и многочисленные тамго-образные знаки. В целом раскопки и стратиграфия Ушбастобе демонстрирует стационарность культурных напластований, высокую концентрацию многообразных артефактов в этих слоях, которые включают десятки сосудов, сотни других изделий, что свидетельствует об интенсивности и существенной продолжительности функционирования этого археологического памятника (рис. 5: I; рис. 7: I и II). Следует заметить, что значительная часть керамической посуды Ушбастобе носит следы древней реставрации (просверленные по краю скола фрагментов отверстия), что указывает на вторичность использования керамики в хозяйственных целях. Особенно это касается хумчи, кувшинов для хранения и транспортировки воды, столовой керамики (горшки, кувшины) и реже – кухонной посуды. В числе особенностей керамического комплекса городища Ушбастобе, которые выделяют его на фоне аналогичных комплексов из других памятников, отметим наличие сосудов с двумя и

тремя ручками на двух уровнях, верху у венчика и внизу у донца (крупные кувшины для хранения и транспортировки воды и столовые горшки; рис. 6, II: 2–3 и 5). Это явная новация, редко фиксируемая в археологии ранних поселений Средней Сырдарьи, в бассейнах рек Арысь и Келес.

Отметим, что почти вся керамическая посуда и изделия из керамики городища Ушбастобе с соответствующими приемами декора достаточно широко представлены материалах эталонных памятников арысской культуры Южного Казахстана I в. до - IV в. н. э. на ранних поселениях бассейна р. Арысь (каратобинский этап; Подушкин, 2000. С. 114–121). Керамический комплекс Ушбастобе по некоторым параметрам близок к материалам городища Шаштепа первых веков до - первых веков н. э. (период Шаштепа III; Филанович. 1982. С. 120–124. Рис. 40). Наконец, археологический комплекс Ушбастобе в целом по ряду факторов (керамика, каменный инвентарь – зернотёрки, особенно жернова с характерными «бороздками» на рабочей поверхности и чачская монета) пересекается с материалами усадьбы Кайрагач (юго-западная Фергана, I тыс. н. э.; Брыкина, 1982. С. 57–75; С. 84. Табл. 39. С. 89. Рис. 60).

Отдельно остановимся на антропоморфном изображении, прорисованном на керамическом столовом кувшине из Ушбастобе. Человекоподобное изображение с головой птицы из отряда куриных (предположительно, фазана) нанесено на боковину сосуда (столовый кувшин; рис. 7: 1) прорисовыванием по сырой глине контура фигуры во весь рост, где хорошо выделены почти все основные её составляющие: голова, плечевой торс, руки, талия и нижняя часть тела с обозначением «ноги». При этом голова (и «нога») выполнены в профиль слева, а битреугольные контуры, судя по всему, мужской фигуры в одежде, обозначены фронтально (в анфас; рис. 7: 1 и 2).

Несмотря на известные издержки исполнителя в контексте утрированного и где-то схематичного воспроизведения человекоподобного существа, нет сомнений, что перед нами – законченный антропоморфный образ, в котором трудно не увидеть присущие человеку (мужчине) черты, и который визуально чётко узнаваем и воспринимается в таком качестве достаточно хорошо.

Это касается таких иконографических составляющих, как общий битреугольный контур фигуры (напоминающий песочные часы), где фиксируются развитая шея, тонкая талия, мощный торс, фактурная голова, длинные руки, а также – элементы верхней плечевой тунико-образной одежды, в которые облачено существо. Судя по всему, это не распашной длинный приталенный и хорошо облегающий тело в верхней части и талии халат (кафтан, рубаха?) без ворота с треугольным вырезом на груди и рукавами без манжет; длинная линия внизу халата (складка?) может свидетельствовать о том, что здесь он был свободного (широкого) покроя.

Наконец, это странное существо с вытянутыми вперёд неестественно большими «руками» и чрезвычайно растопыренными длинными «пальцами», похожими на всполохи огня, движется к чему-то на встречу, или – пытается контактировать с кем-то (корпус заметно наклонен вперёд, а нижняя пола одежды как-бы развевается). При этом динамизм, экспрессия и лёгкость образа настолько выразительны, что, кажется, будто он летит, даже - парит над землёй (рис. 7: 2).

Исследуемый уникальный антропоморфный образ на кувшине из городища Ушбастобе, несомненно, можно позиционировать как один из значимых примеров изобразительного искусства, воплотившегося в персонаж человекоподобного божества фарн (x'arənah; Литвинский, 1968. С. 109; Шенкарь, 2013. С. 433). Пока он – единственный на территории обширного региона Средней Азии и Казахстана. По своему семантическому наполнению и ритуальным функциям полиморфное изображение из Ушбастобе тесно связано с художественными, религиозными традициями и идеологическими представлениями древнего ираноязычного населения сако-сарматского мира и государства Кангюй. Судя по всему, этот выразительный, неординарный и в какой-то степени противоречивый образ своим автохтонным происхождением демонстрирует локальную специфику зороастрийских религиозных представлений в рамках глобальных культов, характерных для кочевых и оседло-земледельческих ираноязычных народов Евразии на рубеже первых веков до – первых веков нашей эры.

Могильник Кылышжар (юго-западная группа насыпей)

Могильник находится на правой лёссовой надпойменной террасе реки Арысь, включает бессистемно расположенные курганы на языковидной площадке размерами 200 на 370 м (отдельные насыпи спланированы в «цепочку»). Курган 14 самый крупный из юго-западной группы насыпей могильника Кылышжар расположен на крайнем южном окончании языкового выступа надпойменной террасы, он имеет «каплевидную» округлую планировку, с выраженными склонами, северный из которых самый крутой. В северо-западном секторе насыпи, на глубине 4,4 м от уровня дневной поверхности, была обнаружена катакомба, сочетающая в себе элементы «Т»-образной катакомбы с длинным траншейного типа дромосом и катакомбы «с дромосом с заплечиками», которая конструктивно включает: траншейный бесступенчатый дромос (рис. 8.1: А); основной дромос «с заплечиками» в виде большой грунтовой прямоугольной в плане ямы (рис. 8.1: Б); полуовально-прямоугольную планировку погребальную камеру с куполообразным сводом (рис. 8.1: В). Вся конструкция вытянута по линии север-юг, на дне камеры открыто ограбленное в древности коллективное погребение, включающее, судя по останкам костей на полу камеры, в центре, двух погребённых - мужчину и женщину. Обряд погребения: труп-положение на спине изголовьем преимущественно на восток (определён по останкам правой руки мужского костяка). В числе особенностей погребального обряда отметим наличие остатков жертвенной пищи в виде костяка овцы (барана), который располагался у западной стенки погребальной камеры.

Погребальный инвентарь включает: меч железный черешковый с, возможно, слегка скошенным брусковидным перекрестием и круглым каменным навершием (меч находился в сложно-конструктивных ножнах, включающих деревянную основу, сверху обтянутую кожей, окрашенную в ярко красный цвет, внутри – плотная ткань крупного плетения; рис. 8.11: 1); кинжал железный с аналогичной конструкцией ножен, как у меча, и каменным круглым навершием (найден фрагментами, форма восстанавливается частично; рис. 8.11: 2); пряжка железная с рамчатым пря-

моугольным щитком, округлой основой и подвижным язычком, расширяющимся к окончанию (выполнена из плоского прута; рис. 8. II: 3); пряжка рамчатая железная прямоугольной вытянутой формы с подвижным язычком (рис. 8. II: 4); пронизка железная прямоугольной формы (рис. 8. II: 5); железные трёхлопастные черешковые наконечники стрел (около 8 экземпляров; обнаружены в сильно коррозированном виде, форма лопастей и ударной головки восстанавливаются частично; рис. 8. II: 6).

Наконец, вблизи локтевых костей и костей запястья правой руки мужского костяка обнаружены парные срединные накладки на деревянную рукоять «М»-образного рефлексующего лука, выполненные из рога благородного оленя (марала) размерами 24 на 3–3,2 см и толщиной 0,4–0,5 см, на которых зафиксированы сюжеты социального и семантико- ритуального содержания, выполненные высокохудожественной резкой (гравировкой; рис. 9).

Один из них отражает сцену охоты знатного кангюйца. Здесь изображён всадник-номад восточного облика в позе низко сидящего жокея на лошади-кобылице, который стреляет из лука, охотясь на загнанных длительным преследованием архаров. Стрелок имеет регалии власти, вооружён луком и вспомогательными к нему атрибутами (запасный лук, твёрдо корпусный горит-колчан с комплектом боевых стрел; рис. 9: 1–2). Другой сюжет связан с охотой на группу архаров мифического полиморфного существа «медведе-льва»: животные стремятся ускользнуть от «зверя», который в броске схватил одну особь и готов её терзать (рис. 9: 3–4).

Обе композиции объединены охотой в единое сакральное действие, в котором человек (конный всадник с высокими властными полномочиями в социуме номадов со статусом, приближённым к божеству), и мифический «медведе-лев» (также божество) участвуют в качестве наделённых особыми социальными и религиозными функциями персонажей в охоте на архаров – животных, воплощающих у ираноязычных народов Центральной Азии и Южного Казахстана глобальное божество фарн (хварна).

Ближайшие аналогии сюжетам на роговых пластинах из катакомбы 14 могильника Кылышжар историко-культурного, художественного и технологического порядка отмечены в следующих памятниках:

– могильник Орлат близ городища Курган-тепе (древний Согд), катакомбное погребение 2: уникальный археологический комплекс, включающий элементы наборного пояса из двух костяных пластин-пряжек, на которых техникой резьбы запечатлены сюжеты батального сражения и охоты (рис. 11: 1–2; Пугаченкова, 1987. С. 56–61).

– целая пластина и фрагменты другой пластины из слоновой кости (декоративные части обкладки шкатулки или пряжки поясного набора) со сценами охоты, найденные на городище Тахти-Сангин, в храме Окса. Здесь техникой гравировки изображены конные всадники, ведущие стрельбу из луков по нескольким животным, в том числе – архарам (рис. 11: 3; Литвинский, 2002. С. 181–182. Рис. 1).

– аналогичный артефакт из кости по форме, размерам, с гравированными изображениями и функцией пластины наборного пояса, на котором изображены сражающиеся друг с другом конные всадники-лучники из погребения 3 на территории поселения Тилла-Булак (Узбекистан; Ильясов и др, 2013. С. 189–192. Рис. 4).

– роговое гравированное изделие, найденное на городище Калалалы-гыр 2 (Хорезм), условно трактуемое как навершие. На этом предмете изображены всадник, стреляющий из лука и поражающий стрелой хищника кошачьей породы (тигр), находящегося напротив стрелка, а также - персонаж в виде сидящего на земле человека со скрещёнными ногами (рис. 11: 5; Ильясов, 2013. С. 96. Рис. 1: 1, 3–4).

– называемая тургенская пластина - костяное изделие с сюжетной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак IV в верховьях урочища Турген (Заилийский Алатау). Она представляет собой заготовку из части левой лопатки лошади, на которой гравировкой изображена групповая сцена преподнесения правителю, сидящему в колёсной повозке, отрубленной головы побеждённого врага (рис. 11: 4; Горячев и др, 2016. С. 93–96, фото 4–5).

Отметим также часть костяного гребня (расчёски) с поселения Айтутды-тепе (у г. Карши), на котором изображена часть фигуры стреляющего из лука воина (Кабанов, 1972. С. 85–86. Рис. 8).

Археологический комплекс, сопровождающий находку кылышжарских пластин, а также хроно-индикаторы, представленные вышеперечисленными близкими по историко-культурному содержанию сюжетов, технике изготовления артефакты из рога, кости позволяют определить хронологию изделий в пределах I в. до - II в. н. э.

Этническая принадлежность всадника на кылышжарской пластине 1 оставляет вопрос открытым. В попытке высветить эту тему, были предприняты антропологические и краниологические исследования костных останков погребённого в катакомбе 14 могильника Кылышжар мужчины (владелец лука, на рукояти которого зафиксированы роговые пластины с соответствующими сюжетами). Оказалось, что погребённый воин-номад был молодым мужчиной (возраст 25–35 лет), по антропологическим критериям стоящий ближе всего к смягчённому европеоидному облику восточного типа, с лёгкой прижизненной деформацией черепной коробки (заключение Е.П. Китова, к.и.н, Центр антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН). По мнению Е.П. Китова, краниологические характеристики населения бассейна р. Арысь «...фиксируют значительное смешение различных этнических групп джетысарского, поздне-сарматского и оседлого земледельческого южно-европеоидного, потомков сако-усуньских групп и других» (Китов и др, 2019. С. 52–70).

Об этом свидетельствует также графическая реконструкция лица этого человека по краниологическим данным, выполненная в Институте археологии и этнографии СО РАН палеоантропологом Д.В. Поздняковым (г. Новосибирск). На ней перед нами предстал человек с узким вытянутым лицом, бровями с перегибом, небольшими округло-миндалевидными в разрезе глазами, прямым носом с обозначенной горбинкой, хорошо выраженным и выдвинутым вперёд подбородком (рис. 10). Совершенно очевидно, что по внешнему облику погребённый владелец элитного лука с сюжетными композициями на рукояти из могильника Кылышжар ближе всего к персонажам из Орлата, Тахтисангина, Калалы-гыра 2 и Тургеня, нежели к всаднику на пластине 1, украшавшую его лук. Скорее все-

го, лук мог быть преподнесён знатному представителю Кангюй, погребённому в кургане 14 могильника Кылышжар, в качестве подарка от одного из властных правителей кочевой элиты, которая входила в состав этого государства.

В контексте отражения в художественной культуре Средней Азии первых веков до - первых веков нашей эры образа элитного всадника, уместно будет привести мнение Г.А. Пугаченковой, которая пишет: «В памятниках культуры этого времени заметно выделяется тема обращения к образу победоносного конника, носителя военной славы и охотничьей доблести, т. е. к высшему идеалу, принятому в кочевой среде; ...этот мотив переплетается с мотивом почитания предка-номада, не расстававшегося со своим скакуном. Такое направление в культуре отвечало задаче прославления стоявших у власти правителей, выходцев из среды пришлых кочевых племён, которые влились в местную этнокультурную среду областей с высоко развитой городской культурой» (Пугаченкова, 1989. С. 302).

Такое мнение целиком соотносится с сюжетно-композиционным наполнением кылышжарских пластин, где запечатлён образ знатного всадника-охотника, полубожества в сознании соплеменников, который, судя по властным регалиям, был предводителем одного из кочевых племён сарматского или суннуского происхождения в составе Кангюй, и художественный образ которого на парных роговых пластинах лука подчёркивал высокий социальный статус его владельца в среде номадов, вдохновляя его на воинские и охотничьи подвиги.

В качестве заключения заметим, что находки, подобные кылышжарским, крайне редки в археологии Средней Азии и Казахстана, они по своему социальному, историко-культурному, семантико-религиозному и сакральному содержанию ещё будут служить информацией к размышлению ученым, занимающихся историей и культурой государства Кангюй. Отметим также, что высокий уровень художественного исполнения рисунков ставит кылышжарские роговые пластины с гравированными сюжетами в ряд подлинных шедевров изобразительного искусства государства Кангюй.

Использованная литература:

1. Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э. - V в. н. э.) // Труды Центрального музея, том II, Алматы, 2009. С. 79–141.

2. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1982. 196 с.

3. Буряков Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент: Фан, 1975. 203 с.

4. Горин А.Н. Денежное обращение Северной Бактрии в середине II в. до – III в. н. э. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Ташкент, 2009. 26 с.

5. Горячев А, Потанов С, Егорова Т. Тургенская костяная пластина. Промышленность Казахстана, № 1(94), Алматы, 2016. С. 90–96.

6. *Иванов П.П.* Сайрам. Историко-археологический очерк // Сборник Туркестанского Восточного Института в честь А.Э. Шмидта. Ташкент, 1923. С. 46–56.
7. *Ильясов Дж. Я.* Об изображении на роговом предмете с городища Калалы-гыр 2. РА (2), Моства, 2013. С. 96–104.
8. *Ильясов Дж.Я., Каниут К., Грубер М.* Тахтисангинские пластины – шкатулка или поясной набор? Последний энциклопедист: к юбилею Б. А. Литвинского. Институт востоковедения РАН, Москва, 2013. С. 186–197.
9. *Кабанов С.К.* Айтугды-тепе. ИМКУ, вып. 9. ФАН, Ташкент, 1972. С. 73–88.
10. *Китов Е.П., Болелов С.Б., Балахванцев А.С.* Возвращение в Хорезм: исследования совместной российско-каракалпакской экспедиции на Устюрте и Большом Кырк-Кызе. Восток (Oriens). № 6, РАН, Москва, 2019. С. 52–70.
11. *Крадин Н.Н.* Империя хунну. «Логос», Москва, 2001 г. 312 с.
12. *Литвинский Б.А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА, № 2. Москва, 1967. С. 29–37.
13. *Литвинский Б.А.* Кангюйско-сарматский фарн. «Дониш», Душанбе, 1968. 120 с.
14. *Литвинский Б.А.* Бактрийцы на охоте. ЗВОРАО. Новая серия I (XXVI). Москва, 2002. С. 181–213.
15. *Массон М.Е.* Старый Сайрам // Известия Средазкомстариса. Вып. III, Ташкент, 1928. С. 23–42.
16. *Массон М.Е.* К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ, № 4, Москва, 1950. С. 159–163.
17. *Мусакаева А.А.* Начальный этап денежного обращения в Чаче // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика АН республики Узбекистан Ю.Ф. Бурякова. Самарканд, 2004. С. 110–115.
18. *Мусакаева А.А.* К вопросу о начальной дате чекана монет Чача // Известия НАН Республики Казахстан, серия общественных наук, № 1, Алматы, 2010. С. 169–176.
19. *Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI в. н. э. Издательский центр МКТУ, Туркестан, 2000. 203 с.
20. *Подушкин А. Н.* Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана // «SHYGYS», 2, Алматы, 2005. С. 133–139.
21. *Пугаченкова Г.А.* Образ кангюйца в согдийском искусстве. (Из открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции) // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Издательство литературы и искусства, Ташкент, 1987. С. 56–65.
22. *Пугаченкова Г.А.* Бактрийско-юэчжийский и согдийско-кангюйский синтез в искусстве. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Наука Казахской ССР, Алма-Ата, 1989. С. 201–305.
23. *Ртвеладзе Э.В.* Древние и средневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Том I. Ташкент, 2002. 304 с.
24. *Ртвеладзе Э.В.* История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н. э.). Ташкент, 2006. 132 с.
25. *Ртвеладзе Э.В.* Исторический контекст согдийских надписей из Культобе // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материа-

лы Международной научно-практической конференции, 16 октября 2008 г. Шымкент, 2008. С. 233–238.

26. Ртвеладзе Э.В. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб: Нестор – История, 2012. 296 с.

27. Ставиский Б.Я. О северных границах Кушанского государства // ВДИ, № 1.- Москва, 1961. С. 108–114.

28. Тихонин М.Р. Монета «Сотера Мегаса» из долины Пскема // Нумизматика Центральной Азии. Выпуск III. Ташкент, 1998. С. 60–62.

29. Филанович М.И. Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента // У истоков древней культуры Ташкента. ФАН Уз. СССР, Ташкент, 1982. С. 91–124.

30. Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III – VIII вв. Ташкент: Изд-во «ФАН» АН РУз, 2006. 238 с.

31. Шенкарь М. А. Об иконографии хвагənah и его роли в идеологии древних иранцев // Колганова Г. Ю., Кулланда С. В., Петрова А. А. (ред.). Последний энциклопедист (к юбилею Б. А. Литвинского). ИВ РАН, Москва, 2013. С. 427–451.

32. Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian Inscription of Kultobe // «SHYGYs», № 1, Алматы, 2006. С. 95–111.

33. Sims-Williams Nicholas. The sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and linguistic commentary // Труды Центрального государственного Музея Республики Казахстан. Том II, Алматы, 2009. С. 153–171.

Сведения об авторе:

Подушкин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры «Мировая история и религиоведение», Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, ул. Байтурсынова, 13, 160012, г. Шымкент, Республика Казахстан, panalex@mail.ru.

Перечень рисунков и подписи к ним

Рисунок 1. Археологическая картография арыско-бадамского укрепленного района и «длинная» стена.

Рисунок 2. Арысская культура Южного Казахстана. Кангюйский комплекс артефактов.

Рисунок 3. Городище Культобе и часть текстов с кангюйским (прото-согдийским) письмом на керамических кирпичих-таблицах.

Рисунок 4. Городище Культобе: раскоп 2017 года и медная кушанская монета 1.

Рисунок 5. Раскоп на городище Ушбастобе и ранне-чачская монета.

Рисунок 6. Городище Ушбастобе: внешний вид цитадели и археологический комплекс.

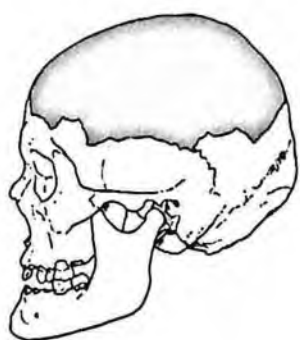
Рисунок 7. Археологический комплекс городища Ушбастобе и прорчерченный на кувшине антропоморфный образ.

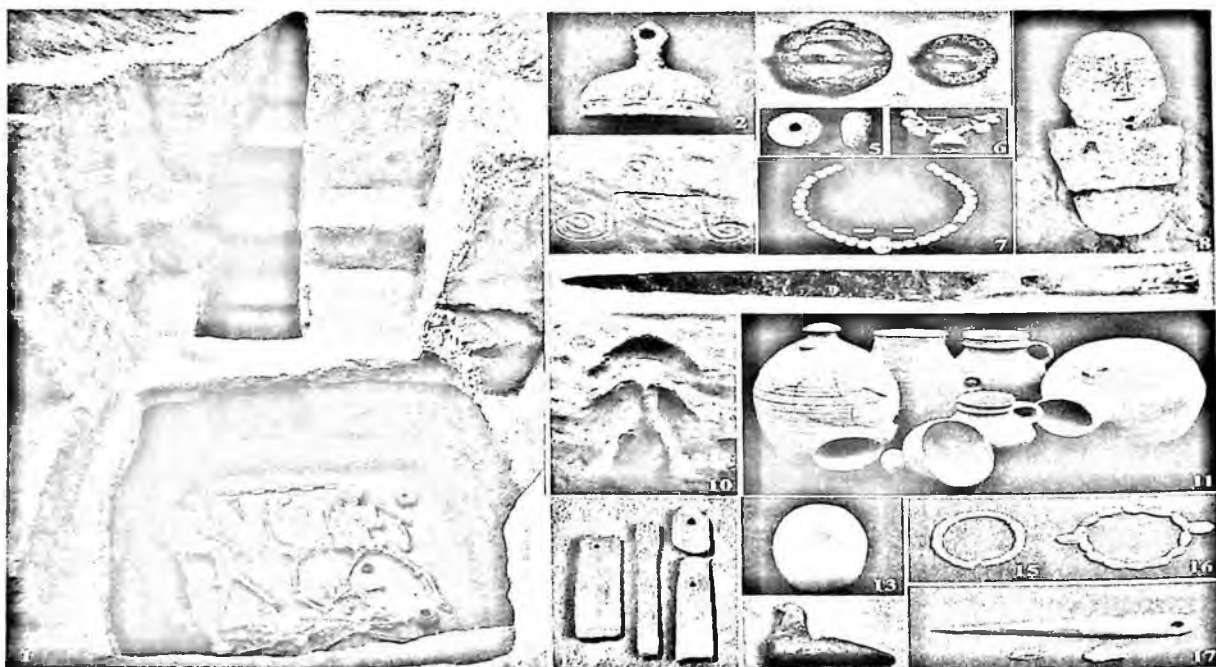
Рисунок 8. Могильник Кылышжар (юго-западная группа насыпей) и катакомба 14: погребальное сооружение и инвентарь.

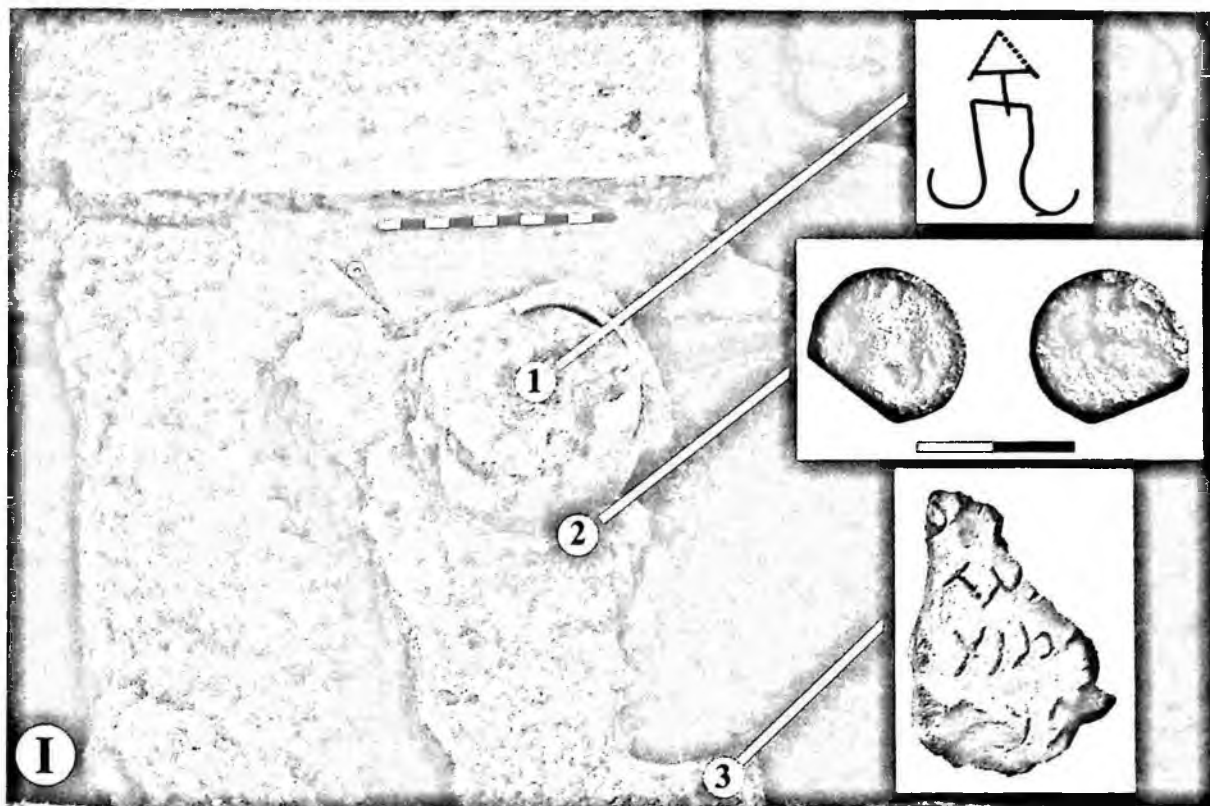
Рисунок 9. Могильник Кылышжар (юго-западная группа насыпей) и катакомба 14: роговые парные пластины на рукоять лука с сюжетами.

Рисунок 10. Могильник Кылышжар (юго-западная группа насыпей) и катакомба 14: графическая реконструкция внешности по краниологическим материалам погребённого мужчины.

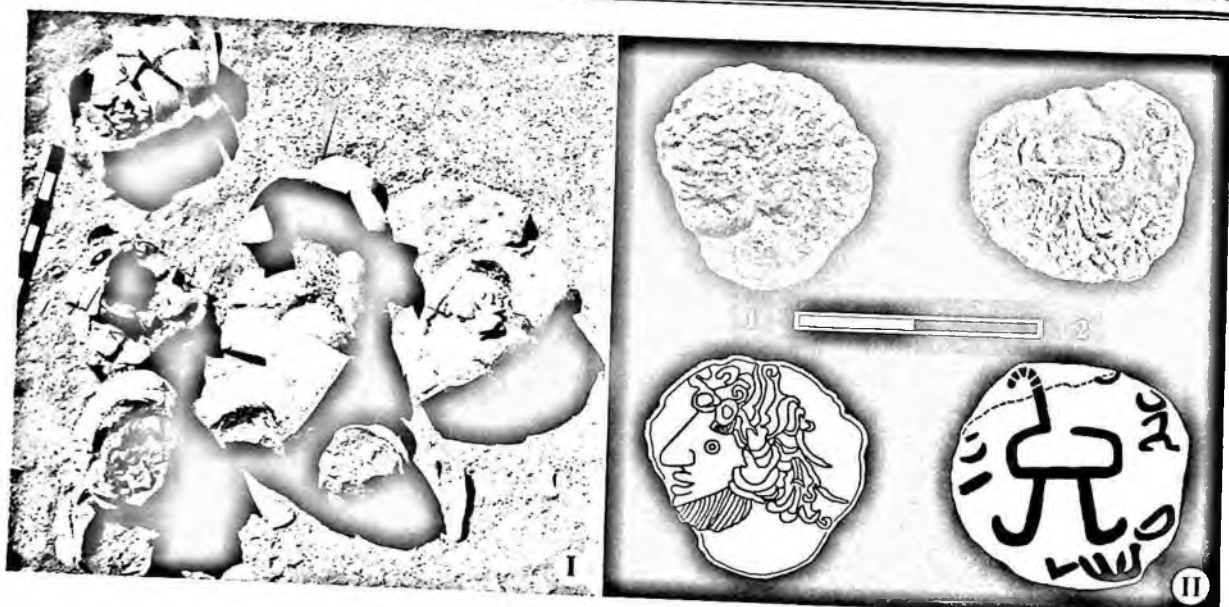
1

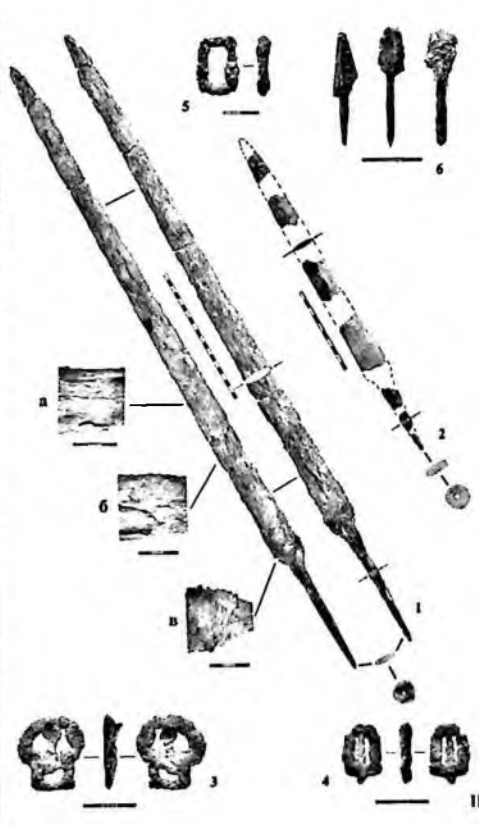
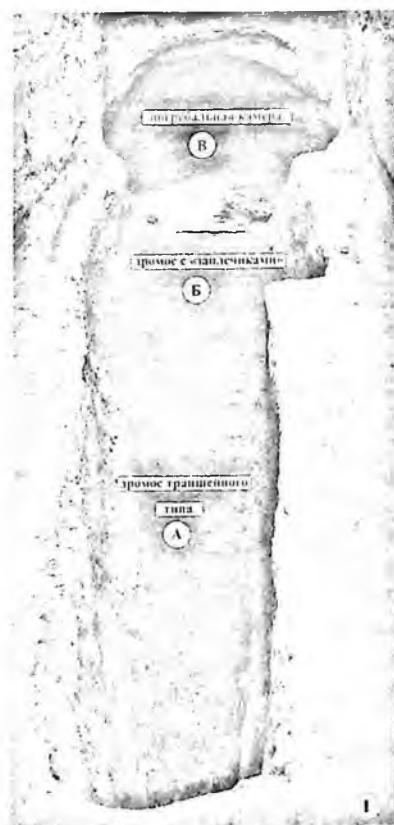
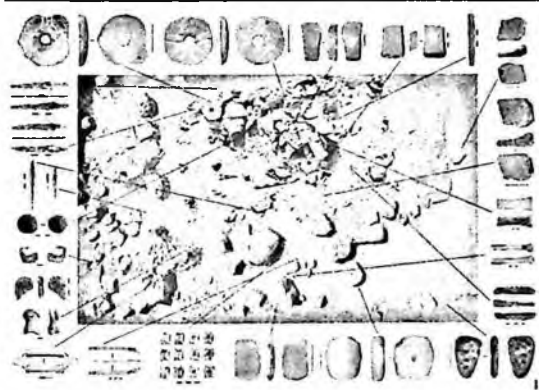
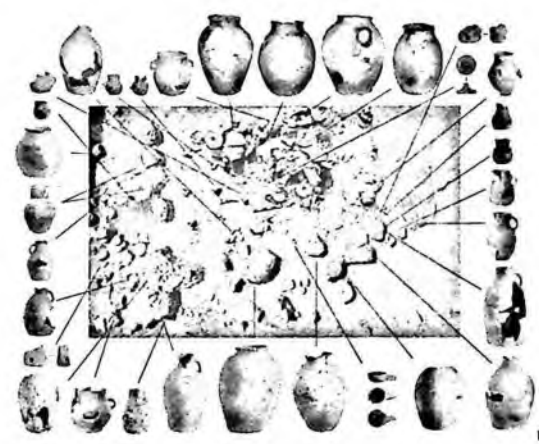

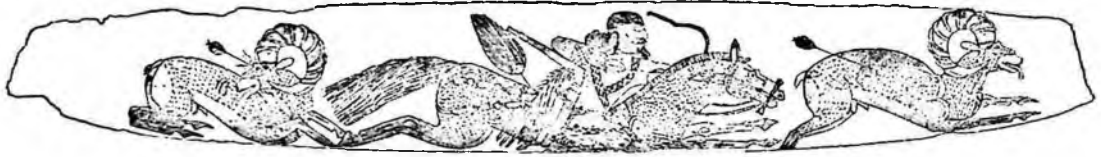
2

II

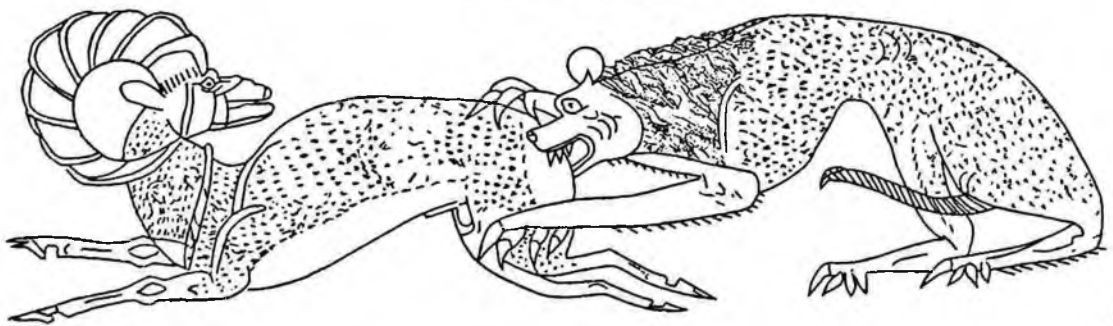
1

2

3

4

QANG'YUY TARIXI YANGI PALEOLINGVISTIK, NUMISMATIK VA ARXEOLGIK MANBALAR ASOSIDA

Maqola miloddan avvalgi II – milodiy IV asrlarga oid Janubiy Qozog'iston hududidagi Qang'yuy davlati yodgorliklarini arxeologik tadqiq etishning asosiy natijalariga bag'ishlangan. Epigrafik, numizmatik va arxeologik mazmundagi yangi asosiy materiallar yoritilib, ularning Qang'yuy davlati uchun tarixiy, madamiy, etnik-ijtimoiy va diniy ahamiyati kontekstidagi tavsiflari berilgan va xronologik xulosalar chiqarilgan.

Qang'yuy davlatida badiiy ijod, tasviriy san'at va diniy e'tiqodning yuksak darajada rivojlanganligini ko'rsatuvchi noyob osori-atiqalar topilgan aholi manzilgohi va Qilichjar qabristonining arxeologik majmualari alohida ko'rib chiqilgan.

Tayanch so'zlar: Janubiy Qozog'iston, Qang'yuy davlati, paleolingvistik material, numizmatik topilmalar, arxeologik majmua, yuksak badiiy asar.

KANGYUI IN THE LIGHT OF NEW PALEOLINGUISTIC, NUMISMATIC AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

The publication is devoted to the main results of the archaeological study of the monuments of the Kangju state of the 2nd century BC. BC e. - IV century. n. e. in the territory of South Kazakhstan. New key materials of epigraphic, numismatic and archaeological content are highlighted, their detailed characteristics are given in the context of historical, cultural, ethno-social and cult significance for the Kangju state, chronological conclusions are given.

The archaeological complexes of the settlement of Ushbastobe and the burial ground of Kilyshzhar are considered separately, where unique artifacts were found, illustrating the high level of development of artistic creativity, fine arts and religious beliefs in the state of Kangyuy.

Key words: South Kazakhstan, Kangyuy state, paleolinguistic material, numismatic finds, archaeological complex, highly artistic artifact.

Джамал Мирзаахмедов, Сирожиддин Мирзаахмедов

РАННИЕ РАБАТЫ-КАРАВАНСАРАИ БУХАРЫ НА ГРАНИЦАХ КОЧЕВОЙ СТЕПИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ПАЙКЕНД)

Аннотация: Статья посвящена истокам возникновения и строительных традиций одного из ведущих направлений ранней исламской архитектуры рабатов-каравансараев. Возникнув на рубеже раннего и развитого средневековья, полностью выполненные, ещё в сырце, они вобрали в себя строительные традиции предшествующей предисламской и новой зарождающейся классической средневековой архитектуры.

Впервые Рабаты были построены в качестве военно-оборонительных постовых дворов на важных стратегических пунктах и торговых артериях для противодействия набегам ещё не исламизированных кочевых племён. С середины IX в. со строительством Оазисной стены Бухары и возведением массы Рабатов на границах кочевой степи, исламизацией самих кочевников, военная функция их отпала и они превращаются в обслуживающие торговые артерии каравансараи-гостиницы.

Ключевые слова: Бухара, Пайкенд, ислам, кочевая степь, рабаты-каравансараи, архитектура, традиции.

Интересным направлением в истории ранней исламской архитектуры, материалы которых основаны на результатах археологических раскопок последних десятилетий, связано с истоками формирования одного из ведущих направлений в монументальном и жилом зодчестве Центральной Азии, рабатах-каравансараях. Некогда, они в большом количестве, располагались на приграничных зонах исламского мира, в городах и пригородах, сельских центрах и безводных пустынных зонах, в той или иной степени, связанных с большими или малыми трансконтинентальными и региональными торговыми маршрутами.

Впервые причиной строительства рабатов, получившее распространение с VIII века, было связано с завоеванием Средней Азии Арабским халифатом, в результате ожесточенной борьбы местных народов за свою независимость и, с переменным успехом, растянувшейся почти на столетие. Исключительному накалу противостояния в военной конфронтации придавала и особая, совершенно чуждая местному менталитету форма политики завоевателей. Располагаясь по центру континента, Средняя Азия на протяжении многих столетий играла роль не только торгового, но и этно-миграционного коридора для прохождения и оседания здесь преимущественно, кочевого населения. Ранее номады, чаще всего ограничивались собиранием дани, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь местного оседло-земледельческого населения, хотя воспринимая ее высокую культуру, идеологию и постепенно ассимилируясь с ней.

Арабские же завоеватели принесли с собой и принудительно внедряли экономическими и прокламативными мерами свою новую идеологию, мировую религию ислам и, связанный с этим, совершенно новый образ мышления. Это поведение в

быту, изменение менталитета, государственного языка халифата - арабского, а затем и внедрение ираноязычными клиентами (мавали) завоевателей, западноиранского языка фарси-дари. При этом проводилось беспощадное истребление приверженцев старой идеологии, носителей зороастрийской культуры, литературы, принудительное расселение в частные жилища горожан и надзор за их новым вероисповеданием со стороны военных и административных членов титульной арабской диаспоры. Эти меры привели впоследствии, к конфронтации и столкновениям вновь исламизированного городского населения с ещё не исламизированным сельским или, чуть позже, жителей исламизированных оазисов с ещё не исламизированной кочевой степью. Подобные процессы, в каком-то аспекте, гражданских войн, особенно хорошо прослеживаются на рубеже 70–80-х гг. VIII века, при восстании против арабов Муканны и привлеченных последним, для набегов на исламизирующиеся оазисы неисламизированных кочевников тюрков. По данным источников, именно с этого периода и были приняты со стороны арабских наместников в Хорасане акты по масштабному строительству или, скорее, восстановлению давно разрушенных, грандиозных оазисных стен. Наиболее ярко это прослеживается по оазисной стене Бухары «Кампыр девор», охватившей значительную часть (15 из 22) компактно расположенных рустаков региона. В тех же случаях, когда отдельные микрооазисы или границы исламизированных территорий были выдвинуты далеко в степь, здесь строились рабаты - военные постоянные дворы для борцов за веру «газиев», задачей которых являлось несение службы по противодействию и защите городов и селений от набегов кочевников. Часто строились подобные рабаты по большим и малым торговым транспортным артериям, по которым проходили и военные отряды, неслась почтовая служба, доставлялся провиант и оружие. Более конкретно, впервые об их сооружении, на границах с кочевой степью связывается с наместником Хорасана Ашрасом ибн – Абдаллахом ас-Сулами (727–729 гг.). Рабаты представляли собой сторожевые посты, введённые в систему укрепленной стены против кочевников, или самостоятельные укрепления, отстоявшие на определённом расстоянии друг от друга (Бартольд, 1963. Т. I. С. 247; Якубовский, 1950. С. 169).

Конкретизируя вопрос А.Ю. Якубовский писал: «Под последним (рабаты - М.Д.) нельзя, конечно, понимать то, чем рабаты сделались впоследствии, а именно большие караван-сарай, превращающиеся в правильно функционирующие поселения базарного типа, а то, чем они были в первые века ислама, т.е. укрепленные поселения, имеющие, однако, задачей не только защиту от возможных нападений врага, но и торговлю с ними в периоды, когда отношения носили мирный характер. Рабаты этого типа в подавляющем числе случаев устраивались на границе со степью, где они и носили специфический военно-торговый характер. Один только взгляд на карту селений, идущих параллельно Кампыр Дувалу, один только перечень имен, среди которых так часты окончания на рабат (Хамрабат, Будах-рабат и т.д.), показывают, как много в системе укреплений Кампыр-Дувала включено было рабатов» (Якубовский, 1940а. С. 147).

С середины IX века, с постепенной исламизацией края, надобность в военном предназначении подобных сооружений начала отпадать и рабаты, обычно распола-

гавшиеся на стратегически и географически важных участках транспортных артерий, стали превращаться в постоянные дворы -каравансарай.

Посвященные выдвинутым проблемам вопросы регулярного изучения оазисных стен Узбекистана и, в частности, «Кампыр девор» в Бухаре, были начаты с 30-х годов прошлого столетия в составе Заравшанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, ИИМК и Узкомстариса под руководством А.Ю.Якубовского (Якубовский, 1940а) и сотрудником экспедиции В.А. Шишкиным (Археология Центральной Азии: Архивные материалы. Т.II. 2015. С.29–45). Затем, с конца 50-х годов, широкие исследования в этом плане продолжены Х.Мухамедовым (Мухамедов, 1961), В.А. Шишкиным (Шишкин, 1963) и активно продолжают в последние годы (Штарк, Мирзаахмедов, 2015).

Еще больших результатов достигли исследования сотрудников Института, в последние десятилетия, в плане изучения рабатов-каравансараяв. Благоприятным фактором для этого послужило вскрытие наиболее раннего для исламской эпохи Средней Азии рабата, построенного в конце VIII начале IX века в восточном пригороде городища Пайкенд Бухарского оазиса (Мухамеджанов и др. 1988. С.113–147). Не вызывает сомнения и интерпретация объекта, т.к. по данным исторических источников в пригородах Пайкенда располагалось огромное количество рабатов. В частности, в X веке историк Бухары Мухаммад Наршахи отмечал: «До 854/5 г. у ворот Пайкенда, по числу селений в Бухаре было построено более тысячи рабатов. В зимнее время, когда наступала пора набегов кочевников-кафиров, для противодействия им, здесь собирались отряды из газиев и жители каждого селения размещались в своих рабатах» (Наршахи, 1966. С. 24). У Истахри и в анонимном источнике «Худуд ал-Алам» приводится такая же цифра рабатов, а Мукаддаси уже отмечает, что большинство из них уже лежали в развалинах. Более подробно останавливается на них Самани отмечая, что в нем было три тысячи рабатов завоевателей, остатки которых он видел сам и встретил там только несколько туркменских семей, живших в рабате (Камалиддинов, 1993.С. 13).

Безусловно, представленные в источниках цифры рабатов завышены, но, тем не менее, они свидетельствуют о необычно большом количестве постоянных дворов, не характерных ни для какого другого города Средней Азии. Наличие подобных цифр, видимо, также объясняется узловым военно-стратегической и торговой ролью Пайкенда, располагавшегося вне оазисных стен Бухары, далеко выдвинутого в степь, крупного пограничного города, связывавшего Мавераннахр - одну из крупнейших житниц Халифата - с резиденцией правителя Хорасана в Мерве.

Много споров среди исследователей вызывают также относящиеся к этой проблеме и приведенные выше отрывки из «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи по поводу конкретного противостояния и сезонного времени набегов кочевников в зимний период, получившие в целом, завершение к 854/5 гг. По нашему мнению, данные ан-Наршахи о конкретной дате завершения конфронтации между кочевой степью и земледельцами оазисов к 854/5 г., видимо, имело под собой определенное, пока не выявленное событие, положившее, в основном, конец постоянным угрозам набегов.

Вместе с тем, решение этой проблемы к середине IX в., совершенно определенно, вытекает из сложившейся в Мавераннахре военно-политической обстановки. В эти годы здесь уже были давно завершены масштабные работы по строительству оазисной стены «Кампир девор» и многочисленных рабатов в округе Пайкенда, что, в значительной степени, усложняло, ставило под сомнение, результативность подобных набегов. Также, к середине IX в. семейное наместничество Саманидских правителей внутри Мавераннахра приняло совершенно определенную форму централизованного государства, которое было в состоянии принять адекватные или, как это делалось ими и их сюзеренами Тахиридами уже с первой половины IX в., превентивные меры военных походов на самую кочевую степь.

Третьим существенным обстоятельством являлось принявшее необратимые последствия исламизация как самих оазисов, так и их начало в кочевой степи, которая наряду с вышеприведенными факторами снимала как моральные, так и военно-политические предпосылки подобной конфронтации.

В отношении зимнего периода опасности набегов, большинство авторов, касавшихся этого интересного отрывка, к сожалению, не пытались конкретизировать его причины. Наши попытки объяснить их зимнюю сезонность непроходимостью песков Кызылкум для больших контингентов войск в летний период, опровергались отдельными исследователями тем, что в этот период кочевники вполне утилитарно стремились к захвату осеннего урожая и, прежде всего, очень ценимого номадами хлеба (Мирзаахмедов, 1994. С. 223). О зимней конфронтации между кочевниками-огузами и Хорезмом, для середины X в., пишет и Бируни: «...с наступлением холодов цари Хорезма отгоняли тюрок-огузов от своих границ, охраняя от них окраины своих стран (Ал-Бируни, 1957. Том I. С.257). Несколько шире на этом останавливается С.П. Толстов: «Война с огузами это явление повседневного быта Хорезмийцев X в.-закрепляются традиционными обычаями и даже обрядами. Бируни описывает хорезмийский праздник Фагбурия – «выход царя», справлявшийся с наступлением холодов, когда царь Хорезма выступал из своей резиденции в традиционную зимнюю кампанию против огузов, отбрасывая их от своих границ (Толстов.1948. С.244).

Для решения вопроса нами были проанализированы исторические и этнографические источники, позволившие сделать ряд следующих выводов:

1. В исследуемый период, по данным письменных хроник, низовья Сырдарьи являлись местом зимовки многочисленных племен кочевников. Здесь же находилась и их столица - город Янгикент.

2. По нашим предположениям, не менее значимым местом зимовок кочевников могло являться расположенное к юго-западу от города и протянувшееся на значительное расстояние, огромное Пайкендское озеро «Баргини Фаррох» или «Каракуль». Сюда стекались все остаточные воды рек Зарафшана и Кашкадарьи и озеро достигало в ширину, по данным источников, чуть ли не двадцати фарсахов. Все его окрестности проросли густыми тугайными зарослями с большим количеством хищных и диких животных, пернатых и рыб, являясь непревзойденным для всего Хорасана местом охоты и улова (Наршахи, 1966. С.

25). Эти близкие к Пайкенду места с густой растительностью, раскинувшейся на значительные пространства, несомненно, являлись идеальными стойбищами для зимовок кочевников, представлявших непосредственную угрозу в этот период года.

3. Вместе с тем, для того, чтобы прокормить свой основной хозяйственный сектор поголовье скота, кочевые племена постоянно находились в строго определенном по времени и территориально движении. По мере наступления летней жары и выгорания трав они на сотни километров удалялись на север, северо-восток или северо-запад, а по мере наступления холодов и снежного покрова возвращались к местам зимних стоянок, более теплым или умеренным. К тому же, главным фактором жизнедеятельности и обоюдно необходимейших взаимосвязей между кочевой степью и земледельцами оазисов являлся сбыт кочевниками лишнего приплода скота, который невозможно было прокормить зимой. Для земледельцев же это была возможность широкого обмена своей ремесленной продукции (прежде всего текстиля, металлических изделий), а также муки, масла и сухофруктов на дешевейшее мясо (скот) и сырье для ремесла (кожи, шерсть и т.д.). Исходя из этих экономически взаимосвязанных предпосылок длительная конфронтация между этими двумя главными взаимозависимыми формами хозяйствования была просто невозможна. Следуя вышеприведенным данным, можно предполагать, что начиная с поздней осени и до ранней весны, относительно свободные от постоянного передвижения кочевники, при наличии конфликтных ситуаций, могли представлять реальную угрозу для земледельческих оазисов Средней Азии.

4. В летний же период больших кочевых групп здесь не было: полностью выгоравшая пустыня была практически не проходима, а по караванным маршрутам такие набеги из-за ограниченного количества воды в колодцах, которые не были рассчитаны на прохождение больших армейских подразделений и, несомненно, существовавшей системы сигнализации, вряд ли имели бы успех.

5. В противоположность лету, зимой пустыня была покрыта снегом или ранней весной и поздней осенью стоками дождевой и талой воды в многочисленных такырных углублениях рельефа. Песчаная же поверхность пустыни, в этот период, покрывалась твердой замершей корочкой, позволявшей всадникам легко передвигаться по ней. Это же позволяло кочевникам, при набегах поздней осенью, зимой и ранней весной совершенно беспрепятственно достигать любой точки оазиса кратчайшим путем, создавая реальную угрозу оазисам (Мирзаахмедов, 1994.С. 223–224; Мирзаахмедов Д., Мирзаахмедов С. 2013). Таким образом, приведенные выше данные полностью объясняют ранее непонятные узловые, спорные вопросы интерпретации сведений источников. Также становится понятным нежелание оставаться в Согде на зиму, в период военных компаний, отдельных полководцев с войском, не имея прочной социальной базы среди местного населения, в первые годы завоевательной политики. Это было, безусловно, связано с той огромной поддержкой, которую могла оказать союзная кочевая степь оазисам Средней Азии в зимний период и ранней весной.

Также не случайно, что все наиболее крупные передвижения войск через пустыню, с целью завоевания Средней Азии или из Средней Азии приходились на

раннюю весну и позднюю осень. Примерами могут послужить походы Александра Македонского, завоевания Халифата, Чингиз хана, Амира Тимура и т.д. Поэтому, нередко, запаздывавшие с выступлением войска при переходе через пустыню оказывались в тяжёлом положении и не только из-за недостаточности воды для армии, но и воды и фуража для лошадей и вьючного скота.

Именно по этим причинам, против кочевников тюрок, начиная с 783 и по 830-е годы ведётся возведение и реконструкция монументальной стены «Кампир девор», окружавшей Бухарский оазис, а Пайкенд далеко выдвинутый в степь, становится одним из основных форпостов борьбы с кочевой степью в зимний период и здесь строится огромное количество рабатов (Мирзаахмедов, 1994.С. 226).

Уже первые глазомерные съёмки восточной части пригорода Пайкенда, проведённые в 1939 г. сотрудником Зарафшанской археологической экспедиции В.А. Шишкиным позволили обнаружить большое количество четко спланированных прямоугольных сооружений расположенных вдоль улиц к югу и на восток от городища (Якубовский, 1940б. С. 61–62). В 80-е годы работа по исследованию рабатов в восточном пригороде городища была продолжена сотрудниками Института археологии АН РУз. Было выявлено около двадцати сооружений подобного рода, снят план и проставлена нумерация. Учитывая, что подобные объекты являются основным типом построек пригородной зоны на одном из них - Рабате 1, расположенному к востоку, были начаты стационарные раскопки (рис.1).

Рабат–1 являлся наиболее возвышенным сооружением данного массива, подквадратной формы, размерами 74x74 м, вершины углов которого с небольшим отклонением были ориентированы по сторонам света. Центральное пространство занимал внутренний двор. По всему периметру к внутреннему фасаду обводной стены пристраивались помещения в гребенчатой планировке. Углы памятника оформлены в виде круглых выступающих башен с диаметром у основания 3,3 м (Мухамеджанов и др. 1988. С. 113–116). По керамическим, нумизматическим материалам и данным источников строительство рабата приходится на конец VIII начало IX века, а обживание заканчивается к середине-третьей четверти X в. Его особенность, как и всех выделенных здесь объектов подобного рода, заключается в том, что они были полностью построены по старым доисламским традициям раннего средневековья, из сырцового прямоугольного кирпича когда еще саманидский квадратный плоский жжёный стандарт не вошёл массово в монументальную мемориальную и гражданскую архитектуру.

К новаторским инновационным архитектурным особенностям Рабата–1 можно отнести четко спланированные по центральной оси большие и малые ворота (пом.62,33). К тому же большие ворота располагали самым ранним для сырцовой архитектуры эпохи выдвинутым порталом, выходящим на основную линию торговой магистрали из Пайкенда в Бухару, видимо, предназначаясь также для въезда, погрузки и разгрузки караванов. Малые ворота, безусловно, имели служебный характер, предназначаясь, прежде всего, для хозяйственных целей, располагавшихся на этом противоположном отсеке кухонных, складских, конюшенных и ряда помещений, предположительно, хозяина рабата.

Впервые для ранней сырцово-глиняной архитектуры фиксируется классический гостиничный характер планировки, выделяющийся по ее южному восточному и западному внутреннему интерьеру, четким чередованием трехкомнатных (пом.3–5,11–13,15–17,47–49,51–53,58–60) и однокомнатных секций (пом.2,6,10, 14,18,46,50,54), выходящих на широкий прямоугольный двор. В боковых отсеках трехкомнатных секций имелись узкие суфы-лежанки для отдыха и, широкая суфа в центральном открытом айванном помещении, для коллективного принятия пищи и времяпровождения людей, занимавших данную секцию.

В однокомнатных секциях, безусловно, удобных для запираания, сразу за небольшой линией тамбурного прохода, располагалось невысокое, на всю площадь помещения, суфообразное возвышение, очень удобное для индивидуального или коллективного проживания, а также складирования товаров.

Всю северную линию интерьера рабата занимали два-три ряда помещений, носивших обслуживающий специфический кухонный (пом.29–32), складской, конюшенный или загонный для скота (пом.20–27), большого помещения для общих собраний (пом.37), а также ряд помещений, где проживала семья хозяина или военного главы сообщества (пом.38–43).

Интересной особенностью памятника являлось и расположение с правой стороны от центральных ворот - через стенку, прямоугольного помещения мечети (пом.61), а в наиболее глубинном северо-западном углу отсека хозяина рабата, в окружении периметра суф, в центре помещения, подковообразного возвышения с округлыми следами длительного горения по верху (пом.42). Весь отсек хозяина и, в особенности, угловое помещение со специфической подковообразной тумбой, были хорошо оштукатурены ганчевой обмазкой (пом.38–43).

Следы ганчевой штукатурки в мечети практически не сохранились кроме её юго-западного угла, где должна была располагаться михрабная ниша. К сожалению, это место было сильно разрушено поздней могильной ямой. Тем не менее, расположение нестандартного помещения справа от главного входа, следы обмазки ганчевой штукатуркой в юго-западном углу, где должен был располагаться михраб, а также на основе параллелей, по чуть более поздним каравансараям, подтверждает его специфический характер назначения (Хмельницкий, 1992. С.181).

В отличие от мечети, характерное подковообразное возвышение в углу северо-западного отсека хозяина рабата (пом.42) находит прямые аналогии в доисламской культовой архитектуре дворцов, парадных помещений замков и обычных усадеб Бухарского Согда, связываясь с зороастрийской традицией возжигания священного огня (Мухамеджанов и др., 1988.С. 140–141).

Ранее мы отмечали, что пока нет полной уверенности о языческо-культовом назначении этого помещения, однако как письменные источники (Наршахи, 1966. С. 26) так и материалы археологии (Вишневская, Рапопорт, 1979. С. 105–110) указывают на многочисленные факты обрядов, связанных с культом огня, даже в X в. (Мухамеджанов и др., 1988. С. 141).

С.Г. Хмельницкий первым обратил внимание на наличие на одном памятнике мечети и «языческой капеллы», связывая это с мутационным периодом в ран-

неисламской культуре Средней Азии (Хмельницкий, 1992. С. 182). Мы также, во многом склонны к точке зрения исследователя о «мутационном», переходном характере назначения помещения хотя оно к середине X века, вряд ли могло носить классический языческий характер, как во дворце доисламских царей Бухары-Бухархудатов в их резиденции на Варахше (Шишкин, 1963. С. 58). Полагаем, что здесь, в помещении хозяина или военного предводителя рабата, условно сохранилась традиционная зороастрийская атрибутика, но уже, в основном служа для обогрева парадного помещения, где на первоначальном этапе функционирования памятника, лишь в зимний период собиралось вольное сообщество молодых бойцов из окружающих селений для противодействия набегам кочевников.

Также необходимо положительно отметить, что почти за 150-летний период функционирования, памятник не претерпел существенных перестроек, видимо, выполняя свою главную функцию назначения рабата-каравансарая. Важно подчеркнуть лишь о двух случаях, скорее всего, уже на первоначальном этапе обживания, аккуратного перекрытия и замазки выходящих во двор входов однокомнатных секций № 2 и 46. Здесь были прорублены боковые стенки, имевших целью их превращения в двухкомнатную и трёхкомнатные помещения. В первом случае, располагаясь у ворот, помещения 1 и 2, безусловно, исходя из фиксации здесь душевой-ташнау, сандала для обогрева зимой, кухонного зимнего очага и других особенностей домашнего быта, служила для проживания здесь семьи привратника. Во втором случае, образуя трёхкомнатную секцию (пом.44–46), с душевой-ташнау и очажными ямами, отсек также мог иметь семейный характер обживания. Археологически фиксируемые, преимущественно, узкие перекрытия входов в помещения 23,27,29,34 и 42 скорее напоминают случаи временного оставления жилья хозяевами, с перспективой на скорое возвращение, но уже не имевшие места.

Также подчеркнём располагавшиеся по верху левой широкой порталльной линии стены, поднимавшиеся со двора, слабые остатки глиняного лестничного подъёма, скорее всего, на крышу памятника. Лестничный подъём на крышу, исходя из военно- оборонительного характера первоначальной функции рабата, несомненно, имел важное значение при его защите от набегов кочевников осуществлявшейся по верху линии стен. На втором, мирном этапе функционирования памятника как караван-сарая, по этнографическим данным, в знойный летний период все его обитатели могли по лестнице, перебираться отдыхать ночью на крышу. Это объяснялось, во-первых, ночной прохладой на крышах, в отличие от душных непрветриваемых, не остывавших от летней жары помещений. Во-вторых, в условиях средневековья, в худжрах обитало большое количество кровососущих насекомых (вшей, клопов, комаров), которые в значительной степени влияли на качество жизни клиентов постоялого двора. Поэтому забирая на крышу всё постельное бельё и оставляя его под жгучими лучами солнца днём, обитатели караван-сарая способствовали их естественному истреблению, полноценному отдыху в ночной прохладе, таким образом, создавая определённые благоприятные условия жизни при путешествиях.

Исходя из архитектурно-планировочных особенностей памятника полностью выполненного в сырце, мы считаем, что Рабат-1 с самого начала строился с учётом функций не только крепости для газиев, но и караван сарая. С прекращением в середине IX века набегов кочевников на оазис, эта последняя функция стала ведущей. В целом наличие двух ворот, один из которых был впервые оформлен новаторским для этого периода порталом, строгое чередование однокомнатных и трёхкомнатных секций, присутствие кухонного отсека, складских помещений, конюшни (или загона для скота), мечети - все эти планировочные принципы в период развитого и позднего средневековья получили дальнейшее развитие и классическое завершение не только при строительстве наиболее близких и традиционных по характеру видов монументального зодчества – караван сараев и медресе, но и отражение планировки трёхкомнатных секций в этнографической массовой сельской жилой архитектуре.

Продолжением работ по данной тематике Пайкендской археологической экспедиции Института археологии явилось изучение следующего Рабата-4 (Р-4), располагавшегося также в восточном пригороде городища. В топографическом плане это также наиболее возвышенное сооружение данного массива, расположенное, как и все окружающие объекты и само городище, на каменистой гряде естественных песчано-известняковых отложений в 170 м. к востоку от цитадели (Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. VI. 2005, рис.2). Строители, исходя из топографии рельефа, как и на Рабате 1, подравняв основание и засыпав его углы, построили несколько отклоняющуюся от прямоугольной форму памятника напоминающую параллелепипед. Он вытянут вдоль той же торговой трассы, идущей от южных ворот цитадели Пайкенда в сторону Бухары, что и Рабат-1, расположенный в 187 м. далее к востоку (рис.2).

Центральное пространство Р-4 занимал внутренний двор, уровень поверхности которого был несколько ниже окружающих его по периметру валов обводных стен, с помещениями построенными в традиционной гребенчатой планировке, полностью выложенных из сырцовых кирпичей. Наряду с общей дворовой композицией, выявляется его своеобразная планировка, сочетающая симбиоз приёмов монументального сырцового зодчества предшествующей раннесредневековой и раннеисламской архитектуры данного периода. Уже первые результаты раскопок показали его значительное разрушение опускающимися сверху могильными ямами более позднего мазара, а также на основе археологических материалов два строительных периода обживания памятника.

Первый этап - это строительство объекта и первоначальный период его функционирования, который мы относим с середины IX- по середину X века, после чего рабат-4 забрасывается и приходит в разрушение. Это было связано с процессами сокращения водного баланса главной артерии оазиса реки Зарафшан и постепенного усыхания окраин региона. Второй этап - это значительная перестройка и возобновление обживания Рабата 4 со второй половины XII по начало XIII в., в предмонгольский период. К этой эпохе, по археологическим материалам, наблюдается частичное восстановление водных протоков и обживания в низовьях Зарафшана. В том числе и для Рабата-4 расположенного вдоль протока реки, хотя собственно город уже к середине XI в. был покинут жителями и засыпан песками (Сапаров, Торгоев. 2015. С.244).

На сегодняшний день Рабат-4 полностью вскрыт по верхнему культурному горизонту. Имеет вытянутую по линии запад-восток форму размерами 76х63 м. При этом наиболее сильно застроенной оказалась её западная часть (рис.2,3), где за мощной обводной стеной, фиксируются три ряда однокомнатных секций. При этом два первых ряда помещений располагались напротив друг друга, выходя на широкий общий коридор, составляя замкнутый отсек со стандартными, в целом, помещениями гостиничного типа. Примыкающие к обводной стене первый ряд помещений первого строительного этапа (пом.25–27) представляли собой стандартные прямоугольные секции с выходом на углу и коленчатым проходом внутрь. Их интерьер состоял из суфообразного возвышения с сандалом в центре и тамбурной перегородкой напротив входа (рис.2,3.). На втором этапе обживания, помещения расположенные по этой линии южнее (пом.17–24), были перестроены с выходом по центру. Напротив первой линии располагался второй ряд помещений, состоявший из стандартных четырехугольных секций с выходом по центру, на осевой коридор (пом.30–39).

Третья линия ряда помещений западного фаса состояла из стандартных однокомнатных прямоугольных секций с плохо сохранившейся открытой восточной, выходящей во двор стороной. На отдельных из них, с восточной стороны, сохранились сильно разрушенные тонкие, на ширину одного кирпича перегородки, с выходами сбоку или по центру помещения (Mirzaakhmedov, 2016. Fig.1,3). Такой же планировочный тип из одного ряда стандартных, прямоугольных однокомнатных гостиничных секций, располагавшихся вокруг широкого двора и выходящих к нему проходами, имели северный, восточный и южный фаса помещений Рабата-4.

При этом, результаты исследований северного фасада стен Р-4 показали, что на первом хронологическом этапе его планировка состояла из расположенной по центру северного крыла трёхкомнатной секции (пом.56–58) и отходящих от неё в стороны однокомнатных прямоугольных секций. Последние имели входы на углу (пом.51–55 и 59) и Г-образную конструкцию суф-лежанок в интерьере помещений (рис.3).

На втором этапе обживания, весь северный фас стен, как и направленные в сторону двора проходами, в гребенчатой планировке, восточный и южные фаса помещений имели, преимущественно, с выходом по центру характер построек. Это определяется, по лучше сохранившемуся восточному фасаду помещений, где на примере нескольких секций прослеживается форма прохода располагавшегося по центру и, видимо, являвшегося характерным для большинства худжр второго этапа дворового комплекса. Угловые, северо-восточный и юго-восточные отсеки, на первом этапе, представляли собой своеобразные четырёхкомнатные секции (пом.60–63 и 74–77), основу которых составляли стандартные трёхкомнатные образцы, выделенное выше по фасаду северной стены (пом.56–58). Для второго этапа, помещения северо-восточного отсека, как и, в целом, помещения северного фаса претерпевают существенные перестройки. Пристраиваются дополнительные стенки, суфы-лежанки, души-ташнау, сандалы, очажные ямы и тандыры для выпечки лепёшек, явно свидетельствуя о семейном характере их обживания в эту эпоху.

Юго-восточный отсек также представлял четырёхкомнатную секцию с большим числом больших и малых очажных ям, тандыров, небольших прямоугольных

хранилищ для продуктов, мусорных ям и нескольких ташнау. Безусловно, здесь компактно располагался кухонный отсек рабата.

Далее, по линии южного фаса выявлены остатки с нестандартным для этого периода расположением монументальных ворот на юго-восточной угловой части памятника (рис.2, пом.1). Проход имел ширину 3,2 м., фигурную облицовку выстилки полов ёлочкой, из жжёных кирпичей положенных на ребро, а также выступающего портала. Нестандартный характер расположения ворот на юго-восточном углу памятника объясняется целью его максимального приближения к магистральной дорожной трассе Пайкент-Бухара, с облегчением входа во двор и разгрузки – выгрузки товаров.

Справа от портала располагалось большое, подквадратное в плане помещение предполагаемой мечети (рис.2, пом.2), исходя как от формы, так и параллелей по предшествующим (Рабат–1) и последующим аналогам (Хмельницкий, 1992. С.181). Появление и стандартное расположение мечети справа, рядом с воротами, является совершенно новым идеологическим атрибутом в раннеисламской монументальной гражданской архитектуре, свидетельствуя о конкретном внедрении ислама в каждодневный домашний быт населения или вдали от него. Интересен был и выбор места расположения мечети у ворот, что было удобно как для обитателей рабата-каравансарая, так и для посетителей, которые могли прийти помолиться с улицы. Показательно также и то, что, в отличие от Рабата–1, построенном полстолетия спустя Рабате–4, полностью отсутствует доисламская зороастрийская атрибутика «языческой капеллы», убедительно свидетельствуя о последовательных успехах идеологии ислама.

Затем по южному фаса выявлены шесть прямоугольных стандартных однокомнатных секций с остатками плохо сохранившихся входов по центру и занимавшей интерьер сплошной невысокой суфой, полностью соответствуя предшествующим образцам помещений рабата второго этапа строительства в дворово-гребенчатой планировке (рис.2, пом.3–8).

Следующие шесть помещений имели также стандартные пропорции, но делились надвое тамбурными стенками – на внутреннюю подквадратную и меньшую прихожую часть, создавая значительно большие удобства при проживании, хранении товаров, при приёме покупателей и гостей (рис.2, пом.9–14). Также отметим, что это новый, характерный для верхнего горизонта тип двухчастных секций. Внутри худжр, вдоль стен, выявлены неширокие суфы, остатки очагов, служивших для обогрева, частично вкопанных в грунт тандыров для выпечки лепёшек и места отдыха на суфах-лежанках. Здесь же отмечены небольшие резервуары со стоком для воды – ташнау, использовавшиеся как душевые или для гигиенического омовения перед молитвой, что также стало новым массовым бытовым атрибутом исламского образа жизни Мавераннахра в эпоху развитого средневековья.

Исходя из полученных материалов можно отметить, что на первом этапе обживания помещения имели, преимущественно, прямоугольные вытянутые формы, с выходом на углу (Мирзаахмедов. 2015. Ил.2). На втором этапе обживания основная часть построек рабата частично перестраивается в помещения с выходом по центру. В свою очередь, наблюдаемые для второго этапа обживания Рабата–4, однотипные,

преимущественно, однокомнатные помещения, с большим количеством очажных ям, тандыров, сандалов и ташнау, могут указывать, что их могли занимать, в этот период, семьи ремесленников и мелких торговцев, для которых этот принцип планировки являлся наиболее удобным.

Нам также представляется, что особый интерес объекта определяется двумя этапами его строительства. На первом этапе, его планировка продолжает отражать специфические признаки ранних рабатов-каравансараев, с особым стандартным характером функций постоянного двора, как это мы наблюдаем для Рабата-1. На втором же этапе, уже через двести лет, объект наиболее выпукло подтверждает данные источников этого времени, о заполнении большинства рабатов этой эпохи проживающими и работающими здесь бедными ремесленниками и торговцами. Завершается последний этап жизни Рабата 4 следами мощного пожара, возможно, являвшегося одним из трагических следствий монгольского нашествия.

Принимая во внимание первоначальный, систематизированный, в своей основе, принцип планировки Рабата-1 и при сравнении его с последующими по времени, двумя этапами строительства Рабата 4, можно утверждать, об их совершенно оригинальных и в то же время близко перекликающихся конструктивных особенностях, о динамике развития архитектурных традиций, а также о возможно большем количестве архитектурно-планировочных форм решения подобных сооружений.

Таким образом, несмотря на разрушение могильными ямами и плохую сохранность отдельных частей памятника, результатами археологических работ последних десятилетий, на городище Пайкенд, стали уникальные для сырцово-архитектуры, строительного искусства и культуры памятники раннего монументального зодчества рабаты - протокаравансараи-гостиницы.

Их планировка оригинальна и пока не имеет аналогов в подобных сооружениях ни в Центральной Азии, ни на Ближнем Востоке. Они являлись исходным звеном в последующем сложении, уже в жёстких образцах, как стандартных форм однокомнатных средневековых и позднесредневековых каравансараев, так и их близких по конструктивным особенностям - первых университетов – медресе. Также эта планировка прослеживается и в отдельных особенностях этнографической массовой жилой сельской архитектуры широко используемой и в наши дни.

Использованная литература:

1. *Ал-Бируни*. Избранные произведения. Том I. Памятники минувших поколений. Ташкент. 1957.
2. *Археология Центральной Азии: Архивные материалы*. Том II. Самарканд. 2015.
3. *Бартольд В.В.* Соч. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Том I. М. 1963.
4. *Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А.* Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе //Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
5. *Камалиддинов Ш.С.* «Китаб-Ал-Ансаб» Абу Саада Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Самани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.

6. *Из истории* культурного наследия Бухары. Вып.2. Бухара, 1994.
7. Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. VI. Санкт-Петербург. 2005.
8. *Мирзаахмедов Д.К., Мирзаахмедов С.Д.* К отдельным аспектам строительства первых рабатов-каравансараев в округе городища Пайкенд //Археология Узбекистана. № 2(7) 2013.
9. *Мирзаахмедов С.Д.* Предварительные данные о планировке рабата №4 Пайкенда //Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье. Труды Государственного Эрмитажа. Том LXXV. Санкт-Петербург. 2015.
10. *Мухаммад ан-Наршахий.* Бухоро тарихи. Тошкент, 1966.
11. *Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд. Ташкент. 1988.
12. *Мухамедов Х.* Кадимий мудофаа деворлари (Узбекистоннинг кадимий мудофаа иншоотлари тарихидан). Тошкент, 1961.
13. *Сапаров Н.Ж., Торгоев А.И.* Талькохлоритовые изделия Пайкенда IX-XI вв. (К вопросу о ближневосточных влияниях в Мавераннахре)//Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье. Труды Государственного Эрмитажа. Том LXXV. Санкт-Петербург. 2015.
14. *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М-Л. 1948.
15. *Хмельницкий С.Г.* Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX-X вв. Берлин-Рига, 1992.
16. *Шишкин В.А.* Варахша. М. 1963.
17. *Штарк С., Мирзаахмедов Д.К.* Первые результаты новых исследований оазисной стены Бухарского Согда «Девор-и Кампирак»//Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье. Труды Государственного Эрмитажа. Том LXXV. Санкт-Петербург. 2015.
18. *Якубовский А.Ю.* Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. // Труды Отдела Востока Эрмитажа. Т. II. Ленинград. 1940а.
19. *Якубовский А.Ю.* Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // Труды Отдела Востока Эрмитажа. Т. II. Ленинград. 1940б.
20. *Якубский А.Ю.* Завоевание арабами Средней Азии//История народов Узбекистана. Том I. Ташкент. 1950.
21. *Mirzaakhmedov Sirodzh D.* The Ribat-Caravanserais from the Eastern Suburbs of Paykand Archaeological and Historical Aspects//Journal of Inner Asian Art and Archaeology 7/2012. Turnhout, Belgium. 2016.

Сведения об авторах:

Мирзаахмедов Джамал Камолович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный центр археологии АН РУз, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81.

Мирзаахмедов Сирожиддин Джамалович, младший научный сотрудник, Самаркандский институт археологии, Узбекистан, г. Самарканд, ул. В. Абдуллаев, д. 3.

Перечень рисунков и подписи к ним.

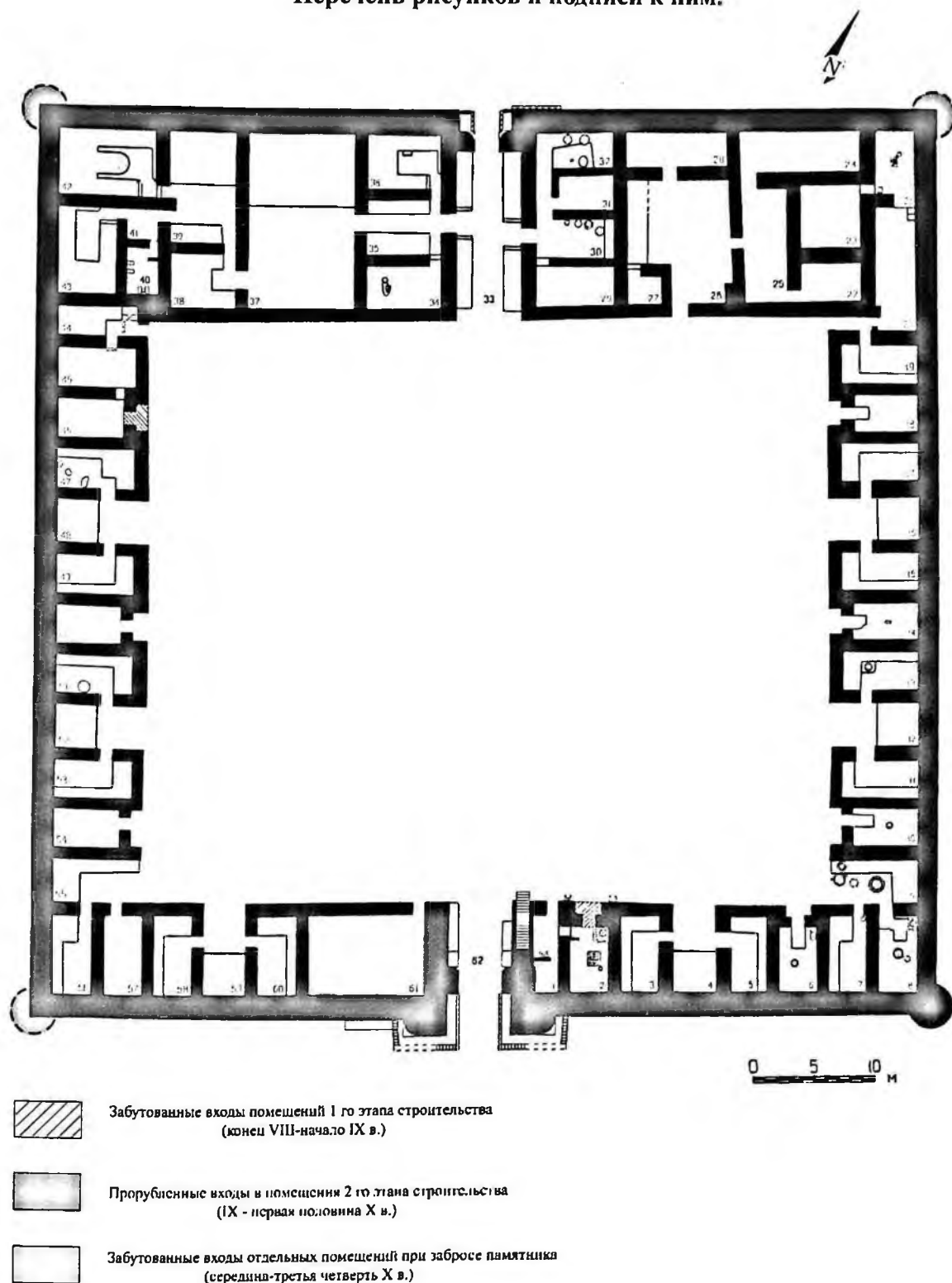

Рис.1. Пайкент. Рабат 1. Общая планировка помещений 1–2 го этапа строительства с элементами реконструкции.

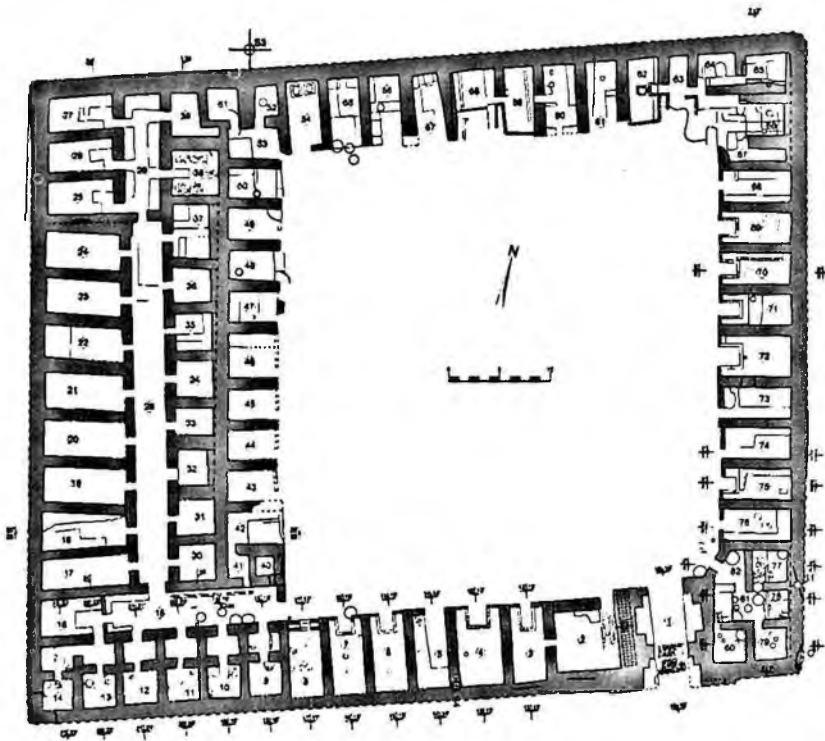

Рис. 2. Пайкент. Рабат 4. Общая планировка помещений 2-го строительного этапа.

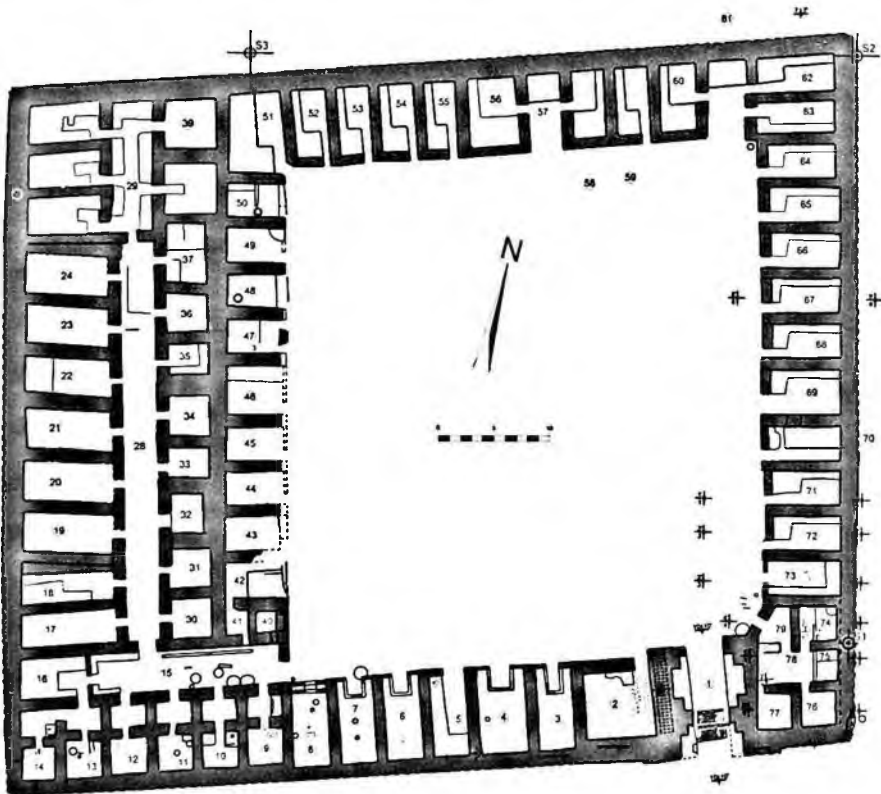

Рис. 3. Пайкент. Рабат 4. Общая планировка помещений 1-го строительного этапа с элементами перестроек 2-го строительного этапа.

KO'CHMANCHILAR BILAN CHEGARADAGI BUXORONING ILK RABOT-KARVONSAROYLARI (POYKEND SHAHRI MATERIALLARI ASOSIDA)

Maqola dastlabki Islom me'morchiligining yetakchi yo'nalishlaridan biri rabot-karvonsaroylarning paydo bo'lishi va qurilish an'alarining kelib chiqishiga bag'ishlangan. Ilk va rivojlangan o'rta asrlar bo'sag'asida paydo bo'lib, hali xom g'ishtlardan barpo etilgan holda ularda islomdan oldingi qurilish an'analari va yangi rivojlanayotgan klassik o'rta asr me'morchiligi qurilish an'alarini o'zida aks ettiradi.

Dastlab rabotlar hali islomlashtirilmagan ko'chmanchi qabilalarning xurujlariga qarshi turish uchun muhim strategik nuqtalarda va savdo tarmoqlarida harbiy-mudofaa karvonsaroylari sifatida qurilgan. IX asr o'rtalaridan boshlab Buxoro vohasi devori qurilishi va ko'chmanchi dasht chegaralarida ko'plab rabotlar qurilishi, ko'chmanchilarning o'zlari islomni qabul qilishi bilan ularning harbiy vazifasi tugaydi va savdo tarmoqlariga xizmat qiluvchi karvonsaroy-mehmonxonalarga aylanadilar.

Tayanch so'zlar: Buxoro, Paykend, islom, ko'chmanchi dasht, karvonsaroylar, me'morchilik, an'alar.

EARLY RABAT-CARAVANSARAIS OF BUKHARA ON THE BORDERS OF THE NOMAD STEPPE (BY THE MATERIALS OF THE PAYKEND SETTLEMENT)

The article is devoted to the origins and building traditions of one of the leading directions of early Islamic architecture, rabat-caravansarais. Having arisen at the turn of the early and middle Middle Ages, fully completed, still in the adobe, they absorbed the building traditions of the previous pre-Islamic and new emerging classical feudal architecture.

For the first time, Rabats were built as military-defensive inns at important strategic points and trade arteries to counter the raids of not yet Islamized nomadic tribes. From the middle of the ninth century with the construction of the Oasis Wall of Bukhara and the building of a mass of Rabats on the borders of the nomadic steppe, the Islamization of the nomads themselves, their military function disappeared and they were turning into caravanserai-hotels serving the trade arteries.

Key words: Bukhara, Paikend, Islam, nomadic steppe, caravanserais, architecture, traditions.

Джамал Мирзаахмедов

К ПРОЦЕССАМ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ БУХАРЫ-НУМИДЖКАТА

Аннотация: В статье автор сообщает о процессах сложения исторической топографии Бухары – Нумиджката на основе археологического изучения региона в 70 – 80 годы прошлого столетия. Утверждает, что вплоть до исламской эпохи, Бухарский оазис относился к части более крупной историко-культурной области – Согду. Кроме того, указывает на то, что процессы динамики развития оазиса не всегда носили поступательный характер, ввиду сокращения или увеличения поступления баланса основного источника водных ресурсов Зарафшана, периодического усыхания или увлажнения масштабных климатических процессов в регионе. Отмечает, что город ко времени арабского завоевания состоял из замка правителя с дворцом (Кухандиз, Арк) и находившегося к востоку от него собственно города – Шахристана.

Ключевые слова: Бухара, Нумиджкат, древность и средневековье, Арк, историческая топография, Старый Шахристан.

1. Бухара один из древнейших городов Центральной Азии, административный центр Бухарской области Республики Узбекистан. Располагается в долине нижнего течения реки Зарафшан, на одном из его дельтовых протоков Руди зар - ныне Шахруд (Шахар-руд – городская река), вытянувшейся по направлению северо-восток юго-запад. В историко-географическом плане эта территория относится к Бухарскому оазису, с севера и запада примыкавшей к песчаной пустыне Кызылкум, с юга к Каршинской, а с юго-востока Карнабчульской степи.

Город, издревле, являвшийся столицей одноименного оазиса, по данным источников, к эпохе поздней античности и раннего средневековья, исходя из историко-политической ситуации, временно уступал свой статус другим, не менее важным для данной эпохи, городским центрам региона: Пайкенд (Байканд), Наумитан (Навакмитан), Ромитан. Ввиду этого и возникли в более поздних источниках, не подкреплённые археологическими материалами, легендарные сведения историков, что вышеотмеченные города, включая Варахшу и Варданзе - являлись более древними, чем Бухара. Вместе с тем, вплоть до исламской эпохи, Бухарский оазис относился к части более крупной историко-культурной области - Согду. В научной литературе регион получил название Западного или Бухарского Согда, на протяжении веков игравшему значительную роль в политической, экономической и культурной жизни окружающих его областей Центральной Азии. Начиная с эпохи развитого средневековья, наряду с Самаркандом, он становится одним из крупнейших городских центров междуречья Амударьи и Сырдарьи – Мавераннахра в торговле по трассам Великого Шёлкового пути.

Современный климат местности сухой, резко-континентальный. Исходя из этого, в хозяйственном укладе местного населения огромную роль предполагает искусственное орошение.

2. Вплоть до 20-х годов XX века Бухарский оазис, находившийся под властью Бухарского эмирата, оставался белым пятном в отношении историко-археологического изучения, если не считать эпизодических, попутных описаний отдельных памятников, находок монет, приводимых в работах или отчётах русских или европейских исследователей (Мейендорф. 1976; Ханыков. 1848; Вамбери. 1874). Наличие воды и плодородные наносы Заравшана, богатство флоры и фауны обеспечили необходимые природные условия для заселения её с первобытных времён (Гулямов, Исламов, Аскар. 1966; Мирсаатов. 1973; Касымов. 1972; Шарипова. 1961).

Находки каменных орудий мустьерского типа, широкая заселённость племенами неолитических культур, выявление памятников эпохи бронзы свидетельствует о быстром заселении этой территории охотничье-рыболовецкими племенами, с переходом впоследствии к массовому осёдло-земледельческому хозяйству, осёдлому и отгонному скотоводству. Процессы динамики развития оазиса не всегда носили поступательный характер. На отдельных хронологических этапах, ввиду сокращения или увеличения поступления баланса основного источника водных ресурсов Зарафшана, периодического усыхания или увлажнения масштабных климатических процессов в регионе, наблюдается скачкообразное расширение или сокращение осваиваемых земельных ресурсов и наступление песков на границах оазиса вплоть до начала XX века.

Бухара - столица Бухарского эмирата, начиная с 1873 г. находившаяся под протектором Российской империи, вплоть до революционных событий 1920 года, создания Бухарской Народной Советской Республики, а затем в 1924 году Узбекской ССР была недоступна для широкого круга историков и археологов. Достаточно многочисленные сведения о Бухаре у средневековых авторов разительно контрастируют практическим отсутствием данных по первоначальной, древней истории города. В свою очередь, у средневековых авторов, особенно известного историка Бухары Мухаммада Наршахи сведения касательно возраста города Бухары (более трёх тысяч лет) полностью легендарны, страдая вполне объяснимым для данной эпохи отсутствием хронологического обоснования. Поэтому после падения эмирата, в октябре 1920 года сюда приезжает учёная комиссия во главе с востоковедами академиком В.В. Бартольд, проф. Е.К. Бетгером и самаркандским археологом В.Л. Вяткиным, которые впервые организовали учёт археологических памятников, их охрану и основали библиотеку для сбора и описания восточных рукописей. Уже в 1925 году в Бухаре был организован Бухарский комитет по изучению старины и искусства (БУХКОМ-СТАРИС), возглавленный известным впоследствии археологом В.А. Шишкиным. В 1926 году археологом В.Л. Вяткиным проводились раскопки жемчужины архитектуры Центральной Азии - династийного Мавзолея Саманидов (IX в.) (Вяткин. 1931).

В 1936 году В.А. Шишкиным впервые была опубликована работа посвящённая памятникам архитектуры Бухары основанных на многолетнем их изучении с привлечением данных исторической топографии города и данных письменных источ-

ников (Шишкин. 1936). Чуть ранее, в 1934–1935 гг. исследователем были проведены первые археологические раскопки в одной из старейших мечетей Бухары XII в. Магоки Аттори, связанные с реставрацией памятника. Они впервые позволили не только конкретно датировать данный объект, мощность и последовательность здесь культурных напластований до 13 м, но и первую попытку истоков хронологии города, на данном участке Южного Рабада рубежом нашей эры (Шишкин. 1955).

Следующим крупным шагом в изучении прошлого Бухары явилась историко-этнографическая экспедиция 1940–1941 годов возглавленная член-кор. АН СССР востоковедом М.С. Андреевым. Организаторами экспедиции явились Среднеазиатский Государственный университет (САГУ), Музей искусства Уз.ССР, Самаркандский и Бухарские музеи. Сотрудниками экспедиции М.С. Андреевым, О.Д. Чехович, Л.И. Ремпелем, Н.В. Русиновой, М.С. Юсуповым и особенно в послевоенные годы, О.А. Сухаревой были подготовлены значительные по объёму и внёсшие неоценимый вклад в его изучение историко-этнографические материалы, осветившие почти все стороны жизнедеятельности позднефеодального, уходящего прошлого города Бухары.

В последующие десятилетия, результаты работ сотрудников экспедиции получили отражение в отчётах и монографиях представивших информацию живых свидетелей об исторической топографии, архитектуре, административной структуре, финансах, судопроизводстве, армии, ремёслах, жилых кварталах и народонаселению ещё сохранившего свои черты быта древности и средневековья, единственного города Центральной Азии (Андреев, Чехович. 1972; Ремпель. 1962; 1981; Чехович. 1954; Сухарева. 1958; Сухарева. 1962; Сухарева. 1966; Сухарева. 1976).

Археологические исследования Бухары в последующие десятилетия в значительной степени тормозились ввиду отсутствия свободных раскопочных участков, так как город, на протяжении тысячелетий своей истории не менял своего местоположения, полностью застроенный, в старгородской части, современным жильём. Тем не менее, с 1969 - по 1980 гг, Институтом истории и археологии, затем преобразованном в Институт археологии АН РУз. (1970 г.), в условиях ограниченных площадей, были продолжены широкомасштабные стратиграфические и планиграфические археологические исследования столицы оазиса под общим руководством акад. Я.Г. Гулямова, к.и.н. И.А. Ахрарова, и д.и.н. А.Р. Мухамеджанова. Значительный вклад в результаты работ экспедиции внесли археологи Д.К. Мирзаахмедов, Ш.Т. Адылов, К.Абдуллаев и П.Валиев. Из сторонних организаций в работах по архитектурно-археологическому изучению города принимала участие сотрудница Ташкентской СНРПМ (Специальные научно-реставрационные производственные мастерские) Е.Г. Некрасова.

Учитывая густую жилую застройку города, археологические работы проводились, преимущественно, путём глубоких шурфов и стратиграфических раскопов на территории цитадели (Арк) и Старого Шахристана (рядом с музеем Зиндан, медресе Мири Араб, бывшей школы им. Тельмана и Тима Заргарон). Мощность культурных горизонтов достигала 16–20 м, по нижним уровням шурфов выступали грунтовые воды, во многих случаях, препятствуя вскрытию нижних горизонтов. Результаты археологических работ показали на последовательный характер динамики разви-

тия города. Многочисленные фрагменты керамической посуды, а также находка бронзового втульчатого трёхлопастного наконечника стрелы, по уровню нижнего, сильно увлажнённого горизонта, под основанием внешнего края стены в шурфе у музея Зиндан, были предварительно датированы серединой первого тысячелетия до н.э. Как отмечают исследователи, археологические материалы добытые из ранних нижних слоёв города в виде керамических изделий и предметов вооружения, хронологически совпадают с такими же комплексами из нижних слоев древнейших городов Средней Азии: Афрасиаба, Мерва, Бактр и др. (Ахраров, Усманова. 1978. С.105–106; Мухамеджанов. 1999. С.47–48; История Бухары. 1976. С. 38). Вместе с тем, в ряде публикаций, отдельными специалистами, принимая во внимание отсутствие в предматериковых слоях Бухары материалов более раннего, так называемого «ахеменидского периода», а также, по результатам археологических работ последних десятилетий в Средней Азии, полагали что представленный исследователями для обоснования возраста города Бухары материал мог иметь хронологически более продолжительный диапазон функционирования в сторону омоложения, вплоть до конца IV - III в. до н.э. (Мухамеджанов. 1983. С.64; Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов. 1979. С. 16; Некрасова. 1990. С. 26).

3. Учитывая, что Бухара на протяжении тысячелетий не меняла своего местоположения, чем и объясняется сложность её исследований, первое изучение и предварительное описание исторической топографии города, с выявлением границ Старого Шахристана, было проделано в 1936 году В.А. Шишкиным (Шишкин. 1936. С. 11–12). Следующий крупный шаг в этом направлении был сделан сотрудниками этнографической экспедиции М.С. Андреева Л.И. Ремпелем и О.А. Сухаревой, которым удалось, в целом, определить места расположения ворот раннесредневекового Шахристана, а также, частично, последовательность динамики роста городской территории в эпоху развитого и позднего средневековья (Сухарева. 1958. С. 15–62; Ремпель. 1962. С. 215–217; Ремпель. 1981. С.103–109).

В последующей известной работе востоковеда О.Г. Большакова, в разделе посвящённом Бухаре, на основании данных письменных источников и обобщения материалов вышеперечисленных исследователей, более определённо, конкретизирована последовательность расположения и идентифицированы названия ворот раннесредневекового Шахристана. Его размеры и реконструкция, согласованные с материалами предшествующих исследователей в 30–35 га и площадь Арка в 3,5–4,2 га. (Беленицкий, Бентович, Большаков. 1973. С.232–235).

В 70-х годах прошлого столетия, работами Бухарской экспедиции Института археологии АН на основании исследований на территории Арка-Цитадели и Шахристана удалось определить как предварительную хронологию возникновения Бухары, серединой первого тысячелетия до н.э., так и совершенно по новому, решить характер истоков урбанизационных процессов и историческую топографию города Бухары.

Исходя из этого, первоначальный, практически не освещённый в исторических источниках, тёмный период истории региона и города, на основе археологических материалов, рассматривается следующим образом. Наиболее ранние

данные письменных источников упоминают о существовании здесь небольших укрепленных поселений в связи с походами Александра Македонского, который преследуя царя Согда Спитамена, достиг тех мест, где Зарафшан теряется в песках. Здесь он разрушил и сжёг несколько крепостей, что указывает на то, что уже в IV в. до н.э. на территории оазиса располагались урбанизационные центры, в число которых, несомненно, могла входить и Бухара (Арриан. IV. 6; История Бухары. 1976. С. 39). По мнению отдельных исследователей, здесь, в низовьях Зарафшана, задолго до начала нашей эры сложилось территориальное образование со своими устойчивыми политическими границами, верховными правителями, административной иерархией, монетным чеканом и другими атрибутами местной государственности. Это образование как союзное или подмандатное владение входило в состав крупнейших империй эпох Древности и Раннего Средневековья, некогда существовавших в ареале Средней Азии и сопредельных стран.

По археологическим материалам, ещё на заре своего существования, город на месте Бухары представлял собой наиболее крупный пункт расселения в низовьях реки, то есть возник именно как административный центр всего региона. Однако в дальнейшем, местные правители неоднократно перемещали свои административные резиденции на другие региональные центры и только ближе ко времени ранних походов арабов, к рубежу 60 - 70-х годов VII века, Бухара окончательно утвердилась в статусе главного города Западного Согда (Адылов. 2011. С. 62).

Отдельные сведения о регионе мы находим в древнекитайских хрониках «Хан Шу» (206 г. до н.э. - 23 г. н.э.), где её адаптированный (китаизированный) вариант названия обозначается иероглифами Ги (Цзы) и отмечается, что это было одно из пяти малых владений подчинявшейся империи Кангуй (Бичурин. 1950. Т. II. С. 186). Позже в раннесредневековых хрониках «Бей Ши» (IV-VI вв.) и «Тан Шу» (VII-IX вв.), оазис часто именуется под более понятными именами - Бухо, Бухе, Фухо. Также упоминаются и другие названия: Ань, Аньси, Ньюми (Бичурин. 1950. Т. II. С. 311).

По ряду средневековых источников Ньюми-Нумиджкат являлся более ранним названием города, а Бухарой раньше называли оазис в целом. Китайские хроники отмечают, что «во владении Ань насчитывалось до 40 крупных городов и 1000 укрепленных селений».

Столица Оазиса была окружена пятью стенами и проточным каналом. Владелец сидит на золотом престоле, представляющем верблюда... Когда он слушает представления о делах, то супруга сидит напротив него...» (Бичурин. 1950. Т. II, С. 282). В это время Бухара, являясь центром оазиса ненамного превосходила по величине и политическому значению другие города оазиса как Пайкенд, Варахша, Ромитан, Варданзе. Лишь с завоеваниями арабов поддержавших царя Бухары Бухархудата Тугшаду, своим военным и административным ресурсом, Нумиджкат-Бухара как подлинный политический центр оазиса оставил далеко позади себя другие города. Постепенно Нумиджкет, «столица Бухары», стал называться просто Бухарой, также как когда - то Бухарой называли Рамитан. Аналогичный процесс перенесения названия области на её столицу мы знаем по Джурджании, которую часто называли Хорезмом (Беленицкий, Бентович, Большаков. 1973. С. 233).

За. По данным раннесредневековых источников и последних результатов археологических стратиграфических исследований, в историко-топографическом плане, древнейшую часть города составляют резиденция древних правителей Бухары - Бухархудатов - Цитадель (Арк) и отдельно расположенный к востоку от него собственно город - Старый Шахристан, расстояние между которыми достигает около 150 м.

Цитадель, в настоящее время, представляет собой несколько вытянутый с запада на восток неправильный прямоугольник, укрепление возведённое на естественном холме, площадью 3,96 га и высотой в разных местах от 16 - до 20 метров (Андреев, Чехович. 1972. С.17). Западная часть территории Арка ныне занята Бухарским историко- архитектурным музеем, восточная заповедная часть была разрушена при взятии города в 1920 г. войсками революционной армии. Цитадель - Арк, некогда, имел двое ворот, ныне функционирующие - западные назывались Регистанскими (т.е. выводили на площадь Регистан), восточные, выводившие на Шахристан (т.е. собственно город) были заложены в XV в. и назывались-Гуриён (т.е. место могилы). Название восточных ворот происходит от располагавшегося здесь места погребения легендарного основателя Арка - Сиявуша.

Вплоть до начала XX века в Арке находились дворец правителя, помещения визирей с их бюрократическим аппаратом, казнохранилища, тюрьмы, гаремы, монетный двор, арсенал, мечети и много других построек (Мухаммад ан-Наршахи /Камолитдинов, 2011. С. 35). И несмотря на то, что последние эмиры предпочитали жить в загородных дворцах, всё же бухарский Арк с проживавшим там кушбеги (премьер-министром) сохранял значение главной их резиденции (Андреев, Чехович. 1972. С.13).

По данным источников и археологическим материалам, уже в раннем средневековье, между обеими воротами проходила улица делившая Арк на две половины (Андреев, Чехович. 1972. С.25). Источники также отмечают, что долгое время Арк-цитадель лежала в развалинах и лишь с начала второй половины VII века, с переносом столицы оазиса из Ромитана в Бухару, правителем Бухары Бухархудатом Бидуном, Арк был восстановлен и здесь был построен его замок-резиденция (Мухаммад ан-Наршахи /Камолитдинов, 2011. С. 34-35).

Исходя из этого, можно с уверенностью отметить, что в историко-топографическом плане на территории Арка уже в эпоху раннего средневековья располагался замок правителя, место которого может являться наиболее древней частью города Бухары с находящимся рядом укреплённым поселением (исходя из часто встречающихся археологических стандартов «замок с поселением»). Местоположение замка и поселения легко определяется по топографическим и археологическим исследованиям на его территории. Эти исследования показывают на относительно ровную, пониженную северную половину Арка и резкий, в отдельных местах, переходящий в ступенчатый подъем к югу. Колебания в уровнях северной и южной сторон по топосъёмке 30-х годов, а также нашим наблюдениям при раскопках Арка в 70-х гг. прошлого столетия составляют более трёх метров (Андреев, Чехович. 1972). Этот подъём, с севера на юг, визуальнo и топографически чётко прослеживается как в восточной так и в ныне функционирующей западной части Арка, занимаемой Бу-

харским музеем-заповедником, что указывает на расположение замка правителя в южной части, а поселения в северной части памятника (Мирзаахмедов. 1988. С. 57).

Прямым подтверждением подобного исторически сложившегося разделения Арка на возвышенную, определённо более древнюю, южную замковую часть и пониженную поселенческую северную половину, безусловно, подтверждает и разделяющая их вышеупомянутая дорога. Дорога проходила от западных ворот цитадели к восточным и функционировала вплоть до разрушения Арка при революционных событиях сентября 1920 г. (Мухаммад ан-Наршахи /Камолитдинов, 2011. С.35; Андреев, Чехович. 1972. С. 25). Отрезок этой дороги, вскрытый при археологических раскопках в 1973 году сотрудниками Института археологии АН не только подтверждает историко- топографическое разделение Арка в древности на традиционный тип замка с поселением, но и даёт чёткое направление для топографического определения места заложенных, забытых ныне восточных ворот Гуриян, выходявших и связывавших административно - командную резиденцию правителя Арка с подведомственными структурами собственно города - Старого Шахристана (Мирзаахмедов. 1988. С. 57–58).

На основании дополнительной информации исторических источников и исторической топографии можно добавить, что восточные ворота Арка Гуриян и расположенные напротив них западные ворота Шахристана-Кухандиз связывались между собой не только важной дорожной артерией, но и построенной, по данным историков Бухары ал- Кубави и ан-Наршахи, Эмиром Сюбаши тегиним арочным мостом виадуком (Беленицкий, Бентович, Большаков. 1973. С. 238–239). То есть, в эпоху раннего средневековья Арка соединялся с Шахристаном не только посредством наземной дороги, но и более безопасным и мобильным, перекинутым через окружавшие их водные преграды-рвы, надземным мостом-виадуком, видимо, опиравшимся на широкие арочные постаменты. Мощные башни-бастионы являвшиеся начальными участками арочного виадука между Цитаделью и Шахристаном хорошо прослеживаются, первый на месте восточных, заложенных ворот Арка. Второй, на противоположном, наиболее близком по расстоянию между ними (около 58 м), сохранившемся на высоту до 4 м., и широком - до 18 м. участке, при входе к Западным воротам Шахристана – «Кухандиз», под ныне располагающейся мечетью Усмон. Этот участок, несколько выступающий к западу от стен Шахристана, также был отмечен предшествующими исследователями как восточный участок Виадука в примечаниях к «Истории Бухары» (Мухаммад Ан-Наршахи /Камолитдинов, 2011. С. 58, 315 прим.5, 323 прим.61). Вместе с тем, из буквального перевода данного термина текста источника «камар», он может иметь наиболее близкое значение «пояс», «ремень» (Мухаммад Ан-Наршахи /Камолитдинов. 2011.С.323, примечание 61). Исходя из этого, мы полагаем, что возможно, в источнике речь может идти не о монументальном виадуке, а о более узком подвесном канатном мосту.

На основании приведённых материалов наиболее слабоосвещёнными представляются вопросы времени строительства виадука и личности отмеченного в источниках строителя Сюбаши тегина. Исследователь Ш.Адылов полагает, что по логике, восстановление, после длительного запустения, разрушенного Арка и стро-

ительство соединительного моста с шахристаном – это звенья одной цепи. Поэтому Бухархудата Бидуна с полным на то основанием следует отождествить с этим самым Субаш-тегином (Адылов. 2012. С.110). При археологических раскопках Цитадели - Арка Е. Некрасовой в раннесредневековых слоях, действительно, отмечены слои запустения и последующего крупномасштабного укрепления оборонительных стен. На основании находок, восстановительные работы датированы второй половиной VII в. и вполне резонно приписываются Бухархудату Бидуну (Некрасова. 1990. С.25).

Для лучшего понимания выше приведённых исторических событий отметим, что возвращение Бухаре её столичного статуса от города Рометана, было связано с именем Бухархудата Бидуна и его супруги – царицы Хатун (Кабадж хатун). Произошло это в конце 60-х или начале 70-х годов VII в. в преддверии первого похода арабов на Бухару. И в это время Бухара однозначно была резиденцией этих царственных супругов. Бухархудат Бидун который восстановил цитадель (ан-Наршаний. 2011. С.35) – это, несомненно, тюркский наместник в регионе. Само имя Бидун, по мнению многих исследователей, вероятно является результатом искажения в письменных источниках тюркского титула «тудун» (администратор) (Адылов. 2012. С.109–110). Для конкретизации данных событий отметим, что в исследуемую эпоху сюзеренитета тюркских правителей над многочисленными полунезависимыми княжествами и конфедерациями историко-культурных регионов Средней Азии, Западно-тюркский каганат начал проводить политику централизации власти путём смены или родственного смешения местных наследных правителей с тюркской царствующей династией. Правитель Бухары Бухархудат, получивший в источниках имя - (титул) Бидун - (Тудун) на самом деле мог являться наместником (тудун) верховного правителя каганата, имел тюркское происхождение и носил имя Сьюбаши тегин.

36. Продолжая наши изыскания отметим, что город ко времени арабского завоевания состоял из замка правителя с дворцом (Кухандиз, Арк) и находившегося к востоку от него собственно города - Шахристана, занимавшего территорию почти в центре современной Бухары. В.А. Шишкин, ещё в 30-е годы прошлого столетия писал что «границы этого доарабского города - «Шахристана» прослеживаются в настоящее время очень легко с южной и северной сторон. Поверхность его значительно выше окружающих более молодых частей и края этой возвышенности круты и обрывисты. Значительно труднее установить границу с западной стороны, где она проходит от старой эмирской тюрьмы - Зиндана- вдоль западной стены большой соборной мечети (мачити Калон) и с восточной стороны, где она ещё более сглажена. Здесь граница «Шахристана» проходила примерно вдоль теперешней дороги, ведущей к Самаркандским воротам (ул. Самаркандская).

Таким образом, древний город домусульманской эпохи представлял собой неправильный прямоугольник площадью около 30–35га. Обращает на себя внимание, что этот прямоугольник пересечён двумя довольно точно ориентированными улицами; эти улицы направлены с севера на юг и с запада на восток и пересекаются под прямым углом под куполом Заргарон, почти в его центре. Не исключена возможность, что в этом перекрёстке улиц сохранились следы древней планировки города, восходящей к домусульманской эпохе» (Шишкин.1937.С.11).

Последующие исследования полностью подтверждают данные В.А.Шишкина по расположению, границам, размерам раннего Шахристана Бухары VIII в., а также исторически сложившейся крестообразной схемой её планировки, на основе перекрестья двух магистральных улиц выведшим к главным городским воротам (Сухарева. 1958. С.17; Ремпель. 1962. 215–221. Рис.1; Ремпель. 1981. С.104–105. Рис.; Беленицкий, Бентович, Большаков. 1973. С. 232–235) (рис.1). Новыми исследованиями уже была внесена значительная ясность в места конкретного расположения 7 ворот и последовательность их названий. Особенно интересны в этом плане выводы О.Г.Большакова и сделанная им реконструкция Старого Шахристана Бухары: «Это был небольшой город (30–35 га), почти квадратный в плане, со сторонами около 575–600 м. В центре каждой из сторон находились ворота, и только в западной стороне, обращённой к цитадели, было четверо ворот. Две перпендикулярные, пересекавшиеся в центре, магистральные улицы делили его на четыре четверти» (Беленицкий, Бентович, Большаков.1973.С.233. Рис. 94) (рис.2). Для конкретизации характера исторической топографии Древнего Шахристана наиболее важные результаты дали археологические раскопки 1977–1978 гг. на площадке к северу от медресе Мири Араб (через улицу Хужа Нуробод и площади Пои Калон). Здесь в 1977 году, по программе исследований возраста Бухары, был заложен большой стратиграфический раскоп (50x50 м.) удачно выявивший по кромке своей северной стороны мощную оборонительную стену (рис. 3). Стена имела направление В-З, была вскрыта на протяжении около 36 м и упиралась по западной бровке раскопа на остатки сильно выступающей от неё к югу массивной, аморфной пахсовой платформы (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов. 1986. С.100). Параллельно сотрудником Института археологии М.Турабековым был произведён разрез стены, перпендикулярно фасаду, размером 16x2,5 м и доведён до глубины 12–17 м. В результате, выявленная оборонительная стена была датирована VI в., охарактеризована как южная стена Шахристана, а выступающая к югу мощная пахсовая платформа как предвратное сооружение Южных ворот (Аттарон) (Турабеков. 1981. С.11). Впоследствии, более детальный анализ полученных материалов показал на неоднородность состава, разновременность, хотя и в близких пределах, возведения общего монолита последовательных стен, с датировкой наиболее раннего ядра концом V в. (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов. 1986. С.106). Расположение же Южных ворот «Аттарон», по данным источников, полностью идентифицируются значительно южнее, у тима Тельпак Фурушон.

Дальнейшие раскопки экспедиции, на данном участке, также показали, что над материком состоявшим из отдельных пластов речного песка, супеси, находился илистый слой мощностью от 40 до 70 см, густо насыщенный костями животных и обломками керамики. Толщина илистого, болотистого слоя постепенно увеличивалась по направлению с севера на юг - в сторону медресе Мири Араб, под которым достигала 7,5 метров (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов. 1986. С. 99). Илистый, болотистый слой и структура подстилающего его материка свидетельствуют о том, что в древности здесь, к югу от возвышающейся платформы основания сте-

ны наблюдается значительное понижение. Направление понижения чётко определялось по линии уличной магистрали к западу, в сторону Регистана (место песка), где по данным источников, некогда располагалось большое озеро из сточных вод города. Было совершенно очевидно, что на месте выявленного значительного понижения рельефа с мощным илистым болотистым слоем, вдоль магистральной улицы Хужа Нуробод в древности и раннем средневековье располагался и протекал один из широких и глубоких дельтовых протоков Шахар руда. Затухающее русло его, впоследствии, было покрыто густыми тугайными зарослями, превратившимися, со временем, в болотистый, илистый пласт (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов. 1986. С. 99). Все эти данные полностью подтверждаются свидетельствами историка Бухары ан-Наршахи о том, что место, где теперь располагается город, было раньше болотом, часть его составляли заросли камыша, а часть леса и луга. Некоторые места были такими, что никакой зверь не мог пройти по причине их густоты и стекавшей сюда обилия воды по реке из Самарканда (Мухаммад ан-Наршахи / Камолитдинов. 2011. С. 22).

Таким образом, не находит подтверждения ряд мнений М.Туребекова, и, прежде всего, что вновь выявленная оборонительная стена и ворота являются южной стеной и воротами Шахристана «Аттарон». Данные по южной стене Старого Шахристана и воротам Аттарон хорошо прослеживаются в исторической топографии города, материалам исторических источников эпохи арабского завоевания и публикациям в литературе, располагаясь, на самом деле, значительно южнее и уверенно локализируются исследователями чуть севернее нынешнего купола Телпак Фурушон (Сухарева.1958. С.17–18, 21).

Исходя из этого, по результатам археологических исследований 1977–1978 гг., напротив медресе Мири Араб, было сделано очень важное открытие, недостаточно понятое близким кругом исследователей. Выявлены, не отмеченные ранее, оборонительные стены города – южная стена первоначального Шахристана и протекавший рядом мощный проток Шахар руда. На этой основе, сопоставление всех предыдущих материалов исследований с исторической топографией и данными источников позволяют совершенно по новому представить динамику развития урбанизационных процессов города Бухары.

Во - первых, расположение и направление этой стены построенной по приподнятому краю естественного всхолмления и реконструкция на этой основе границ первоначального, северного укрепленного массива Шахристана указывают на его небольшие размеры. Но если учесть, что далее к югу, за широкой низиной бывшего протока Шахар руда располагается ещё один топографически возвышающийся, параллельный естественный южный укрепленный массив, то можно уверенно предположить, что город первоначально состоял, по крайней мере, из двух, в пределах Старого Шахристана частей. Края второго Шахристана, располагающегося напротив первого, хорошо читаются по резкому подъёму на 4–5 м. к югу от мечети и минарета Калян и медресе Мири Араб, параллельно современной улице Х. Ибадова (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов. 1986. С.101- 102). Раскопки, проведён-

ные на этом южном массиве в 1978 году (участок школы им. Тельмана) показали на близкую с Арком и первоначальным Шахристаном мощность культурных горизонтов, нижние слои которого датируются III–II вв до н.э.

Во-вторых, к этому также необходимо добавить, что отмеченная выше, выступающая к югу от южной стены первоначального Шахристана мощная пахсовая платформа, могла играть роль не только предвратного сооружения, но, скорее всего, массивной выступающей платформой арочного моста-виадука. Последний, располагаясь над широким протоком Шахар руда, соединял в раннем средневековье, оба первоначальных северный и южный укрепленные поселения Шахристана. Примером этому является и отмеченный выше, известный по источникам и данным исторической топографии мост-виадук между командно-административной Цитаделью и подведомственным Шахристаном.

В-третьих, представленная информация значительно расширяется, углубляется и дополняется если принять во внимание отмеченные всеми предшествующими исследователями, на основе данных исторической топографии старого Шахристана, его разделение накрест, пониженными в рельефе двумя магистральными историческими улицами. На основе первого, достаточно обоснованного выше протока по линии В-З (ул. Хужа Нуробод), можно полагать и о второй перекрестной, по линии С-Ю (ул. Хакикат-Азизон-Пайравий), где также, безусловно, располагался следующий проток Шахар руда, разделявшие, таким образом, город Бухару на четыре естественных возвышающихся исторически укрепленных массивов.

Археологические данные подтверждающие вторую магистральную линию протока Шахар руда, разделявшем город в меридиональном направлении С-Ю были получены в процессе исследований на другом стратиграфическом раскопе (50x50 м) сотрудников Института археологии АН в 1974 году у Ю-В угла тима Токи Заргарон (на месте разрушенного в 30-е годы прошлого столетия Индийского караван сарая). Здесь, между архитектурными памятниками Токи Заргарон, Тимом Абдуллахана, медресе Абдулазизхана и отмеченной магистральной улицей, по основанию раскопа, на глубине около 12–13 м были выявлены, по всей площади раскопа, слои чистого крупнозернистого речного песка и выступила прозрачная чистая вода голубоватого цвета. Ко дну этого некогда протекавшего протока с речным песком, и выступавшей водой опускались сверху стволы колодцев выложенных из плоского средневекового жжёного кирпича. По основанию колодцы опирались на уложенные накрест деревянные брусья, служившие опорой и для предотвращения возможных осадков основной конструкции сооружения.

По западной кромке раскопа, под современной магистральной улицей соединявшей тимы Заргарон и Телпак фурушон, хорошо прослеживались опускающиеся косо, сверху-вниз, керамические и хозяйственные сбросы, постепенно заполнявшие русло бывшего протока.

Уже по материалам этих работ, в 80-х гг. прошлого столетия было отмечено, что «в конце IV–II вв. до н.э. по берегам протока на незначительном удалении друг от друга возникли, по крайней мере, три массива: два на правом берегу, один на левом.

Один из правобережных массивов, возникший на возвышенном от протока участке местности и вблизи водоёма, впоследствии перерос в кухендиз города – Арк, а два остальных, разрастаясь и соединяясь, – в раннесредневековый Шахристан.

Таким образом, в конце IV–II вв. до н.э. – V–VI вв. н.э. на значительной территории Бухары располагался крупный населённый пункт с высоким уровнем ремесленного производства, что позволяет отнести его к пунктам городского типа. Данная реконструкция первоначального ядра города полностью подтверждается сравнительными аналогиями с другими крупными древними пунктами расселения Бухарского оазиса, как Рамиштепа и Ходжа Бустон тепа. Такой же рассредоточенный тип планировки в виде двух-трёх, а иногда и четырёх укрепленных и неукрепленных близко расположенных массивов имеют многие крупнейшие памятники низовьев Заравшана. Возникновение этого весьма характерного для памятников региона планировочного типа объясняется естественной средой обитания дельтовых районов Заравшана, покрытых цепью болот, мелких озёр и естественной сетью густых русел. Именно по их берегам и возникали первые поселения, естественно ощущался недостаток обширных участков суши, пригодных для расселения. Исходя из этого, общности людей вынуждены были располагаться, как бы на островках, рассредоточено, хотя и на незначительном удалении друг от друга» (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов. 1986. С.110–111).

Таким образом, на основании результатов длительных археологических исследований, данных исторической топографии, письменных источников и материалам работ предшествующих исследователей вырисовывается, совершенно определённо, характер сложения от древности к раннему средневековью Старого Шахристана, города Бухары. Мощными магистральными протоками Шахар руда территория Старого Шахристана, определявшаяся предшествующими исследователями в 30–35 га, была разделена на четыре самостоятельных, естественных в основе, возвышающихся, удалённых друг от друга, укрепленных массива. Пятым, естественно возвышающимся укрепленным массивом, являлся располагавшийся в 150 м к западу от Старого Шахристана Цитадель – Арк. Исходя из вышеизложенных данных, площадь первоначального Шахристана составляла не 30–35 га, как считалось ранее, а была значительно меньше (рис.4).

Совершенно определённые подтверждения этому мы находим и по материалам собственно «Истории Бухары» ан-Наршахи: «Внутри города были замки, и некоторые кварталы были отделены и удалены один от другого, подобно селениям» (Абу Бакр Мухаммад ибн Жафар Наршахи. 1966. С. 51). О.А. Сухарева останавливаясь, на другом переводе отрывка отмечает: «Как показывает «История Бухары» даже и эта незначительная территория (30–35га) далеко не вся была занята застройкой: некоторые кварталы (вероятно окраинные) были отделены и удалены друг от друга, подобно селениям». Далее она отмечает: «Очевидно, многие из кварталов, если не все, представляли собой замкнутую территорию и имели запиравшиеся на ночь ворота...» (Сухарева. 1958. С. 28).

Близкую к этому мнению информацию, но до сих пор недопонятую исследователями, мы находим в китайских хрониках отображающих сведения побывавших в

Бухаре начала VII в дипломатов Поднебесной империи: «Во владении Ань насчитывалось до 40 крупных городов и тысячи укрепленных селений. Столица оазиса была окружена пятью стенами и проточным каналом...» (Бичурин.1950. Т. II. С. 272, 282, 311). Только теперь, спустя десятилетия, с получением достаточно объективной и разносторонней информации можно с уверенностью констатировать, что китайские хроники писали не о пяти последовательно окружавших маленький город стенах, что представляется практически совершенно не реальным как в функциональном плане, так и возможностей людских ресурсов исследуемой эпохи для строительства подобной монументальной фортификации. Скорее всего, здесь предполагается о продиктованных необходимостью, стенах пяти самостоятельных, отделённых друг от друга, укрепленных городских массивов.

О.А.Сухарева, в более позднем своём исследовании, близко подходит к высказанной нами точке зрения: «Членение древнейших среднеазиатских городов на две-четыре части отмечено историческими источниками, а во многих городах дошло до нашего времени как в планировке города, так и в сознании городского населения. По-видимому, в древности делилась на четыре части и Бухара. В этом смысле можно понимать сообщения Наршахи о том, что один квартал шахристана занимал четвертую часть – «руб» города. В.А.Шишкин видит следы этой древней планировки в расположении крупнейших уличных магистралей на территории древнейшей части города – шахристана, где улицы, идущие с севера на юг и с запада на восток, пересекаются в том месте, где стоит пассаж ювелиров Токи заргарон» (Сухарева. 1966. С.89; Шишкин. 1936. С. 30).

Таким образом, полностью стыкуются представленные материалы археологии, исторической топографии и данные письменных источников о разделении в эпоху античности и раннего средневековья Старого Шахристана Бухары на четыре, а вместе с Арком, пяти самостоятельных укрепленных поселений. Между ними протекали, и являлись дополнительным оборонительным барьером, широкие протоки Шахар руда. Они сильно заливали, при весенних паводках поселения, на что указывали и находки ошлифованной керамики по основанию шурфа, при нашем участии раскопок на Арке, проводившихся в 1979 – 1980 гг. (Мухаммеджанов, 1983).

Для предотвращения разрушительных последствий ежегодных паводковых явлений и общего осушения интенсивно растущей столицы оазиса, уже к эпохе раннего средневековья, перед городом, на протоке Зарафшана Шахар руде, была поставлена дамба со шлюзами регулировавшая поступление в него воды, а лишние ее массы выводились каналами в обход города. В источниках указывается, что плотины построены в 828 г. по инициативе казия Бухары Саида ибн Халафа ал-Балхи. Об этих плотинах писал также ал-Мукаддаси, согласно которому в местности Фашун у головы городского канала Бухары в его время имелся шлюз с шандорами, т.е. мост со сводчатыми пролётами, которые закрывались досками и брёвнами. Когда наступало лето и начиналось половодье, брёвна плотины удалялись одно за другим по мере прибавления воды, при этом большая часть воды изливается в шлюзы, а потом доходит до Байканда, и если бы не эта хитрость, то вода устремлялась бы в город

(Мухаммад ан- Наршахи. 2011// Камолитдинов. С.113–114. Прим.13; Беленицкий, Бентович, Большаков. 1973. С.253; Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов. 1986. С. 110). Вместе с тем, исходя из интенсивной динамики развития раннесредневекового города, такая плотина перед столичным центром могла существовать и ранее, а отмеченная в источниках дата, скорее всего, может свидетельствовать о перестройках и придании плотине и шлюзам более фундаментального характера.

В результате, значительные площади низин столицы, по древним руслу Шахар руда, занятые заливавшейся водой и болотистыми тугайными зарослями, начали постепенно осушаться. Освобождавшиеся значительные участки дорогой внутригородской территории, четко прослеженной нами по линиям бывших магистральных протоков, начали заниматься и поныне функционирующими средневековыми магистральными улицами, заселяться населением и, прежде всего, начавшими впоследствии располагаться здесь, монументальными архитектурными сооружениями. Направления расположения этих крупных архитектурных сооружений: Соборной мечети и минарета Калян, медресе Мири Араб, Токи Заргарон, Медресе Улутбека и Абдулазиз хана - по линии В-З и Тимов Заргарон, Абдуллахана и Телпак Фурушон - по линии С-Ю, полностью согласуются с представленной выше общей динамикой процессов исторического развития города высказывавшиеся нами и в предшествующие годы. Строительство магистральных улиц и ворот на них выводивших из города, а позже цепи архитектурных памятников на местах исчезнувших протоков закономерно. Земля в скученных условиях средневекового, ограниченного стенами города была очень дорогой, поэтому их возводили на более дешёвых, пустовавших, предварительно осушенных полузаболоченных участках (Мухаммеджанов, Мирзаахмедов, Адылов.1986. С. 113).

Несколько ранее, на первоначальном этапе осушения протоков, и в десятилетия предшествовавшие первым набегам арабских завоевателей на Бухару, была впервые построена объединявшая четыре укрепленных массива, в единый пред арабский Старый Шахристан стена, получившая освещение в средневековых арабо-персидских источниках и широко обсуждаемая последующими исследователями: археологами, этнографами, архитекторами и востоковедами (Сухарева.1958; Ремпель.1962; Беленицкий, Бентович, Большаков.1973). В новых исторических условиях, в процессе дальнейшего развития урбанизационных процессов, потерявшие свою фортификационную и функциональную роль старые стены разделявшие внутреннее пространство бывших укрепленных массивов начали разрушаться и застраиваться интенсивно разраставшимся и переклестнувшимся через бывшие преграды, средневековым городским населением.

В целом, формирование истоков градостроительных процессов Бухары – Нумиджката близко напоминает историю зарождения древнего Рима. По данным источников Вечный город возник в устье Тибра, среди болотистой местности, на семи холмах и был удобен для проживания (Ковалёв. 1948. С. 41–42). То же можно отметить и о Бухаре – Нумиджкате: город появился на месте буйных дельтовых протоков Зарафшана (Рудизар-Шахруда) на заболоченной, заросшей густыми тугайными зарослями местности богатой флорой и фауной, но на пяти естественных холмах-тепа.

Использованная литература:

1. *Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар Наршахий*. Тошкент.1966.
2. *Адылов Ш.Т.* Нумиджкат, Навакмитан, Байканд, Раметан (из истории древних столиц Западного Согда) // Археология Узбекистана. №1(2). Самарканд. 2011.
3. *Адылов Ш.Т.* Из политической истории Западного Согда (в свете проблемы «тирании Аброя» и тюрко-сасанидского конфликта) // ИМКУ. Вып. 37. Самарканд. 2012.
4. *Арриан*. Поход Александра.- Москва. 1993.
5. *Андреев М.С., Чехович О.Д.* Арк Бухары. Душанбе.1972.
6. *Ахраров И., Усманова З.И.* Новые данные к истории Бухары // История и археология Средней Азии. Ашхабад. 1978.
7. *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Ленинград. 1973.
8. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Том II. М-Л.1950.
9. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд предпринятое в 1863 году. Москва.1874.
10. *Вяткин В.Л.* Мавзолей амира Исмаила в Бухаре // Архив ГУОП и ИЗО Мин. культуры Уз. Ин. № В. 29в, 99. 1931г.; ЦГА Уз., ф. 1591, оп.1, ед. хр. 48.
11. *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура в низовьях Зарафшана. Ташкент.1966.
12. История Бухары. Ташкент. 1976.
13. *Касымов М.Р.* Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент.1972.
14. *Ковалёв С.И.* История Рима. Ленинград. 1948.
15. *Мейендорф Е.М.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. Москва. 1976.
16. *Мирсаатов Т.* Древние шахты Учтута. Ташкент. 1973.
17. *Мухамеджанов А.Р.* Городу Бухаре - 2500 лет. Ташкент.1999.
18. *Мухаммад ан-Наршахи*. Тарих-и Бухара. Ташкент. 2011.
19. *Мирзаахмедов Д.К.* К исторической топографии Арка Бухары // Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Ташкент.1988.
20. *Мухаммеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.* К изучению исторической топографии и фортификации Бухары // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент. 1986.
21. *Мухаммеджанов А.Р.* Стратиграфический раскоп на цитадели Бухары // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент. 1983.
22. *Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.* Керамика античных слоёв Бухары //Всесоюзное научное совещание «Античная история и культура Средней Азии и Казахстана». (Тезисы докладов). Ташкент. 1979.
23. *Некрасова Е.Г.* К истории сложения стен Арка Бухары (новые археологические данные) // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент. 1990.
24. *Ремпель Л.И.* Далёкое и близкое (Страницы жизни, быта, строительного дела, ре-

месла и искусства Старой Бухары). Ташкент.1981.

25. Ремпель Л.И. Из истории градостроительства на востоке (Материалы по планировке старой Бухары) // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент.1962.

26. Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент.1958.

27. Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX - начала XX в. Ремесленная промышленность. Ташкент.1962.

28. Сухарева О.А. Бухара XIX – начало XX в. Москва. 1966.

29. Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. Москва.1976.

30. Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда // Автореф. дис. канд. ист. н. Москва.1981.

31. Чехович О.Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII–XIX вв. Ташкент.1954.

32. Ханьков Н. Описание Бухарского ханства. СПб.1848.

33. Шарипова Л.Х. Новые находки каменных орудий в Бухарской области // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент. 1961.

34. Шишкин В.А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент.1936.

35. Шишкин В.А. Археологические работы в мечети Магоки-Аттори в Бухаре // Труды Института истории и археологии. Вып.7. Ташкент.1955.

Сведения об авторе:

Мирзаахмедов Джамалиддин Камалович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный центр археологии АН РУз, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81.

Перечень рисунков и подписи к ним.

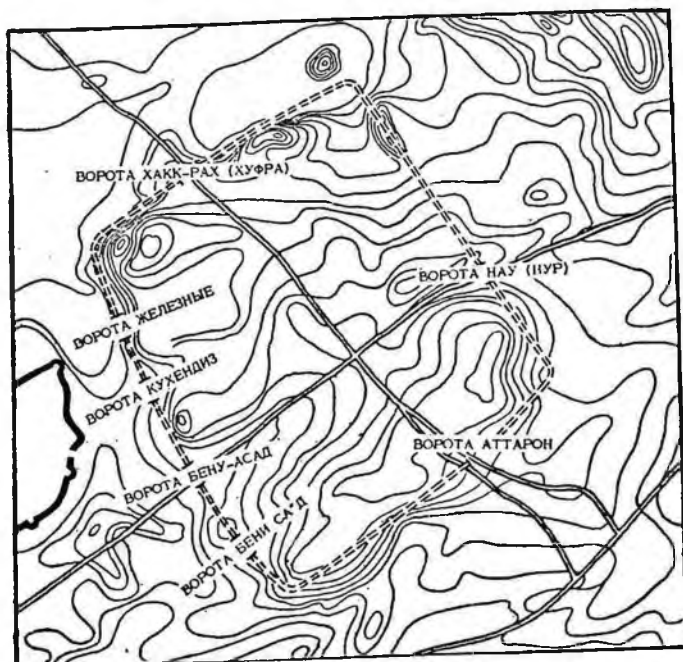

Рис. 1. VIII–X века. Топографическая съемка древнего шахристана. Предположительное размещение ворот (по Ремпелю. 1981).

Рис. 3. Фото стратиграфического раскопа (50x50м) к северу от медресе Мири Араб (1977–1978 гг.) с раннесредневековой стеной и ее разрезом.

BUXORO-NUMIJKAT TARIXIY TOPOGRAFIYASINI SHAKLLANISH JARAYONLARIGA DOIR

Maqolada muallif o'tgan asrning 70–80-yillarida hududni arxeologik o'rganish asosida Buxoro – Numijkat tarixiy topografiyasining shakllanish jarayonlari haqida ma'lumot beradi. Ta'kidlanishicha, islom davrigacha Buxoro vohasi yirikroq tarixiy-madaniy mintaqa – So'g'dning bir qismi bo'lgan. Qolaversa, Zarafshon suv resurslarining asosiy manbayi balansining kamayishi yoki ortishi, mintaqadagi keng ko'lamli iqlim jarayonlarining vaqti-vaqti bilan qurishi yoki namlanishi tufayli vohaning rivojlanish dinamikasi har doim ham progressiv bo'lmaganligidan dalolat beradi. Uning qayd etishicha, arablar istilosi davrida shahar saroyli hukmdor qal'asi (Kuhandiz, Ark) va uning sharqida joylashgan Shahrstonning o'zidan iborat bo'lgan.

Kalit so'zlar: Buxoro, Numijkat, antik va o'rta asrlar, Ark, tarixiy topografiya, Ko'hna Shahrston.

TO THE PROCESSES OF FORMATION OF THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF BUKHARA-NUMIJKAT

In the article, the author reports on the processes of adding up the historical topography of Bukhara – Numijkat based on the archaeological study of the region in the 70s – 80s of the last century. He claims that up to the Islamic era, the Bukhara oasis belonged to a part of a larger historical and cultural area - Sogdu. In addition, it indicates that the processes of the dynamics of the oasis development have not always been progressive, due to the reduction or increase in the balance of the main source of water resources of Zarafshan, periodic drying or humidification of large-scale climatic processes in the region. He notes that by the time of the Arab conquest, the city consisted of the ruler's castle with a palace (Kukhandiz, Ark) and the city proper located to the east of it – Shahrstan.

Keywords: Bukhara, Numijkat, antiquity and the Middle Ages, Ark, historical topography, Old Shakhristan.

Маргарита Филанович

НОВЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ШАШТЕПА В ТАШКЕНТЕ

Аннотация: В статье представлены результаты исследования на бугре городища Шаштепа в Ташкенте открытого ранее и связанного с возжиганием огня и поклонением Солнцу II в. до н.э. – IV в. н. э. В связи с обрушением храма при жилом строительстве появилась возможность изучить стратиграфию верхних горизонтов объектов. В ходе исследования установлено о существовании храма крестовидной формы из сырца и пахсы в нижнем горизонте бугра Шаштепа. Запустения нижнего здания так такового не было. Верхушки сводов были срезаны сразу по окончанию его функционирования. Это было осуществление нового проекта строительства технически иного (огороженная платформа), но функционально того же порядка (возжигание огня и культовые обряды с его использованием). Это можно назвать вторым этапом жизни уникального храма Шаштепа. Автор отмечает, что некий перелом в истории культового комплекса Шаштепа, видимо, приходится на первые века нашей эры. Как видно по стратиграфии разреза, меняется характер обрядовых действий. На смену монументальному храму крестовидного облика, приходит иного характера место культа (Айядана), в виде ограждённой кирпичной стеной многоярусной террасы с возжиганием огня на кострищах - алтарях под открытым небом, последующим сбором и захоронением священной золы. Обряд, заканчивается жертвоприношением какой – то жидкости в специально выкопанной ямке в горячем кострище. Огонь остаётся как почитаемая стихия, но в честь чего он возжигался продолжает быть загадкой.

Ключевые слова: Ташкентский оазис, городище Шаштепа, Бургулюкская культура, Чирикратская культура, некрополь номадов, крестовидное здание, связанное с возжиганием огня и поклонением Солнцу, Айядана Авесты, II в. до н.э. – IV в. н. э., Чирик – рабат, Бабишмулла.

Городище Шаштепа один из важных для исследования памятников, расположенных в оазисе Чирчика и его притоков на территории, вошедшей в пределы современной столицы Узбекистана города Ташкента. Раскопками прежних лет (1978 – 1988, 2001–2002 гг.) Ташкентской археологической экспедицией выявлено его уникальное значение для изучения культурогенеза регионов вдоль Сырдарьи. В многослойной свите его культурных слоёв отразились все основные этапы заселения Ташкентского оазиса и последовательность смены археологических культур. Этот памятник является ключевым в изучении и определении относительной хронологии сменяющихся друг друга археологических культур и появление городской культуры на территории Чача.

Была выявлена картина смены периодов жизни, начиная с эпохи поздней бронзы и раннего железа, когда на материке возникло и существовало в течении не-

скольких веков поселение оседлых земледельцев бургулюкской культуры (XIII – VII вв. до н.э. по аналогиям с памятниками долин Чирчика и Зарафшана хронология, которых базируется на результатах углеродного анализа C_{14}). После ухода его населения сохранился бугор руин, использованный затем (видимо с III в. до н.э.) мигрировавшими из Восточного Приаралья вверх по Сырдарье племенами с сарматоидной культурой. На своём пути далее в Бактрию они оставили на месте руин поселение бургулюкской культуры могильник, под ямные погребения которого, был использован бугор, как готовый курган (Филанович, 2010).

Выявленный при раскопках Шаштепа некрополь этих племен, с комплексом материалов и керамикой, встреченной также вне погребального контекста, но с перевёрнутыми сосудами на городище Ишкурган в Паркенте (Богомолов, 1984. С. 266–267), подтверждают наличие значительного этапа в культурогенезе Чача с III в. до н.э., связанного с наиболее ранними этномиграциями со стороны северо – западного сарматского мира. Наличие сарматоидных артефактов культуры в долине Арыси (Байтанаев, 2008. С. 29–30), расширяет ареал, занятый пришлыми племенами, которые, видимо, приняли участие в местном культурогенезе, хотя в значительной своей массе проследовали на юг до берегов Амударьи. Здесь в районе Кирки открыт некрополь Бабашов с погребениями по разнообразному обряду, среди которых есть ямные могилы аналоги захоронений на Шаштепа. Отмечая некоторые отличия в материале, особенно керамики местного производства, несомненным артефактом их родственной близости являются бронзовые пряжки с лежащим верблюдом, обнаруженные среди погребального инвентаря.

Наиболее значимым результатом исследований прошлых лет на городище, стало открытие и раскопки архитектурно – строительного сооружения из сырцового кирпича и пахсы крестовидного плана, окружённого двойным концом стены со сводчатым коридором и, по – видимому, отходящими от неё прямоугольными башнями (определены остатки трёх) (Рис.1).

Крестовидный план отмечает это здание с самого начала строительства, хотя планировка рождалась поэтапно. Как показали раскопки, в центре круга лежал открытый квадратный дворик 12,5 x 12 м ориентированный углами почти точно по сторонам света. Его окружал со всех четырёх сторон коридор и образовался внешний квадрат (20 x 20 м). Со всех четырех сторон к его внешним стенам были пристроены прямоугольные башни (7 x 5 м). Эта структура обведена ординарной кольцевой стеной, что в общем создает так называемую «крестовину» в круге. В пределах одного периода была осуществлена перепланировка: внутренний дворик разделён на три коридорообразных помещения, из них центральное оставалось несколько смещенное по оси, почти 4 м шириной, что позволяло считать его не имевшем перекрытия и сохранившим свое назначение как дворик. Боковые коридорообразные помещения были перекрыты сводом, как и все остальные, в том числе и башни. На следующем этапе было построено внутреннее кольцо стены на уровне выше на 1 метр прежнего двора (ранее выложенного сырцовым кирпичом) и образовался внутренний сводчатый коридор (Рис.1). Крестовина построена на

выровненных слоях с сарматскими погребениями и слое сизого цвета, повсеместно обнаруженного под её реконструкцией. По составу – это зола, смешенная с гумусом и лёссом.

Всё сооружение оконтуренное с трёх сторон (кроме западной, не затронутой раскопками) обрело вид археолого – архитектурного сооружения сохранившего высоту до срезанных сводов 3,5 м (конец XI / середина XIII - XVIII яруса) возведённого по ряду признаков не позднее II в. до н.э. Следует отметить, что весь комплекс помещений сохранился на разной высоте, т.к. часть его утрачена на ложе траншеи, разрезавшей бугор в направлении с запада на восток. Раскопана она была по линии ТКЛА Н. П. Остроумовым в 1896 году, но по счастью не дошла до подошвы здания, что позволило нам внутри траншеи выявить планировку этой части крестовины. Южная стена траншеи в виде стратиграфического разреза сохранила всю свиту наслоений от репера до подошвы – крестовины (почти 9 м).

Анализ планировки, строительных конструкций из сырца и пахсы, стратиграфии и сопровождающего вещественного материала в сравнении с другими объектами подобного типа привел к выводам относительно её функционирования и истоков плана. Привлечение всего комплекса культур и строительства в низовьях Сырдарьи и вверх по её течению вплоть до Ферганы позволило определить принесённый из Восточного Приаралья тип подобных крестообразных сооружений, возможный прообраз и исходный ареал планировки Шаштепа. В ходе миграций полуседлых племен, покинувших земли с постепенно усыхающими руслами дельты Сырдарьи, возникали поселения с «вышками», заключавшими в себе подобные крестовидные планировки. Территория их формирования обозначена могильником Северный Тагискен в северной части дельты с погребениями и сооружениями из пахсы и сырцового кирпича (типа мавзолеев) с использованием дерева и обрешетке стен (Итина и Яблонский, 2001). Причем покойник в сопровождении погребального инвентаря сгорал вместе с мавзолеем для чего как считают исследователи и нужна была деревянная облицовка. Раскопанные археологами эти сооружения демонстрируют разнообразие сочетания в планировке круга и квадрата – солярные символы индо – иранцев. Эта строительная традиция сложилась и практиковалась в IX - VII вв. до н.э. и далее была продолжена в рамках существования на южных просторах дельты Сырдарьи чирикрабадской культуры (городища Чирикрат – Бабишмулла) в IV – II вв. до н.э. В границы этих городских образований вошли погребальные крестовины, видимо вождей племен, оставивших эту культуру, но в это время, в них уже практиковалась ингумация.

Наследники индо – иранцев, сарматы почитали солнце и огонь, поклонение которым также у массагетов засвидетельствовал Геродот в V в. до н.э. Исследователи приходят к выводу о том, что племена сарматского круга составляли основу союза дахов, название которых широко засвидетельствовано классическими источниками с IV в. до н.э. Из их среды вышли вожди, очевидно создавшие «Канкху» (Кангюй). Основные территории и этносы, входившие в это объединение, располагались вдоль среднего течения Сырдарьи. Создатели же его и носители известных археологам культур этих регионов по всей очевидности были выходцами из её низовья.

Этот тезис хорошо согласуется с миграцией племен из Восточного Приаралья с территории иссохших южных протоков дельты Сырдарьи. Мы наблюдаем эту миграцию солнце – огнепоклонников в крестовидных солярных планировках культовых и общественных сооружений, отмеченных в районах вдоль русла реки (Актобе 2 (Максимова, Мершиев, Вайнберг и Левина, 1968. С. 11 и ил.), Шаштепа, Билувуртепа и др.).

Крестовидное сооружение Шаштепа II в. до н.э. – III в. н.э. – пример одного из пунктов этой миграции. В основе его – солярная планировка, связанная с культом солнца, возжиганием огня, в религиозно – философском аспекте – Космограмма древних индо – иранцев. Её строители и почитатели были носителями культуры Каунчи, характерной для региона средней Сырдарьи, где эта культура сформировалась на ряду с родственной ей оттаро – каратауской во II в. до н.э. III–IV вв. н.э., а также более древней джитиасарской культурой. В генезисе этой культуры, как видно по материалу Шаштепа, существенен вклад чирикрабаской культуры, вероятно одного из района исхода мигрантов из Восточного Приаралья. Явные параллели дают приёмы строительства, в плане коридор, опоясывающий внутреннюю структуру, выселка полов сырцовым кирпичом, приемы строительства из пахсы и кирпича определённого размера (50 x 30 x 9–10 см), технология выведения сводов и арок, стреловидные бойницы, пилоны в одну из башен, световые проемы в виде щелей 20–30 см шириной (Вайнберг и Левина, 1993. С. 96–97). Прямоугольный стандарт кирпича характерен и для строительства джитиасаров. Там использованы плиты размером 50 x 30 x 9 см, 60 x 30 x 9 см начиная с ранних этапов сложения джитиасарской культуры в VI–V вв. до н. э. (Левина, 1996. С. 18–23) и в развитии с IV–V вв. н.э. В это время появляется стандарт 45–50 x 30–32 x 9 см и входит в употребление квадратный кирпич размером 40–43 x 9–10 см (Левина, 1996. С. 19). Тот же разноразмерный набор наблюдается в кладках «крестовины» Шаштепа. Отмеченная эволюция стандартов кирпича одинаковых размеров лишней раз подтверждает направление распространения технических инноваций вверх по Сырдарье. Яркой аналогией является использование каркасной облицовки стен деревянными брусьями в чирикрабатской культуре. В стенах круглых погребальных сооружений Чирик – рабата использован этот деревянный каркас вдоль стен IV в. до н.э. Он состоит из вертикальных жердей скреплённых камышовой верёвкой и покрытых штукатуркой (Вайнберг и Левина, 1993. С. 96–97) (ячейки от такого каркаса обнаружены вдоль «крестовины» Шаштепа). Они не несут функциональной нагрузки даже в строительстве, но воспринимаются как архитектурная память, идущая из глубины веков. В этом смысле мы воспринимаем и наличие деревянной облицовки в «крестовине» Шаштепа. Полы в этих мавзолеях подстилались кирпичной кладкой (характерный приём в «крестовине» Шаштепа). В помещениях почти полностью отсутствует бытовая керамика. Принято считать некоторые мавзолеи с богатым погребальным инвентарём захоронениями представителей родо – племенной знати (например, круглый мавзолей Бабишмулла 2) (Толстов, 1962. С. 148; Трудновская, 1963. С. 213) IV или рубежа III вв. до н.э. Внутри мавзолеев Чирик – рабата укладывали умерших

на суфы и только в одном случае отмечено трупосожжение. Таким образом, в период существования чирикратской культуры в погребальном обряде происходит замещение кремации, которая была характерна для мавзолеев Северного Тагискена эпохи бронзы на обряд трупоположения. На этой хронологической ступени на территорию Средней Сырдарьи, видимо, передвинулись мигранты из ареала чирикратской культуры.

Характер культурного слоя, связанного с «крестовиной» Шаштепа, определяет её функции. Первоначально здание явно было связано с возжиганием огня. Стены внутри двух башен окрашены в красный цвет, на полу кроме золы, большое скопление красной охры. В одной из башен обнаружен пристенный алтарь со следами горения и белой золой. Все это указывает на культовый характер здания. Подтверждение тому находим в присутствии в коридоре тарных сосудов – хумов врытых вдоль стен. Сохранилось три сосуда с оттиснутыми на плечиках знаками свастики. Один в виде закрученной свастикой четырёх рыбок, на стенках другого знак процарапан.

В одном из контурных коридоров большого квадрата (Пом. 8) отмечены следы мощного горения, огонь не только раскалил добела штукатурку стен, но и местами превратил её в клинкерные натеки. Сырцовые кирпичи свода местами превращены в прожженные плиты их куски найдены на полу, покрытым золой с остатками топлива (верблюжья колючка и ветки кустарника), обгоревшими косточками плодов (персик, абрикос) и семена мака. Подобное массивное пламя отмечено исследователями в коридоре стены первого кольца фортификации Афросиаба ахеменидского времени и во внутреннем помещении Кой - Крылган Калы в Хорезме IV–II вв. до н.э.

Принадлежность крестовины к культовому сооружению подтверждает и выстилка полов в одном из двух помещений (Пом. 3 и 4) и коридоре по плану (Пом. 2) булыжными камнями. Аналогии мы находим как в крестовине другого подобного сооружения в Ташкенте – на Мингурике I–II вв. н.э., так и в храме кушанского времени в Южном Согде (Сангиртепа) (Хасанов, Механдели и Гударзе, 2006. С. 208–220; Рапен, 2007. С. 35). Возникнув как сооружение связанное с соляным культом, крестовина Шаштепа на определённом этапе функционирования превращена в культово – мемориальный комплекс. Захоронение черепа с несколькими отдельными костями было осуществлено на полу на слое раскаленной золы в помещении 6 в малом квадрате и сопровождалось перевернутым лепным сосудом и остатками мясной пищи (кости коровы и птицы?).

Череп лежит на черном слое сгоревшего топлива (может быть остатки костра из указанного выше помещения 8). После погребения головы помещение 6 было забутовано комковатым слоем чистой глины без единого фрагмента керамики. Примерно на половине высоты забутовка покрыта сырцовыми кирпичами, а арочный вход в это помещение из коридора (Пом. 7) плотно замурован взбитой глиной.

Остальные помещения крестовины остались свободными и служили очевидно для каких-то ритуалов, в том числе видимо и для жертвенных возлияний. Об этом свидетельствует чередование на полу (Пом. 3) соответствующих слоёв беловатого вещества и золы.

Раскопки ранних лет выявили инфраструктуру нижнего горизонта связанного с основным периодом функционирования комплекса «крестовины», что соответствует свите слоёв IX–XVIII ярусов. Верхний горизонт накопления слоёв от реперной точки до VIII–IX ярусов включительно не был затронут раскопками на площади центральной части бугра Шаштепа. В 2019 году произошло обрушение значительной части бугра примерно по линии север – юг. В результате от бугра как бы оказался отрезанным «ломоть» более 2,5 метров толщиной. Масса обрушенных слоев состоит из блоков разного размера и характера. Это – либо блоки кирпичной сырцово-кладки стен и сводов сохранившие структуру, либо куски спрессованных золистых натёков. Раскопанный ранее горизонт и часть «крестовины» оказались погребённой под этой массой разрушения.

Археологические работы на образовавшемся срезе культурных напластований бугра носили характер небольших расчисток в местах выступающих кладок стен и сводов, а также выявления деталей на самом срезе с фото – фиксацией, обмерами, зарисовками, снятием чертежей обнажившихся слоёв.

В результате этот срез обрел вид стратиграфического разреза практически на протяженности более 20 метров и высотой в самой высокой части 6 м от репера. Это означает, что низ его оказался на уровне, на котором в один из периодов жизни объекта были срезаны верхушки нижележащей крестообразной планировки сооружения и ряд её помещений были забутованы, а другие, как позволили выяснить наши исследования, обрели новое разное заполнение.

Таким образом, был выявлен второй период жизни памятника, коренным образом отличающийся от функционирования нижнего архитектурного комплекса, но вместе с тем связанного с ним некоторыми деталями конструкции.

Если определить вообще характер обживания верхнего горизонта бугра, то это явственно читаемое накопление уровней горизонтальных террас, которая аккумуляровалась в течении нескольких столетий.

Часть свиты слоёв, отраженное в разрезе, над помещением 4 (восточная башня крестовины), от ранних раскопок сохранилась не полностью. Слои были срезаны на уровне 6 метров от репера. При этом задет верх свода помещения 4, которое осталось не исследованным. Теперь мы имеем возможность расчистить начало свода и определить характер верхнего заполнения помещения. На уровне среза свода ширина помещения по верху 2,5 м. Свод выложен наклонными отрезками из очень больших прямоугольных кирпичей – плит. В сводах всех перекрытий помещений «крестовин» использован сырец размера от (50–55 x 35 x 9 см) до (64–65 x 40 x 9 см). Прямоугольный стандарт кирпича мы находим и в кладках стен «крестовины». Прямые аналогии таким плитам существуют в строительных конструкциях Восточного Приаралья. Они характерны для архаической эпохи представленной мавзолеями Северного Тагискена, Чирикраты и Бабишмуллы, а также памятников Джеты Асаров (Итина и Яблонский, 2001. С. 18; Вайнберг и Левина, 1993; Левина, 2000. С. 141; Левина, 1996. С. 18–23).

Помещение заполнено слоем чистой глины очень большой плотности с вкраплением угольков, ниже прослежен комковатый слой с кусками кирпичей над плотной забутовкой. Тонкий ровный уровень с угольками продолжается через весь разрез до его обрыва с западной стороны. Общая протяженность порядка 20 м (Рис. 2). Этот уровень отмеченный слоем чёрных угольков с золой, безусловно, принадлежит монолитной ничем не застроенной террасе, образовавшейся над помещениями «крестовины». Уровень фиксирует лишь один из этапов функционирования этой террасы. Близ его восточного обрыва видно в разделе прокаленное в центре (толщиной 20 см) до красна пятно в диаметре около 0,8 м с двумя углублениями в центре похожее на место длительного возжигания костра. В нём затем выкопаны 2 лунки, возможно, для возлияний, что выполняло роль алтаря, не имевшего никакой подставки или подиума.

Примечателен факт, что слой под красным пятном и над ним состоит из многочисленных тонких натёков, свидетельствующих об отсутствии перекрытия над террасой открытой воздействию природных осадков.

Над уровнем с кострищем переходят до самого репера такие же ровные уровни, отмечающие чередование слоёв террасы, накопившихся, видимо за очень длительное время (отмечено около до 13 уровней) её существования. Каждый уровень отмечен не большим слоем золы с угольками, на котором накапливается слой разного характера. Это могут быть слои натёков, в двух случаях это слой строительного завала с кусками сырцового кирпича, в одном случае как будто остатки кладки из сырца (может быть небольшой стеночки?).

В общей картине стратиграфического разреза следует выделить два важных момента:

1. Стратиграфия слоёв под уровнем с костровым пятном; 2. Разница размеров террасы ниже и выше этого уровня. Слои под этим уровнем дают интересную картину сложения первичной террасы и её структуры над помещениями 3, 5, 6. Прежде всего, ясно выделяется характер перекрытия этих помещений. В помещениях 3, 4 и 6 чётко выявлены фрагменты начала сводчатого потолка из таких же крупных кирпичей отмеченных выше размеров. В помещении 5 (4,5 м) на том же уровне никаких признаков свода вообще не обнаружено. Это самое крупное помещение большого квадрата, которое невозможно перекрыть сводом. Выявленная в разрезе картина подтверждает использование помещения 5 в качестве открытого двора. На этапе срезки замков сводов и засыпки помещений он стал использоваться для ссыпания золы от алтарей и переслойки её лессовой глиной.

Помещение 6 с захоронением черепа было полностью забутовано плотным слоем глины. Второе обстоятельство – разница размеров первоначальной террасы и следующих выше. Первоначально уровень террасы с восточной стороны уперся в останец стены, отделявший помещение 4 от помещения 3, который был подрезан и накопившийся слой золы на этой первоначальной террасе в стыке с останцом стены делает характерную выкружку. Такая же картина наблюдается на стыке этого уровня с останцом стены между помещениями 5 и 6.

В результате, ширина террасы на этом участке с востока на запад равнялась 10 м; выступающие останцы стен, лежащие внизу «крестовины» её оконтуривали. На юге терраса упиралась в пахсовую стену, которая видна в обрыве севера – юг и построена специально для ограждения террасы. Таким образом, мы в праве предположить, что первоначальная терраса была ограждена, со всех сторон стенами, которые лежали на стенах малого квадрата нижнего здания. В стратиграфии разреза четко видно, что её первоначальный уровень проходит над останцами срезанных внутренних стен этого квадрата и падает в помещение 5, заполненное слоями золы в перемежку с грунтом почти до уровня террасы. Сверху оно было закрыто почти метровым слоем глины.

Все последующие уровни террас превышали размеры нижней и очевидно упирались и, ограничивались стенами (или их останцами) большого квадрата. Таким образом, размер террасы последующих этапов этого связанного с огнём сооружения окруженного стенами был порядка 21 x 21,5 м. При этом терраса стояла под открытым небом и на каждом уровне появлялся слой мелких натёков, либо чистого лёсса, либо лёсса смешанного с залой, и какими-то ещё беловатыми примесями. После того, как первоначальная терраса с ямой (двориком – Пом. 5) для захоронения золы была расширена, яма больше не использовалась. И все последующие уровни террасы пролегали над ней. Вместе с тем следует добавить, что двор «крестовины» в пределах кольца стены также был задействован для сбрасывания и захоронения лёссом священной золы. Это отмечается только с первого уровня террасы.

Без специальных раскопок по уровню платформы трудно судить о том, было ли что – нибудь на ней. В разрезе образовавшимся после разрушения ломтя свиты слоёв порядка 3,3 м толщиной, видны многочисленные уровни зольных поверхностей с углями разделённые желтого цвета лессовыми пластами, или слоями кирпичного боя и обломком пахсы. В одном месте как будто видны два или три ряда сырцово-кладки в виде монолитного блока на восточной части разреза запад – восток платформами в разрезе. На его поверхности в середине пятна углубление и рядом ещё также (алтарики?) с покрытой твердой белесой корочкой внутренней поверхностью. Второе такое же пятно с лункой в середине видно в разрезе обрыва север – юг платформы. Такое же кострище с натёками беловатого вещества на его уровне обнаружен на заполнении двора крестовины, что дает возможность предположить наличие нескольких или многих алтарей такого типа на поверхности террасы. Сама поверхность здесь уходит под толстую (до 3 м ширины) пахсовую стену, построенную на ней, и упирается в толще этой пахсы в другую стену также пахсовую, которая, по всей видимости, ограждала платформу с юга обрыва.

В регионе Сырдарьи и ряде южных областей Средней Азии имеются аналогии такого типа храмовых сооружений. Священные террасы индоиранцев и стойкая традиция молиться под открытым небом подтверждается археологией. Имеется описание Страбоном храмов иранцев, как первоначальных насыпей обведённых стеной – Айядана.

Упомянута она и в Авесте, чему уделено внимание в описании Мэри Бойс мест культа и зороастрийских ритуалов (Бойс, 1987. С. 75). Одним из ранних упомина-

ний Айяданы, которое относится к VI в. до н.э. являются эпизоды описания борьбы Дария I за престол (Duchesne – Guillemin, 1962. P. 155). Нельзя не вспомнить ряд примеров, священных площадок II в. до н.э. – III в. н.э. и IV – V вв. н.э. по Сырдарье (Шаштепа, Мингурик, Сеталак I, городище Яссы Туркестана и Амударьи Хорезма).

Таким образом, суммируя результаты исследования прежних лет выявивших наличие крестообразного сооружения храма солярной планировки и изучение стратиграфического разреза, образовавшегося в результате обрушения верхней свиты слоёв бугра Шаштепа (Рис. 3) обрисовалась общая картина жизни и функционирование всего культового центра:

1. Храм крестовидной формы из сырца и пахсы в нижнем горизонте бугра. Запустения нижнего здания так такового не было. Верхушки сводов были срезаны сразу по окончании его функционирования и это было осуществление нового проекта строительства технически иного (огороженная платформа), но функционально того же порядка (возжигание огня и культовые обряды с его использованием). Это можно назвать вторым этапом жизни уникального храма Шаштепа.

2. Второй этап жизни – забутовка и засыпка нижней планировки с образованием ровной поверхности платформы 10 – метровой протяженности и ямы с диаметром около 3,5 м (Пом. 5), заполненной слоями золы с угольками, переслоенными желтой лессовой глиной (захоронение священной золы). Выше образовалась новая платформа 21 x 21,5 м с раскалёнными до красна пятнами, кострищ с лункой в центре. Общая высота наслоений платформы: около 6 м. Следует отметить, что некий перелом в истории культового комплекса Шаштепа, видимо, приходится на первые века нашей эры. Как видно по стратиграфии разреза, меняется характер обрядовых действий и на смену монументальному храму крестовидного облика, частично забутованному, но не оставленному адебтами, приходит иного характера место культа (Айядана), в виде ограждённой кирпичной стеной многоярусной террасы с возжиганием огня на кострищах – алтарях под открытым небом, последующим сбором и захоронением под слоями лёсса священной золы. Обряд заканчивается жертвоприношением какой – то жидкости в специально выкопанной ямке в горячем кострище, которая оставляет многослойную корочку на их стенках. Огонь остаётся как почитаемая стихия, но в честь чего он возжигался продолжает быть загадкой.

Оба культовых сооружения Шаштепа и Мингурик судя по всему функционировали до конца III – начала IV вв. н.э. в рамках существования культуры каунчи и были оставлены, очевидно, в процессе смены этнокультурной ситуации в Чаче связанной с началом Великого переселения народов.

Использованная литература:

1. Байтанаев Б. А. К вопросу генезиса ранних поселений Испиджабского историко – культурного района // Древняя и средневековая урбанизация и возраст города Шимкента. Шимкент. 2008. С. 29–30.

2. Богомолов Г. И. К вопросу об одном из домусульманских обрядов Средней Азии // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент. 1984. С. 266 – 267
3. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. 303 с.
4. Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура. Вып.1. М., 1993. 130 с.
5. Duchesne – Guillemin J. La religion de l'Iran ancien. Paris. 1962. 411 p.
6. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. М., 2001. 294 с.
7. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996. 396 с.
8. Левина Л. М. Древности низовье Сырдарья // В низовьях Окса и Яксарта. М., 2000. С. 141
9. Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма – Ата. 1968. 264 с.
10. Рапен К. Коктепа в период железного века до прихода Ахеменидов // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Ташкент – Самарканд. 2007. С. 29 – 38
11. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 324 с.
12. Трудновская С. А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик – рабад // Материалы Хорезмской археолого – этнографической экспедиции. Вып. 6. Ч. 1. М., 1963. С. 201 - 214
13. Филанович М. И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент: 2010. 312 с.
14. Хасанов М., Механдели С., Гударзе Ш. О работах на Сангиртепа в 2000 – 2005 гг.// Археологические исследования в Узбекистане в 2004 – 2005 гг. Вып. 5. Ташкент: 2006. С. 208 – 220.

Сведения об авторе:

Филанович Маргарита Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный центр археологии АН РУз, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81.

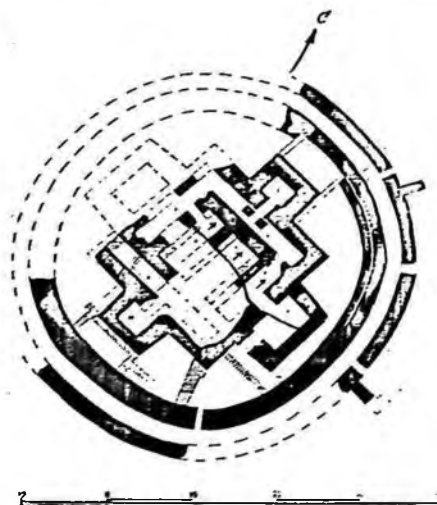

Рис. 1. Шаштепа. План.

— Линия обрушения

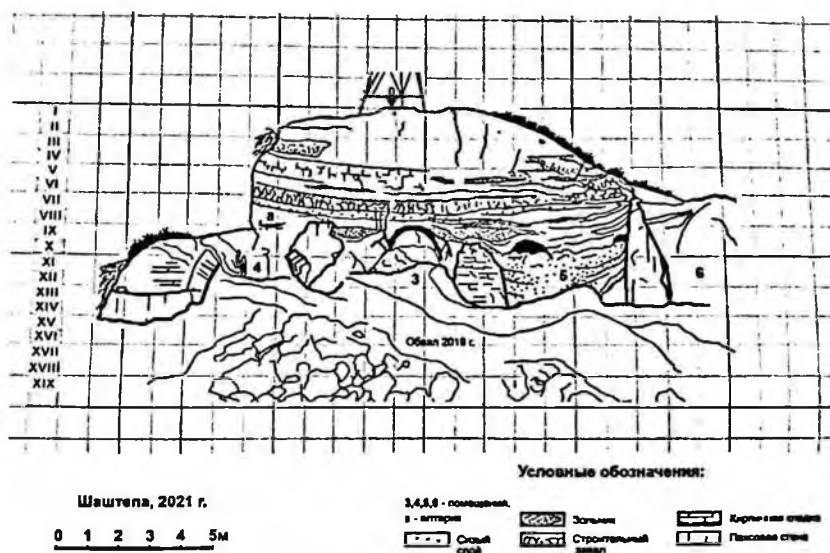

Рис.2. Шаштепа. Разрез запад – восток.

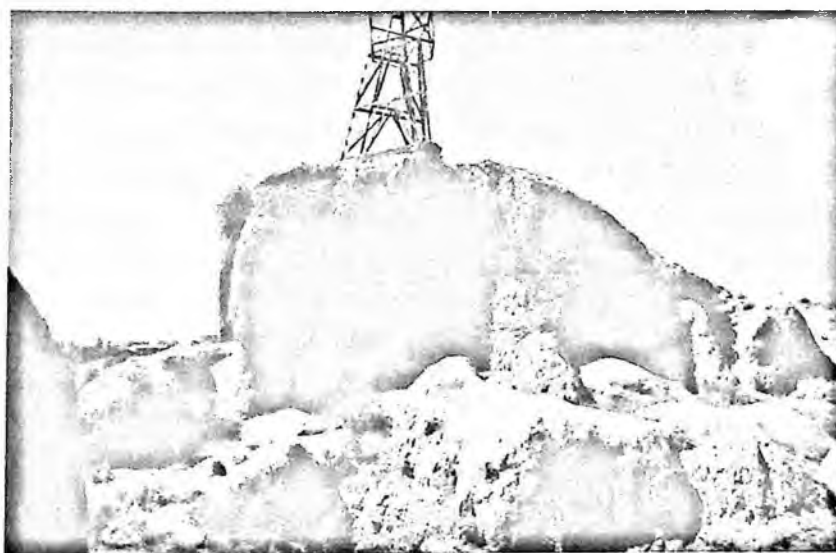

Рис.3. Шаштепа. Фото стратиграфического разреза.

TOSHKENTDAGI QADIMIY SHOSHTEPA YODGORLIGINI O'RGANISH BO'YICHA SO'NGGI ARXEOLGIK MA'LUMOTLAR

Maqolada miloddan avvalgi II – milodiy IV asrlarda olov yoqilishi va Quyoshga sig'inish bilan bog'liq bo'lgan Toshkentdagi qadimiy Shoshtepa tepaligida o'tkazilgan tadqiqot natijalari keltirilgan. Uy-joy qurilishi paytida ibodatxonaning qulashi munosabati bilan obyektlarning yuqori gorizontlari stratigrafiyasini o'rganish mumkin bo'ldi. Tadqiqot natijasida Shoshtepaning quyi gorizontida xom g'isht va paxsadan yasalgan xoch shaklidagi ibodatxona mavjudligi aniqlandi. Pastki binoning xarobasi bunday emas edi. Yodgorlik vayron bo'lgandan so'ng darhol gumbazlarning tepalari kesilgan. Bu yangi qurilish davrini amalga oshirish bilan bog'liq bo'lib,

texnik jihatdan boshqacha (to'siq platformasi), lekin funksional jihatdan bir xil tartibda (o't yoqish va undan foydalanish bilan diniy marosimlar) edi. Buni Shoshtepa ibodatxonasi hayotining ikkinchi bosqichi deb atash mumkin. Muallifga ko'ra, Shoshtepa kult' majmuasi tarixida ma'lum burilish davri eramizning birinchi asrlariga to'g'ri keladi. Kesmaning stratigrafiyasidan ko'rinib turibdiki, marosim harakatlarining tabiati o'zgarib turgan. Xoch shaklidagi monumental ibodatxonaning o'rnini boshqacha ko'rinishdagisi egallab (Ayyadana), u g'isht devor bilan o'ralgan ko'p qavatli terassa edi. Ushbu inshoot ochiq osmon ostidagi gulxan - altarda olov yoqish, so'ngra muqaddas kulni yig'ish va ko'mishga moslashtirilgan. Marosim olov yonib turgan maxsus qazilgan chuqurda bir oz suyuqlik qurbonligi bilan tugagan. Olov hurmatga sazovor element bo'lsa-da, nimaning sharafiga yoqilganligi mavhum bo'lib qolmoqda.

Kalit so'zlar: Toshkent vohasi, Shashtepa shahri, Burganli madaniyati, Chirikrabad madaniyati, ko'chmanchilar qabristoni, olov yoqish va Quyoshga sig'inish bilan bog'liq xoch shaklidagi bino, Avesto Ayadanasi, miloddan avvalgi II – milodiy IV asrlar.

THE LATEST ARCHAEOLOGICAL DATA FROM THE STUDY OF THE ANCIENT SETTLEMENT OF SHASHTEPA IN TASHKENT

The article presents the results of a study the ancient settlement of Shashtepa in Tashkent, previously discovered and associated with the kindling of fire and worship of the Sun in the 2nd century BC - IV century AD. In connection with the collapse of the temple during residential construction, it became possible to study the stratigraphy of the upper horizons of objects. The study established the existence of a cruciform temple made of raw brick and pakhsa in the lower horizon of the Shashtepa mound. There was no desolation of the lower building. The tops of the vaults were cut off immediately after the end of its operation. It was the implementation of a new construction project, technically different (fenced platform), but functionally the same order (lighting fire and cult rites with its use). This can be called the second stage in the life of the unique temple of Shashtepa. The author notes that a certain turning point in the history of the Shashtepa cult complex, apparently, falls on the first centuries of our era. As can be seen from the stratigraphy of the section, the nature of ritual actions is changing. The monumental temple of the cruciform shape is being replaced by a place of worship (Ayyadana) of a different nature, in the form of a multi-tiered terrace enclosed by a brick wall with lighting fires on open-air bonfires - altars, followed by the collection and burial of sacred ashes. The rite ends with the sacrifice of some liquid in a specially dug hole in a hot fire. Fire remains as a revered element, but in honor of what it was lit continues to be a mystery.

Key words: Tashkent oasis, settlement of Shashtepa, Burgulyuk culture, Chirikrabad culture, necropolis of nomads, cruciform building associated with kindling fire and worshipping the Sun, Ayadan Avesta, 2nd c. BC. - IV c. AD., Chirik - rabad, Babishmulla.

Джангар Ильясов

ГОРОДИЩЕ ДАЛЬВАРЗИНТЕПА: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: Автором вкратце анализируются итоги многолетнего археологического изучения широко известного городища Дальварзинтепа, расположенного в Шурчинском районе Сурхандарьинской области. Первые исследования на его территории провел в 1949 г. известный археолог Л.И. Альбаум. В 1959 и 1960 гг. свои первые работы на городище провели сотрудники Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ) Института искусствознания. Начиная с 1967 г. раскопки УзИскЭ на Дальварзинтепа стали проводится ежегодно и дали науке ценные данные о фортификации, архитектуре, керамическом производстве, монументальном, прикладном и ювелирном искусстве, а также по истории религий и культов эпохи Кушан. Итоги работ почти двух десятилетий были обобщены в коллективной монографии «Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана», опубликованной в 1978 г. В этой книге в жизни города выделены 6 периодов: греко-бактрийский (III–II вв. до н.э.); юежэчжийско-кушанский / раннекушанский (I в. до н.э. – I в. н.э.); великокушанский (вторая половина I – II вв.); позднекушанский / кушано-сасанидский (III–IV вв.), эфталитский (V в.) и чаганхудатский (VI–VII вв.). Город возник в греко-бактрийский период в виде небольшого укрепления на месте нынешней цитадели; после периода некоторого запустения, связываемого с нашествием примерно в 140 г. до н.э. саков, а затем юэчжей, в I в. до н.э. начинается масштабное строительство прямоугольного в плане города площадью 650x500 м, в обводе крепостных стен толщиной 4,5–4,7 м. Данный период продолжается до середины I в. н.э.; в I–II вв. в городе увеличивается площадь застройки, занявшей, по-видимому, все внутреннее пространство, крепостные стены берутся в футляр из пахсы и кирпича-сырца, достигая толщины 9–10 м; в III–IV вв. наблюдается постепенный упадок города, разрушаются и оплывают крепостные стены, т.о., «в кушано-сасанидский период жизнь на Дальверзинтепе постепенно замирает»; со второй половины IV в. в результате кидаритских и эфталитских нашествий город прекращает свое существование; в VI–VII на бывшей цитадели города возникает неукрепленное поселение, которое забрасывается, вероятно, в результате арабских походов на Чаганиан в 705 г. В статье приводятся также данные о нерешенных вопросах и проблемах, накопившихся за период исследований, и рассматриваются перспективы дальнейшего изучения одного из крупнейших археологических памятников Северной Бактрии эпохи Кушан.

Ключевые слова: Бактрия, Дальварзинтепа, раскопки, итоги, проблемы, перспективы.

Одно из крупнейших и самых известных городищ Южного Узбекистана – Дальварзинтепа – расположено в Шурчинском районе Сурхандарьинской области. Занимающее территорию около 40 га, оно представляет собой один из столичных центров северной части Кушанской империи, а именно, территории по среднему и верхнему течению реки Сурхан, в средневековых источниках известной как владение Чаганиан/Саганиан. Были попытки отождествить Дальварзинтепа с городами Ходзо/ Hu-tso и Chien-shih, упоминаемыми в китайских хрониках в качестве столичных городов кушан (Пугаченкова, 1978б. С. 178, 179, 220; Abdoullaev, 2001. P. 200–201), но пока документальных подтверждений этому мы не имеем.

Городище стало известно в ходе хозяйственного освоения долины Сурхандарьи в 1930-х годах; первые археологические исследования были проведены в 1949 г. известным археологом Л.И. Альбаумом, которому принадлежит честь открытия многих археологических памятников в Сурхандарьинской области. Он снял глазомерный план и пришел к выводу, что городище, которое он называет самым большим на территории области, существовало до 6–7 вв., но в основе имеет слои кушанского времени (Альбаум, 1960. С. 12, 14. Рис. 1).

В 1959 и 1960 гг. городище было обследовано Узбекистанской искусствоведческой экспедицией (УзИскЭ) Института искусствознания АН УзССР под руководством Г.А. Пугаченковой. По результатам археологических зачисток и анализа подъемного материала были сделаны предварительные выводы о том, что Дальварзинтепа представляет собой руины столичного города региона периода античности. Он сформировался в первых веках до н.э., достиг пика своего развития в эпоху Кушан, пережил упадок в IV–V вв., в VI–VII вв. был снова частично обжит и погиб в ходе арабского завоевания в начале VIII в. (Пугаченкова, 1978а. С. 5–6).

Архитектор В.А. Нильсен и топограф А.В. Шукуров в 1960 г. сняли топографический план Дальварзинтепа и заложили раскоп в центральной части западной крепостной стены, где расчистили погребение (Альбаум, 1966. С. 47. Рис. 1). В 1961 г. Л.И. Альбаум провел раскопки в юго-западной части городища: заложил раскоп и произвел зачистку промоины в самой южной части западной стены, получив первый разрез фортификации города (Альбаум, 1966. С. 47–65. Рис. 2, 6).

УзИскЭ вернулась к исследованиям Дальварзинтепа в 1962–1963 гг., работы велись на цитадели. 1967 год стал знаковым в истории городища, так как, начиная с этого года своеобразное «соревнование» исследователей из разных научных учреждений закончилось, и УзИскЭ приступила к ежегодным стационарным раскопкам Дальварзинтепа (Пугаченкова, 1978а. С. 6), которые продолжаются, с большей или меньшей регулярностью и интенсивностью, до сегодняшнего дня.

Итоги наиболее продуктивного периода (назовем его первым этапом) исследований городища, приходящегося на 1960–1970 годы, обобщены в коллективной монографии «Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана». В ней опубликованы и полученные при раскопках материалы, и широкие и важные для понимания истории материальной и художественной культуры Бактрии обобщения и выводы (Дальверзинтепе ..., 1978).

В том же году был выпущен великолепный по качеству альбом «Художественные сокровища Дальверзин-тепе», в котором на французском и русском языках были представлены находки, создавшие всемирную славу городища как средоточия выдающихся образцов бактрийского искусства и ремесла эпохи Кушан – скульптура из глины и ганча, настенные росписи, крупнейший клад золотых изделий, терракота, керамика (Pougatchenkova, 1978).

Исследованиям на Дальварзинтепа посвящено большое количество статей в сборниках и научных журналах, а также еще две монографии, изданные совместно с коллегами из Японии (Дальварзинтепа 1996; Дальварзинтепа 2012). Поскольку в последних речь идет о результатах раскопок конкретного памятника – раскопа ДТ–25 – единственным обобщающим трудом с систематическим изложением и осмыслением материала со всего городища по прежнему остается коллективная монография 1978 г. Конечно, за 44 года, прошедших с ее публикации, на городище активно велись раскопки (назовем их вторым этапом в изучении городища) и были сделаны выдающиеся открытия, еще более обогатившие наши представления об искусстве Бактрии, в особенности буддийском. Так, в 1981 г. начались раскопки объекта ДТ–25, оказавшегося внутригородским буддийским храмом, украшенным великолепной глиняной и ганчевой скульптурой, а также настенными росписями (Тургунов, 1989. С. 81–95). На данном объекте в 1989 г. впервые в истории узбекской науки начались совместные узбекско-японские археологические раскопки, в которых партнерами УзИскЭ выступили представители Университета Сока (Токио) и Института археологии Кашихара (префектура Нара). С японской стороны исследования возглавлял проф. Кюдзо Като, заложивший, вместе с Б.А. Тургуновым, основы узбекско-японского сотрудничества в области археологии. Работы велись согласно договору с Университетом Сока с 1989 по 1994 г. Осенью 1995 г. проф. Като приезжал со своими студентами за свой счет. В 1996–2002 г. на цитадели Дальварзинтепа проводились совместные исследования с группой ученых из Музея Древнего Востока (Токио), руководимой проф. Кацуми Танабе. В 2006–2007 гг. раскопки на ДТ–25 были продолжены совместно с исследовательской группой Университета Сока под руководством проф. Мицуру Кояма. Кроме того, начальник УзИскЭ, многолетний руководитель работ на Дальварзинтепа Б.А. Тургунов, заложил на территории городища еще более десятка раскопов². Часть новых данных была обобщена в совместном труде Г.А. Пугаченковой и Э.В. Ртвеладзе, опубликованном в 1990 г. (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 82–119).

Многолетние работы на Дальварзинтепа принесли интереснейшие результаты, значение которых для исторической и искусствоведческой наук Узбекистана трудно переоценить. Нелишним будет еще раз перечислить основные объекты и находки, сделавшие городище широко известным в кругу специалистов по истории и культуре Средней/Центральной Азии.

Итак, здесь изучалась фортификация, то есть, крепостные стены и башни цитадели и Нижнего города (разрезы ДТ–3, ДТ–4, ДТ–8); они дали представление о структуре подобных сооружений, строительных приемах и материалах.

² Ни один из которых, к большому сожалению, не был доведен до конца.

Изучались буддийские святилища и храмы в загородной зоне (ДТ-1) и внутри города (ДТ-25). Эти работы дали находки великолепной ганчевой и глиняной скульптуры, характеризующей богатство и разнообразие буддийской иконографии Северной Бактрии. Недалеко от северного угла городища раскопан храм посвященный, как предполагается, популярной богине кушанского пантеона Нане (ДТ-7). Здесь получены настенные росписи с уникальными сюжетами и глиняная скульптура.

К северу от города располагался так называемый наус – отдельно стоящее сооружение с оригинальной планировкой, предназначенное для погребений (ДТ-14).

В южной части города изучен квартал керамистов (ДТ-9), в котором вскрыты 10 гончарных печей, мастерские и квартальный храм, украшенный глиняной скульптурой и настенными росписями.

Раскапывалось несколько зданий так называемой бытовой застройки, отличающихся небольшими размерами и относительно небогатым набором находок (ДТ-2, ДТ-10).

Большой интерес вызвали раскопки двух так называемых жилых домов богатых горожан, расположенных рядом в западной части города (ДТ-5, ДТ-6). Они дали важные данные по планировке подобных крупных сооружений, состоявших из парадного входа, оформленного айваном с колоннами, большого центрального зала, предназначенного для приёма многолюдных компаний, дополнительных помещений по периметру, в том числе купальни. Широкую известность получили находки из ДТ-5 – миниатюрные фигурки быка-зебу и слона, вырезанные из слоновой кости и интерпретируемые как фигурки, использовавшиеся две тысячи лет назад в игре наподобие шахмат, а также клад золотых изделий общим весом 35 кг 713 г 96 мг, обнаруженный в неприметном помещении № 13. 115 предметов, входящих в этот крупнейший из найденных в Узбекистане золотых кладов, дали исследователям самые разнообразные данные и о ювелирном искусстве Кушанской Бактрии, и о весовых стандартах, и об использовании индийской письменности на территории империи.

Основные выводы относительно зарождения и развития города можно свести к следующему:

– в жизни города выделены 6 периодов: греко-бактрийский (III–II вв. до н.э.); юежэчжийско-кушанский / раннекушанский (I в. до н.э. – I в. н.э.); великокушанский (вторая половина I – II вв.); позднекушанский / кушано-сасанидский (III–IV вв.), эфталитский (V в.) и чаганхудатский (VI–VII вв.);

– город возник в греко-бактрийский период в виде небольшого укрепления на месте нынешней цитадели;

– после периода некоторого запустения, связываемого с нашествием примерно в 140 г. до н.э. саков, а затем юэчжей, в I в. до н.э. начинается масштабное строительство прямоугольного в плане города площадью 650x500 м, в обводе крепостных стен толщиной 4,5–4,7 м. Данный период продолжается до середины I в. н.э.;

– в I–II вв. в городе увеличивается площадь застройки, занявшей, по-видимому, все внутреннее пространство, крепостные стены берутся в футляр из пахсы и кирпича-сырца, достигая толщины 9–10 м;

– в III–IV вв. наблюдается постепенный упадок города, разрушаются и оплывают крепостные стены, т.о., «в кушано-сасанидский период жизнь на Дальварзинтепе постепенно замирает»;

– со второй половины IV в. в результате кидаритских и эфталитских нашествий город прекращает свое существование;

– в VI–VII на бывшей цитадели города возникает неукрепленное поселение, которое забрасывается, вероятно, в результате арабских походов на Чаганиан в 705 г. (Пугаченкова 1978б. С. 176–182).

Таким образом, первый этап исследований Дальварзинтепа позволил сделать изложенные выше выводы, которые сохраняют свою актуальность до сегодняшнего дня. Однако, помимо успешной постановки и решения многих историко-культурных вопросов, в изучении городища имеются и некоторые проблемы, о которых также следует сказать.

Во-первых, раскопки, производившиеся до сих пор, носят несколько бессистемный характер, что, по-видимому, объясняется огромными размерами городища, из-за чего приходилось производить раскопки выборочно, ориентируясь на микрорельеф. Уникальные объекты, изученные экспедицией, расположены рассредоточено, уличная сеть и застройка между ними не раскопаны.

Во-вторых, ряд важных объектов не изучен полностью, например, так и не определены внешние границы ДТ–25 (буддийский храм).

В-третьих, многие раскопы, изучавшиеся в последние годы, не только не доведены до конца, но и не получили должного освещения в отчетах и публикациях.

В-четвертых, результаты некоторых работ, например, совместных с японскими коллегами раскопок на цитадели Дальварзинтепа, опубликованы только в виде кратких отчетов на японском и русском языках, данные о них не обобщены и не изданы.

Хотя в монографии 1978 г. и сказано о том, что в некоторых частях города люди жили и в кушано-сасанидский период, не приводятся ни планы зданий, ни сопровождающий материал. В таблицах дальварзинтепинской керамики формы, типичные для кушано-сасанидского комплекса, затеряны среди кушанской керамики³. А между тем, на ДТ–25 буддийский храм перекрыт 1–1,5 метровым слоем с керамикой и монетами кушано-сасанидского периода. В новом раскопе ДТ–40, заложенном нами весной 2022 г. в северной части Нижнего города или шахристана, выявлены остатки здания, относящегося, судя по находкам монет на полах и большому количеству характерной керамики, к кушано-сасанидскому периоду. Большое количество кушано-сасанидских монет найдено в 2022 г. в поверхностном слое в разных частях городища. По-видимому, дело не в постепенном затухании жизни на Дальварзинтепе в III–IV вв., а в недостаточном внимании исследователей к изучению верхнего слоя Нижнего города.

Требуется переосмысление некоторых выводов, сделанных по результатам предыдущих исследований. Например, возникают вопросы по предназначению здания ДТ–5.

³ На это обратил внимание А.В. Седов (Седов 1987. С. 85–86).

К проблемам в изучении города следует также отнести хронический недостаток финансирования работ, что, впрочем, характерно не только для данного археологического объекта.

Итак, есть богатый опыт изучения городища и обильный материал, добытый за десятилетия раскопок. Есть нерешенные вопросы и проблемы, накопившиеся за этот период. А что же можно сказать о перспективах археологического изучения Дальварзинтепа? Является ли его дальнейшее изучение целесообразным?

Автору, возглавившему исследования Дальварзинтепа с осени 2021 г., ответы на эти вопросы представляются очевидными. Полагаем, что изучение городища не только возможно, но необходимо, поскольку, как мы попытались показать выше, имеется целый ряд проблемных вопросов, которые невозможно решить без широкомасштабных стационарных раскопок. Это, например, вопросы градостроительства, а именно, принципы организации жилой застройки, ее структура; уличная сеть; локализация и районирование объектов общественного назначения – храмов, базарных площадей, торговых лавок, водоёмов и т.д. У нас пока нет достаточной информации о рядовом жилье обитателей города, нет возможности провести примерный подсчет количества населения в период наивысшего расцвета города в I–II вв.

Для получения более цельного представления о планировке города мы ставим задачу планомерного вскрытия и изучения оборонительного узла в северном углу городища и примыкающих к нему кварталов. В углу городища, в частности, предстоит выяснить, является ли отсутствие здесь соединения западной и северной крепостной стен следствием разрушения этой части фортификации, скажем, в ходе одного из штурмов города, или здесь в древности располагались одни из городских ворот.

Частичный разрез западной крепостной стены, осуществленный нами весной 2022 г. с целью вскрытия раннесредневекового склепа с парным погребением, выявил некоторые расхождения с данными по разрезу Л.И. Альбаума 1961 г. и разреза ДТ–4 на той же стене, данные о котором опубликованы Г.А. Пугченковой. То есть, здесь также требуются уточнения, важные с точки зрения изучения кушанской фортификации.

На протяжении десятилетий в исследованиях Дальварзинтепа применялись традиционные методики раскопок. Однако на нынешнем этапе развития науки и техники в изучении городища нельзя обойтись без применения новейших естественнонаучных методов и современных приборов и технических средств. Благодаря гранту Министерства инновационного развития Республики Узбекистан, выделенному на осуществление проекта «Применение инновационных геофизических, биологических, физико-химических технологий для исследования археологических памятников (на примере городищ Дальварзинтепа, Каратепе, Хайрабадтепа и Лойлаганского могильника)» [А-ФА–2021–442], весной 2022 г. специалистами Центра инновационных технологий были проведены геофизические исследования на крепостной стене в северном углу городища (раскоп ДТ–33), а также на двух участках размером 50×50 м в Нижнем городе. На одном из них, после завершения работ геофизиков, использовавших три различных вида

исследовательских методик, был заложен раскоп ДТ-40. Его целью являются не только археологические исследования данной территории, но и проверка эффективности геофизических методов в условиях типичной для нашего региона застройки с применением сырцовых кирпичей и пахсы, выработка рекомендаций и возможная корректировка методов исследования. Кроме того, найденные при раскопках кости из парного погребения на крепостной стене, а также кости животных и металлические изделия, сданы специалистам Центра инновационных технологий для проведения биологических и физико-химических анализов.

Таким образом, применение новейших исследовательских методик, а также традиционных археологических методов позволят, будем надеяться, сделать на Дальварзинтепа – городе, возникшем и достигшем расцвета в результате симбиоза оседлой и кочевой культур – еще много важных и интересных открытий.

Использованная литература:

1. *Дальверзинтепе* – кушанский город на юге Узбекистана / Отв. ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1978. 240 с.
2. *Далварзинтепа* шахристони: қадимшунослик тадқиқотлари якунлари, Токуо, Soka University Press, 1996.
3. *Дальварзинтепа*: Итоги раскопок на втором буддийском храме, Токуо, Soka University Press, 2012.
4. *Пугаченкова Г.А. Введение. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана* / Отв. ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1978а. С. 5–11.
5. *Пугаченкова Г.А. Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии* // *Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана* / Отв. ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1978б. С. 176–221.
6. *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и средневековье)* / Отв. ред. Б.В. Лунин. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1990. 220 с.
7. *Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего Средневековья*. М.: Изд-во «Наука», Глав. Ред. Восточной литературы, 1987. 200 с.
8. *Тургунов Б.А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительное сообщение)* // *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана* / Отв. ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1989. С. 81–95.
9. *Abdoullaev K. La localisation de la capital des Yüeh-chih* // *La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale: Termez et les villes de Bactriane-Tokharestan* / Eds. P. Leriche, C. Pidaev, M. Gelin, K. Abdoullaev. Paris, Maisonneuve et Larose - IFÉAC, 2001. P. 197–214.
10. *Pougatchenkova G. Les trésors de Dalverzine-tépé*. Leningrad: Editions d'art Aurore, 1978. 104 p.

Сведения об авторе:

Ильясов Джангар Явдатович, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Институт Искусствознания АН РУз, Узбекистан, 100029, г. Ташкент, Площадь Независимости, д. 2.

DALVARZINTEPA: TADQIQOT NATIJALARI, MUAMMOLARI VA ISTIQBOLLARI

Muallif Surxondaryo viloyatining Sho'rchi tumanida joylashgan Dalvarzintepaning ko'p yillik arxeologik o'rganish natijalarini qisqacha tahlil qiladi. Tepa hududida birinchi tadqiqotlar 1949-yilda taniqli arxeolog L.I. Albaum tomonidan olib borilgan. 1959 va 1960-yillarda bu yerdagi birinchi ishlarini San'atshunoslik institutining O'zbekiston san'atshunoslik ekspeditsiyasi (O'zSE) xodimlari amalga oshirdilar. 1967-yildan boshlab Dalvarzintepada O'zSE qazish ishlari har yili o'tkazib kelinadi va fanga fortifikatsiya, me'morchilik, sopol ishlab chiqarish, monumental, amaliy va zargarlik san'ati, Kushon davri dinlari va diniy marosimlari tarixi to'g'risida qimmatli ma'lumotlar berildi. Taxminan yigirma yillik ishlarning natijalari 1978-yilda nashr etilgan "Dalvarzintepa – O'zbekiston janubidagi Kushon shahri" jamoaviy monografiyasida umumlashtirildi. Bu kitobda shahar hayoti olti davrga bo'lingan: Yunon-Baqtr (miloddan avvalgi III–II asrlar); Yueji-Kushon / Ilk Kushon davri (miloddan avvalgi I – milodiy I asrlar); Buyuk Kushonlar davri (I asr ikkinchi yarmi – II asr); kech Kushon / Kushon-Sosoniylar davri (III–IV asrlar), Eftalitlar (V asr) va Chag'anxudatlar davrlari (VI–VII asrlar). Shahar Yunon-Baqtriya davrida hozirgi ark joylashgan joyda kichik istehkom sifatida paydo bo'lgan; taxminan miloddan avvalgi 140-yilda bosqinchilik bilan bog'liq bo'lgan bir muncha vayronagarchilik davridan keyin, maydoni 650x500 m bo'lgan to'rtburchak shaklidagi, qalinligi 4,5–4,7 m bo'lgan qal'a devorlari bilan o'ralgan shahar qurilish boshlanadi. Bu davr milodiy 1-asrning o'rtalariga qadar davom etadi; I–II asrlarda shaharda, ehtimol, butun ichki makonni egallagan qurilish maydoni o'sib borgan, mudofaa devorlari paxsa va xom g'ishtdan foydalangan holda 9–10 m qalinlikka etadi; III–IV asrlarda. Shahar hayotining asta-sekin pasayishi kuzatiladi, shahar devorlari buzila boshlaydi, ya'ni "Kushon-sosoniylar davrida Dalvarzintepa asta-sekin inqirozga uchraydi"; IV asrning ikkinchi yarmidan boshlab, Kidarit va Eftalit bosqinlari natijasida shahar o'z faoliyatini to'xtatadi; VI–VII yillarda shaharning sobiq arkida, mustahkamlanmagan aholi turar joyi paydo bo'ladi va u, ehtimol, 705-yilda Chag'oniya qilingan Arab yurishlari natijasida tashlab yuborilgan. Maqolada, shuningdek, tadqiqot davrida vujudga kelgan va hal qilinmagan muammolar to'g'risidagi ma'lumotlar keltirilgan va Kushon davridagi Shimoliy Baqtriyaning eng yirik arxeologik yodgorligini yanada ko'proq va samarali o'rganish istiqbollari ko'rib chiqilgan.

Tayanch so'zlar: Baqtriya, Dalvarzintepa, qazishmalar, natijalar, muammolar, istiqbollar.

DALVARZINTEPA: RESULTS, PROBLEMS AND PROSPECTS OF STUDYING

The author briefly analyzes the results of many years of archaeological research of the widely known Dalvarzintepa ancient settlement located in Shurchl district of Surkhandarya province. The

first research on its territory was conducted in 1949 by the famous archaeologist L.I. Albaum. In 1959 and 1960 the researchers of Uzbekistan Art History Expedition (UzIskE) of the Institute of Art Studies carried out their first works on the archaeological site. Beginning in 1967, excavations have been carried out annually at Dalvarzintepa, and have provided valuable scientific data on fortification, architecture, ceramic production, monumental, applied and jewelry art, as well as on the history of religions and cults of the Kushan era. The results of nearly two decades of work have been summarized in a collective monograph titled "Dalverzintepa – a Kushan city in the south of Uzbekistan", published in 1978. This book identifies six periods in the life of the city: Greco-Baktrian (3rd–2nd BC); Yuezhian-Kushan / Early Kushan (1st BC – 1st AD); Great Kushan (second half of the 1st–2nd AD); Late Kushan / Kushan-Sasanian (3rd–4th AD), Hephthalite (5th AD) and Chaghankhudat (6th–7th AD). The town was founded in Greco-Bactrian period in the form of a small fortress on the place of current citadel. After a period of some devastation, caused by the invasion of the Sakas about 140 BC, then with Yuezhi, in the 1st century BC the large-scale construction of a rectangular city starts, with an area of 650×500 m surrounded by walls which are 4,5–4,7 m thick. This period lasts till the middle of the 1st century A.D.; in the 1st–2nd centuries the city enlarges its construction area, which, apparently, occupied the whole inner space, its fortress walls were made of pakhsa and raw bricks, reaching the thickness of 9–10 m; in the 3rd–4th centuries the city gradually declines, the fortress walls collapse and melt down, i.e. "In the Kushan-Sasanian period life in Dalverzintepa gradually declined"; from the second half of the 4th century, as a result of Kidarite and Hephthalite invasions, the city ceases to exist; in the 6th–7th an unfortified settlement appears on the former citadel of the city, which is came to the end, most probably, in the result of Arab campaigns against Chaghghanian in 705. The article also provides data on unresolved issues and problems accumulated during the period of research and considers the prospects for further study of one of the largest archaeological monuments of Northern Bactria of the Kushan era.

Key words: Bactria, Dalvarzintepa, excavations, results, problems, prospects.

Сергей Яценко

КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАНГЮЯ В ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА

Аннотация: Памятники собственно Кангюя и его политической периферии изучены все еще слабо, особенно важные и крупные поселения. Элитных не ограбленных могил известно очень мало. Это создает трудности в идентификации памятников периферии и даже политического центра этой «кочевой империи» середины I – середины III вв. Многие известные памятники искусства лучше известны на окраинах. Ювелирные изделия I в. н.э. центральноазиатского облика в Сарматии трудно отнести к уже изученным ювелирным традициям, и они могут быть кангюйскими. Наиболее яркими из известных сегодня можно считать резьбу по кости и петроглифы реки Талас. В обоих случаях, вероятно, присутствуют эпизоды эпических сказаний. Интересна фигура божества на петроглифах с расставленными ногами и в сопровождении солярных знаков. Кангюйское происхождение, вероятно, имеют в Сарматии изображения бога – Хозяина животных и некоторые сцены «укрощения» фантастических хищников. Элементы кангюйской традиции мы видим на портретах правителей на самых ранних монетах Чача. Уникальна для района реки Талас серия изображений крылатых волков. В будущем предстоит оценить преемственность от Кангюя группы изображений из верхних слоев V-VIII вв. из святилища Сидак.

Ключевые слова: Средняя Сырдарья и соседние территории, кангюйское искусство первых вв. н.э., образы и композиции, кочевая традиция, взаимосвязь с кочевым миром.

Сегодня состояние изучения искусства такого крупного раннегосударственного образования, как «кочевая империя» Кангюй (известного нам, начиная со 126 г. до н.э., со слов Чжан Цяня, который там побывал), чье могущество, по данным китайским и персидских источников приходится на середину I - середину III вв. н.э., а существование длилось до вторжения гуннов-хионитов в середине IV в. н.э.: Археология и история..., 2020. С. 26–44) выглядит довольно парадоксальным. При этом базовые памятники на территории вероятного политического ядра Кангюя (крупнейший некрополь Борижары с 1,5 тысячами могильных комплексов; городище Жуантобе) начали исследоваться еще в 1887 г. А.П. Остроумовым.

1. Перед нами, наряду с Кушанской империей, предстает сильная в военном и политическом отношении региональная держава, существовавшая в таком виде до двух веков (не считая двухвекового периода ее постепенного усиления и одного столетия упадка). (Романтическую версию о Кангюе, как о якобы предельно слабой внутренне «конфедерации» даже в эпоху его могущества, не соответствующую данным как поздних китайских хронистов, так и Авесты, рассматривать здесь нет необходимости: ср. Археология и история..., 2020. С. 44–45).

2. При этом даже в ее вероятном политическом центре у р. Арысь (где мы можем предполагать несколько городских центров – Жуантобе, Мардан-Куик, Отрартобе, Кок-Мардан, в т.ч. – стабильную столицу и зимнюю резиденцию правителя Битянь на берегу озера Тяньжчи) слои, определенно датируемые I–IV вв., вскрыты на небольших площадях, нередко – шурфами, и наиболее эффектные общественные здания и связанные с ними находки еще предстоит выявить. Неудивительно, что на крупных поселениях пока не найдены настенная живопись, крупные рельефы или скульптуры и т.п.

3. В связи с довольно поверхностной изученностью крупных памятников в политическом центре все более-менее яркие образцы изобразительного искусства найдены на различных *окраинах*, и об их принадлежности к кангюйской державе подчас говорят и их общие черты. Они, разумеется, ярко отражают и локальные особенности этих окраин.

4. Помимо этого, из-за ограбления курганов знати в политическом центре (см., например: 5-метровый курган на р. Донгустау: Подушкин, 2002) (а также из-за отсутствия публикаций и детальной документации по элитным позднекангюйским памятникам кенкольской культуры в некрополях Торкент и Акчий-Карасу у р. Нарын и др.: Кожомбердиев, 1960; 1977; Кожомбердиев, Худяков, 1987) мы почти ничего не знаем об искусстве высокого профессионального уровня, обслуживавшем элиту на коренных землях Кангюя.

5. Вместе с тем, существует своеобразный «вакуум» в информации о центрах производства ювелирных изделий центральноазиатского облика, найденного в некрополях, прежде всего, восточной части Сарматии (Мордвинцева, 2003; Мордвинцева, Трейстер, 2007. Рис. 31–50). По стилистическим особенностям и сюжетам они не являются ни бактрийскими, ни согдийскими, ни ферганскими (Treister, Yatsenko, 1998; Яценко, 2000. С. 178–179; Археология и история..., 2020. С. 54–55) и принадлежат некоему крупному центру с влиянием кочевой традиции, которым вряд ли мог быть тогдашний Хорезм. Они могли бы производиться как в самом центре Кангюя, так и в важном для него Чаче и отчасти в пограничных районах Ферганы или мастерами оттуда. Высказанная когда-то М.И. Ростовцевым идея о господствующем влиянии Бактрии для изготовления роскошной ювелирной полихромной продукции около середины I в. н.э. и господства еще не объединившихся в Империю княжеств Бактрии на торговых путях (см., прежде всего: Rostovtzeff, 1922. P. 44–45; Сариниди, 1987) сегодня выглядит странно и по другой причине. Согласно официальным китайским сведениям Цяньханьшу и Цзянцинлинь, инициатором открытия «Северной дороги» Шелкового пути из Лояна в Центральную Азию и до Южного Урала (Янь) был в 20 г. до н.э. лично правитель Кангюя, причем это была не первая такая попытка (Археология и история..., 2020. С. 30, 49–50). Фактически, Кушанская и Кангюйская державы создавались одновременно вскоре после середины I в. н.э., причем, все северные торговые пути контролировал Кангюй, а Кушания вела активную торговлю на более южных трассах.

При этом культура Кангюя, вобравшая в себя традиции как прежних сырдарьинских саков, так и завоевателей из среды юэчжей, исходно была именно кочевой. Однако тяга вчерашних кочевников в более оседлой жизни обнаружилась быстро. Если в 126 г. г.н.э. Чжан Цянь описал Кангюй как «кочевое владение», то примерно через два столетия, для второй половины I в. н.э. Фань Е отмечает, что народ живет «внутри глиняных стен» (пер. К. Сиратори).

Ниже на примере нескольких сюжетов я хотел бы показать роль кочевой традиции в собственно Кангюе и предполагаемую роль кангюйского искусства на кочевой периферии его владений как на северо-западе (в Сарматии), так и на юго-востоке (у кочевников верховьев Таласа) (рис. 1).

Прежде всего, одной из наиболее ярких из выявленных на сегодня сфер кангюйского искусства является резьба по кости (рис. 2–3). Знаменитые поясные пряжки из Орлата вписаны в характерный для многих иранских народов древности парный и взаимосвязанный сюжет: сочетание т.н. «волшебной охоты» со сценой сражения. Перед нами, несомненно, иллюстрация устного героического эпоса, его цикла, связанного с одним героем (Яценко, 2000). Сегодня много оснований думать, что, как и в последующее время, у ранних кочевников именно эпос и его герои занимали в искусстве никак не меньше места, чем божества и иные мифологические персонажи (Яценко, 2021). Нетрудно заметить, что эпические сцены (подчас весьма сложные) именно в Средней Азии II в. до н.э. – III в. н.э. нередко делались на кости (Горячев, Яценко, Егорова, 2016). На кангюйской гравировке по кости разнообразной штриховкой подчеркивались наиболее значимые для зрителя детали: декор тканей, детали прически, структура доспехов, оформление повозок-кибиток и боевых штандартов. На пластине из Кызылбулака IV (рис. 3) видим своеобразную сцену триумфа, возвеличивания победителя врагов, как это иногда было на петроглифах «тагарцев» Минусинской котловины (ср. Яценко, 2021. Рис. 11: 1–2).

Обе композиции объединяет также особое отношение к отрубленной голове влиятельного врага (подвешена на груди коня главного героя в Орлате, поднята в руке победившего полководца в Кызылбулаке). Ранее подчеркнутое важное значение отрубленной головы или отдельного черепа неоднократно отображалось на золотых изделиях с эпическими или генеалогическими сюжетами у скифов-сколотов (Яценко, 2020. Рис. 4; 8).

Сюжеты героического эпоса кажутся весьма вероятными для двух размещенных рядом петроглифов эпохи Кангюйской державы в Жалтыракташе (в верховьях Таласа), объединенных, видимо, одним героем (Рогожинский, Сулайманова, Яценко, 2022. Рис. 3) (рис. 4). В предположительном первом эпизоде видим воина (его костюм и прическа детально проработаны), стреляющего из лука в неизвестную цель. Второй эпизод более драматичен: тот же персонаж заглатывается своеобразным монстром (передняя часть которого заимствована от китайского дракона-лун, а задняя – от греческого гиппокампа), причем никакой драматической борьбы не происходит: нижняя часть тела героя спокойно высовывается из широко раскрытой пасти чудовища. Как мы знаем, во многих эпосах проглатывание персонажа неким

монстром является отнюдь не его смертью, а скорее своеобразным испытанием. Перед нами воплощение уникального для ранних кочевников сюжета.

Очень интересен и явно был чисто кангюйский мужской персонаж, гравированный на камне дважды: на ритуальной плитке из некрополя городища Мингурюк и в мини-святилище Бескепе у с. Кызылаут (Тамги..., 2019. С. 170–174, 201–203) (рис. 5). Его фигура в обоих случаях заключена в своеобразную рамку и окружена множеством тамг почитателей. Первоначально он казался мне легендарным предком группы родственных кланов.

Однако сегодня я склонен воспринимать его как значимое божество. Фигура его в обоих случаях крайне схематична (что могло отражать запрет на детализацию его облика), ноги широко расставлены, его сопровождают солярные знаки и некие изогнутые линии. В Мингурюке его поза – это более выраженная т.н. «поза лягушки», популярная во многих культурах прошлого. В Бескепе у его ног видим какое-то животное (собаку?). О культурном влиянии Кангюя на кочевую периферию мною писалось неоднократно.

Ниже я хотел бы обратить внимание на два сюжета, возможно – взаимосвязанных. Это изображения бога – Хозяина животных (с ушами животного или сопровождаемого 1–2 животными) а также сцены «укрощения» фантастического хищника. Пока они обнаружены не в самом Кангюе, а в зависимых от него по китайским хроникам землях сарматов до Дона (исключение – второй, портупейный пояс с далекой р. Днестр на западе, где в комплексе в Порогах много центральноазиатских элементов)⁴.

Бог со звериными ушами (представленный также в «Зале танцующих масок» хорезмийской Топрак-калы и на ряде петроглифов Семиречья и Западного Тянь-Шаня⁵) был известен на западе уже скифам-сколотам (Шауб, Яценко, 2022). У «средних» и «поздних сарматов» II–III вв. он изображался на воинской экипировке. На полихромном навершии меча из Лебедевки он представлен под влиянием широко распространившейся иконографии египетского бога Бэса (рис. 6: 2). Зубы оскалены, длинные вислые усы характерны и для обоих изображений, описанных ниже. Мечи такого типа, подражающие китайским, но с более дешевыми каменными деталями, вероятно, изготавливались в Кангюе (где следы производства их деталей выявлены А.И. Торговым даже на таком малом сельском поселении с преимущественно скотоводческими занятиями жителей, как Культобе Туркестанское (будущий Ясы) (Археология и история..., 2020. С. 53–54, 107–109). Учитывая китайскую традицию дарить их дорогие прототипы подчиненным, вассальным правителям и т.п. (Ли Чжи Ын, 2010), можно предполагать, что для заслуженных, но незнатных воинов они подчас были даром кангюйской администрации (ср. Безутлов, 2000).

На упряжи из кургана 1983 г. в Ростове-на-Дону его голову сопровождает бегущее крылатое животное (волк / собака?) с солярными знаками на плечах и бедрах (рис. 6: 1).

⁴ Как известно, в кочевом мире и у иранских народов вплоть до сравнительно недавних времен вручение пояса была и символом вассалитета и / или дипломатическим даром.

⁵ Он изображен либо как всадник на олене (Марьяшев 1979. С. 225. Рис. 14), либо стоящим среди горных козлов (Медоев, 1979. Рис. 23).

На более ранних пряжках портупейного пояса из Порогов (рис. 6: 3) бог еще представлен почти в полный рост. Он тоже монголоиден, и тоже имеет на макушке некий шарик (?). Он восседает на барсе и держит за лапы двух грифонов, терзающих копытное.

Не менее интересно божество, восседающее на коврике и держащее в руке сосуд на женской золотой гривне из Кобяково (аналог ему в Семиречье есть еще на сакском бронзовом жертвеннике из Иссыкского клада) (рис. 6: 4). Его «осеняют» по сторонам две однотипных сцены с тремя оформленными полихромией человеко-баранами (?) с дубинками, укрощающими «дракона» в варваризованной, центрально-азиатской его версии. Еще один персонаж, укрощающий монстра, представлен на поясной пряжке в Кочковатке (рис. 6: 5). Его костюм, как будто, имеет мало общего с сарматским, он имеет монголоидное лицо (?). Укрощаемый им персонаж – очень крупный барс с хвостом, имеющим много кисточек на конце.

Своеобразен (хотя и копируют общую схему парадного погрудного портрета правителя, идущего от эллинизма) облик правителя из кангюйской династии, который с III в. н.э. воспроизводился на ранних монетах Чача (Шагалов, Кузнецов, 2006; Ртвеладзе, 2006) (рис. 7). Здесь представлены конкретные детали образа государя с элементами как кочевой традиции, так и культуры оседлых обществ Центральной Азии.

У него деформированный череп (подобно ряду персонажей на пластинах из Орлата), лицо имеет несколько монголоидные черты, на шее гривна сочетается с ожерельем. Подчеркнуты длинный, крупный и почти прямой нос, длинные горизонтальные усы и раздвоенная миниатюрная борода. Особый интерес представляют завивка волос по краям и повязка-диадема с полумесяцем надо лбом, демонстрирующая, видимо, важную роль этого светила в династийном культе.

Тамга этого семейства правителей представлена на бронзовом котле под Шымкентом и ее близкий аналог – на парадной упряжи позднесарматского облика из некрополя Покровка 2 на Южном Урале (Археология и история..., 2020. Рис. 2–6). Она несомненно связана с кочевым миром II–III вв.

Наконец, стоит обратить внимание на одну локальную особенность искусства долины р Талас: там и только там известна серия изображений *крылатых волков* (с характерным миниатюрными крыльями в виде буквы «Г», как бегущих, так и в позе приостановки) как в петроглифах кочевников его верховий (Жалтыракташ), так и на металлическом клейме для скота (его отпечаток оставлен и на фляге в низовьях, в поздней родовой кангюйской крепости Бака-тобе) (Рогожинский, Яценко, Сулайманова, 2022. Рис. 2) (рис. 8). Каждое изображение этой серии в Жалтыракташе (все они – с заштрихованными туловищами, тщательно подчеркнутыми зубами и глазами) имеет немало своеобразных черт: у одного на крупе – четыре разных тамги (включая знак, близкий таковому у нескольких царей Хорезма) (рис. 8: 1); у двух других волков с туловища свисают крупные подвески, близкие раннесасанидским украшениям парадных седел. У третьего крылатого волка еще больше необычных деталей, превращающих его в необычайного монстра: оленьи рога, хвост, превращенный в переплетенный растительный побег с листьями, крылья, превратившиеся в двузубое знамя (типа тех, что найдены у сюнну в Ноин-Уле). Было бы неплохо уточнить изобразительный контекст этих образов в структуре местонахождения Жалтыракташ.

Итак, мы рассмотрели серию свидетельств взаимоотношений кангюйского искусства с соседними кочевыми группировками и собственно кочевую традицию в искусстве Кангюя. Для столь малоисследованного общества, как кангюйское, это является определенным шагом вперед.

Полезным продолжением было бы сопоставление наличных и предполагаемых кангюйских зоо- и антропоморфных композиций с посткангюйскими (найденными пока в верхних слоях V – начала VIII вв.) изображениями на артефактах из имеющего кангюйское происхождение святилища Сидак под Туркестаном. Судя по первоначальным наблюдениям, несмотря на наличие тюркского компонента, многие из выявленных образов связаны с древней, сако-юэчжийской культурной средой (см.: Смагулов, Яценко, 2010; 2013а; 2013б; 2014).

Использованная литература:

1. *Археология и история Кангюйского государства* / Отв. ред. С.А. Яценко. Шымкент: Элэм, 2020. 216 с.
2. *Безуглов С.И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.В. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
3. *Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А.* Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак–4 в верховьях ущелья Турген // Актуальные проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 632–648.
4. *Кожомбердиев И.К.* Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-тюбе // Известия АН КиргССР. Серия общественных наук. 1960. Т. II. Вып. 3. С. 109–123.
5. *Кожомбердиев И.К.* Материалы для археологической карты Кетмень-Тюбинской котловины // Кетмень-тюбе / Под ред. В.М. Плоских, Д.Ф. Винника. Фрунзе: Илим, 1977. С. 219–227.
6. *Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Б. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
7. *Ли Чжи Ын.* Нефритовые детали мечей в Восточной Европе в сарматское время // Археология, древний мир и средние века. 2010. Вып. IV. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. С. 41–55.
8. *Мордвинцева В.И.* Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум, 2003. 216 с. (Рис. 22; Кат. 57).
9. *Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. Т. 3. Симферополь: Тарпан, 2007. 206 с. Рис. 31–50.
10. *Марьяшев А.Н.* Петроглифы Семиречья // Звери в камне / Отв. ред. В.Б. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 211–229.
11. *Медоев А.Г.* Гравюры на скалах. Ч. 1. Сары-Арка, Мангышлак. Алматы: Жалын, 1979. 174 с.

12. Подушкин А.Н. Погребение воина-катафрактария в Южном Казахстане // Культурное наследие Южного Казахстана / Под ред. К.М. Байпакова. Шымкент: Южно-Казахстанский обл. историко-краеведческий музей, 2002. С. 71–76.
13. Рогожинский А.Е., Сулайманова Т.А., Яценко С.А. О некоторых мифо-эпических сюжетах на позднеантичных петроглифах Тянь-Шаня // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Материалы международной научной конференции. Абакан, 2022 (в печати).
14. Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III - середина VIII вв. н. э.). Ташкент: Media Land, 2006.
15. Саруаниди В.И. Бактрийский центр златоделия // Советская археология. 1987.
16. №1. С. 72–83.
17. Смагулов Е.А., Яценко С.А. Святилище Сидак – один из религиозных центров доисламского севера Средней Азии (некоторые культовые объекты V – нач. VIII вв.)
18. // Transoxiana. Número 13. Buenos Aires, 2008 - URL: http://www.transoxiana.org/13/smagulov_yatsenko-sidak_sanctuary-rus.php (дата обращения 24.06.2022).
19. Смагулов Е.А., Яценко С.А. Знаки – нишан и сюжетные граффити V – VIII вв. на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова. / Отв. ред. Э.Д. Зиливинская. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 190–221.
20. Смагулов Е., Яценко С. Графические сюжеты на керамике раннесредневекового Сидака (Южный Казахстан) // Минуте і соучастие Волинита Полісся: Шацьке поозерья та українській історії. Науковий збірник. Вип. 45. Луцк: Волинські старожитності, 2013а. С. 139–150.
21. Смагулов Е.А., Яценко С.А. Граффити Сидака (Южный Казахстан) // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. 2013б. № 3. Алматы. С. 210–225.
22. Смагулов Е.А., Яценко С.А. Графические сюжеты на керамике Сидака (средняя Сырдарья) // Диалог культур Евразии: археологии Казахстана. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева, 22–24 апреля 2014 г., Астана / Отв. ред. Т.С. Садыков. Астана: Сарыарка, 2014, с. 605–625.
23. Тамги доисламской Центральной Азии / Под ред. Р.Х. Сулейманова. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 452 с. (с. 170–179, 201–203)
24. Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Фан, 2006. 325 с.
25. Шауб И.Ю., Яценко С.А. Меотский псалий с уникальным изображением // Новый Гермес. Т. XIV. Вып. 1. СПб, 2022. С. 4–19.
26. Яценко С.А. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сарматов-аланами (сер. I - сер. III вв. н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара) / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1996. С. 19–20.
27. Яценко С.А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях I–II вв. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. 2000а. Вып. 3. С. 172–185.

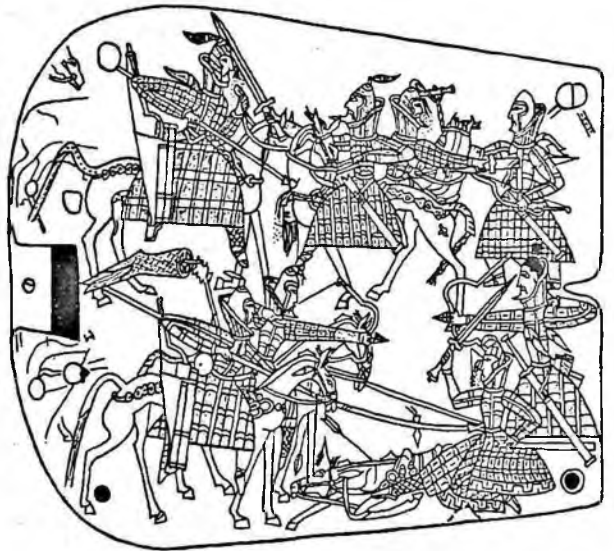
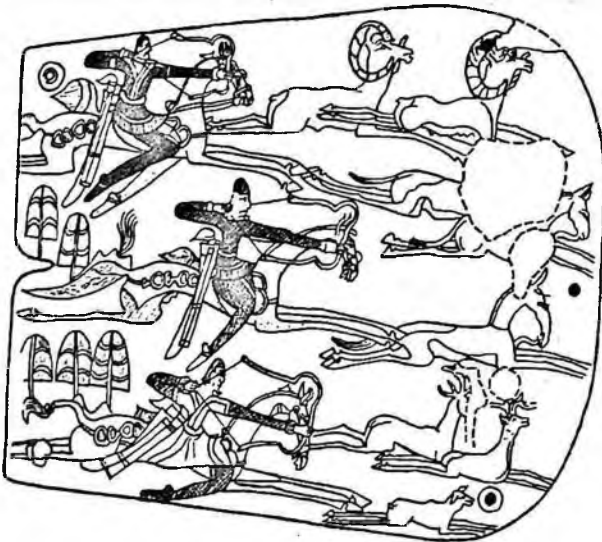
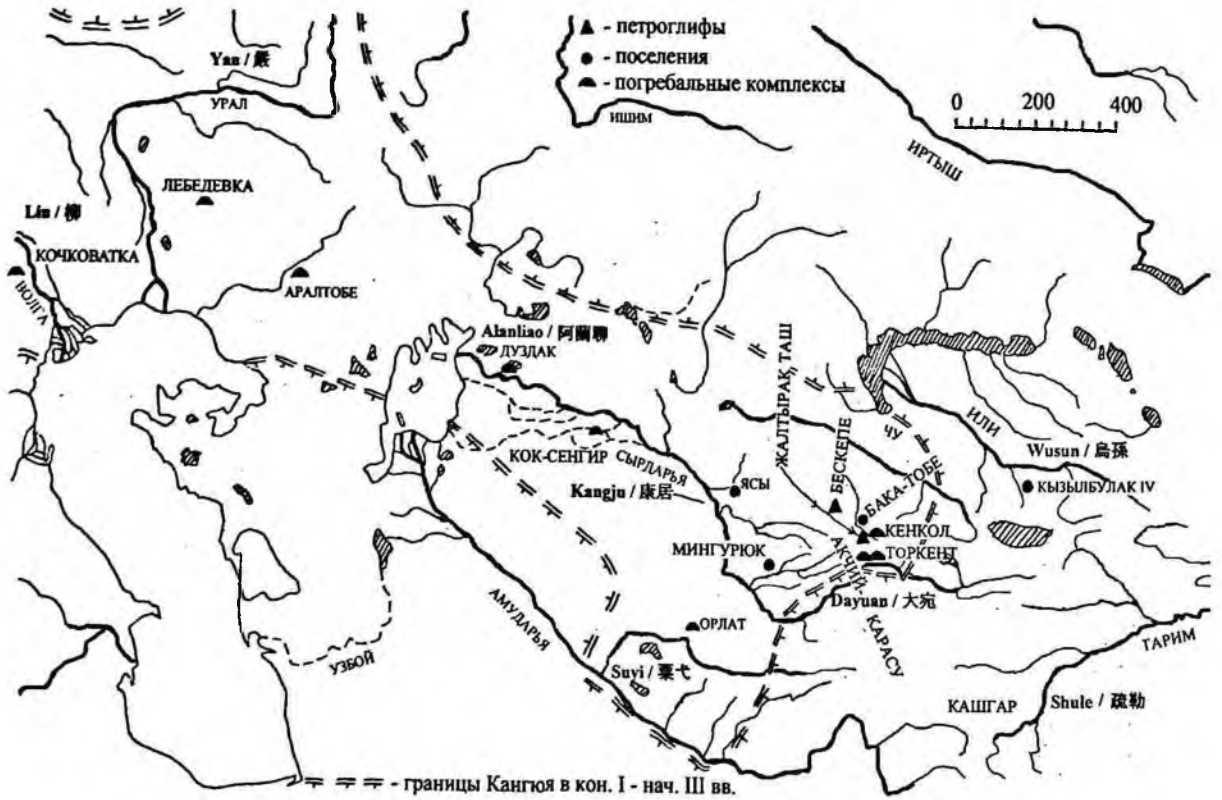
28. Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных народов в древностях Степной Евразии // ВДИ. 20006. № 4. С. 186–204.
29. Яценко С.А. Несколько композиций со скифскими персонажами в греко-скифской торевтике IV - начала III вв. до н.э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. №12. Нижневартовск, 2020. С. 369–402.
30. Яценко С.А. Вероятные герои эпоса скифов на фоне древних иранских и иранизированных обществ Степи // Новый Гермес. Вып. 13–4. СПб., 2021. С. 176–212.
31. Ilyasov J. Ya. Covered Tail and “Flying” Tassels // Iranica Antiqua. 2003. Vol. XXXVIII. P. 259–325.
32. Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Oxford Univ. Press, 1922. 365 p.
33. Sims-Williams N. The Sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and linguistic commentary // Труды Центрального музея. Том II. Алматы, 2009. С. 153–171.
34. Treister M., Yatsenko S. About the Centers of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundles in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st - 2nd Centuries AD. Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kaniakura, 1998. P. 51–106.

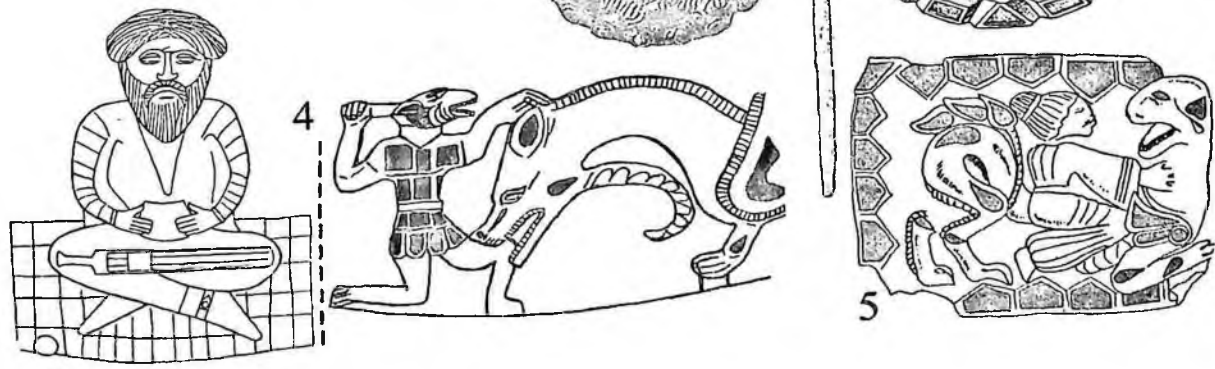
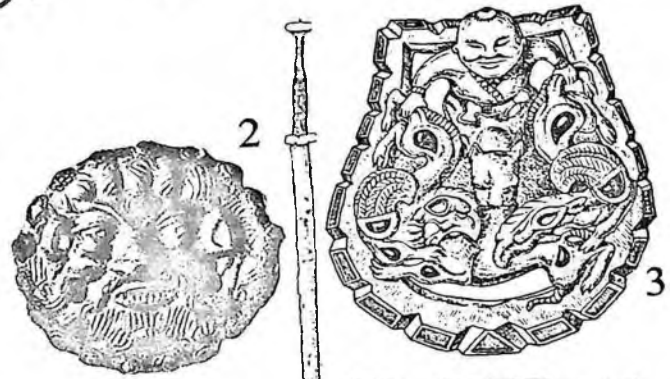
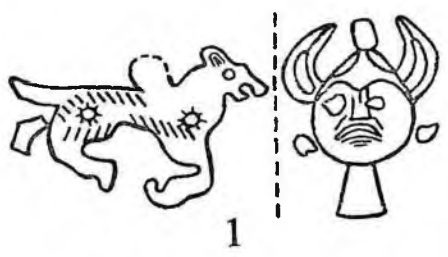
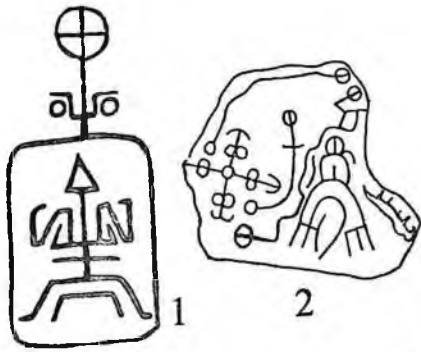
Сведения об авторе:

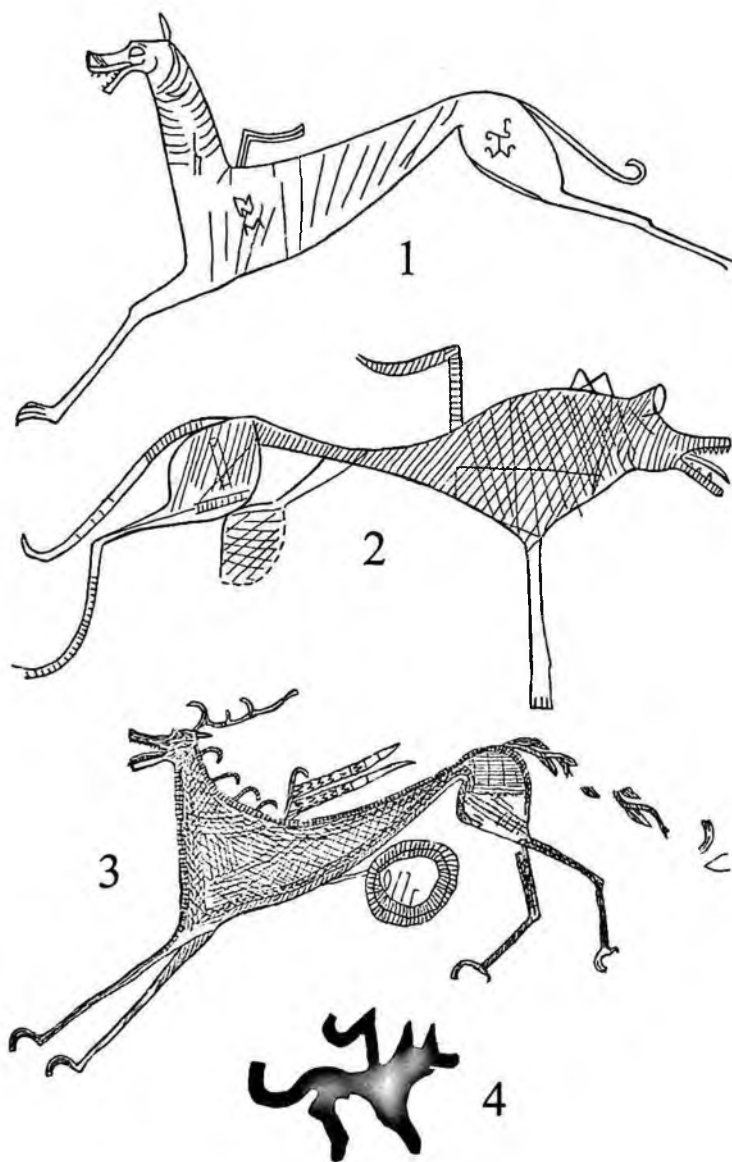
Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., 6, РГГУ. E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

Перечень рисунков и подписи к ним:

- Рис. 1.** Карта предполагаемой территории Кангюйской «кочевой империи» сер. I – сер. III вв. с пунктами находок значимых произведений искусства (сост. С.А. Яценко).
- Рис. 2.** Поясные пряжки из некрополя Орлат (рис. Дж.Я. Ильясова; С.А. Яценко). **Рис. 3.** Композиция на костяном изделии из Кызылбулака IV (рис. С.А. Яценко).
- Рис. 4.** «Приключения героя», композиции в Жалтыракташе (рис. А.Е. Рогожинского; С.А. Яценко).
- Рис. 5.** Схематичные мужские фигурки с расставленными ногами, в окружении солярных знаков и клановых тамг: 1 – Мингурюк; 2 – Бескепе (рис. С.А. Яценко).
- Рис. 6.** Предполагаемые кангюйские сюжеты в Сарматии I–III вв. с божеством – Хо-зяином зверей и с «укрошением» фантастических хищников: 1 – Ростов-на-Дону, курган 1983 г.; 2 – Лебедевка; 3 – Пороги; 4 – Кобяково; 5 – Кочковатка (1 – рис. С.А. Яценко; 2 – фото М.Г. Мошковой; 3 – по А.В. Симоненко; 5 – рис. В.И. Мордвинцевой).
- Рис. 7.** Портрет правителя из кангюйской династии на ранних монетах Чача (по В.Д. Шагалову, А.В. Кузнецову).
- Рис. 8.** Изображения крылатых волков (?) в долине р. Талас: 1–3 – Жалтыракташ; 4 – Бака-тобе (1 – рис. А.Е. Рогожинского; 2–4 – рис. С.А. Яценко).

SAN'AT YODGORLIKLARIDA QANG'YUYNING KO'CHMANCHI AHOLISI

Qang'yuyning o'zi va uning siyosiy atrofi yodgorliklari, ayniqsa, muhim va yirik aholi punktlari hali ham yaxshi o'rganilmagan. O'g'irlanmagan juda kam elita qabrlari ma'lum. Bu esa milodiy I asr o'rtalari – III asr o'rtalaridagi ushbu “ko'chmanchilar imperiyasi” ning chekka hududlari va hatto siyosiy markazini aniqlashda qiyinchiliklar tug'diradi. Ko'plab mashhur san'at yodgorliklaridan milodiy I asr zargarlik buyumlari chekka joylarda yaxshi tanilgan. Sarmatiyadagi Markaziy Osiyo qiyofasidagi zargarlik buyumlarini tadqiq etilgan zargarlik an'analari bilan bog'lash qiyin va ular Qang'yuyga taalluqli bo'lishi mumkin. Talas daryosining suyak o'ymakorligi namunasi va petrogliflari bugungi kunda ma'lum bo'lganlarining eng hayratlanarlisi hisoblanadi. Ikkala holatda ham epik afsonaviy epizodlar mavjud. Petroglifiardagi oyoqlari bir-biridan ajratilgan Xudoning qiziqarli figurasi va fazoviy belgilar shular jumlasidan. Sarmatiyadagi hayvonlar egasi bo'lgan ma'budning tasvirlari va fantastik yirtqichlarning “qo'lga olinishi” ning ba'zi sahnalari Qang'yuydan kelib chiqqan bo'lishi mumkin. Chochning eng qadimgi tangalaridagi hukmdorlar portretlarida qang'yuy an'anasi elementlarini ko'ramiz. Qanotli bo'rilar tasvirlari turkumi Talas daryosi mintaqasi uchun noyobdir. Kelajakda V–VIII asrlarga oid Sidak yodgorligining yuqori qatlamlaridan Qang'yuy merosini uzluksizligini baholash zarur bo'ladi.

Kalit so'zlar: O'rta Sirdaryo va qo'shni hududlar, milodiy asr boshlari Qang'yuy san'ati, tasvir va kompozitsiyalar, ko'chmanchilar an'anasi, ko'chmanchilar dunyosi bilan aloqadorlik.

NOMAD POPULATION OF KANGYUY IN ART MONUMENTS

The monuments of Kangju itself and its political periphery are still poorly studied, especially important and large settlements. Very few elite graves that have not been robbed are known. This creates difficulties in identifying the monuments of the periphery and even the political center of this “nomadic empire” of the middle of the 1st - the middle of the 3rd centuries. Many famous art monuments are better known in the outskirts. Jewelry of the 1st c. AD The Central Asian appearance in Sarmatia can hardly be attributed to the already studied jewelry traditions, and they may be Kangju. The most striking of the known today can be considered bone carvings and petroglyphs of the Talas River. In both cases, episodes of epic tales are probably present. An interesting figure of the deity on petroglyphs with legs apart and accompanied by solar signs. The images of the god, the Master of animals, and some scenes of the “taming” of fantastic predators are probably of Kangyui origin in Sarmatia. We see elements of the Kangyui tradition in the portraits of rulers on the earliest coins of Chach. A series of images of winged wolves is unique for the Talas River region. In the future, it will be necessary to evaluate the continuity from Kangyui of a group of images from the upper layers of the 5th–8th centuries. from the shrine of Sidak.

Key words: Middle Syrdarya and neighboring territories, Kangyui art of the first centuries AD, images and compositions, nomadic tradition, relationship with the nomadic world.

Анвар Атаходжаев

РАБИНДЖАНСКИЙ КЛАД ЗОЛОТЫХ МОНЕТ X В.

Аннотация: В статье приводится полная научная публикация одного из немногочисленных известных науке кладов саманидских золотых монет, обнаруженного в 1971 г. на археологическом памятнике Рабинджантепе (средневековый город Рабинджан) и до настоящих времен выпавший из внимания специалистов. Приводится полное каталожное описание монет кладового комплекса, приведены точные метрологические данные и графические иллюстрации. Публикация рабинджанского клада вновь возвращает внимание к особенностям обращения золотых монет в государстве Саманидов и приводится актуальная сводка эмиссий золота на 20 монетных дворах.

Ключевые слова: Саманиды, динары, эмиссия, Алитды Табаристана, Аббасиды, монеты, Мавраннахр, Хорасан.

Проникновение и широкое внедрение с середины VIII в. ислама в центральные регионы Средней Азии, вызвало изменения в формировании новых форм государственности и втянуло этот регион в принципиально новую систему не только политических и культурных отношений, но и в сфере финансов. В частности, развивающаяся в самом халифате система торгово-экономических связей вызвала к необходимости создания оригинального финансового института, основанного на кодифицированном и обеспеченном центральным управлением обращением монет из золота, серебра и меди/ медных сплавов. Реорганизация политической власти в регионе после включения последнего в состав Халифата привела к построению новой административно-политической системы, основанной на смене правления местных династов, представителями арабской, мусульманской администрации. Постепенно, к началу следующего столетия, отдельные представители этой административной надстройки усиливаются и приводят управляемые ими территории и области к полу-самостоятельному от центральной халифской власти состоянию. В результате, в конце IX в. в Средней Азии возникает новое мусульманское государство, широко известное, как государство Саманидов, в состав которого до конца X в. входили практически все восточные земли, на которые распространился ислам – почти вся Средняя Азия и территории современных Афганистана и Ирана. Монетная история этого государства хорошо обеспечена широким кругом письменных источников и сами монеты, как отдельные находки, так и кладовые комплексы монет давно и тщательно изучаются и публикуются. В первую очередь это относится к публикациям кладов дирхамов (серебряных монет), количество которых, из числа найденных в Северной и Восточной Европе, на сегодняшний день исчисляется сотнями и предоставляют обильный материал для исследований. Кладов медных и золотых монет известно гораздо меньше и, в результате, тщательно изучены аспек-

ты торгово-экономических связей Востока и Северо-Восточной Европы но гораздо меньше проведено исследований, касающихся проблематики внутренней экономической жизни.

Золотые монеты Саманидов широко представлены в мировых нумизматических коллекциях и в той, или иной степени отражены в печати или представлены на портале такого авторитетного интернет – ресурса как пополняемая база данных по восточной нумизматике Zeno. Благодаря этому становится доступным исследование весовых данных саманидских динаров, которые, вне зависимости от места их чеканки, изготавливались из золота, т.е., из валютного металла и в связи с этим могли выполнять свои функции платежного средства на территории всего государства Саманидов (Давидович, 1966. С.107–108).

Особую значимость для анализа монетного хозяйства представляют монетные клады. В этом плане на сегодняшний день можно с уверенностью перечислить клады, целиком или частично составленные саманидскими динарами:

1. Клад динаров (количество неизвестно), с последней датой 394/1003–04 г. Найден в местности Махтум-Кала близ Ашхабада в 1929. (Массон, 1949. С.140–141)

2. Клад динаров из г. Самарканд (по сведениям публикатора, первоначально состоял из 65 экз. 63 экз., переданных на хранение, хранятся в фондах Самаркандского государственного музея-заповедника, Инв.№№ 8523–8585. (Федоров-Давыдов, 1962. С.175–189).

3. Клад динаров, найденный при археологических исследованиях городища Рабинджан (Самаркандская обл., Узбекистан) в 1971 г. 44 экз. Хранятся в фондах Самаркандского государственного музея-заповедника, Инв.№№ 16827–16870.

4. Клад из селения Хизр-Илийас, окрестности Багдада. 2-я пол. XX в. Точное количество не установлено.

5. Клад из г. Рей (Иран). Случайно обнаружен при строительстве в черте города в 1992 г. Общее количество монет – 675. Саманидских динаров – 295 экз. (Ghouchani, 2004. P.272–369).

Таким образом, с территории Узбекистана происходят два клада но к сожалению, в публикациях, посвященных этим комплексам, они рассмотрены с различной полнотой. Кладу из Самарканда (1941 г.), посвящена публикация Г.А. Федорова-Давыдова, в которой этот кладовый комплекс описан с достаточной полнотой, с указанием метрических данные и с комментариями отдельных случаев. По крайней мере, отставая в своей иллюстративной части, эта публикация практически удовлетворяет основным требованиям нумизматического описания.

Второй клад, обнаруженный на археологическом памятнике – городище Рабинджан (1971 г.) дважды был отмечен в печати – в кратком общем информационном сообщении (Ерназарова, Федоров, 1974. С.67–70) и в критической рецензии на это сообщение (Добровольский, 1978. С.117–118). Более подробной публикации этого примечательного и важного исторического памятника за прошедшие десятилетия пока не последовало. В этой связи, считаю целесообразным вновь обратить внимание на этот комплекс.

Состав клада:

Саманиды.

№1. Н-16827. Халиф ал-Муктадир-биллах. Ахмад б. Исмаил. Нисабур 297 /909-10 г.
Д.24 мм. В. 4,30 г.

<p>Лицевая сторона. В поле:</p> <p style="text-align: center;">لا اله الا الله وحده لا شريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة سبع و تسعين و مائتين</p> <p>Внешняя круговая легенда: الله الامر من قبل و من بعد يومئذ يفرح المؤمنون بنصر الله</p> <p>Над словом <i>قبل</i> украшение (метка?) в виде полукружья с вертикальной чертой</p> <p>Коран 3,4(5), XXX Линейный ободок</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;">الله محمد رسول الله المقتدر بالله احمد بن اسمعيل</p> <p>Круговая легенда: محمد رسول الله ارسله بالهدى و دين الحق ليظهره على الدين كله و لو كره المشركون</p> <p>Над словом <i>محمد</i> украшение (метка?) в виде полукружья с вертикальной чертой</p> <p>Коран 33, IX Линейный ободок</p>
--	--

№2. Н-16828. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 302 /914-15 г.
Д.22 мм. В. 4,41 г.

<p>Так же, как № 1. Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة اثنتن و ثلاثانة</p> <p>Линейный ободок</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;">الله محمد رسول الله المقتدر بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1 Линейный ободок</p>
---	---

№3. Н-16829. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 308 /920-21 г.
Д.22 мм. В. 4,07 г.

<p>Лицевая сторона. В поле:</p> <p style="text-align: center;">لا اله الا الله وحده لا شريك له ○</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة ثمان و ثلاثانة</p> <p>Линейный ободок</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;">الله محمد رسول الله المقتدر بالله نصر بن احمد ○</p> <p>Круговая легенда: как №1 Линейный ободок</p>
--	---

№4. Н-16830. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 308 /920-21 г. Д.24 мм. В. 4,18 г.

Как № 3	Как №3
---------	--------

№5. Н-16831. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 310 /922-23 г. Д.25мм. В. 4,20 г.

<p>Лицевая сторона. В поле:</p> <p style="text-align: center;">لا اله الا الله وحده لا شريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة عشر و ثلثمائة</p> <p>Линейный ободок</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;">الله محمد رسول الله المقتدر بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1 Линейный ободок</p>
---	---

№6. Н-16832. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 310 /922-23 г. Д. 24мм. В. 4,33 г.

Как № 5	Как №5
---------	--------

№7. Н-16833. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 310 /922-23 г. Д. 24мм. В. 4,10 г.

Как № 5-6	Как №5-6
-----------	----------

№8. Н-16834. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 311 /923-24 г. Д. 24мм. В. 4,41 г.

<p>Лицевая сторона как № 2. Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة احد عشر و ثلثمائة</p>	<p>Оборотная сторона как №2</p>
--	---------------------------------

№9. Н-16835. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 311 /923-24 г. Д. 25мм. В. 4,29 г.

Как № 8	Как №8
---------	--------

№10. Н-16839. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 312 /924-25 г. Д. 24мм. В. 3,98 г.

Как № 8. Другой штампель	Как №8. Другой штампель
--------------------------	-------------------------

№11. Н-16836. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 312 /924-25 г.
Д. 24мм. В. 4,09 г.

<p>Как №№ 8-9 Лицевая сторона. Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة اثناعشر و ثلثمائة</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в линейном ободке: الله محمد رسول الله المقدر بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1 Двойной линейный ободок</p>
---	---

№12. Н-16837. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 312 /924-25 г.
Д. 25мм. В. 4,42 г.

<p>Как № 10</p>	<p>Как №5 Над словом ~المشركون~ украшение (метка?) в виде пальметы</p>
-----------------	--

№13. Н-16838. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 313 /925-26 г.
Д. 24 мм. В. 4,22 г.

<p>Лицевая сторона Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة ثلث عشر و ثلثمائة Линейный ободок</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в линейном ободке: الله محمد رسول الله المقدر بالله نصر بن احمد ح</p> <p>Круговая легенда: как №1 Линейный ободок</p>
---	---

№14. Н-16840. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 315 /927-28 г.
Д. 24 мм. В. 3,75 г.

<p>Лицевая сторона В поле : لا اله الا الله وحده لا شريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة خمس عشر و ثلثمائة</p>	<p>Оборотная сторона: как № 5</p>
---	-----------------------------------

№15. Н-16841. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 315 /927-28 г.
Д. 23 мм. В. 4,18 г.

Как № 14	Как №14
----------	---------

№16. Н-16842. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 317 /929-30 г.
Д. 25 мм. В. 4,56 г.

<p>Лицевая сторона. В поле:</p> <p style="text-align: center;">لا اله الا الله وحده لا شريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة سبع عشر و ثلثمائة</p> <p>Над словом <i>ينصر</i> внешней круговой легенды развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом – <i>الحريث</i></p> <p>Линейный ободок</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;">الله محمد رسول الله المقتر بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1 Двойной линейный ободок</p>
---	--

№ 17. Н-16843. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 317 /929-30 г.
Д. 25 мм. В. 4,37 г.

Как № 16	Как №16
----------	---------

№ 18. Н-16844. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 317 /929-30 г.
Д. 24 мм. В. 4,14 г.

Как №№ 16-17	Как №№ 16-17
--------------	--------------

№ 19. Н-16845. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 317 /929-30 г.
Д. 23 мм. В. 3,14 г.

<p>Лицевая сторона. Как № 16. В поле:</p> <p style="text-align: center;">لا اله الا الله وحده لا شريك له ح</p>	<p>Оборотная сторона. Как № 13. Над круговой легендой, над словом <i>رسول</i> развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом – <i>كتب</i>, далее продолжающаяся над словом <i>المشركون</i> в таком же положении - <i>الحريث</i></p>
--	---

№ 20. Н-16846. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 318 /930-31 г.
Д. 25 мм. В. 4,45 г.

<p>Как №№16-18. Лицевая сторона. Над словом ~الله~ внешней круговой легенды развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом – الحريث</p>	<p>Оборотная сторона как № 5 Над круговой легендой, над словом ~المشركون~ развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом – كتب</p>
---	--

№ 21. Н-16847. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 318 /930-31 г.
Д. 25 мм. В. 4,20 г.

Как № 20	Как № 20
----------	----------

№ 22. Н-16848. Халиф ал-Муктадир-биллах. Наср б. Ахмад. Самарканд 320/932 г. Д.
23 мм. В. 4,33 г.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке: لا اله الا الله وحده لاشريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بسمرقند سنة عشرين و ثلاثمائة</p> <p>Линейный ободок</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в линейном ободке: الله محمد رسول الله المقتدر بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1 Линейный ободок.</p>
---	---

№ 23. Н-16849. Халиф ал-Кахир биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 321/933 г. Д. 22 мм.
В. 4,27 г.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке: <i>украшение</i> لا اله الا الله وحده لاشريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار (!) احد وعشرين و ثلاثمائة</p> <p>Линейный ободок</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в двойном линейном ободке, разделенном в 4 местах кольцами: ... الله محمد رسول الله القاهر بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1 Линейный ободок.</p>
---	---

№ 24. Н-16850. Халиф ал-Кахир биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 321/933 г. Д. 22 мм. В. 4,05 г.

Как № 23	Как № 23
----------	----------

№ 25. Н-16851. Халиф ал-Кахир биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 322 /933-34 г. Д. 23 мм. В. 4,44 г.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;">ع لا اله الا الله وحده لا شريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة اثنين و عشرين و ثلثمائة</p> <p>Над словом <i>قبل</i> внешней круговой легенды развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом – <i>الحريث</i></p> <p>Линейный ободок</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в двойном линейном ободке, разделенном в 4 местах кольцами:</p> <p style="text-align: center;">الله محمد رسول الله القاهر بالله نصر بن احمد</p> <p>Над круговой легендой, над словом <i>المشركون</i> развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом – <i>كتب</i> Линейный ободок.</p>
--	---

№ 26. Н-16852. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 323/934-35 г. Д. 23 мм. В. 4,10 г.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;"><i>украшение</i> لا اله الا الله وحده لا شريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة ثلث عشرين و ثلثمائة</p> <p>Над словом <i>قبل</i> внешней круговой легенды развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом – <i>حريث</i>. В линейном ободке.</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в двойном линейном ободке, разделенном в 4 местах сдвоенными кольцами:</p> <p style="text-align: center;">الله محمد رسول الله الراضى بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1</p>
--	--

№ 27. Н-16853. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 323/934-35 г. Д. 24 мм. В. 4,55 г.

<p>Как № 26. Над словом <i>قيل</i> внешней круговой легенды развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом- <i>الحريث</i> В линейном ободке.</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в линейном ободке: الله محمد رسول الله الراضى بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1</p>
--	---

№ 28. Н-16854. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 323/934-35 г. Д. 23 мм. В. 4,65 г.

Как №№ 26-27	Как №№ 26- 27
--------------	---------------

№ 29. Н-16855. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 324/935-36 г. Д. 23 мм. В. 3,61 г.

<p>Как № 22. В поле, над калимой, три точки в виде перевернутого вершиной вниз равностороннего треугольника</p>	<p>Как № 26</p>
---	-----------------

№ 30. Н-16856. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 4,61 г.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке:</p> <p>لا اله الا الله وحده لا شريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة خمس و عشرين و ثلثمائة</p> <p>Во внешней круговой легенде над словом <i>من</i>, в начале коранической цитаты развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом- <i>الحريث</i>. В линейном ободке.</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в двойном линейном ободке, разделенном в 4 местах кольцами:</p> <p>الله محمد رسول الله الراضى بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1</p>
--	---

№ 31. Н-16857. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 3,88 г.

Как № 30	Как № 30
----------	----------

№ 32. Н-16858. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 4,38 г. Разломлена на две половины.

Как №№ 30-31	Как №№ 30-31
--------------	--------------

№ 33. Н-16859. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 4,25 г.

Как №№ 30-32	Как №№ 30-32
--------------	--------------

№ 34. Н-16860. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 4,06 г.

Как №№ 30-33	Как №№ 30-33
--------------	--------------

№ 35. Н-16861. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 4,19 г.

Как №№ 30-34	Как №№ 30-34
--------------	--------------

№ 36. Н-16862. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 4,25 г.

Как №№ 30-35	Как №№ 30-35
--------------	--------------

№ 37. Н-16863. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 4,24 г.

Как №№ 30-36	Как №№ 30-36
--------------	--------------

№ 38. Н-16864. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 4,23 г.

Как №№ 30-37	Как №№ 30-37
--------------	--------------

№ 39. Н-16865. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22 мм. В. 3,96 г.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке: <i>украшение</i> لا اله الا الله وحده لا شريك له ○ Внутренняя круговая легенда:</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в двойном линейном ободке, разделенном в 4 местах кольцами: الله محمد رسول الله الراضى بالله</p>
---	--

<p>بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة خمس و عشرين و ثمانمائة</p> <p>Во внешней круговой легенде над словом ~قبل~, развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом – الحرث.</p> <p>В линейном ободке.</p>	<p>نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1</p>
--	--

№ 40. Н-16866. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 325/936-37 г. Д. 22
мм. В. 4,24 г.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке:</p> <p>o لا اله الا الله وحده لا شريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة خمس و عشرين و ثمانمائة</p> <p>В линейном ободке.</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в двойном линейном ободке:</p> <p>الله محمد رسول الله الراضى بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1</p>
---	--

№ 41. Н-16867. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 326/937-38 г. Д. 22
мм. В. 3,94 г.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке:</p> <p>لا اله الا الله وحده لا شريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة ست و عشرين و ثمانمائة</p> <p>В линейном ободке.</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в двойном линейном ободке:</p> <p>الله محمد رسول الله الراضى بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1</p>
--	--

№ 42. Н-16868. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 326/937-38 г. Д. 22
мм. В. 4,36 г.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке:</p> <p>لا اله الا الله وحده</p>	<p>Оборотная сторона. Как № 39</p>
---	--

<p style="text-align: center;">لاشريك له</p> <p>Во внешней круговой легенде над словом <i>حَقِيل</i>, развернутая на 180 градусов относительно текста круговой легенды, надпись более мелким шрифтом — <i>الحَرث</i>. В линейном ободке.</p>	
--	--

№ 43. Н-16869. Халиф ар-Ради биллах. Наср б. Ахмад. Нисабур 327/938-39 г. Д. 22 мм. В. 4,03 г. Разломлена на две половины.

<p>Лицевая сторона. В поле в линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;">o لا اله الا الله وحده لاشريك له</p> <p>Внутренняя круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار بنيسابور سنة سبع و عشرين و ثلاثمائة В линейном ободке.</p>	<p>Оборотная сторона. В поле, в двойном линейном ободке, разделенном в 4 местах кольцами:</p> <p style="text-align: center;">الله محمد رسول الله الراضى بالله نصر بن احمد</p> <p>Круговая легенда: как №1</p>
---	---

Алиды Табаристана

№ 44. Н-16870. Ал-Хасан б. ал-Касим. Амуль 306/98-19. Д. 23 мм. В. 4,30 г. (Ерназарова, Федоров, 1974. С.68-69; Добровольский, 1978. С117-118).

<p>Лицевая сторона В поле в линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;">الداعى لا اله الا الله وحده لاشريك له الى الحق</p> <p>Круговая легенда: بسم الله ضرب هذا الدينار (!) فى خلافة ابي محمد بامل فى سنة ست و ثلاثمئة (!) В линейном ободке</p>	<p>Оборотная сторона В поле в двойном линейном ободке:</p> <p style="text-align: center;">الله محمد رسول • الله الحسن بن القسم</p> <p>Круговая легенда: أذن للذين يقاتلون بانهم ظلمول و ان الله على نصرهم لقدير Коран 40, XXII Ободок линейный.</p>
---	---

Фототаблицы:

Среди саманидских динаров клада выделяются экземпляры №№ 1, 19–21, 25,26- 39,42. Они примечательны тем, что в их монетные тексты встроены отдельные слова, которые, как являются автографами резчика монетных штемпелей – некоего Хариса, который длительное время функционировал на Нишапурском монетном дворе. Благодаря исследованию, предпринятому британским нумизматом Л. Тредуэллом, отследившего по серебряным и золотым монетам долгую активность этого резчика, мы видим, что его карьера началась на рубеже IX и X вв. на монетном дворе Панджхира с 296/908 - 09 г. и продолжилась в интервале с 313/925–26 г. по 322/933–34 г и даже, возможно, по 334/945–46 г. на монетном дворе Нишапура, бывшим в тот период времени своего рода столицей хорасанских владений Саманидов и местопребыванием губернатора Хорасана (Treadwell, 2011. P. 37–66). Публикаторы упомянутого выше клада золотых монет из Рея так же провели своего рода статистический подсчет монетных автографов Хариса, которые регулярно присутствуют на всех эмиссиях в интервале 313–325 гг.х. (Ghouchani, 1383. P.168–206).

Монетный чекан Алидов Табаристана (Северный Прикаспий) представлен уникальным динаром Амуля 306 г.х. и этот тип все еще не отмечен в публикациях. В двух исследованиях, специально ориентированных на обзор нумизматической истории Амуля или монетного чекана алидских да'и (Stern, 1967. P.205–278; Vardanyan, 2010. P.355–374) этот монетный тип динаров не отмечен.

Обращение к рабинджанскому кладу дало толчок к рассмотрению роли золота в системе монетного хозяйства в Средней Азии при Саманидах и возникла необходимость актуализации сводки их золотого монетного чекана. В основе этой сводки лежит работа, начатая более 20 лет назад на базе опубликованных кладов, отдельных публикаций и проведенных исследований в крупнейших музейных собраниях. Ранее выполненная сводка взята за основу и к ней добавлены новые данные, в той или иной степени приведенные в публикациях или отраженные ресурсами интернета

Таблица 1. Эмиссии динаров на саманидских монетных дворах

№	Монетный двор	Эмиссии (даты по хиджре)
1	Амуль	302, 325,327,329–34, 336,338,340–51, 354-56,366
2	Андараба	330
3	Арраджан	331, 336, 338, 340
4	Балх	302
5	Бухара	301,322,336, 339, 343,345, 347,351,355,359,361,366,377,380
6	Джурджан	326–7, 331,338–9, 341,355
7	Казвин	318, 324,328, 330,332,
8	Карадж	330

9	Кумм	329, 333, 368
10	Мах ал-Басра	329, 332
11	Мах ал-Куфа	330
12	Мухаммадийа	311, 313–31, 333, 336, 341
13	Нисабур	294–98, 300–27, 330–41, 343–50, 352–56, 358, 360–63, 365–7, 369–78, 383–85, 387–89
14	Саве	332
15	Самарканд	280, 282, 284–86, 288, 291–95, 299–304, 306–08, 310, 314–15, 318
16	Сиджистан	369, 372, 374
17	Хамадан	329
18	Херат	346–48, 350, 355, 358–59, 361, 364–65, 367, 369, 372–75, 377–80, 382, 384–88
19	аш-Шаш	279, 284, 289, 295, 300, 304, 309, 339
20	Шираз	339
21	Город(?)	389

Итого: на 20 (а возможно на 21) монетных дворах на всей территории, подконтрольной Саманидам, наблюдается осуществление 234 годовых выпусков золотых монет. Безусловно лидируют хорасанские монетные дворы – Амуйль, Херат и Нисабур а в Мавераннахре - Бухара и Самарканд. Последний в конце IX и в первой трети X в. осуществлял практически регулярную чеканку золота. Е.А.Давидович, опираясь на сведения, предоставленные рукописными источниками (Истахри, Ибн Хаукаль, Йакут) и нумизматические данные о чеканке золота в Мавераннахре IX-X вв., пришла в свое время к выводу, что золото не играло заметной роли в денежном обращении и вторгалось в него в немонетной форме, так как золотые монеты, в силу значительного весового ремедиума, принимались в расчетах в весовой форме или же, золотые монеты занимали позицию мировых денег для внешних операций (Давидович, 1966. С.104–110, 130). Последнее заключение целиком подтвердилось гистограммой веса 254 саманидских золотых монет, данные о которых были извлечены из публикаций и на основе изучения саманидских динаров из коллекций национальной библиотеки Франции и Исследовательского центра восточной нумизматики (Тюбинген, Германия).

Суммарный вес саманидских динаров

При большой амплитуде колебаний четко выражен средний весовой показатель – 4,2 г. Аналогичен и среднеарифметический вес – 4,19 г., что почти полностью сходится с результатами, полученными Е.А.Давидович (Давидович, 1966. С.180).

Содержащиеся в приведенной сводке сведения о чеканке динаров в Самарканде, позволяют, несколько иначе взглянуть на один из выводов Е.А.Давидович. Она проанализировала сведения Истахри и Ибн Хаукаля, которые отмечали, что в Буха-

ре динары – как товар, а в Самарканде они используются в монетной форме. Исследовательница предположила, что во втором случае, в известном тексте сообщения выпало выражение «...как товар». При такой реконструкции текста характер обращения золотых монет в Бухаре и Самарканде оказывается одинаковым.

В приведенной здесь сводке эмиссий саманидского золота видно, что в период, когда Истахри оставил свое сообщение (ум. ок. 951 г.) чеканка в Бухаре была не активной, а Самарканд, напротив, практически регулярно выпускает на своем монетном дворе динары. Вполне вероятно, что экономические потребности вызвали необходимость такой регулярной чеканки динаров, принимавшихся населением не в товарной форме, по весу, а в собственно монетной форме. Это предположение отчасти подкрепляется наблюдением над весом самаркандских динаров, выпущенных в 284–326/897–938 гг.:

Таблица 2. Вес динаров Самарканда

Эмиссия, годхиджры	Вес	Эмиссия, год хиджры	Вес
284	4,14	304	4,22
285	4,23	306	4,22
288	4,10	307	4,15
292	4,15	308	4,02
300	4,21	314	4,11
300	4,23	320	4,33
301	4,19	320	4,12
302	4,20	323	4,13
304	4,35	326	4,21

Как видно из таблицы, более 50% из рассмотренных 20 динаров самаркандской чеканки имеют вес 4,2 г., колебания незначительны и не превышают 0,2 г. в каждую из сторон, т.е., ремедиум (допускаемые колебания веса в большую или меньшую сторону от принятой нормы) составляет не более 0,4 г. Приведенные данные позволяют предположить, что текст средневековых информаторов не был искажен переписчиками и объективно отражал разницу в особенностях обращения золота в крупнейших в X в. городах Мавараннахра.

Использованная литература:

1. Давидович Е.А. Денежное обращение в Мавараннахре при Саманидах / НЭ. № IV. М.: Наука, 1966. С.103–135.
2. Добровольский И.Г. О статье Т.С.Ерназаровой и М.Н.Федорова «Клад золотых монет X века» / Древность и средневековые народы Средней Азии. М.: Наука, 1978. С. 117–118
3. Ерназарова Т.С., Федоров М.Н. Клад золотых монет X в. / ОНУ. №5, 1974. С. 67–70.
4. Массон М.Е. Неопубликованные монетные находки на территории Южного Туркменистана до 1946 г. / МЮТАКЭ, вып.1. Ашхабад, 1949. С.140–141
5. Федоров-Давыдов Г.А. Клад золотых монет X в. из Самарканда / Историко- архео-

логический сборник. Под ред. Д.А.Авдусина, В.Л. Янина. М., 1962. 365 с.

6. *Ghouchani A.* Gunjine-ye sekkeha-ye Nishapur makshufe dar shahr-e Rayy (Rey Hoard of Nishapur Dimars). Tehran. 1383

7. *Stern S.M.* The coins of Amul / The Numismatic Chronicle, Vol. VII. London. 1967. P.205- 278

8. *Treadwell L.* Craftsmen and coins: signed dies in the Iranian world (third to the fifth centuries AH). Verlag der Osterreichischen Akademie der wissenschaften. Wien. 2011. 123 p.

9. *Vardayan A.* Numismatic Evidence for the Presence of Zaydi Alids in the Northern Jibal, Gilan and Khurasan from AH 250 to 350 (AD 864–961) / The Numismatic Chronicle, 170. London. 2010. P.355–374

Сведения об авторе:

Атахаджаев Анвар, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самаркандский институт археологии, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81.

Сокращения:

МЮТАКЭ – Материалы южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции

НЭ – Нумизматика и эпиграфика

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане

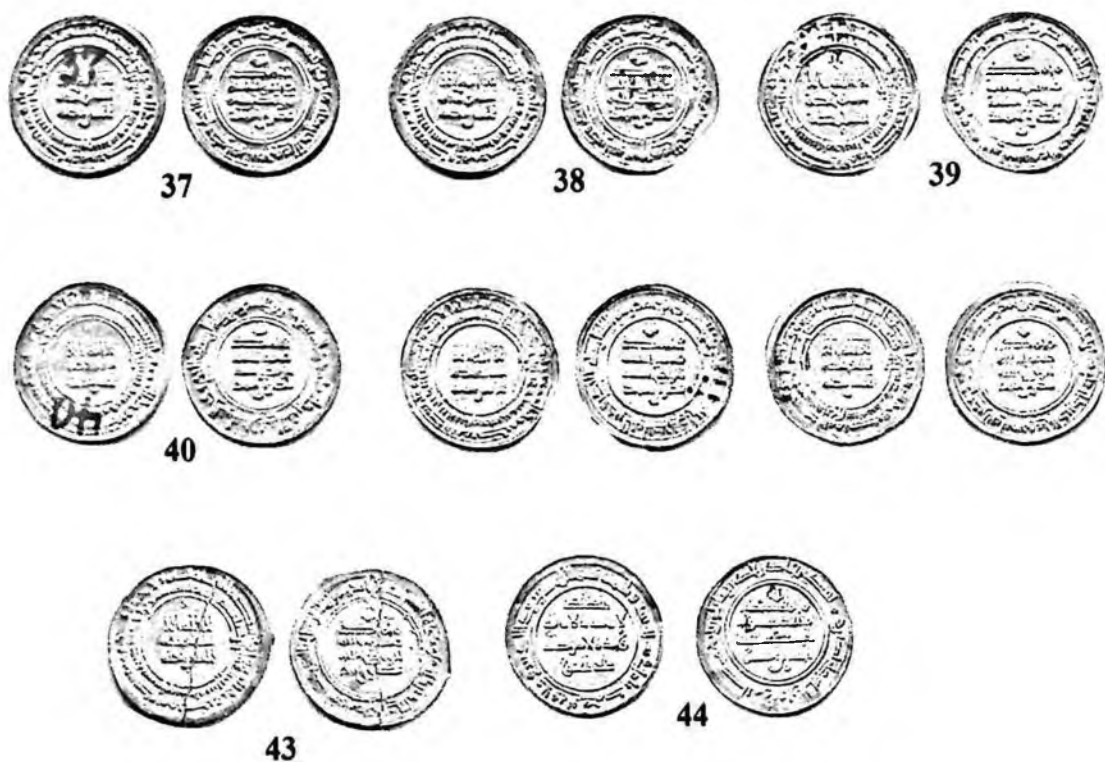
Фототаблицы:

Фототаблица 1

Фототаблица I

Фототаблица 3 1:1

RABINJONNING X ASR OLTIN TANGALAR XAZINASI

Maqolada 1971-yilda Rabinjantepa (O'rta asrlardagi Rabinjon shahri) arxeologik yodgorligida topilgan va hozirgacha mutaxassislar e'tiboridan chetda qolgan Somoniylar oltin tangalarining fanga ma'lum bo'lgan sanoqli xazinalaridan biri to'liq ilmiy nashr etilgan. Xazina majmuasi tangalarining to'liq katalog tavsifi, aniq metrologik ma'lumotlar va grafik tasvirlar berilgan. "Rabinjon xazinasini"ning nashr etilishi Somoniylar davlatida tilla tangalar muomalasining o'ziga xos xususiyatlariga yana bir bor e'tibor qaratadi va 20 zarb zarbxonadagi oltin emissiyasining dolzarb xulosasini beradi.

Tayanch so'zlar: Somoniylar, dinorlar, emissiya, Tabaristondagi Alitdilar, Abbosiylar, tangalar, Mavrannahr, Xuroson.

RABINJAN TREASURE OF GOLD COINS OF THE X CENTURY

The article provides a complete scientific publication of one of the few hoards known to science of Samanid gold coins, found in 1971 on the archaeological monument Rabindjantepe (medieval city of Rabindjan) and to date, which has fallen out of the attention of specialists. A full catalog description of the coins of the pantry complex is given, accurate metrological data and graphic illustrations are given. The publication of the Rabinjan hoard again returns attention to the features of the circulation of gold coins in the state of the Samanids and the current summary of the emissions of gold in 20 coin yards is given.

Key words: Samanids, dinars, emissions, Alids of Tabaristan, Abbasids, Coins, Mawarannakhr, Khurasan.

Абдулхамид Анарбаев, Сергей Баратов

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ЧУСТ – БИБИОНА

Аннотация: В статье подводятся итоги археологических исследований Чустского поселения – Бибиона эпохи поздней бронзы предшествовавших нам исследователей: М.Э. Воронца, В.И. Спришевского, Ю.А. Заднепровского и Б.Х. Матбабаева, проводивших раскопки памятника в 1950–1988 годах. Излагаются результаты наших археологических раскопок: описание выявленной нами стратиграфии двух последних периодов жизни поселения; обнаруженных остатков жилищ; нового полученного систематизированного комплекса археологических находок – фрагментов керамических сосудов, предметов хозяйственной деятельности, орудий труда, вооружения и украшения из культурных напластований поселения двух последних периодов его существования. Предлагается, вероятное на наш взгляд предварительное заключение о времени прекращения жизни на поселении.

Ключевые слова: стационарные археологические исследования, Средняя Азия, Республика Узбекистан, Ферганская долина, Наманганская область, Чустский район, Чустское поселение – Бибиона, эпоха поздней бронзы, культура древних земледельцев Ферганской долины.

Чустское поселение располагается на северной окраине г. Чуст Наманганской области близ святого места Бибиона, на пологом холме правого высокого берега р. Гавасай. (Рис. 1). Площадь поселения в 50-х годах составляла 4,06 га.

Поселение было открыто и впервые исследовано в 1950 году отрядом Института истории и археологии и Музея истории истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН РУз под руководством М.Э. Воронца, работавшим в составе Памиро-Ферганской экспедиции. (Воронец, 1951. С. 95). В 1951 году М.Э. Воронец заложил на поселении первые раскопы общей площадью 40 кв. м. Основываясь на общем сходстве с расписной керамикой известной в то время культуры Анау, он датировал Чустское поселение рубежом III – II тысячелетием до н.э. (Воронец, 1954. С. 53–57).

В 1953–1961 годах В.И. Спришевский провел на поселении широкомасштабные стационарные планиграфические исследования, в результате которых была вскрыта площадь около 7000 кв. м. Основные работы им проводились на центральном раскопе, который прорезал весь холм с севера на юг протяжением 116 м. Исследованиями было установлено, что поселение состояло из двух частей. Большая его – юго-восточная часть была не укрепленной. На северо-западном участке холма В.И. Спришевским были обнаружены остатки оборонительной стены, прослеженные почти по всему периметру, окружавшие площадь около 1,5 га. Раскопки внутренней укрепленной части не проводились. Автор раскопок предполагал, что эта, обнесенная стеной, часть поселения служила загоном для скота и убежищем во

время военной опасности (Спришевский, 1972. С. 65–72, 228. Рис. 1, 3). Оборонительные стены Чуста сложены из сырцового кирпича с размерами (54–55х32х8–10 см) и пахсы. Толщина ее в различных местах составляла от 1,5 до 3 м, сохранившаяся высота – от 2 до 5 м. Основание северо-западного участка стены было положено на культурный слой.

На поселении выявлено 2 типа жилищ: легкие наземные постройки шалашного (каркасного) типа и наземные глинобитные однокомнатные дома с размерами 5х8 м. Предполагалось, что крупные, диаметром более 2 м, ямы могли быть использованы в качестве землянок. Для поселения характерно большое количество хозяйственных ям.

В.И. Спришевским найдено 136 археологически целых сосудов и около 200 000 фрагментов. Керамические сосуды по характеру отделки их стенок были разделены им на четыре основных типа: 1 – сосуды с залощенной, покрытой красным ангобом поверхностью; 2 – сосуды с залощенной поверхностью, покрытой ангобом и расписным орнаментом; 3 – сосуды без лощения, ангоба и росписи; 4 – кухонные сосуды.

Найдены зерна ячменя, пшеницы, просо, бобовых и косточки плодовых культур, а также кости домашних и диких животных. Обнаружены трехстворчатые литейные формы для отливки плоских круглых зеркал. Найдены железные удила, шлаки железных руд, бронзовые орудия и предметы вооружения: серпы, долота, ножи, шилья, иглы и наконечники стрел.

Были обнаружены каменные орудия: серпы, отбойники, терочники и скобели, массивные каменные мотыги трапециевидной формы со слегка выделенной рукоятью. Имеются ткацкие принадлежности.

В целом В.И. Спришевским, был получен богатый археологический материал, позволивший ему достаточно полно проиллюстрировать разные стороны хозяйства, культуры и быта древних земледельцев Ферганской долины и выделить три периода в истории жизни поселения: 1 период был отнесен ко времени до возведения оборонительных стен; 2 период – к периоду существования оборонительных стен; 3 период функционирования поселения – ко времени после разрушения оборонительных стен. В целом поселение было датировано рубежом II и I тысячелетия до нашей эры. Результаты работ В.И. Спришевского легли в основу его диссертационного исследования

(Воронец М.Э. 1951. № 5; Воронец М.Э. 1954; Спришевский В.И. 1972, № 3. С. 65–72, 228. Рис. 1, 3; Спришевский, 1954. С. 69–76; Спришевский, 1957. С. 40–49; Спришевский, 1958. С. 86–98; Спришевский, 1958а. С. 185–189; Спришевский, 1963; Спришевский, 1973, С. 104–105).

В 1974 году Ю.А. Заднепровский продолжил раскопки Чустского поселения. Им была заложена траншея шириной 4 и длиной 40 метров, соединившая западную часть центрального раскопа В.И. Спришевского и восточный край укрепленной части поселения. В площади траншеи была обнаружена полуземлянка овальной в плане формы с уровнем пола вогнутой – чашевидной формы с размерами 9,5х8,5 м.

Посередине жилища располагался очаг прямоугольной в плане формы с размерами 100x80 см, с невысокими бортиками по краям. Мощность исследованных культурных напластований на этом участке поселения составила 150 см (Заднепровский, 1974. С. 449; Заднепровский, Матбабаев, 1984 С. 47–50).

Результаты исследований, полученные в 1974 г., позволили Ю.А. Заднепровскому подтвердить существование поселения на протяжении трех строительных периодов (горизонтов). Керамика Чуста, по мнению Ю.А. Заднепровского, схожа с дальверзинской. Однако он отметил худшее качество изделий Чуста – большую грубость теста и обработки поверхности. Сосудов с красной облицовкой такого качества, как в Дальверзине, в собранных им материалах оказалось очень мало.

В 1982 г. работы на поселении продолжил Б.Х. Матбабаев. Его исследования были сосредоточены на двух основных объектах: на северном раскопе, расположенном с западной стороны центрального раскопа В.И. Спришевского в его северном окончании, и на раскопе в южной части холма, где им был заложен небольшой шурф. Общая вскрытая Б.Х. Матбабаевым площадь составляла немногим более 500 кв. м.

Мощность культурных напластований Северного раскопа Б.Х. Матбабаева (более 200 кв. м) составила от 0,5 до 1,5 м. В верхних слоях были обнаружены плохо сохранившиеся остатки культурного слоя и жилых конструкций, относящиеся к позднему этапу жизни поселения, представленные разрушенными сырцовыми стенами, сохранившими один-два ряда кирпичей и очажные пятна. Были расчищены 44 хозяйственные ямы, занимавшие почти всю исследованную часть участка. В разрезах было выявлено три строительных периода.

Южный раскоп (площадью более 300 кв м) находился на месте траншеи 1974 г. Ю.А. Заднепровского. На этом участке поселения были выявлены остатки верхнего периода обживания: обрывки пола, в двух местах кладки из сырцового кирпича в один-два ряда и большой «очаг» (печь?) округлой в плане формы с невысокими бортиками диаметром 400 см. Обнаружено 37 хозяйственных ям. В заполнении некоторых из них найдены кирпичи и камни. Ямы располагались очень плотно и не оставляли места для жилых построек, что привело исследователей к мнению о том, что многочисленность хозяйственных ям и небольшое количество жилищ является характеризующим признаком для Чустского поселения.

Всего, за всю историю археологического изучения, на поселении было обнаружено 5 жилищ трех типов. Правда, к этому числу надо добавить еще несколько помещений, раскопанных на башнеобразной пристройке к оборонительной стене («бастионе»). Одно из них было прямоугольной в плане формы и имело размеры 3x1,50 см.

Б.Х. Матбабаев выделил 3 типа жилищ, существовавших на поселении.

1 тип – глинобитные прямоугольные в плане наземные дома с размерами 9,4x8,2 м. В северо-западном углу такого дома находился очаг. Вход шириной около 2 м располагался в северо-восточной стене;

2 тип – каркасные наземные постройки овальной в плане формы с размерами 6x7; 6,6x6,2; 15x10 (м). В площади и по краям таких жилищ, как правило, находятся

ямки от деревянных столбов. На полу имеется один или два очага. Уровень пола сохранил остатки камышовых циновок.

3 тип – землянки округлой или овальной в плане формы с размерами 9,5х8,5 м с вогнутым – чашевидным уровнем пола. Посередине ее располагался очаг прямоугольной в плане формы с размерами 100х80 см, с невысокими бортиками по краям.

Собранная керамика, по мнению Б.Х. Матбабаева, за исключением черно- и серо-лощеной, аналогична посуде Дальверзина. На Дальверзине серо-глиняная керамика – отсутствовала. Вся керамика по характеру отделки стенок сосудов и их орнаментации была разделена им на пять групп, которые внутри, по функциональному назначению (чаши, миски, горшки и т.д.), разделены на классы. Последние по отличиям деталей сосудов (формы венчиков, донцов, ручек и сливов) были выделены в типы.

Украшения сосудов крупными заполненными треугольниками, небрежно нанесенными мазками краски, по мнению Б.Х. Матбабаева, уникальны для Чуста. Керамика с белой облицовкой в Чусте составила 35,7%, а на Дальверзине она представлена в незначительном количестве. Больше в Чусте и хозяйственной керамики – толстостенные сосуды в Чусте составили 5,8% - меньше, чем на Дальверзине (Матбабаев, 1984. С. 241–245).

Обобщая мнения предыдущих исследователей, можно заключить, что вся керамическая посуда поселения Чуст была вылеплена от руки. Весь комплекс керамических сосудов предыдущими исследователями был разделен на 6 групп: 1 – с красной облицовкой; 2 – расписная; 3 – с белой облицовкой; 4 – столовая серо-лощенная; серо-глиняная; 5 – кухонная серо-глиняная; 6 – тарная толстостенная.

Сосуды, покрытые красной облицовкой, по их описаниям, как правило, изготовлены из плохо промешанной глины с примесью дресвы и плохо обожжены. Формовались они ленточным способом на матерчатом шаблоне. Стенки сосудов с внешней стороны украшены геометрическим орнаментом, нанесенным краской от светло-коричневого до черного цветов. Ведущие формы этой группы: круглодонные кувшины, плоскодонные горшки конической формы, миски с перегибом бортика, чаши полусферической формы на плоском дне, чаши и миски с носиком-сливом.

Серо-глиняная хозяйственная посуда изготовлена из теста с примесью известняка ленточным способом, на матерчатом шаблоне. Представлена большими шаровидными котлами, кувшинами и жаровнями.

Расписная керамика по технике исполнения и цвета расписного орнамента делится на три типа: черная роспись по красному фону; красноватая роспись по светлому и коричневому фону; буро-коричневая роспись по грубой светло-коричневой поверхности (кухонная посуда). Основные распространенные формы узоров – ромб, треугольники, горизонтальные линии.

Исследованиями было выявлено, что основным занятием населения, оставившее Чустское поселение, являлось земледелие, скотоводство и ремесло. Возделывались ячмень, пшеница, просо, бобовые и плодовые деревья и лубяные культуры. Земледелие основывалось на лиманном способе орошения. Скотоводство играло

важную роль. На поселении преобладали овцы и козы. Лошадей и крупного рогатого скота было в 2 раза меньше чем на Дальверзине.

Ремесло, было представлено гончарным, металлургическим и бронзолитейным производством, основой последних служила местная рудная база. На поселении найдены трехстворчатые литейные формы для отливки орудий и оружия. Жители чустского поселения были знакомы с плавкой и ковкой железа. Найдены шлаки железных руд и железные удила. Выращивались лубяные культуры, вероятно изготавливалась льняная, конопляная и шерстяная пряжа, существовало ткачество и ткани изготовлялись на вертикальном станке. Наибольшее распространение имени ткани репсового плетения, отличающиеся высокой износостойкостью. Вместе с тем, чустцы продолжали широко использовать каменные орудия: серпы, отбойники, терочки, скребла и наковальни.

Набор бронзовых орудий труда, украшений и оружия довольно разнообразен. Он представлен: серпами, долотами, ножами, шильями, иглами, браслетами и серьгами. Предметы вооружения – наконечниками стрел и копий. Среди металлических изделий выделяются три группы: 1) местные изделия, характерные только для Ферганы; 2) изделия, аналогичные формам, распространенным в областях Южной Туркмении и в Иране; 3) изделия, формы которых типичны для северных степных культур позднебронзового века.

Для обработки земли использовались массивные каменные мотыги трапециевидной формы со слегка выделенной рукоятью.

Было распространено всадничество, о чем свидетельствуют железные и бронзовые двухсоставные кольчатые удила (кольца располагались перпендикулярно плоскости удил), роговые трехдырчатые псалии (верхний конец их заканчивается кнопковидной – грибовидной шишкой) и в виде длинного стержня с тремя отверстиями, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга в одной плоскости.

Происхождение и хронология Чустской культуры до сих пор активно дискутируется. Возникновение ее традиционно относилось исследователями к концу 2-го тысячелетия, а архаичность ее археологических комплексов объяснялось крайним восточным расположением, изолированностью ее населения от южных и юго-восточных центров культур расписной керамики Яз-депе I, Кучук I и РЖВ Ирана I–III (Северная Бактрия, Юго-восточная Туркмения и Иран) и сильным влиянием степных племен эпохи поздней бронзы.

В 2021 году Чустский археологический отряд Национального центра археологии АН РУз продолжил археологические исследования на поселении Чуст-Бибиона. Планиграфический раскоп прямоугольной в плане формы длинной стороной ориентированный по линии С-Ю, с размерами 17х4,5 м, был заложен нами в 2 метрах восточнее центрального раскопа В.И. Спришевского. Раскоп был разбит на квадраты с размерами 2х2 м. Каждый такой квадрат был ограничен стратиграфическими бровками (Рис. 2; 3).

В сезон 2021 года изучались верхние строительные периоды поселения.

Археологические комплексы последнего строительного периода

Мощность оплывов в площади раскопа составила 10 – 20 см. Оплыв по своей структуре – пылевидный серого цвета. Под оплывом в ряде квадратов, на уровне последнего периода обживания, были выявлены линзы черной копоти или сажи, содержащей горелые мелко фрагментированные кости животных. Древесные угли в слоях копоти отсутствовали. В результате расчисток было выявлено, что уровни залегания линз копоти, как правило, находятся выше 5–10 см сохранившихся уровней полов и остатков разрушенной архитектуры.

В средней части раскопа – в квадратах 3А, 4А, 3Б, 4Б на глубине от 10 до 90 см, соответствующей последнему периоду обживания, были выявлены остатки жилища округлой в плане формы полуземляночного типа с уровнем пола вогнутой – чашевидной формы (Землянка №1). Площадь жилища расчищена не полностью. Края землянки заходили за края раскопа. Реконструируемый ее диаметр – 8 метров. В центре жилища была расчищена округлая в плане яма диаметром 240 см. Полom жилища являлся уровень дна этой ямы. Чашевидные уровни, расположенные по периметру ямы, могут быть интерпретированы как суфы-лежанки. Пол суф-лежанок хорошо утрамбован и сохранил несколько слоев глиняной обмазки на самане. Он растрескавшийся как такырная поверхность. Поверхность его была покрыта трехсантиметровым слоем рыхлого органического тлена белого и желтого цветов без признаков переплетения. Создается впечатление, что это истлевшие остатки окрашенных войлочных ковров. Уровень древней поверхности, с которого была опущена землянка располагался выше уровня современной дневной поверхности и не сохранился. Уровень пола центральной ямы землянки находится на глубине 90 см от современной дневной поверхности. Стенки и пол ямы сохранили глиняную штукатурку с саманом. Пол ее – плотный и хорошо утрамбован. Следов горения в ней не обнаружено. В площади землянки собрано небольшое количество фрагментов столовой керамической посуды (Рис. 2).

К югу от жилища в квадратах 5А и 5Б на уровне последнего периода, соответствующем времени существования исследованного жилища, выявлены остатки разрушенных очагов (прокаленные до красного цвета куски глины) и фрагменты хозяйственной керамической посуды – котлов, жаровен, крышек от котлов и предметов каменной утвари – терочников и пестов. Южнее, в квадрате 6А выявлены остатки видимо металлургического горна, сделанного из лепного горшка без дна. Под ним найден фрагмент средней части трехстворчатой литейной формы, вырезанной из серого песчаника. Поверхность под и вокруг горна была прокалена до красного цвета. Уровень последнего периода в квадратах 7А и 7Б, соотносимый с уровнем землянки №1 представляет собой хорошо утоптанную мелко расслаивающую поверхность, характерную для площадки располагавшейся под открытым небом. Хозяйственных остатков здесь обнаружено не было.

В квадратах 2А и 2Б на уровне последнего уровня обживания были расчищены разваленные каменные наковальни, терочники и куранты, перемешанные с крупными фрагментами кухонной керамической посуды.

В квадрате 1А – на уровне последнего периода найдено устье вкопанного в культурный слой крупного сосуда горшковидной формы. Сосуд располагался «in situ». Диаметр горловины составил более 50 см. Высота сосуда более 60 см. Сосуд был опущен в слои предпоследнего периода обживания. Плоское дно его было посажено на глиняный раствор с саманом. В квадрате 1Б в юго-восточном углу расчищена бесформенная в плане яма, заполненная гумусом с золой, кусками обожжённой глины, замешанной на самане и древесными угольками.

Керамический комплекс последнего периода

Комплекс фрагментов керамических сосудов, полученный нами в слоях поселения последнего периода можно разделить на две основные, в количественном отношении, почти равные, группы.

Первая группа объединяет сосуды схожего назначения. Это столовая посуда преимущественно средних размеров. По форме их можно разделить на несколько типов: чаши, миски, конические крупные кубки, небольшие кувшины и горшки. Элементы этих сосудов – формы венчиков, плечиков, ручек и дна, отличающиеся на сосудах одного типа образуют его варианты (Рис. 5; 8).

Сосуды этой группы, как правило, выполнены из глины хорошей отмучки. Глина – с незначительной примесью мелко истолченной дресвы или гипса, иногда без видимых примесей. Глина бывает очень чистой. Такая обычно применяется для изготовления столовой посуды на гончарном круге быстрого вращения. Стенки обожжены неровно, они, как правило, пятнистые от черного до ярко красного цветов. Черепок часто неровный – внутри может быть черным, а по поверхностям – красный. Все это свидетельствует о том, что процесс обжига посуды происходил недолгое время. Около 10% столовой посуды имеет стенки серого цвета с зеленоватым и темно-коричневым оттенками. Такую посуду принято называть серо-глиняной. Серо-глиняный и темно-коричневый цвета стенок сосудов обычно получали при особенных условиях обжига. Небольшая часть сосудов этой группы покрыта красным ангобом отличного качества и имеет хорошее сплошное лощение. Небольшая группа сосудов имеет орнамент на светло-коричневом фоне из сплошных заполненных красным ангобом треугольников, опущенных вершинами вниз.

Для столовой керамики последнего периода не характерна посуда с геометрическим орнаментом, нанесенным черной краской по красному (покрытому ангобом) фону. Было найдено небольшое количество маленьких фрагментов от орнаментированных таким орнаментом сосудов. Однако, всегда это были небольшие поделки – подвески (украшения?), сделанные из стенок явно переотложенной – более ранней керамики (Рис. 5).

Вторая группа представлена фрагментами хозяйственной керамической посуды небольших и крупных размеров. Их можно разделить на целый ряд типов: низкие горшки со сливом и без; высокие горшки со сливом и без; очень крупные горшки с шаровидным резервуаром без слива; миниатюрные горшочки и мисочки, которые можно

назвать курильницами или светильниками; жаровни; крышки; и горшковидные котлы с горизонтальными луновидными ручками со сливом и без. Сосуды крупных размеров как правило имеют дисковидный поддон прилепленный отдельно (Рис. 5; 8).

Глина для сосудов этой группы была, как правило, хорошей отмучки, хорошо промешана, с примесью дресвы, какой-то органики, какого-то серебристого минерала с металлическим серебристым отливом, раковин моллюсков и гипса. Обжиг керамики этой группы лучше, чем столовой. Черепок, как правило, прокален равномерно. Плохо обожжены жаровни и крышки. Крышки часто имеют ручки оригинальной формы. Посуда этой группы – не орнаментирована, но покрыта густой ангобоподобной массой плохого качества (Рис. 5; 8).

Кроме того, в культурных слоях последнего периода обживания были найдены: фрагмент средней части трехстворчатой литейной формы, проколка, сделанная из рога оленя и фрагмент каменного серпа (Рис. 9).

Археологические комплексы предпоследнего периода

Уровни жизнедеятельности поселения, связанные с предпоследним периодом обживания поселения были выявлены на глубине от 80 до 190 см от уровня современной дневной поверхности. Глубина залегания слоев копоти и сажки, как и в слоях последнего строительного периода перекрывают уровни ям, и остатков жилой архитектуры предпоследнего периода на высоте 10 – 20 см. Происхождение их пока не совсем понятно.

Слои, иллюстрирующие остатки предпоследнего периода обживания поселения исследовались в южной и северной частях раскопа, где остатки архитектуры верхнего периода отсутствовали и не мешали углубляться.

В квадрате 2Б были выявлены остатки Землянки №2, которую удалось изучить частично. Здесь на глубине 90 см от уровня современной поверхности была выявлена неровная хорошо утоптанная поверхность, перекрытая слоем, содержащим сажу, гумус в перемежку с кусками обожженной до красного цвета обмазки печей, фрагментами от керамических сосудов и костей животных. В восточной части квадрата зачистками было выявлено пятно ямы, в северной части которой были выявлены 2 ступени высотой 35 см и шириной 50 см, ведущие вниз. На глубине 150 см от уровня современной дневной поверхности ступени переходят на пол округлого в плане помещения, остатки которого в западной части, на высоту до 70 см, сохранили остатки вырубленного в культурном слое сводчатого перекрытия (Рис. 10; 11). Стенки землянки и пол сохранили штукатурку с саманом. Землянка была заполнена гумусом, содержащим золу, древесные угли, обожжённые куски стенок печей, кости животных, фрагменты от керамических сосудов и окатанные камни. Землянка не выглядит жилой, слишком заглублена и имела сводчатое перекрытие, высота которого реконструируется до 120 см. Очевидно, что подобное сооружение могло служить лишь для хранения для продуктов. Землянка вскрыта частично. Три четверти ее оказались в стенках раскопа. Помещение землянки в плане имело округлую форму. Реконструируемый ее диаметр не намного превышает 200 см.

В северо-восточном углу квадрата 1А, расчищены остатки вылепленного из зеленоватой глины округлого в плане резервуара. Его стенки сохранили три слоя обмазки. Внутренний его диаметр составил 60 см, внешний – 100 см. Резервуар исследован частично – три четверти его оказалась за пределами раскопа (Рис. 10; 13). Сооружение могло использоваться для хранения питьевой воды. В квадрате 1Б на уровне предпоследнего периода расчищены ямы глубиной до 20 см, заполненные золой и обожженными фрагментами печей.

В квадратах 6А и 6Б на уровне предпоследнего периода были выявлены остатки стены из желтой глины похожей на кладку из кирпича. В квадрате 6Б южнее 20 см были расчищены остатки стены, по-видимому, наземного жилища (Землянка №3) округлой в плане формы, сложенной кирпичом из желтой глины. Сохранился один их ряд. Расчищен юго-западный сектор помещения. Реконструируемый диаметр жилища – 4,5–5 м. Уровень пола, как и в Землянке №1, сохранил слой органического тлена белого и желтого цветов, по-видимому, войлочных ковров. (Рис. 10; 14).

Южнее была расчищена хорошо утрамбованная дворовая поверхность, имевшая характерный для бадрабов зеленый цвет. Между участком расчищенной дворовой поверхности, южнее 20 см от стены Землянки №3, расчищены сохранившиеся на высоту до 30 см остатки пахсовой стены, сложенной из желтой глины, ограждавшей выявленный жилой комплекс предпоследнего периода от двора.

Небольшой шурф, заложенный нами в юго-восточном углу квадрата 7Б, выявил, на глубине 120 см от уровня современной дневной поверхности, более ранний хорошо утопанный уровень дворовой поверхности, формировавшийся под открытым небом. Он оказался прокаленным до красного цвета. На его уровне была расчищена кучка небольших галек, пригодных для пращи.

Керамический комплекс последнего периода

Полученный комплекс керамической посуды поселения предпоследнего периода мало чем отличается от комплекса керамических сосудов заключительного времени. Его также можно разделить на две основные, в количественном отношении почти равные, группы.

Первая группа – столовая посуда, отличительной особенностью ее являются формы средних размеров. Их можно разделить на несколько типов: чаши, миски, конические кубки, небольшие кувшины и горшки (Рис. 12).

Сосуды этой группы, как правило, выполнены из глины хорошей отмучки. Глина содержит незначительную примесь мелко истолченной дресвы и (или) гипса. Видимые примеси иногда вообще отсутствуют. Глина иногда бывает настолько чистой, какая обычно применялась для посуды, изготовлявшейся на гончарном круге. Стенки обожжены неровно. Они как правило пятнистые от черного до ярко красного цветов. Черепок обожжен неровно – внутри может быть черным, а по краям красный. Все это свидетельствует о том, что процесс обжига посуды занимал недостаточное время. Около 10% столовой посуды имеют стенки серого цвета с зелено-

ватым или темно-коричневым оттенками. Такую посуду обычно принято называть серо-глиняной. Небольшая часть сосудов этой группы покрыта красным ангобом отличного качества и имеет хорошее сплошное лощение. Для столовой керамики предпоследнего периода посуда с геометрическим орнаментом черной краской по красному ангобному фону встречается чаще, но тоже редко, фрагменты ее крупнее.

Вторая группа – это хозяйственная керамическая посуда небольших и крупных размеров. Сосуды этой группы можно разделить на целый ряд типов: низкие и высокие горшки со сливом и без; крупные горшки с шаровидным резервуаром со сливом и без; горшковидные котлы с горизонтальными луновидными ручками со сливом и без; жаровни; крышки; миниатюрные горшочки и мисочки, которые могли использовать в качестве курильниц или светильников. Крупные горшки как правило имеют дисковидный поддон, прилепленный отдельно.

Глина для сосудов этой группы была, как правило, хорошей отмучки, хорошо промешана, с примесью дресвы, какой-то органики, какого-серебристого минерала с металлическим серебристым отливом, раковин моллюсков и гипса. Обжиг керамики этой группы лучше, чем столовой, черепок, как правило прокален равномерно. Хуже всего обожжены жаровни и крышки. Крышки часто имеют ручки оригинальной формы (Рис. 12). Посуда этой группы была не орнаментирована, но покрыта густой ангобоподобной массой плохого качества.

В культурных слоях последнего периода обживания найдены: бронзовый наконечник дротика с прорезанным пером; ткацкая гребенка из кости, использовавшаяся при набивке нитей ткани; проколка, сделанная из плюсневой кости; бронзовая серьга с разъемными концами; и сердоликовая бусина (Рис. 15).

В целом, результаты исследований иллюстрируют, что на протяжении последнего периода жизни поселения на исследованном участке располагалось отдельно стоящее полуподземное жилище округлой в плане формы диаметром 8 м. В центре жилища располагалась округлая в плане яма окруженная округлой в плане суфой с поверхностью вогнутой – чашевидной формы. Суфа от уровня пола ямы располагалась на высоте от 60 до 90 см. Реконструируемая площадь жилища составила немногим более 50 кв. м. У землянки аналогичной нашей – с полом «чашевидной» формы исследованной Ю.А. Заднепровским и Б.Х. Матбабаевым стенами являлся материк (Матбабаев, 1984. С. 57). Наше жилище врыто в более ранние культурные напластования. Не исключено, что стены ее были пахсовыми. Необычная планировка землянки позволяет предполагать, что она могла иметь общественное или сакральное значение.

К северу и к югу от жилища выявлены хозяйственные участки с очагами, на территории которых готовилась пища, участки для хранения продуктов – крупный горшковидный сосуд и производственные участки – остатки плавильного горна, «склад» терочников, наковален и курантов.

В северной части раскопа, в квадратах 7А и 7Б на последнем этапе жизнедеятельности поселения располагалось свободное от хозяйственной деятельности пространство, с хорошо утоптанной поверхностью и чистое от остатков жизнедеятельности.

тельности. Участок соответствует верхней части восточной половины холма поселения. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что здесь могло располагаться общее пространство жителей поселения, обычно называемое площадью (Рис. 1).

На протяжении предпоследнего периода, на исследованном участке располагалось отдельно стоящее, по-видимому, наземное жилище округлой в плане формы диаметром до 5 метров. Площадь жилища составляла около 20 кв. м. Стены его были возведены из сырцового кирпича.

К северу от жилища располагался хозяйственный участок. В квадрате 2Б была расчищена Землянка №3 округлой в плане формы диаметром 2 м, заглубленная в культурные напластования более раннего времени более чем на 60 см. В землянку можно было спуститься по двум ступеням. Сооружение имело сводчатое перекрытие, замыкавшееся на высоте до 120 см, и было, по-видимому, предназначено для хранения продуктов питания. В северо-западном углу квадрата 1А расчищены остатки округлого в плане резервуара, сложенного из зеленой глины диаметром до 100 см.

Южнее пахсовой стены из желтой глины и землянки №3, как свидетельствуют результаты раскопок, в квадратах 7А и 7Б на предпоследнем и на последнем этапе жизнедеятельности поселения располагалось свободное от хозяйственной деятельности пространство. Это пространство соответствует средней части холма восточной части поселения. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что в этот период здесь могло располагаться свободное от построек и хозяйственной деятельности общественное пространство поселения, обычно называемое площадью.

Полученные предварительные результаты исследований иллюстрируют, что на двух последних этапах обживания обследованного участка Чустского поселения вероятно располагались жилые комплексы, ориентированные с юга на север – по склону холма поселения. Жилые комплексы состояли из одного или двух однокомнатных жилищ наземной или полуподземной конструкции. К северу от них, вниз по склону, располагались хозяйственные пристройки с каменными орудиями (терочниками, наковальнями и курантами), подземная землянка со ступенями и сводчатым перекрытием, предназначенная для хранения продуктов, вкопанный по венчик очень крупный керамический горшок и сложенные из глины резервуар предназначенные, по-видимому, для хранения продуктов питания. К северу от жилищ выявлены следы хозяйственных участков с очагами, на которых готовилась пища, и остатки производственного участка – плавильный горн.

На северном краю раскопа, в квадратах 7А и 7Б – на участке, расположенном на верхней части холма поселения, выявлено чистое от остатков жизнедеятельности пространство, с хорошо утоптанной поверхностью. Это пространство оставалось таким на протяжении трех последних периодов существования поселения. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что на вершине восточной неукрепленной части холма поселения могло располагаться общественное пространство, обычно называемое площадью (Рис. 6).

Вопросы датировки

Ю.А. Заднепровский датировал чустскую культуру от рубежа II – I и до рубежа VIII–VII вв. до н.э. (Заднепровский Ю.А. 1978. С. 33). А в следующей работе, посвященной поселению Ош, он датировал чустскую культуру XVI/XV–VIII/VII вв. до н.э. (Заднепровский, 1997. С.11103). Таким образом, заключительный этап чустского поселения, по его мнению, следовало бы датировать VII вв. до н.э.

Б.Х. Матбабаев, учитывая серию имевшихся в его распоряжении радиоуглеродных дат, полученных по образцам с поселений Чуст, Дальверзин и Ош датировал время существования чустской культуры в пределах XII–VIII–VII вв. до н.э.

Для определения вероятной на наш взгляд верхней границы абсолютной хронологии чустского поселения большое значение имеет наконечник дротика, найденный нами в слоях предпоследнего периода. Он имеет абсолютные аналогии среди наконечников, найденных: в Новочеркасске; в урочище Глушица в Волгоградской области; Сабанчеево в Атяшевском районе Республики Мордовия; близ поселка Новосадовый Белгородского района Белгородской области – Россия. Чустский наконечник относится к наконечникам дротиков и копий так называемого сабанчеевского типа предскифского времени. Хронологические рамки бытования наконечников дротиков и копий сабанчеевского типа по ряду комплексных сопровождавших их находок датируются финалом эпохи бронзы юга России. Их исследователями определены абсолютные даты, которые охватывают период XII–X вв. до н. э. (Кутимов, Тутаева, 2020. 37–38). Наконечники этого типа в Ферганской долине считаются импортом. По нашему мнению, предпоследний период чустского поселения можно отнести к X вв. до н. э.

Произошедшие в последние десятилетия целый ряд передатировок культур степной бронзы и уточнение верхней границы хронологии культуры Сапалли позволили несколько иначе позиционировать во времени археологические комплексы Яз-депе I и Кучук I относительно памятников культур БМАК и андроновской историко-культурной общности. Чустская культура сегодня отчетливо синхронизируется с Бургулюкской культурой, имевшей распространение в Ташкентском оазисе. На наш взгляд, нижние ее границы могут быть отнесены ко времени не ранее конца XIV века до н.э. Верхние ее пределы ограничивают раннесакские комплексы с наконечниками стрел жаботиновского типа. Абсолютная датировка бытования последних сегодня тоже дискутируется. Нам представляется вероятным их широкое распространение в Средней Азии в VIII веке до н.э.

В целом нам представляется наиболее вероятным относить время существования Чустской культуры к периоду времени от конца XIV до конца IX века до н.э.

Обращает на себя внимание, выявленное на исследованном нами участке чустского поселения отсутствие среди изученных керамических комплексов двух последних периодов «классической» чустской орнаментированной (геометрический орнамент черной краской на красном ангобном фоне). Керамика из этих слоев чрезвычайно близка бургулюкской керамике. Вместе с тем орудийный комплекс чустского поселения на протяжении двух последних периодов по-прежнему продолжает ферганские традиции.

Керамика, украшенная геометрическим орнаментом черной краской по красному ангобному фону на чустском поселении характерна только для его ранних периодов.

Использованная литература:

1. *Воронец М.Э.* Археологическая рекогносцировка 1950 г. по Наманганской области. – Известия АН УзССР, 1951, № 5. С. 95.
2. *Воронец М.Э.* Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950–1951 гг. // В кн.: Труды Музея истории УзССР. Вып. II, 1954. С. 53 – 57).
3. *Заднепровский Ю.А.* Раскопки поселений чустской культуры Ферганы. // АО. 1974. М.: Наука, 1975. С. 449.
4. *Заднепровский Ю.А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дисс... док. ист. наук. М, 1978. 52 с.
5. *Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х.* Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950 – 1982). // ИМКУ. Вып 19. Ташкент, 1984. С. 46 – 71.
6. *Заднепровский Ю.А.* Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. // Бишкек, 1997. 171 с.
7. *Кутимов Ю.Г., Тутаева И.Ж.* Археологические комплексы степного типа и проблема абсолютной датировки чустской культуры Ферганской долины. // Археологические вести. Ин-т истории материальной культуры РАН. – Вып. 30. СПб., 2020. 368 с.
8. *Матбабаев Б.Х.* Новые исследования на Чустском поселении (Фергана). // СА. № 4. М. 1984. С. 241 – 245.
9. *Матбабаев Б.Х.* Локальные варианты чустской культуры Ферганы. Автореф. дис... канд. ист. наук. Ленинград, 1985. 18 с.
10. *Спришевский В.И.* Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.). // Советская этнография. № 3. М., 1954. С. 69–76.
11. *Спришевский В.И.* Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.). // КСИ-ИМК. Вып. 69. М., 1957. С. 40–49.
12. *Спришевский В.И.* Чустское поселение эпохи бронзы. (Раскопки 1955 г.). // КСИ-ИМК. Вып. 71. М., 1958. С. 86–98
13. *Спришевский В.И.* Раскопки Чустского поселения в 1956 г. // СА, М., 1958а. №3. С. 185 – 189.
14. *Спришевский В.И.* Чустское поселение (К истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ташкент, 1963.
15. *Спришевский В.И.* Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана. // СА, М., 1972, № 3. С. 65–72, 228. Рис. 1, 3.
16. *Спришевский В.И.* Керамика, бронзовые и каменные изделия Чустского поселения. // Слово памятникам истории и культуры. Ташкент, 1973. С.104–105.

Сведения об авторах:

Анарбаев Абдулхамиджон, доктор исторических наук, профессор, заведующий отдела, Национальный центр археологии АН РУз, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81. E-mail: anarbaev-ahsi@mail.ru

Баратов Сергей Равшанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный центр археологии АН РУз, Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. М. Улугбека, д. 81.

Перечень рисунков и подписи к ним

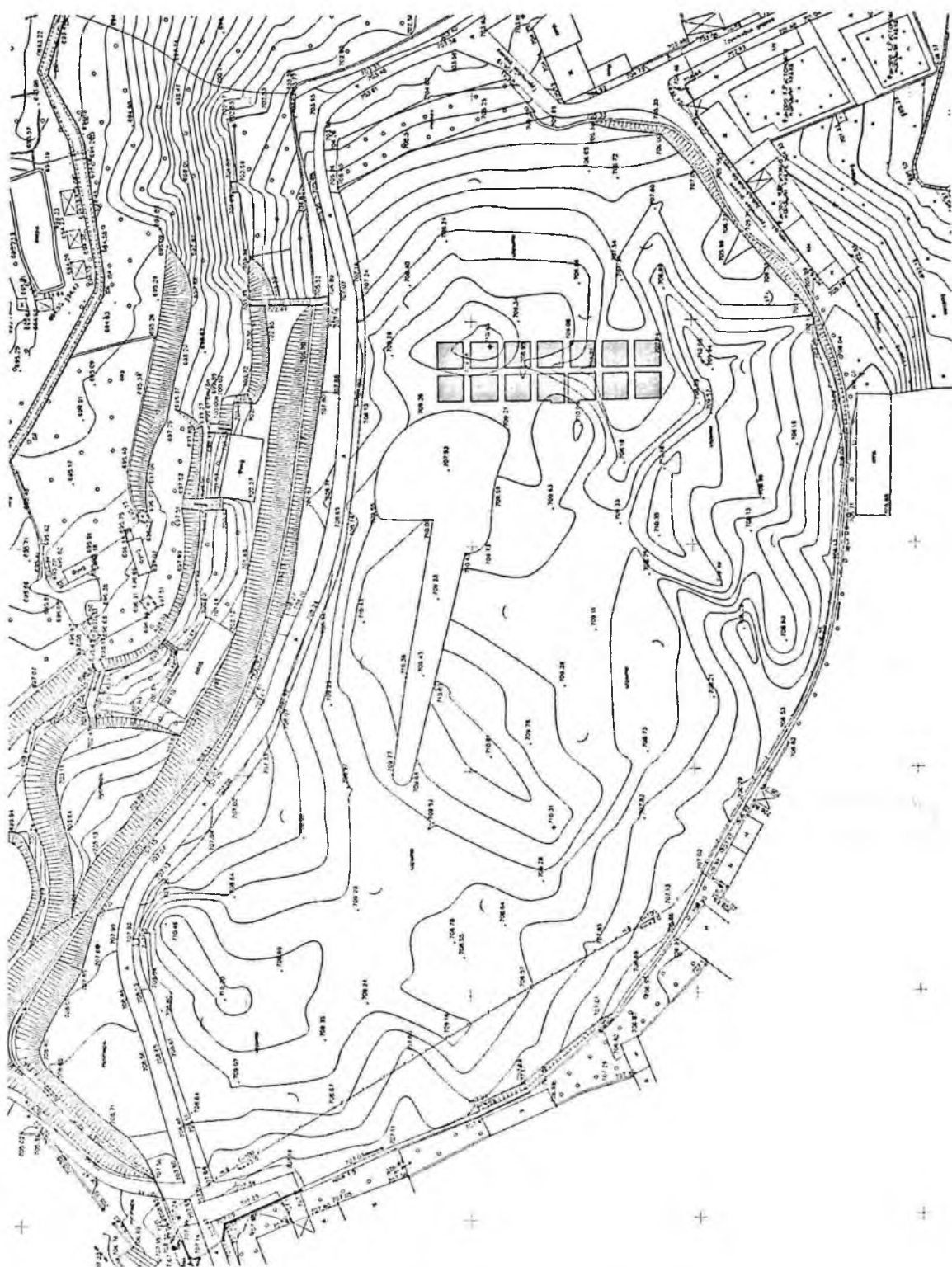

Рис. 1. План поселения Чуст Бибиона с раскопом 2021 года

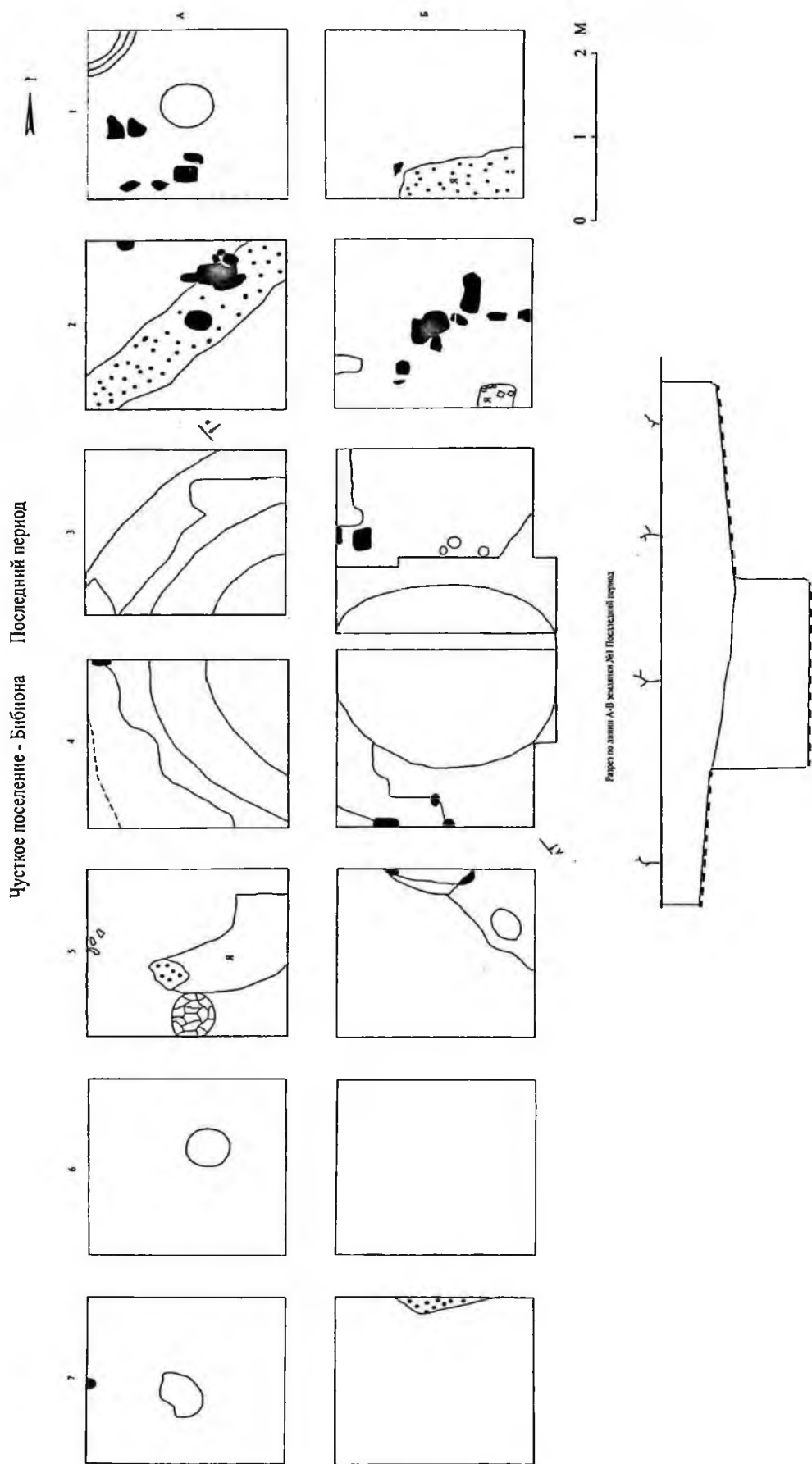

Рис. 2. План раскопа на поселении Чуст Бибиона 2021 года. Последний период

Рис. 3. Общий вид раскопа поселения Чуст Бибиона 2021 года

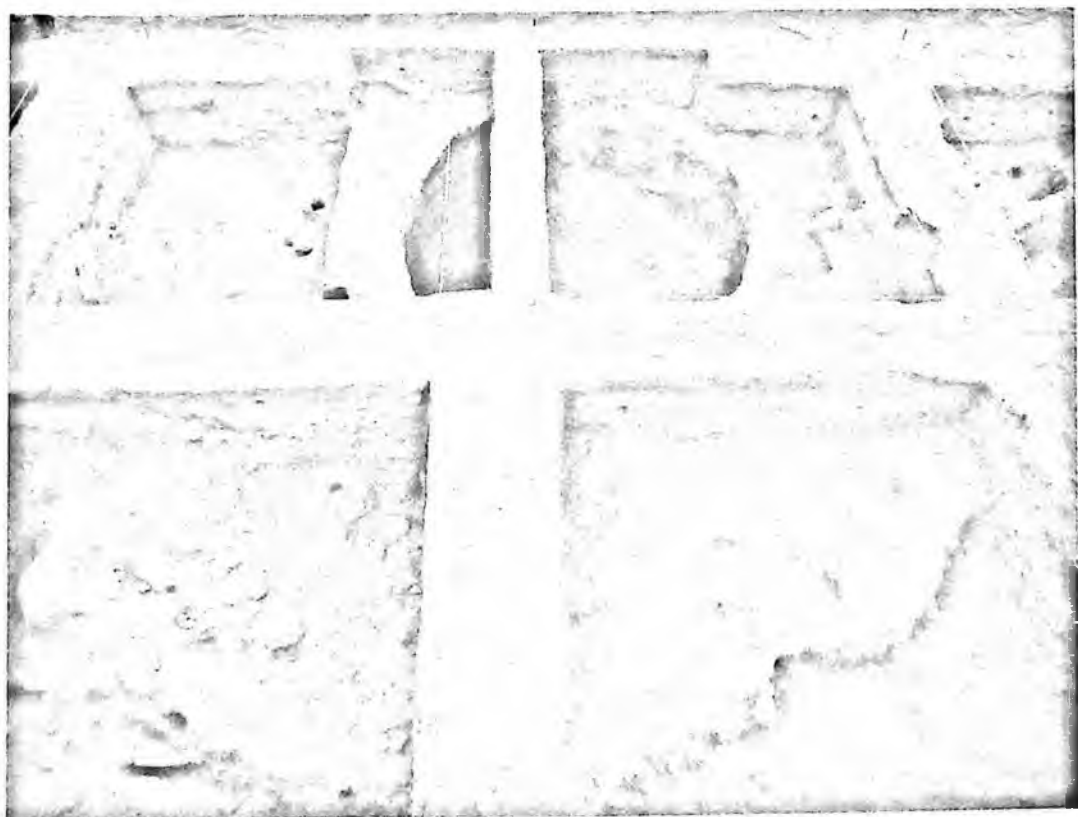

Рис. 4. Вид Землянки № 1

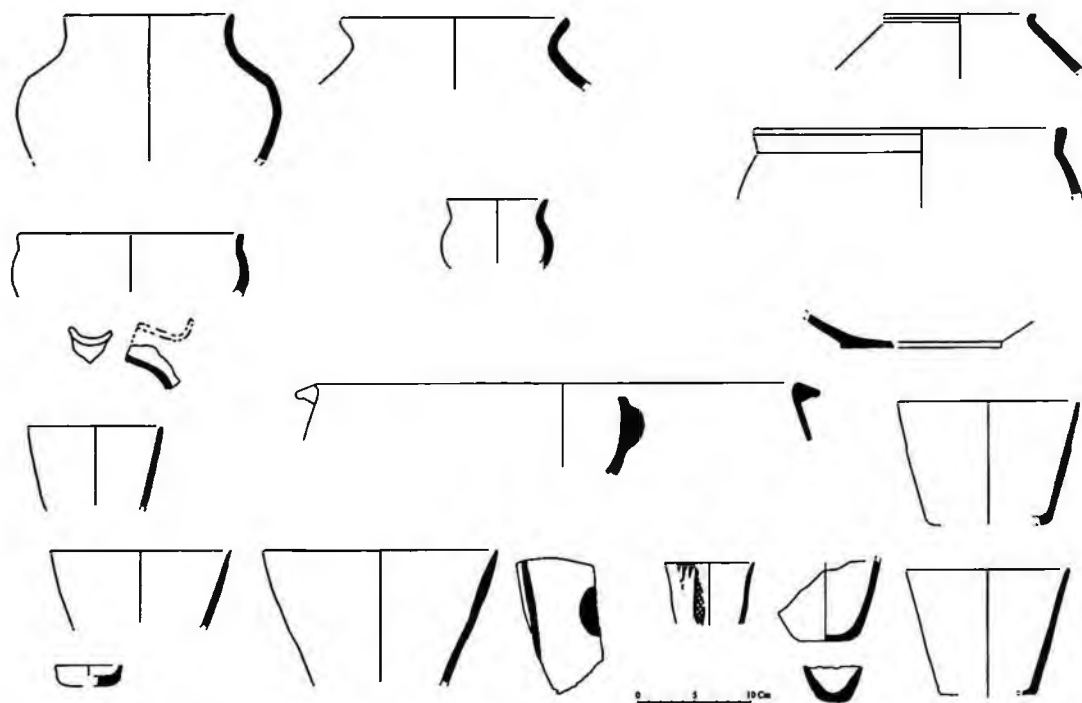

Рис. 5. Сводная таблица керамических сосудов из Землянки № 1

Рис. 6. Поверхность двора предпоследнего периода (кв.7А сл. 2)

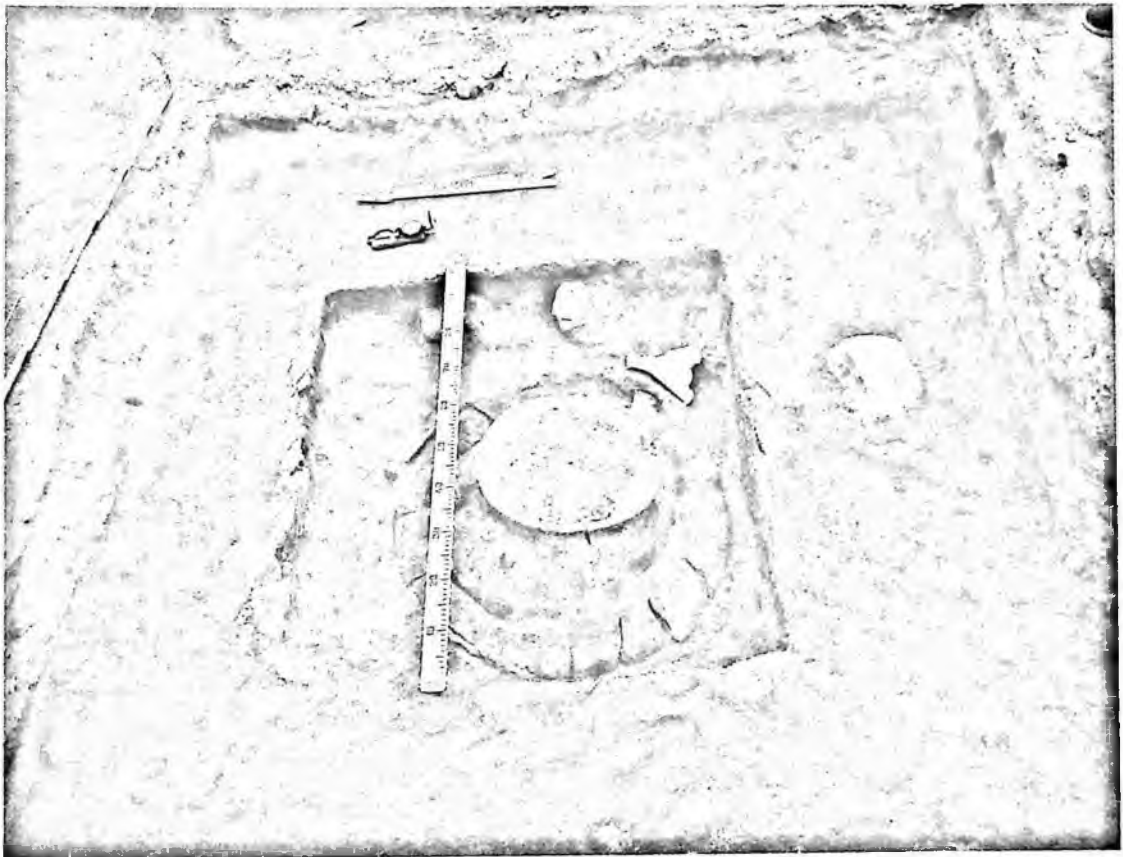

Рис. 7. Вкопанный крупный горшок с уровня последнего периода (кв. 1А)

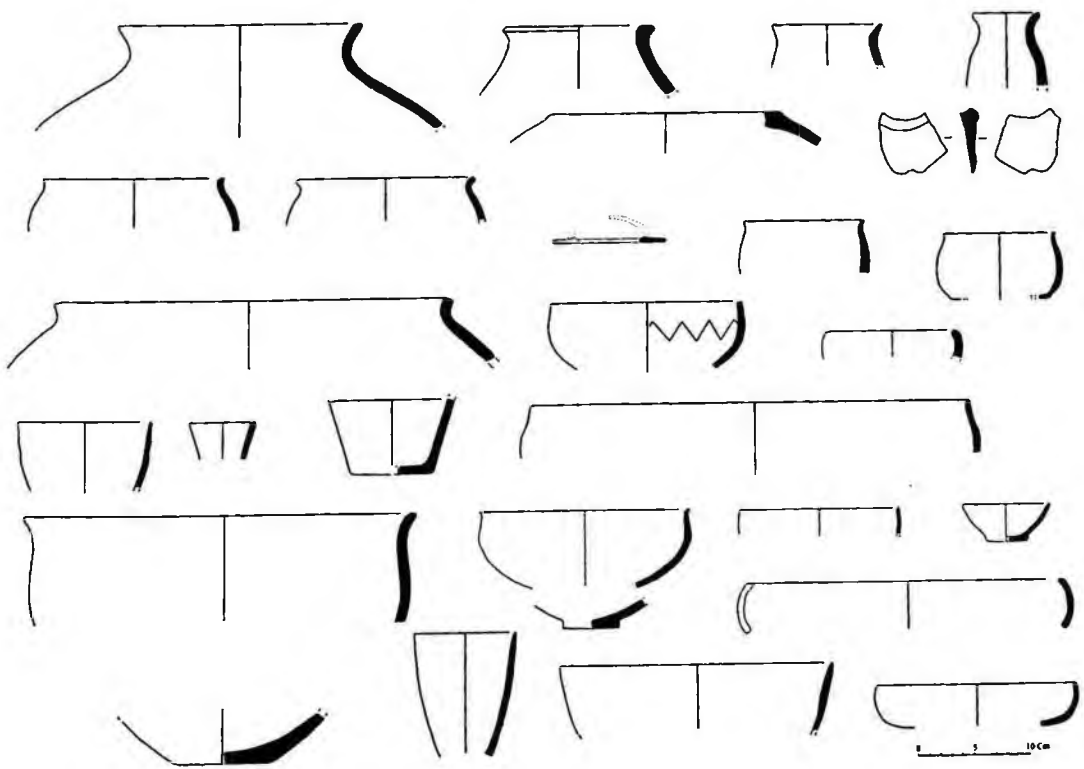

Рис. 8. Сводная таблица керамических сосудов последнего периода

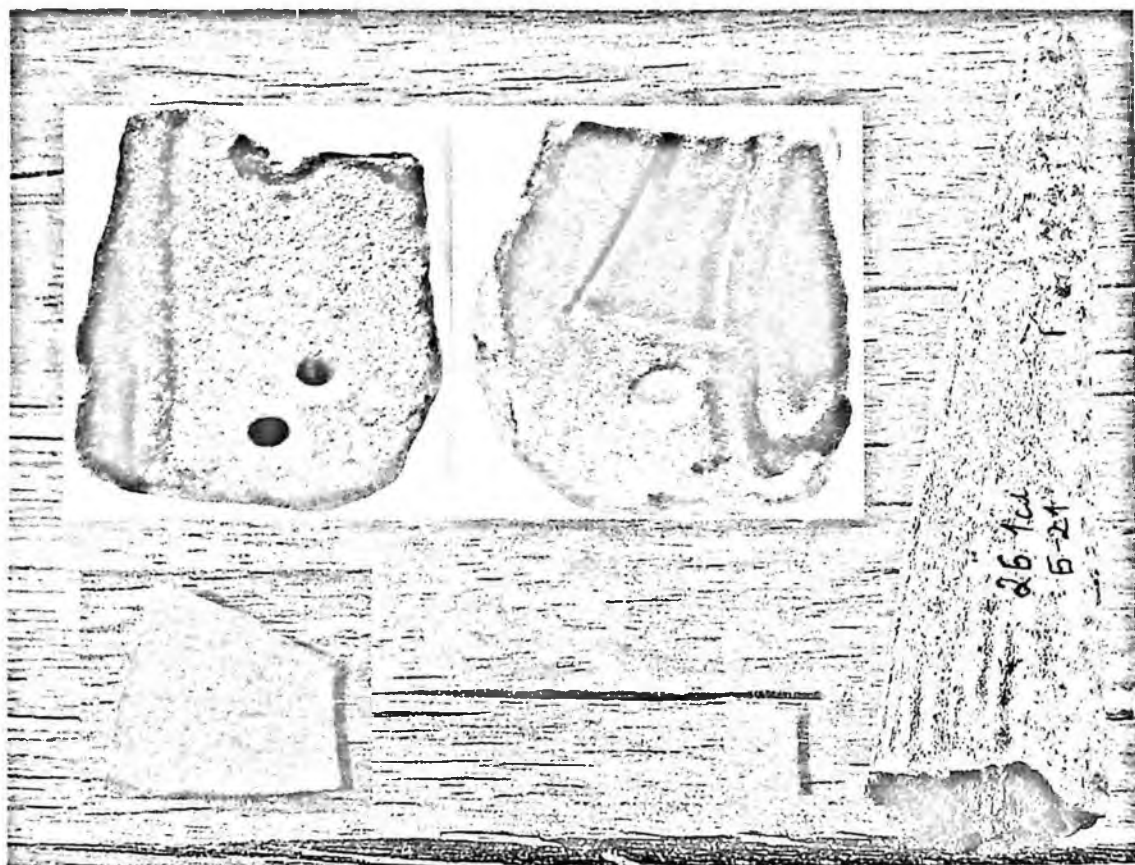

Рис. 9. Последний период

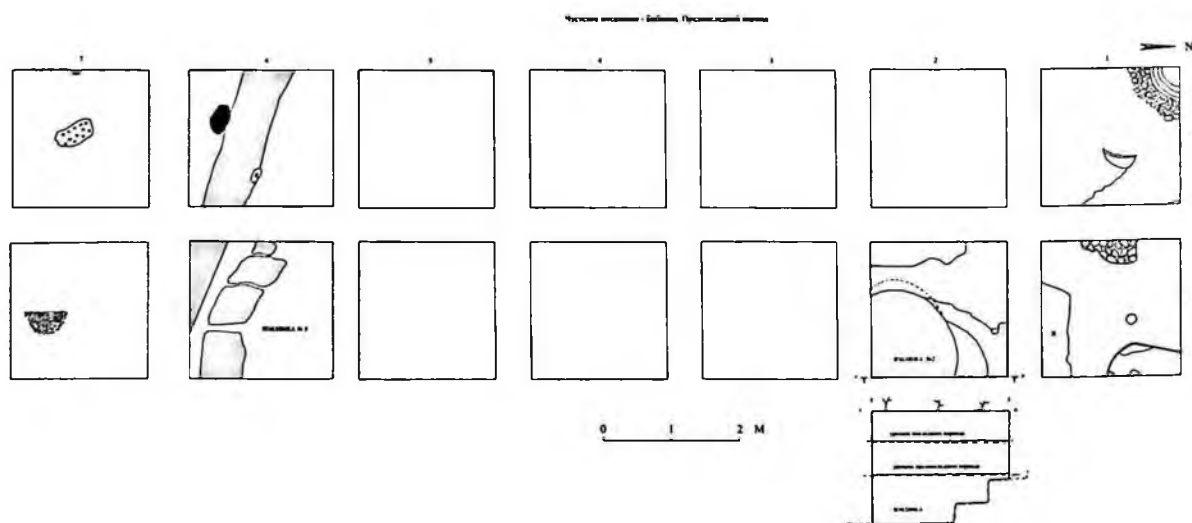

Рис. 10. План раскопа 2021 года на поселении Чуст-Бибиона. Предпоследний период

Рис. 11. Землянка № 2. Предпоследний период

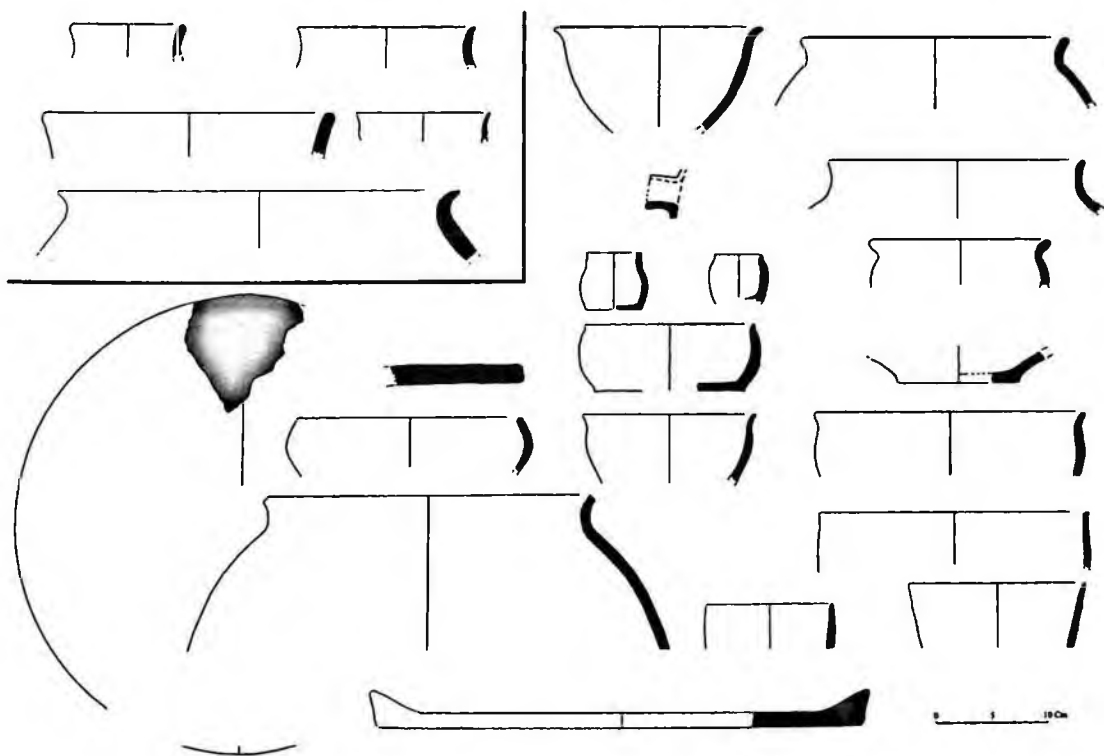

Рис. 12. Сводная таблица керамических сосудов из Землянки № 2 и с уровней

Рис. 13. Резервуар для воды (кв. 1А). Предпоследний период

Рис. 14. Землянка № 3 (кв. 6Б)

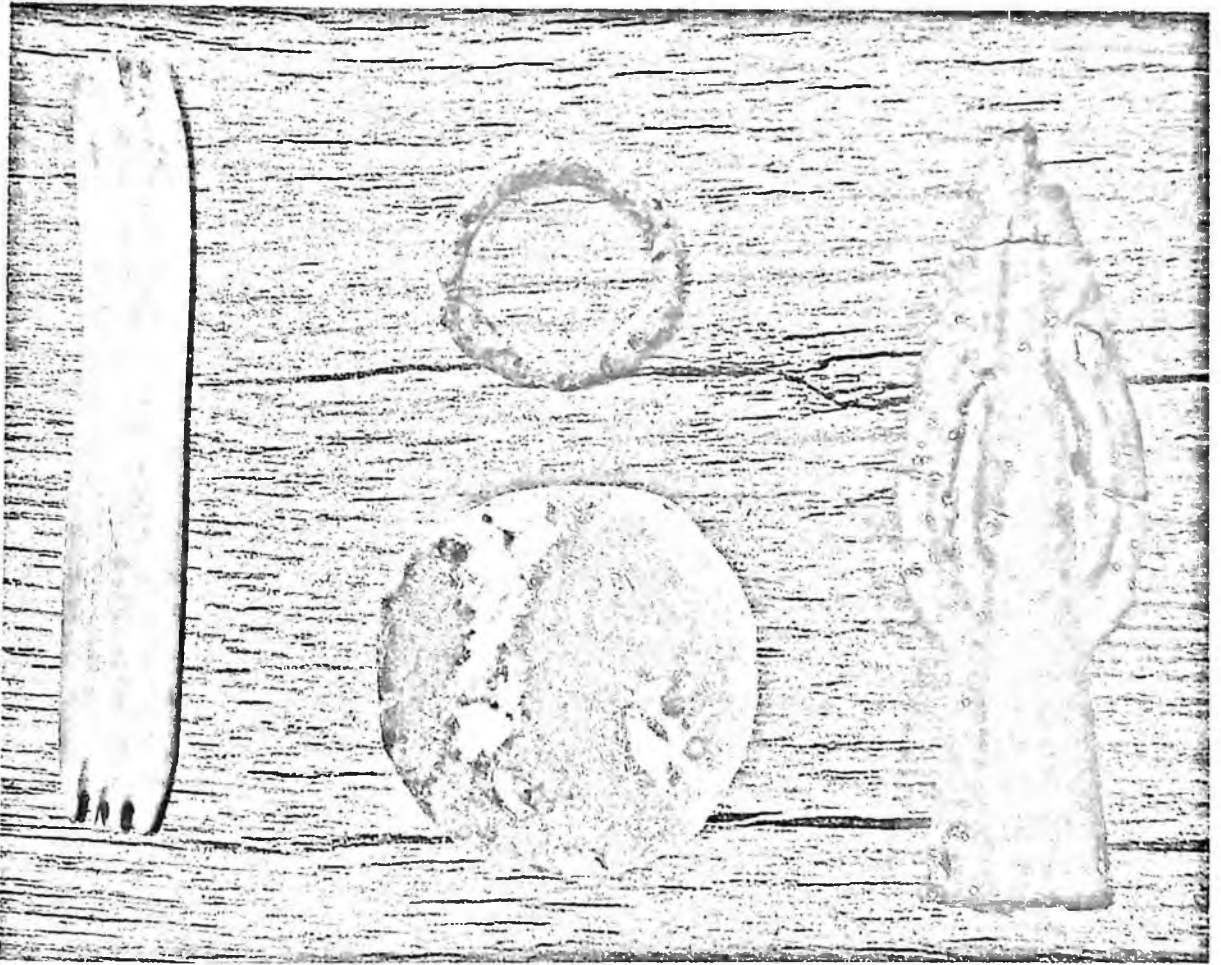

Рис. 15. Находки с уровней предпоследнего периода

ЧУСТ (БИБИ ОНА) ЁДГОРЛИГИДА ОЛИБ БОРИЛГАН ЯНГИ АРХЕОЛОГИК ТАДҚИҚОТЛАР

Аннотация: Ушбу мақолада қуйи бронза даврига оид Чуст ёдгорлигининг ўрганилиш тарихи таҳлил қилинган. 2021 йилда олиб борилган археологик тадқиқотларнинг таснифи ва таҳлили берилган: ёдгорликнинг сўнгги икки даврининг стратиграфияси; бу ерда қазиб очилган турар жойлар; қўлга киритилган топилмаларнинг (сопол идишлар, меҳнат ва жанговар қурооллар, зебу зийнатлар) таснифи берилиб, таҳлил қилинган. Шу билан бирга, Чуст (Биби она) ёдгорлигида ҳаётнинг тўхташи ҳақида дастлабки янги фикр ва мулоҳазалар айтилган.

Калит сўзлар: Ўрта Осиё, Ўзбекистон Республикаси, Фарғона водийси, Наманган вилояти, Чуст тумани, Чуст (Биби она) деҳқонлар қароргоҳи, сўнгги бронза, Фарғонанинг қадимги ўтrock деҳқончилиқ маданияти.

NEW ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN THE SETTLEMENT OF CHUST – BIBIONA

Abstract: The article summarizes the results of archaeological research of the Chust settlement (Bibiona) of the Bronze Age by researchers who preceded us: M.E. Voronets, V.I. Sprishevsky, Yu.A. Zadneprovsky and B.H. Matbabaev, who conducted excavations of the settlement in 1950–1988. The results of our archaeological excavations are presented: a description of the stratigraphy of the last two periods of the settlement's life revealed by us; the remains of dwellings discovered; the newly obtained systematized complex of archaeological finds – fragments of ceramic vessels, ancient tools, weapons and jewelry from ancient layers of the settlement of the last two periods of its existence. It is proposed, in our opinion, a probable preliminary conclusion about the time of termination of life in the settlement.

Keywords: archaeological research in Central Asia, Republic of Uzbekistan, Ferghana Valley, Namangan region, Chust district, Chust settlement – Bibiona, Late Bronze Age, culture of ancient farmers of the Ferghana Valley.

Леонид Сверчков, Николаус Бороффка

ПЕРВЫЕ ОБРАЗЦЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА КУЛЬТУРЫ ЯЗ-I

Аннотация: В данной статье представлены две группы необычных находок эпохи раннего железа из поселения Майдатеп (Южный Узбекистан) периода Яз-I. В первую группу включены абстрактные антропоморфные фигурки удлинённо-вытянутой формы, изготовленные из обычной необожжённой или обожжённой глины, с выделенными носами и чётко выделенными глазами, редко с дополнительным орнаментом. Ко второй группе относятся пять каменных изделий, а также ещё один предмет, обнаруженные в одной и той же закрытой яме поселения Майдатеп. Указанные пять частично фрагментированных изделий изготовлены из грубо отёсанного известняка в виде стел, в некоторых из которых выделены головы. Учитывая находки рядом глиняных изделий первой группы, каменные стелы вполне можно отнести к тому же классу антропоморфных. Ещё один каменный предмет – сталагмит, намеренно доставленный на поселение, в верхней части имеет обусловленное естественной эрозией рифление, напоминающее волосы, отчего, видимо, он и попал в одну группу и одну яму с антропоморфными стелами.

В целом, само наличие подобной коллекции предметов полностью противоречит сложившемуся прежде представлению о полном отсутствии изобразительного искусства в сообществах эпохи раннего железа периода Яз-I, которое, следует заметить, радикально отличается от предшествующей художественной традиции эпохи бронзы.

Ключевые слова: Центральная Азия, Южный Узбекистан, культура лепной расписной керамики, каменные стелы, глиняные фигурки.

Вся научная деятельность Абдулхамида Анарбаевича связана с исследованием памятников средневековой эпохи: от Пенджикента и городища Афрасиаб до Ахсикета, Папа и Касана. Наверное, юбиляр вправе ожидать от нас что-то связанное со средневековой тематикой, однако теснейшие связи областей домонгольского Мавераннахра возникли не на пустом месте и имеют намного более глубокие корни, уходящие в далёкое прошлое, ещё в доахеменидский период. В этой связи хотелось бы подчеркнуть особо выдающееся значение археологии Ферганской долины, древнее население которой, как, впрочем, и соседнего Ташкента-Чача, наиболее полно сохранило культурную преемственность. Не будучи завоёванными ахеменидским Ираном в середине I тыс. до н.э., здесь не произошло коренных преобразований, отразившихся во всех сферах жизни Средней Азии, от сугубо материальной до духовно-религиозной. Миновали Фергану и Ташкент бедствия греко-македонского вторжения во главе с Александром. Соответственно, на примере

Ферганы можно наблюдать истоки и эволюцию культуры с эпохи поздней бронзы вплоть до арабского завоевания в начале VIII в. н.э., не подвергшейся сколько-нибудь кардинальному воздействию извне. В качестве примера можно привести чустскую (эйлатанскую, шурабашатскую) культуру, однако не менее интересно её юго-западное подобие, известное под названием культура Яз-І, о которой больше написано, чем раскопано.

В эпоху раннего железа всю обширную территорию от Иранского Хорасана на юго-западе до Таримского бассейна на северо-востоке занимала так называемая культурно-историческая общность лепной расписной керамики. Долгое время по тем или иным причинам культура Яз-І (примерно 1500–1000 гг. до н.э.) рассматривалась изолированно от сопредельных сообществ такого же, практически идентичного типа. Вероятно, это объясняется тем, что период «варварской оккупации», т.е. Яз-І изначально был выявлен и искусственно привязан исключительно к памятникам юга Туркменистана и Узбекистана. Однако со временем, по мере открытия всё новых и новых археологических памятников культуры лепной расписной керамики эпохи раннего железа ситуация понемногу начинает исправляться. Ареал распространения по сути единого археологического комплекса уже не позволяет дробить общее историко-культурное пространство на отдельные культуры, хотя и подразумевает локальные варианты в предгорной полосе Копетдага, Мургабском оазисе, Сурхандарье, Кашкадарье, Ташкенте, Самарканде, Ферганской долине и т.д., за исключением, пожалуй, горного Памира, Хорезма и территории современного Казахстана, занятых племенами позднеандроновского круга.

Другими двумя устойчивыми пережитками прежних представлений являются утверждения об отсутствии в культуре Яз-І архитектурных сооружений и произведений изобразительного искусства. При более детальном археологическом исследовании первый тезис был полностью опровергнут, когда выяснилось, что стены домов Яз-І возводились с использованием деревянного каркаса, что и сейчас можно видеть в этнографических жилищах Средней Азии. Каркасная архитектура, конечно, обладает ценными антисейсмическими свойствами, но крайне недолговечна, поэтому археологи находят лишь углублённую или подвальную, подземную часть жилища, ошибочно принимаемую за жилые «полуземлянки» или «землянки».

По мере того как на памятниках Яз-І начали производиться не отдельные зачистки или зондирование, а планомерные раскопки, накопилась критическая масса знаний, требующая хотя бы предварительного осмысления. Прежде всего это касается вопроса об изобразительном искусстве эпохи раннего железа Центральной Азии. Невозможно представить, чтобы в человеческом сообществе на протяжении многих столетий вообще отсутствовал подобный вид творческой деятельности, ограничиваясь исключительно декором керамики и интерьеров домов. Разумеется, отчасти это объясняется отсутствием масштабных археологических работ, но не стоит забывать и о редкости в археологической практике подобного рода находок.

Как следствие, весь период раннего железного века Центральной Азии, в том числе культура лепной расписной керамики Яз-І считался обделённым какими-ли-

бо признаками изобразительного искусства (Lhuillier, 2013. С. 169–170; Boroffka, Lhuillier, 2018. С. 2). Единственным примечательным исключением является находка маленькой каменной головы, подобранной на землях колхоза им. Карла Маркса близ селения Миршаде Сурхандарьинской области Южного Узбекистана и опубликованной Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1973. С. 78–79. Рис. 1–2)⁶. Изделие вырезано из тёмно-коричневого плотного камня и тщательно отполировано, размер его 7,5×5,5×5,3 см, (рис. 1: 1), в настоящее время хранится в музее Института искусствознания (г. Ташкент). В течение многих лет это была единственная антропоморфная художественная скульптура культуры раннего железного века Яз-I, атрибуция которой иногда даже ставилась под сомнение (Lhuillier, 2013. С. 320 даже не упоминает эту находку).

В начале 1970-х годов в Сурхандарьинской области на юге Узбекистана была выявлена группа древних и средневековых городищ и поселений, датируемых от эпохи поздней бронзы до монгольского завоевания (Ртвеладзе, 2007). Они сконцентрированы в округе современного города Бандыхан, и каждому отдельно взятому историческому периоду соответствует свой памятник, что было обусловлено изменением водного режима.

В 2005 г. к раскопкам в Бандыхане приступила вновь созданная Узбекско-Германская экспедиция, начавшая планомерное исследование памятников самых разных эпох, предварительные результаты которого неоднократно публиковались (Сверчков, Бороффка, 2006; 2007; 2008; 2009; 2012; 2015; 2016; Boroffka, 2009; 2010; 2020). Одним из мест, где были проведены детальные раскопки, является Майдатеп, возвышающееся на западной окраине современного города Бандыхан. Центральный бугор Майдатеп сегодня используется под кладбище, но северная часть поселения, отделённая от цитадели древним каналом или речным ответвлением, была свободна для раскопок. Здесь на площади 20×15 м были вскрыты руины крупного дома, стены которого возведены из сырцового кирпича с использованием деревянного каркаса на пахсовом или, реже, каменном фундаменте. Материалы из раскопок относятся к периоду Яз-I, калиброванный радиоуглеродный анализ подтвердил датировку от середины до конца II тысячелетия до н.э. (Boroffka, Sverchikov, 2013. Fig. 11). Только несколько позднейших неглубоких ям, в том числе одна, по-видимому, землянка, выкопанные в слое запустения, перекрывающем руины дома культуры Яз-I, относятся к следующему периоду – Яз-II раннего этапа (Яз-IIA).

В самых нижних слоях раскопа был обнаружен ряд необычных предметов, часть которых сделана из необожжённой глины (комплексы 131, 137, 138), другие были обожжены⁷. Следует отметить, что все необожженные изделия найдены в тонкой прослойке белой золы, утолщающейся к краю раскопа. В прилегающих

⁶ Точное местонахождение предмета – археологический памятник Шонтмазар, названный так в связи с позднейшим захоронением наверху почитаемого в исламской традиции праведника. Находится на расстоянии 3,5 км к юго-востоку от современного селения Миршаде и датируется исключительно периодом Яз-I.

⁷ Некоторые из этих объектов были ранее опубликованы (Boroffka, 2009. Fig. 8; 2010. Fig. 8; 2020. P. 53 left), но не были детально рассмотрены и интерпретированы.

слоях было обнаружено большое количество т.н. печного припаса и отходов керамического производства – необожжённых фрагментов сосудов, кусков размятой и подготовленной глины с примесью шамота и отпечатками пальцев гончара, что является характерными признаками гончарной мастерской.

Описание объектов

Комплекс № 110 (культурный слой): обожжённое глиняное изделие коричневого цвета, в тесто добавлен мелкий песок, поверхность тщательно заглажена (Рис. 1: 3; 9d). Форма цилиндрическая, с круглым поперечным сечением и уплощенная в поврежденной верхней части. С одной стороны верхушки, чуть ниже уплощения, «нос» обломан. По обе стороны «носа» видны глубокие точечные оттиски глаз, чуть ниже носа сведенными точками обозначен рот изображения. Слева от носа сохранилась диагональная насечка. В верхней части изделия, возле носа имеются ещё два глубоких отпечатка, примыкающих друг к другу так, что они кажутся почти единым целым. Чуть выше основания на той же стороне отчётливо видно ещё одно точечное углубление. Фигурка сохранилась в высоту на 5,5 см, диаметр поперечного сечения (посередине) 1,2 см.

Комплекс № 116 (культурный слой): обожжённый глиняный предмет серого цвета с черными пятнами, в тесто добавлен мельчайший песок, поверхность тщательно заглажена (Рис. 1: 6; 9a). Основная форма – цилиндрическая, с круглым поперечным сечением и заострённым верхом, слегка повреждена. С одной стороны, ближе к вершине, «нос» сохранился полностью. По сторонам «носа» имеются глубокие оттиски (глаза). От плоского основания основное цилиндрическое тело слегка наклонено назад, а «голова» выгнута вперед. Высота фигурки 6,2 см, диаметр поперечного сечения (посередине) 2 см.

Комплекс № 131 (культурный слой): необожжённый глиняный предмет светло-коричневого цвета, в тесте мелкий песок, снаружи тщательно заглажен (Рис. 1: 2; 9b). Фигурка сработана в виде цилиндра с круглым поперечным сечением, верх её обломан. Сохранившаяся часть опирается на плоское основание, чуть выше которого на одной стороне имеется точечное углубление. Наверху ниже скола обрыва имеется ряд углублений-точек, которые слегка неровной линией направлены вверх к обратной стороне фигурки (стилизированный пояс или рот). Длина 2,9 см, диаметр 0,9–1,7 см.

Комплекс № 137 (культурный слой): необожжённое глиняное изделие серого цвета, в тесте шамот (дроблёная керамика), поверхность заглажена (Рис. 1: 8). Представляет собой конус на прямоугольном основании. «Нос» в верхней части отломан, под ним глубокая лунка – рот. Верхняя и вся задняя часть предмета отсутствуют. Высота фрагмента 5 см, ширина у основания 3,9 см.

Комплекс № 138 (культурный слой): необожжённое глиняное изделие зеленовато-серого цвета, в тесто добавлен мельчайший песок, поверхность очень тщательно заглажена (Рис. 1: 7; 9c). Форма предмета цилиндрическая, с округло-прямоугольным поперечным сечением. У обломанной верхушки сохранился «нос»,

под которым двумя углублениями в одну линию оттиснуто некое подобие рта. Верхняя часть предмета отсутствует, округлое основание повреждено сзади. Высота фигурки 5 см, диаметр поперечного сечения 1,8 см.

Комплекс № 142 (культурный слой): 1. Обожжённое глиняное изделие серо-коричневого цвета без примесей в тесте и без следов заглаживания поверхности (Рис. 1: 5; 10b). Форма предмета коническая с подобием «крыла» на одной стороне. Профиль крыла изогнутый, с небольшим «носом» внизу. С одной стороны от крыла оттиснуты две ямки. Основное тело цилиндрическое, сохранилось в высоту на 4,2 см, диаметр основания 1,4–1,5 см. 2. Обожжённый глиняный предмет наподобие пирамидки тёмно-серого цвета, в тесте примесь песка (Рис. 1: 4; 10a). Поперечное сечение квадратное с закругленными углами. Один конец (вероятно, нижний) обломан, верхушка слегка закруглена. Ближе к верхушке ровно посередине имеется глубокий оттиск-лунка. С учётом сохранности высота предмета составляет 4,7 см, сечение 1,7×1,8 см.

Для понимания сущности вышеперечисленных изделий и их смыслового значения лучше всего в качестве примера обратиться к наиболее сохранившимся комплексам № 110 и 116. Как и у всех прочих, едиными являются форма-основа, вылепленный нос и маркировка глаз (иногда также рта) оттисками-ямками. На предмете из комплекса № 110 рот обозначен пояском из лунок ниже носа, в то время как такие же ямки ниже «головы» и у основания могли либо отмечать другие анатомические особенности (живот, ноги), либо, возможно, какие-то украшения тела. Диагональная насечка, сохранившаяся с одной стороны уплощённой головы (или головного убора), может быть интерпретирована как изображение волос. Статуэтка из комплекса № 116 проще по оформлению, но, как представляется, более элегантна благодаря изгибу туловища, придающему изображению большую динамичность. Собранные на раскопках Майдатепы коллекции, вне всякого сомнения, представлены абстрактными антропоморфными фигурками, выполненными в условно-символической манере. Данные образцы изобразительного искусства (пусть и относительно примитивные) обнаружены в культурных слоях поселения в предполагаемой производственной зоне, что, к сожалению, пока не позволяет выяснить их предназначение.

Другая группа изделий из раскопок Майдатепы отличается от предыдущей по многим параметрам. Прежде всего, речь идёт о комплексе 100a, представляющем собой колоколовидную яму, опущенную с самого нижнего пола строения и углублённую в материк на 0,94 м. Диаметр устья 1 м, основания – 1,38 м. В яме были обнаружены один целый и пять фрагментированных каменных предметов (Рис. 2: 1–2), два миниатюрных сосуда (неглубокая чаша с простым профилем и плоская крышка с круглой ручкой-налепом) и фрагмент большого сосуда, изготовленного на гончарном круге и украшенного рядом прочерченных по сырой глине треугольников с косой штриховкой. Все эти предметы, очевидно, были захоронены в яме после тщательного отбора. Первые два миниатюрных сосуда хорошо вписываются в классический набор керамики типа Яз-1. Фрагмент большого сосуда по форме

также вполне соответствует этой культуре, за исключением необычного декора в виде прочерченных треугольников. Обычно геометрический орнамент в виде треугольников самых разных типов широко представлены среди керамики Яз-I, но они обычно прорисованы и окрашены, а не вырезаны. Эта техника более присуща для степной керамики бронзового века андроновского круга и связанных с ним культур.

В данном случае мы рассмотрим интересующие нас изделия из камня – обычного известняка, выходы которого в изобилии имеются севернее Майдатепы – в Байсунских горах (Гиссарский хребет).

1. Наиболее сохранившийся камень удлинённо-вытянутой формы, в сечении прямоугольный со скруглёнными углами, все грани обработаны (Рис. 2: 1а; 2а). Ближе к верхушке, верхняя треть камня обработана на большую глубину, как бы выделяющее «голову» из основного тела. Длина 36 см, ширина 12 см, толщина 6 см.

2. Фрагмент каменного изделия удлинённо-вытянутой формы, с одного (нижнего) конца обломан, сечение прямоугольное, обратная грань скруглена, все поверхности обработаны (Рис. 2: 1б; 2б). Верхушка сохранилась хорошо, конец её сужается и закругляется. «Голова» выделена на общем фоне посредством боковых сколов. Сохранился в длину на 28 см, ширина 8,4 см, толщина 6,8 см.

3. Фрагмент каменного изделия удлинённо-вытянутой формы, с одного (нижнего) конца обломан, сечение прямоугольное, все поверхности обработаны (Рис. 2: 1с; 2с). Сохранившаяся верхушка сужается и закругляется. Чуть ниже боковины камня вогнуты, отделяя «голову» от тулова, причем одна сторона (справа на Рис. 2: 1с) изогнута сильнее, чем другая. Длина обломка 26 см, ширина 9,2 см, толщина 7 см.

4. Фрагмент каменного изделия удлинённо-конусовидной формы с отбитым основанием, округло-прямоугольным поперечным сечением, все имеющиеся поверхности обработаны (Рис. 2: 1д; 2д). Верхушка камня закруглена. Сохранившийся конец закруглен сверху и немного тоньше сзади. Длина 20 см, ширина 9 см, толщина 9 см.

5. Небольшой обломок основания аналогичного каменного изделия прямоугольного сечения со следами обработки всех имеющихся граней (Рис. 2: 1е; 2е). Сохранившееся основание плоское со слегка закруглёнными краями. Длина 9 см, ширина 12 см, толщина 6,6 см.

6. Обломок камня, разбитого со сколотой стороной (сохранился только один угол), и отломанной верхушкой (без иллюстрации). Сечение прямоугольное, все поверхности подвергались обработке. Дно плоское, края его скруглены. Длина 15 см, ширина (сохранившаяся часть) 11 см, толщина 7 см.

Наконец, последняя находка, о которой стоит упомянуть, происходит из комплекса 3 (культурный слой) Майдатепы. Это часть сталагмита естественного происхождения, принесённым на поселение, вероятнее всего, из близлежащих Байсунских гор, в карстовых пещерах которого сталактиты и сталагмиты встречаются в изоби-

лии (Воронец, 1940). В нашем случае важно то, что идентичный известняк послужил материалом для всех шести упомянутых выше находок из камня из комплекса 100а.

Обломок сталагмита имеет длину 21,8 см и круглое поперечное сечение диаметром 10,8 см (Рис. 2: 3). На закруглённой верхушке камня выделяется рифление в виде волнистых бороздок природного происхождения, напоминающими некое подобие волос. Является ли этот предмет заготовкой для последующей обработки или сам по себе имел какое-то смысловое значение, определить невозможно. Учитывая находку шести антропоморфных каменных предметов в комплексе 100а, которые несомненно подверглись обработке, представляется возможным отнести этот сталагмит к той же группе антропоморфных символов.

На наш взгляд, все эти каменные столбики представляют собой миниатюрные антропоморфные стелы, что особенно заметно на примере экземпляров с выделенными плечами и головой. В этом же ряду следует рассматривать не менее абстрактные глиняные антропоморфные фигурки. Они могли быть окрашены, каким-то иным образом декорированы или драпированы, но признаков чего-либо подобного не наблюдается. Можно долго обсуждать функциональное назначение глиняных «носатых» фигурок – в качестве детских игрушек-куколок, фигурок для настольных игр или атрибутов первобытно-магических мистерий, однако в настоящее время все дискуссии на эту тему окажутся бесплодными.

О каменных стелах на обширных просторах Евразии (и других континентов) самых разных эпох можно рассуждать бесконечно. Тема эта чрезвычайно увлекательна и глубока, однако не является предметом данной статьи. Для общего сведения стоит упомянуть краткое обсуждение Дж. Робба о ранней Европе (Robb, 2009), относительно азиатской части можно вспомнить первое широкое обсуждение стел в погребальных обрядах Монголии и Сибири (Боровка, 1927. С. 57–58). Из множества более поздних публикаций следует назвать обзоры, предложенные, в частности, известными учёными Я.А. Шером (Шер, 1966) или Г. Парцингером (Parzinger, 2006). Из более современных особый интерес представляет исследование Дж. Беммана и У. Бросседера о том, что, вопреки общему мнению, стелы использовались не только в какое-то одно определённое время: традиция установки стел в Монголии, в основном, в погребальном обряде существовала на протяжении всей эпохи поздней бронзы, раннего железа и вплоть до средневековья (Bemmann, Brosseder, 2017).

Возвращаясь к теме интересующих нас каменных и глиняных изделий из Майдатепы, можно сказать, что одна только их находка опровергает декларированное прежде утверждение об отсутствии иконографии в культуре Яз-1 (см. Массон, Сариниди, 1973). Однако остаётся в силе тезис, что абстрактные статуэтки и стелы из коллекции Майдатепы представляют собой нечто совершенно отличное от предшествующих традиций изобразительного искусства. Это утверждение касается всех составляющих переходного периода от эпохи поздней бронзы (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс или, сокращённо, БМАК) к раннежелезному веку, в том числе, как мы видим, скульптуры.

Когда в 1973 г. Г.А. Пугаченкова впервые опубликовала скульптурное изображение человеческой головы из Миршаде, ещё не было убедительных аналогий этой находке (Пугаченкова, 1973. С. 80). Даже сегодня из-за своей неординарной выразительности изображение не имеет точных аналогов, однако стоит обратить внимание на находки подобных каменных голов в памятниках лесостепной полосы Казахстана, которые скрупулёзно собрала О.П. Ченченкова. Некоторые из них представляют собой сидящих людей (Ченченкова, 2004. С. 112–123), некоторые являются навершиями посохов-скипетров (Ченченкова, 2004: 202–213), в то время как другие изображают только головы (Ченченкова 2004. С. 158–167, 266–267. Рисунки). Все детали изображений детально проработаны, как правило, они полностью трёхмерные, и только те, что на посохе-скипетре, выполнены в полурельефе. Они сильно профилированы, с выдающимися чертами, демонстрирующими свой собственный стиль, который довольно специфичен и, безусловно, несколько отличается от манеры Миршаде. Большинство из них являются случайными находками и с трудом поддаются датировке, но имеется несколько экземпляров из раскопок поселения Самусь IV (Ченченкова, 2004. С. 158–167).

Благодаря исследованию стоянки Самусь была выделена самусьская культура эпохи поздней бронзы первой половины II тыс. до н. э. (см. Parzinger, 2006. С. 291–296 и приложение к таблице II – Среднеиртышская измененность и Барабинская степь). Эта культура считается (частично) современницей поздних фаз окуневской культуры, известной своими стелами, украшенными весьма своеобразными изображениями (например, Leont'ev, Karel'ko, 2002). Все эти скульптуры и стелы более ранние, чем статуэтка из Миршаде и находки из Майдатепы, опубликованные здесь, и никакой прямой связи, казалось бы, не усматривается. Однако, как указывали Дж. Бемманн и У. Бросседер, стелы (часто без орнаментов) постоянно встречаются в погребальных комплексах на протяжении бронзового и железного веков не только в Монголии, но и по всей Сибири (Bemmann, Brosseder, 2017. С. 14–15 с библиографией).

Упомянутый фрагмент сосуда с прочерченными по сырой глине штрихованными треугольниками из комплекса 100а, в котором были погребены каменные стелы, также может указывать на степной мир, где подобные орнаменты характерны для различных групп андроновской культурной общности. Однако нельзя не сказать, что заштрихованные треугольники, только нанесённые краской, ещё в большей степени присущи кругу культур Яз-I. В свою очередь, культуру Яз-I невозможно рассматривать в отрыве от культурно-исторической общности лепной расписной керамики, в том числе, от её восточной группы, расположенной в Таримской долине Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР (Сверчков, Бороффка, 2009. С. 35–37).

В этой связи хотелось бы отдельно сказать о крайне интересных находках в знаменитом могильнике Сяохэ, датируемом примерно между 2200 и 1100 гг. до н. э., что отчасти совпадает с хронологией Майдатепы. Хотя в Сяохэ не найдено ни каменных стел, ни каменных скульптур, примечательно, что в большинстве захоро-

нений были установлены деревянные стелы, а в могилы положены погребальные маски, сделанные из дерева и ткани (Werning, 2007). Некоторые из этих масок с нарочито выделенным профилем стилистически очень похожи на каменные головы эпохи поздней бронзы из упомянутой выше самусьской культуры. Все образцы древнего искусства из Самуси, Сяхэ, Майдатепе и Миршаде объединяет не просто внешнее сходство, но и манера исполнения, художественный стиль и, надо полагать, общий творческий замысел.

В отличие от каменных изображений ни одна из приведённых выше аналогий никак не соотносится с глиняными фигурками из Майдатепе, таковые в настоящее время отсутствуют. Пожалуй, единственное исключение – находка фрагмента фигурки с выступающим носом и лунками-глазами, как в Майдатепе, которая была опубликована по результатам раскопок поселения Изат-Кули в Юго-Западном Туркменистане (Мурадова, 1991. С. 53–54. Рис. 22). Хотя при раскопках Майдатепе никаких признаков связи с архаическим Дехистаном выявлено не было, в нескольких десятках километров к востоку, в самом верхнем кроющем слое поселения Молали, датированном 1600–1500 гг. до н.э. (заключительный этап БМАК), был обнаружен фрагмент треножника, характерный для архаического Дехистана (Сверчков, Бороффка, 2015. С. 84. Рис. 11: 18). Следовательно, контакты с населением Юго-Западного Туркменистана эпохи раннего железа существовали.

Конец эпохи бронзы Средней Азии произошёл около 1500 г. до н.э., когда на юге Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана исчезает Бактрийско-Маргианский археологический комплекс. Опустевшую территорию заселяют носители традиции лепной расписной керамики, известной на юге Средней Азии под названием культура Яз-1. Показательно, что БМАК известен своими связями, преимущественно, с позднеандоновским кругом северных степей, с югом и юго-западом Евразии, в то время как культура Яз-1 изначально тяготела к культурному пространству северо-востока. БМАК занимал широтную полосу от Северо-Восточного Ирана до Северного Афганистана, северным краем незначительно захватывая южные области Средней Азии. В отличие от БМАКа общность лепной расписной керамики в период между 1500 и 1000 г. до н.э., в том числе Яз-1, распространялась от Северо-Восточного Ирана на юго-западе до Синьцзяна на северо-востоке, от Афганистана на юге до границы степей Казахстана и Большого Хорезма на севере.

Память об общем культурно-историческом пространстве под названием Туран, существовавшем в то время, сохранилась в дошедших до нас ранних частях священной книги «Авеста» и позднем поэтическом собрании древних сказаний «Шахнаме» великого Фирдоуси. Остаётся надеяться, что первые антропоморфные, нарочито «носатые» фигурки из Майдатепе и Молали, пусть и выполненные в условно-символической манере, позволят судить не столько об уровне развития изобразительного искусства, сколько попытаться понять, какими видели или хотели видеть себя древние туры.

Использованная литература:

1. *Боровка Г.И.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Северная Монголия. 2 // Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1927. С. 43–88.
2. *Воронец М.Э.* Археологические исследования 1937–1939 гг. в УзССР // Вестник Древней Истории. 1940. № 3 (12). С. 324–339.
3. *Массон В.М., Сараниди В.И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. Москва: Наука, 1973. 209 с.
4. *Мурадова Э.А.* Поселения архаического Дахистана. Ашхабад: Ёльым, 1991. 148 с.
5. *Пугаченкова Г.А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии / Пугаченкова Г.А. (ред.). Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1973. С. 78–128.
6. *Ртвеладзе Э.В.* Археологические исследования в Бандыхане в 1974–75 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент: SMI-ASIA, 2007. С. 67–95.
7. *Сверчков Л.М., Бороффка Н.* Памятники Бандыхана // Археологические исследования в Узбекистане 2004–2005 годы. Вып. 5. Самарканд, 2006. С. 193–203.
8. *Сверчков Л.М., Бороффка Н.* Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3, Ташкент: SMI-ASIA, 2007. С. 97–141.
9. *Сверчков Л.М., Бороффка Н.* Комплекс периода Яз-II из Бандыхана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 36. Самарканд, 2008. С. 50–54.
10. *Сверчков Л.М., Бороффка Н.* О некоторых проблемах археологического исследования культур расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа / Алимova Д.А., Пидаев Ш.Р. (ред.). Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет // Материалы международной научной конференции, посвящённой 2200-летию юбилею города Ташкента. Ташкент: Фан, 2009. С. 33–39.
11. *Сверчков Л.М., Бороффка Н.* Раскопки памятника кидаритского времени в Сурхандарье // Археология Узбекистана. № 2 (5). Самарканд, 2012. С. 3–19.
12. *Сверчков Л.М., Бороффка Н.* Материалы поселения эпохи поздней бронзы Молали // Археология Узбекистана. № 1 (10). Самарканд, 2015. С. 75–88.
13. *Сверчков Л.М., Бороффка Н.* Период Яз-II: Этапы и хронология. Вестник Археологии, Антропологии и Этнографии. 2016. № 1 (32). С. 5–18.
14. *Ченченкова О.П.* Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург: Тезис, 2004. 342 с.
15. *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. Москва–Ленинград: Наука, 1966. 140 с.
16. *Bettmann J., Brosseder U.* A long standing tradition - stelae in the Steppes with a special focus on the Slab Grave Culture / Базаров Б.В., Крадин Н.Н. (ред.). Актуальные вопросы археологии и этнографии Центральной Азии // Материалы II Международной научной конференции (Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2017. С. 14–25.
17. *Boroffka N.* Siedlungsgeschichte in Nordbaktrien – Bandichan zwischen Spätbronzezeit und Frühmittelalter / Hansen S., Wiczorek A., Tellenbach M. (eds.) // Alexander der Grosse

und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel. Begleitband zur Sonderausstellung „Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt - Asiens Kulturen im Wandel“ in den Reiss-Engelhorn-Museen Mannheim. Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen 36. Regensburg: Schnell + Steiner, 2009. P. 134–143.

18. *Boroffka N.* Asentamientos del norte de Bactria: Bandichan desde la Edad del Bronce a la Edad Media / Hansen S., Wiczorek A. and Tellenbach M. (eds.) // Alejandro Magno. Encuentro con oriente. Centro de Exposiciones Arte Canal Madrid: Canal de Isabel II, 2010. P. 134–143.

19. *Boroffka N.* Bandichan. Von der Bronzezeit ins Mittelalter / Hansen S. (ed.) // 25 Jahre Eurasien-Abteilung. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, 2020. P. 51–53.

20. *Boroffka N., Lhuillier J.* A Millennium of History. The Iron Age in southern Central 2nd and 1st Millennia BC. Introduction / Lhuillier J., Boroffka N. (eds.) // A Millennium of History. The Iron Age in southern Central Asia (2nd and 1st Millennium BC). Proceedings of the conference held in Berlin (June 23–25, 2014). Dedicated to the memory of Viktor Ivanovich Sarianidi. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 35. Archäologie in Iran und Turan 17. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2018. P. 1–5.

21. *Boroffka N.G.O., Sverchkov L.M.* The Jaz II and III period pottery. Classification and chronology viewed from Bandykhan, Southern Uzbekistan / Wagner M. (ed.) // Pottery chronology of the Early Iron Age in Central Asia. Warszawa: Kazimierz Michałowski Foundation, Institute of Archaeology, University of Warsaw, 2013. P. 49–74.

22. *Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F.* Steinstelen der Okunev Kultur. Archäologie in Eurasien 13. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2002. 230 p.

23. *Lhuillier J.* Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale. Dynamiques socio-culturelles à l'âge du fer ancien (1500–1000 av. n. è.). Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale 13. Paris: De Boccard, 2013. 377 p.

24. *Parzinger H.* Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München: Beck, 2016. 1045 p.

25. *Robb J.* People of Stone: Stelae, Personhood, and Society in Prehistoric Europe // Journal of Archaeological Method and Theory. 2009. № 16.3. P. 162–183.

26. *Werning J.* Xiaohe, Lop Nur Zhen / Wiczorek A., Lind Chr. (eds.) // Ursprünge der Seidenstraße. Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Mannheim and Stuttgart: Reiss-Engelhorn-Museen and Konrad Theiss Verlag GmbH, 2007. P. 106–133.

Сведения об авторах:

Сверчков Леонид, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Искусствознания АН РУз, Узбекистан, 100029, г. Ташкент, Площадь Независимости, д. 2.

Бороффка Николаус, доктор исторических наук, Отдел Евразии Германского археологического института, Берлин.

Подрисночные подписи

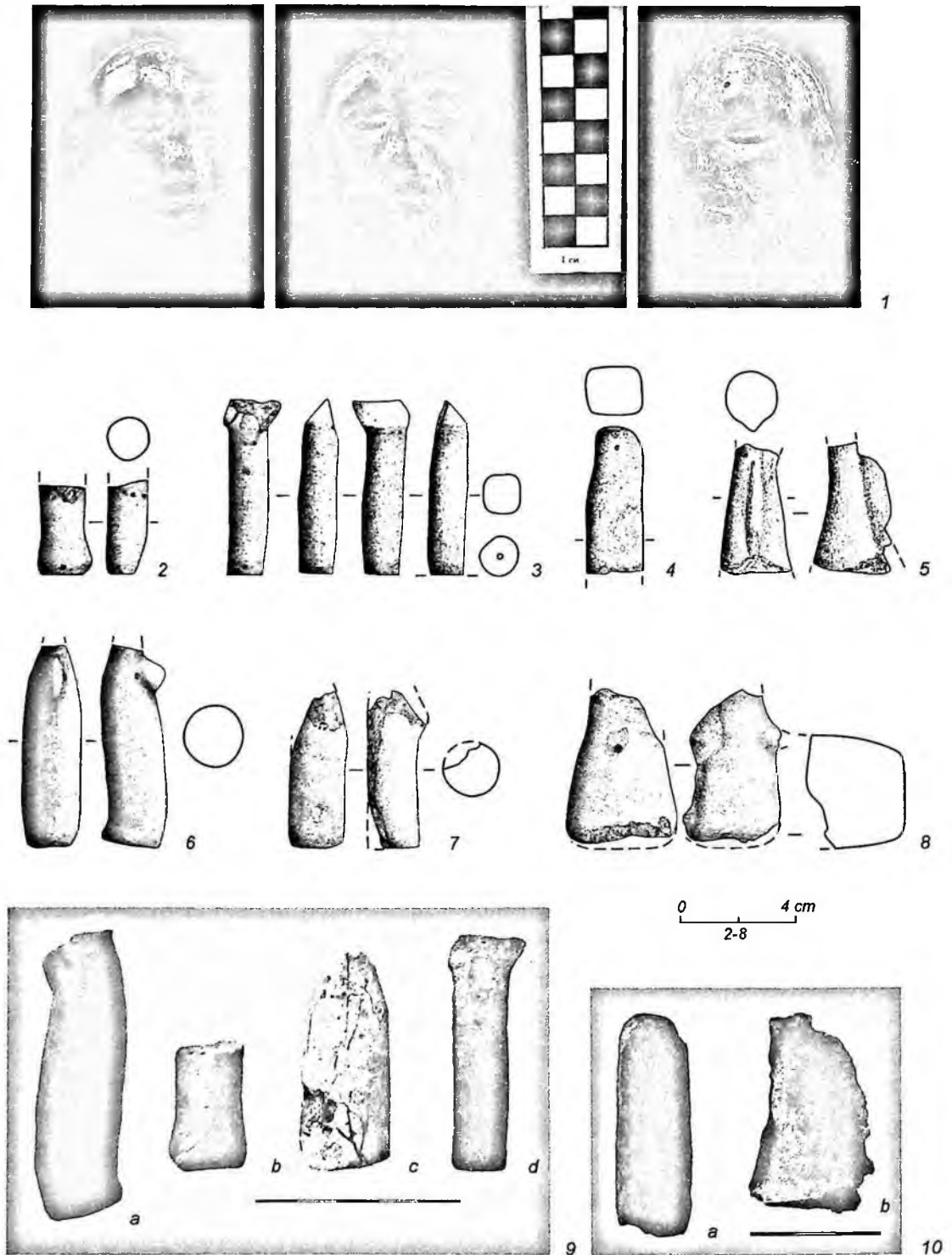

Рис. 1. 1 – Миршаде. 2–10 – Майдатепа: комплекс 110 (3, 9d – обожжённая глина); комплекс 116 (6, 9a – слабо обожжённая глина); комплекс 131 (2, 9b – необожжённая глина); комплекс 137 (8 – необожжённая глина); комплекс 138 (7, 9c – необожжённая глина); комплекс 142 (4–5, 10a–b – обожжённая глина). Фото А. Шепелин (1) и Н. Бороффка (9–10). Рисунки, обработка и компоновка Р. Бороффка.

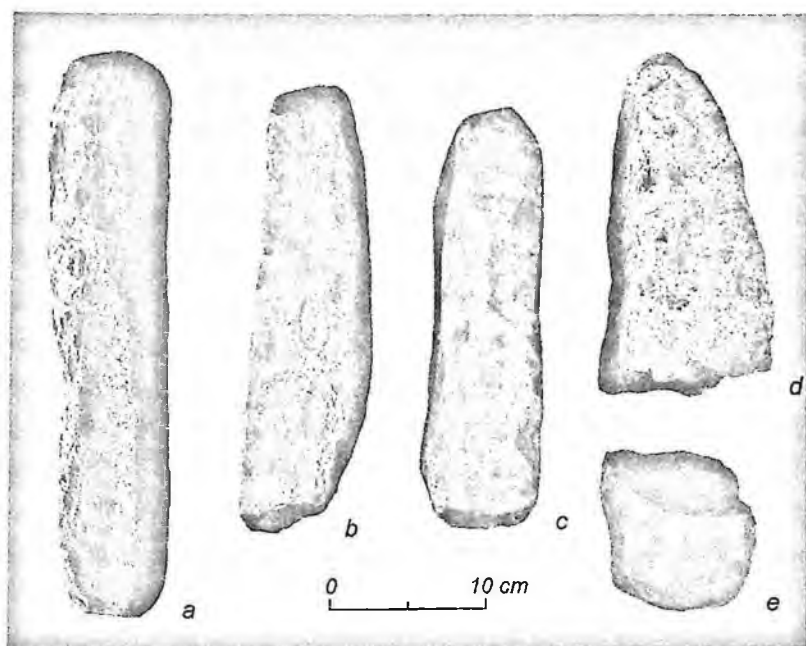
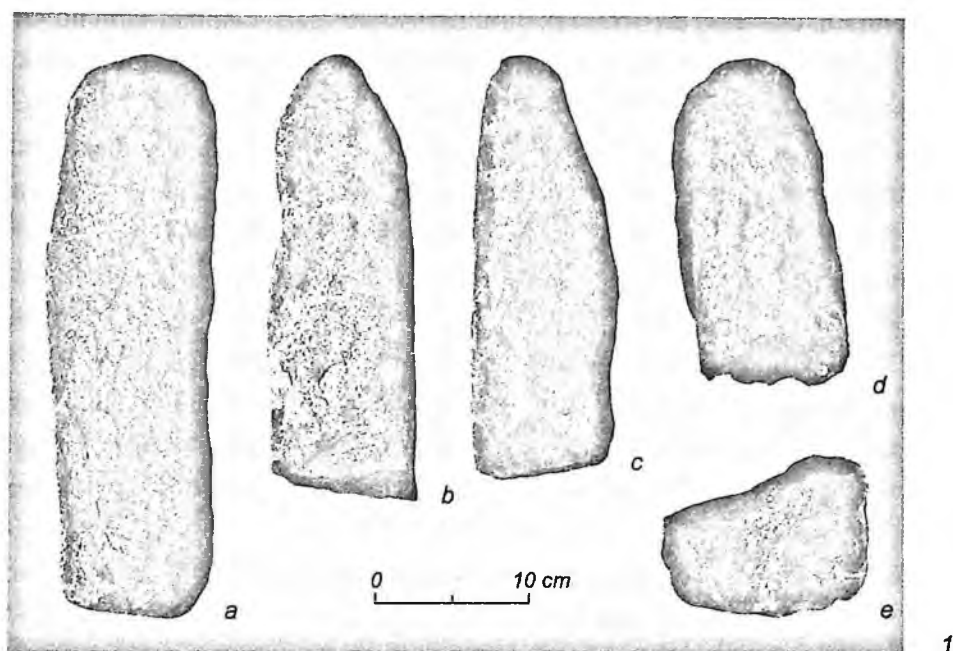

Рис. 2. 1–3 – Майдатепа: комплекс 3 (3 – сталагмит) и комплекс 100а (1–2 – известняк).
 Фото Н. Бороффка. Обработка и компоновка Р. Бороффка.

YOZ-I MADANIYATI TASVIRIY SAN'ATINING ILK NAMUNALARI

Аннотатсия: Ushbu maqolada Yoz-I davriga oid Maydatepa (Janubiy O'zbekiston) manzilgohidan ilk temir davriga oid ikki guruh noodatiy topilmalar keltirilgan. Birinchi guruhga

oddiy pishmagan yoki pishirilgan loydan yasalgan, cho'zilgan shakldagi mavhum antropomorfik haykalchalar kiradi, ular aniq tasvirlangan burunlari va ko'zlari, kamdan-kam hollarda qo'shimcha bezaklari bilan ifodalanadi. Ikkinchi guruhga beshta tosh buyumlar, shuningdek, Maydatepa manzilgohining xuddi shu yopiq chuquri (o'radan) dan topilgan yana bir buyum kiradi. Qisman bo'laklangan bu beshta buyumlar stelalar ko'rinishidagi qo'pol o'yilgan ohaktoshdan yasalgan bo'lib, ularning ba'zilarining boshlari bitinib turibti. Birinchi guruhning yaqin atrofdagi loy buyumlari topilmalarini hisobga olsak, tosh stelalar antropomorfning o'sha bir sinfiga tegishli bo'lishi mumkin. Yana bir tosh buyum – manzilgohga ataylab olib kelingan stalagmitning yuqori qismida tabiiy eroziya natijasida paydo bo'lgan, sochiarga o'xshash gofrirovka bor, aftidan u antropomorf stelalar bilan birga bir guruhga va bir chuqurga tushib qolgan.

Umuman olganda, bunday predmetlar to'plamining mavjudligi Yoz-I davrining ilk temir davri jamoalarida tasviriy san'atning to'liq yo'qligi haqidagi ilgari o'rnatilgan g'oyaga mutlaqo zid keladi, yana shuni ta'kidlash kerakki, bronza davrining oldingi badiiy an'analardan tubdan farq qiladi.

Tayanch so'zlar: O'rta Osiyo, Janubiy O'zbekiston, qo'lda ishlangan bo'yoqli sopollar madaniyati, tosh stelalar, loydan yasalgan haykalchalar.

THE FIRST EXAMPLES OF FINE ART OF THE YAZ-I CULTURE

Abstract: Two groups of unusual objects from contexts of the Early Iron Age Yaz-I period at the site of Maydatepa, southern Uzbekistan, are presented. The first group is interpreted as abstract anthropomorphic figurines. They are small rod-shaped clay objects (fired and unfired), with plastic noses and impressed eyes, sometimes with sparse additional ornaments. The second group is a collective find (and one separate individual object) from a closed pit context from the same site. The collective find consists of five, partly fragmentary, stele-like roughly hewn limestone objects, some of which have a marked off head. In view of the abstract clay objects, these small stele can also be interpreted as anthropomorphic representations. The individual stone object is a stalagmite, which was brought intentionally to the site. Because of the natural grooved erosion at the top, which may represent hair, this object is included here. The entire collection contradicts the presumed lack of figurative art in the Early Iron Age Yaz-I communities, but it is also radically different from the preceding art of the Bronze Age.

Keywords: Central Asia, South Uzbekistan, Painted Pottery Culture, anthropomorphic clay figurines, stone steles.

Farhod Maqsudov

O'RTA OSIYO KO'CHMANCHI MADANIYATI BO'YICHA AYRIM MULOHAZALAR

Annotatsiya. O'tgan asr tarixshunosligida o'tmishda shaharlashgan o'troq aholi bilan solishtirganda ko'chmanchi chorvadorlar madaniyati "marginal", ya'ni asosiy siyosiy-madaniy manzaradan chetda qolgan deb sanalgan. Ularning mohiyati "o'troq dehqonlarga qaram" yoki "o'troq dehqonlarni yag'molovchi" bo'lgan deb talqin qilingan. Biroq bunday stereotipik qarashlar so'nggi yillarda chet el mamlakatlari va yurtimiz ilmiy markazlarida olib borilgan ijtimoiy-antropologik izlanishlarda rad etilmoqda. Qolaversa, o'tmishda O'rta Osiyo jamiyatining ko'pincha ko'chmanchilar tomonidan boshqarilgani mintaqa siyosiy iqtisodida o'z izini qoldirgani yanada aniqroq ko'rsatib berilmoqda.

Kalit so'zlar: O'rta Osiyo, qadimgi davr, ko'chmanchi madaniyat, arxeologiya, ijtimoiy antropologiya, stereotipik qarashlar.

Yevrosiyoda ko'chmanchi chorvadorlik madaniyati bo'yicha ilmiy ma'lumot ko'pincha XIX asr etnografik tavsiflari va XX asr tarixiy-manbashunoslik izlanishlari orqali qo'lga kiritilgan (Shahrani 1979; Barfield 1989; Khazanov 1994). Xususan, ilmiy adabiyotda Yevrosiyo ko'chmanchi chorvadorlarining dala-qir, cho'l va tog'li tegralarda vertikal (tik) va gorizontal (yotiq) qishlov-yaylov tizimlarida o'z iqtisodiy xo'jaligini yuritgani qayd etilgan (Кармышева 1976; Масанов 1995; Поляков 1980). O'tgan asr tarixshunosligida o'tmishda shaharlashgan o'troq aholi bilan solishtirganda "marginal", ya'ni asosiy siyosiy-madaniy manzaradan chetda qolgan ko'chmanchi chorvadorlarning mohiyati "o'troq dehqonlarga qaram" yoki "o'troq dehqonlarni yag'molovchi" bo'lgan deb talqin qilingan. Biroq bunday stereotipik qarashlar so'nggi yillarda chet el mamlakatlari va yurtimiz ilmiy markazlarida olib borilgan ijtimoiy-antropologik izlanishlarda rad etilmoqda, qolaversa, o'tmishda O'rta Osiyo jamiyatining ko'pincha ko'chmanchilar tomonidan boshqarilgani mintaqa siyosiy iqtisodida o'z izini qoldirgani yanada aniqroq ko'rsatib berilmoqda (Golden 2003; Beckwith 2009; Бобоёров 2010; Кубатин 2016; Хатамова 2014; Hatamova 2020).

Ko'chmanchi chorvadorlik – uy hayvonlarini boqish orqali xo'jaligini yuritish turidir. Muqim chorvachilikdan farqli o'laroq ko'chmanchi chorvadorlar iqtisodiyotida chorva ustuvor bo'lib, uni boqish uchun yaylovdan yaylovga tinmay ko'chib yuriladi. Ko'chmanchi chorvadorlik xo'jalikda tutgan o'rninga qarab turlicha turkumlanadi. Masalan, "haqiqiy ko'chmanchilar" doimiy muqim yashaydigan qo'nalg'iga ega bo'lmay yil davomida yaylovdan yaylovga ko'chib, o'tovlarda yashab, ko'pincha chorvadan qo'lga kiritiladigan mahsulotlarga tayanib, turmush kechirish usulidir.

Mavsumiy ko'chmanchilar, boshqacha aytganda, "qo'nar-ko'char" jamoalar esa yilning faqat bir qismida – bahor, yoz va kuz oylarida chorvasi bilan yaylovda ("yayloq") vaqt o'tkazib, qish mavsumini qishlovda ("qishloq") kechiradilar. "Qo'nar-ko'char"

jamoalarining odatda o'z qishloqlari, turli qurilish materiallardan yasalgan me'morchiligi va boshqa ijtimoiy, madaniy institutlari shakllangan bo'ladi. "Qo'nar-ko'char" jamoalar geografik o'rnavuhlariga qarab, tog'li tegralarda tik (vertikal), dala-qir tekisliklarida yotiq (gorizontal) ko'chish xarakteriga ega ikki turga ajraladi.

Etnografik ma'lumotlarga qaraganda, "haqiqiy ko'chmanchilar" Yevrosiyo qit'asining shimoli-sharqida, Sharqiy Mo'g'uliston va qo'shni hududlarda tarixan shakllangan xo'jalik turi bo'lib ko'rinadi. Markaziy Yevrosiyaning janubida, ya'ni O'rta Osiyo mintaqasida dala-qir, cho'l va tog'li hududlarda "qo'nar-ko'char" ko'chmanchi chorvadorlik turi rivojlangan. Bu ikki xil ko'chmanchilik turi ("haqiqiy ko'chmanchilar" va "qo'nar-ko'charlar") ko'pincha bir-biridan farqlanmay "ko'chmanchi" atamasi bilan atalsa-da, ularning ijtimoiy-iqtisodiy rivojlanishi tubdan farq qiladi.

"Haqiqiy ko'chmanchilar" odatda o'ta og'ir iqlim sharoitlarida, keskin sovuq va issiq tegralarda ko'chib, ekin-tekinchilik bilan umuman shug'ullanmaydi, doim yengil qurilib, yengil taxlanadigan o'tkinchi uylar (o'tovlar)da yashab, kundalik yegulik ratsionida ekin-tekinchilik mahsulotlari deyarli o'rin egallamaydi. "Haqiqiy ko'chmanchilar" o'ta yirik sonda bir yerda to'planib yashamaydi, chunki bunday holatda o'tloq resurslaridan ratsional foydalana olmaydilar. Natijada ularning ijtimoiy institutlari (mahalla, din va h.) oddiy xarakterga ega bo'ladi. "Haqiqiy ko'chmanchilar" Uzoq Sharq va Shimoliy Osiyodagi tekisliklarda ot va shimol bug'usi boquvchilari, tog'li tegralarda esa qo'tos boquvchilaridir. Aytish joizki, "haqiqiy ko'chmanchilar" bir yilda 200 – 1000 km masofa bosib o'tishlari mumkin.

"Qo'nar-ko'charlar" qishlovlarda o'troq dehqonlar kabi hayot kechirib, o'z hunarmandchiligiga, jamoaviy diniy markazlariga, qo'riqlangan turar-joylarga va turli murakkab ijtimoiy va siyosiy institutlarga (mahalla, din, hokimiyat tashkilotlari va b.) egadirlar. Ular odatda butun chorvasini yaylovga qishlov aholisining o'rta yosh erkaklari bilan yuboradilar, aholining 60 – 70% esa qishlovda yozlagani muqim qoladi. Bu yerda qolgan aholi kichik ko'lamda bo'lsa-da, ekin-tikinchilik va ko'pincha lalmi bog'dorchilik bilan shug'ullanadi.

"Qo'nar-ko'char" jamoalar qo'l ostida mavjud bo'lgan barcha tabiiy resurslardan pragmatik va instrumental tarzda foydalanadilar. Chorvachilik bilan shug'ullanish og'ir bo'lgan qurg'oqchilik yillarda qishlovda shu paytgacha kichik ko'lamda yuritilgan ekin-tikinchilikning ulushi birdan ortib, aholining yirik qismi dehqonchilikka osonlikcha o'tib ketishi kuzatiladi. Qishloq xo'jaligi bilan shug'ullanish qiyinlashgan davrlarda ko'chmanchilarning savdo-sotiq va tijorat bilan shug'ullanishlari etnografik ma'lumotlarda o'z aksini topgan.

O'rta Osiyo mintaqasining tabiiy-ekologik turkumlashtirilishi bu hududning 10% maydonigina sug'orma dehqonchilik olib borilishi mumkin bo'lgan yerlarni tashkil qilib, qolgani dala-qir, cho'l va tog'li tegralarni o'z ichiga qamrab olganini ko'rsatadi. O'rta Osiyoda kuzatilgan o'ta qadimgi va yuksak o'troq madaniyat va shaharsozlik faqat nisbatan oz sonli daryo vohalarida yuzaga kelgan. Mintaqamiz hududining aksariyat bo'lagi qurg'oqchil iqlimga ega bo'lib, dehqonchilik yuritish uchun noqulay tabiiy sharoitga egaligi bilan ajralib turadi. Bu hududlarda ma'lum darajada chorvachilik bilan shug'ullanish mumkin bo'lgan, shuning uchun bu yerlar qadimdan ko'chmanchi chorvadorlar tomonidan o'zlashtirilgan.

Arxeologik jihatdan ko'chmanchi chorvadorlar tomonidan qoldirilgan esdaliklar asosan ular o'z urug' vakiliarini ko'mgan mozor-qo'rg'on deb ataluvchi qabrlar bo'lib, ularning ko'plab topilmajoylari qazib o'rganilgan. Bugungi kundan chamasi to'rt ming yil oldin yuzaga kelgan ko'chmanchi chorvadorlarga tegishli qabristonlar O'rta Osiyoning barcha hududlarida topilgan va tadqiq etilgan. Qabrlarning tuzilishini, ko'mish udumini, moddiy va ma'naviy madaniyatini o'rganish qadimgi jamiyatlar to'g'risida so'zsiz ulkan ma'lumotlar beradi, biroq bu ma'lumotlarning kundalik hayot bilan qanchalik bog'liqligi to'g'risida aniq fikr yuritish ancha qiyin bo'lib tuyulmoqda.

Arxeologik izlanishlar va turli tarixiy manbalarning solishtirilishi Ipak yo'lidagi mintaqaviy aloqalarning ko'chmanchilar tomonidan nazorat qilingani va o'zlariga ko'ra o'zgartirilgani to'g'risida yangi munozaralarni boshlamoqda (Beckwith 2009). Biroq hatto eng to'laqonli tarixiy tahlil ko'chmanchilarning o'zlari tomonidan yozib qoldirilgan negiz manbalarning yo'qligi uchun asosli deb sanayolmasligi ushbu masalaning muammoligicha qolayotganiga sabab bo'lmoqda. Yozma manbalardagi bir yoqlamalik yuzidan O'rta Osiyoda ko'chmanchi chorvadorlarning kundalik turmush yo'sini oydinlashmay qolmoqda. To'g'risi, mintaqadagi qadimiy ko'chmanchi turmush yo'sini bo'yicha sanoqli izlanuvchi ma'lumot to'plagan bo'lib, ko'chmanchi chorvadorlarning qayerda va qanday yashagani tor ko'lamda bo'lsa-da, qanday yo'sinda o'z qo'shnilari bilan munosabatda bo'lgani haligacha bilinmayotir.

Arxeologik jihatdan ko'chmanchi chorvadorlik xo'jalik turi bilan shag'ullanib kun kechirgan eng qadimgi jamoalar – keng Yevrosiyo dala-qirlarida kamida jez asridan yashay boshlagan qadimiy guruhlar bo'lgan. Jez asri Yevrosiyo dala-qirlari ko'chmanchi chorvadorlari – eradan oldingi II ming yillikda Turon o'lkasining 90% maydonini egallagan tog', dala-qir va cho'l tegralarida oziq ishlab chiqaruvchi xo'jalik – yaylov cho'ponchiligi va qisman o'troq dehqonchlik bilan shug'ullanib yuruvchi aholi bo'lgan. Ular Yevrosiyoning keng dala-qirlarida – Janubi-sharqiy Urol, Janubiy Sibir, Shimoliy Qozog'iston va Turonda yoyilgan bo'lib, turli til va madaniyatga ega, biroq turmush tarzi o'xshash, kelib chiqishidan o'ta qorishiq guruhlar yig'indisi bo'lgan. Bu jamoalar arxeologik adabiyotlarda Andronovo madaniy-tarixiy jamoalari deb yuritilib, ularga tegishli arxeologik majmualar ko'proq Sintashta-Arkaim, Olako'l, Fedorovo kabi yana bir necha majmualarni o'z ichiga qamrab oladi. O'rnak uchun, Farg'ona vodiysiga kelib o'mashgan bir guruh Andronovo jamoalari Qayroqqum majmuasi deb yuritiladi. Yevrosiyo dala-qirlarida ko'chmanchi chorvador jamoalarning o'ta mobil (harakatchan) bo'lishining asosiy omillaridan biri jez (mis va qalayning qorishmasi) bo'lsa, ikkinchisi qo'lga o'rgatilgan uy hayvonlari (qo'y-echki, mol va ot) bo'lgan.

Kishilik o'tmishida madaniyat va sivilizatsiyalarning yuzaga kelishi va yuksalishi uzoq va murakkab jarayon bo'lib, doim inson qo'lidagi texnologiya darajasiga bog'liq bo'lgan. Insonlar bir ming yillikdan boshqasiga o'tarkan, ish qurollari yasash texnologiyalarini yanada yaxshilab, yangi ko'nikmalarni o'zlashtirib, yangi tushunchalarga ega bo'lib bordi. Yangi tosh (neolit) davrida yuzaga kelgan yangicha turmush tarzi talablariga javob bermay qolgan tosh qurollar endilikda misdan yasalgan qurollarga o'z o'rnini bo'shatib berdi.

Ming yildan ortiq davom etgan mis-tosh davri so'ngida ustalar misni qalay yoki margimush bilan aralashtirib, yangi qorishmani qo'lga kiritgan. "Jez" deb ataluvchi bu metall qorishmasi misdan ko'ra ancha qattiq bo'lgani uchun undan yasalgan qurollar o'ta keskir va chidamli bo'lib, tez orada ko'pchilikning diqqatini tortgan. Jez qurollariga ega jamoalar texnologik tomondan boshqalardan ustunroq bo'lgan va bu yangi metall bilan tanishgan jamoalar imkon boricha uni keng qo'llashga uringan.

Qalay va misning uncha yuqori bo'lmagan erish issiqligi jez qorishmasini neolit so'ngida keng qo'llanilgan sopol xumdonlarda eritishga imkon bergan. Biroq mis-qalayli yoki mis-margimushli xomashyo konlari tabiiy holda oz uchragani uchun jez davrida Yevrosiyo bo'ylab uzoq masofali uzluksiz savdo-sotiqning yo'lga qo'yilishiga va tog'-konchilikning keng yoyilishiga olib kelgan. Neolit jamoalari qurol xomashyosi uchun kerakli toshlarni uzoqqa bormay ham topa olgani – ularning vaqt o'tib turg'un bo'lib qolishiga olib kelgan bo'lsa, jez jamoalarining turmush tarzi esa buning teskarisi bo'lgan.

Jez qurol-yarog'lari tez orada kuch va hokimiyat belgisiga aylanib, urug' va jamoa boshliqlarining yaqqol ajralib chiqishiga olib kelgan. Jezni tizimli qo'llashga erta o'tgan jamoalarning qishloqlarida ortiqcha mahsulot to'plana boshlagan va bu yerdagi ayrim guruhlarning ekin-tikinchilik bilan shug'ullanmasdan ham kun kechirishiga imkon yaratgan. Aholisi zichlashib borayotgan qishloqlarda borgan sari ko'nchilik, kulolchilik, misgarlik kabi ko'plab hunarmandchilik turlariga ehtiyoj ortib borgan va bu ijtimoiy-iqtisodiy bo'shliqni to'ldirgan guruhlar endilikda oziq ishlab chiqarishda qatnashmay ham yashay olgan. Bu jarayonda jamiyatda ish bo'linishi va ijtimoiy tabalaqalashuv yuzaga kelib, oldingi ovchi-termachilarning "jo'n (oddiy) tizimli jamiyati" endilikda "qorishiq (murakkab) tizimli jamiyat"ga o'sib chiqqan.

Bu yangicha jamiyatlarda ishlab-chiqarish, savdo-sotiq va aholining yanada o'sishi ilk sivilizatsiyalarni yuzaga keltirgan. Ilk sivilizatsiyalar qishloq xo'jaligi yuksalishi uchun tabiiy sharoitlari eng qulay yerlarda – "Unumli yarimoy", Qadimgi Hindiston va Qadimgi Xitoy kabi tarixiy o'lkalarda gullab-yashnab, keyingi bosqichlarda boshqa yerlarda ham yuzaga kelgan. Ilk sivilizatsiyalar – qishloq xo'jaligini yuritish orqali ortiqcha mahsulotni, ish bo'linishini, ijtimoiy tabaqalashuvni va shaharlarni yarata oladigan "qorishiq tizimli jamiyatlar"ning o'rtaga chiqishiga bog'liq bo'lgan. Umuman olganda, ilk sivilizatsiyalarni belgilovchi bosh omillar sirasiga markazlashgan siyosiy tuzum, tizimli diniy qarashlar, ish bo'linishi va ijtimoiy tabaqalashuv, mahobatli me'morchilik va yozuv kiritilgan.

Yevrosiyo qit'asida esa kelib chiqishi geografik tomondan Urolning janubidagi dala-qirlarga taqalgan va bu yerda ko'chmanchi chorvadorlik bilan shug'ullanib yurgan jamoalar (Afanasyevo guruhlari) eradan oldingi III ming yillik so'ngidan boshlab Turon va Oltoy tomonga siljib, eradan oldingi II ming yillikning o'rtalarida (Andronovo guruhlari) bu yerdagi o'troq dehqon jamoalari bilan to'qnashganlar. Bu to'qnashuvlar natijasida Tozabog'yob, Beshkent va Vaxsh kabi yangi majmualar kelib chiqqan, degan qarash ilgari suriladi. Andronovo jamoalari bir tomondan yaylov-qishlov ko'rinishida, ikkinchi tomondan yengil ekin-tikinchilik qilgan holda kichik qishloqlarda yashab kelgan. Andronovo qishloqlarining eng kichiklari 2–20 uydandan, eng yiriklari esa 80–100 uydandan tashkil topgan. Mudofaasi qishloq tevaragi bo'ylab qazilgan o'ra (handaq), tuproq

uyumidan uzunchoq do'nglik yo yog'ochdan to'siq ko'rinishida bo'lgan. Andronovo uylari odatda yog'ochdan yasalgan bo'lib, soy qirg'og'i bo'yab qator o'rnatilgan. Yirik uylari 80–300 kvadrat metr maydonni egallab, bir urug' oilaga tegishli bo'lgan.

Andronovo madaniyati uy hayvonlari sigir, ot, qo'y, echki va tuyalarni o'z ichiga olgan bo'lib, ko'chmanchi turmush tarzi ustuvor bo'lganligidan andronovoliklarning turarjoy va makonlarida cho'chqa qoldiqlari oz uchraydi. Andronovoliklar otlarni ham minish, ham yuk tashlashda qo'llagan. Ularning kundalik turmushida konchilik va metallga ishlov berishning o'rni o'ta yuksak bo'lib, o'zlariga tegishli konlarda mis va qalay qazib olishgan. Andronovo jamiyatida jezdan yasalgan yuqori sifatli ish va urush qurollari mo'l bo'lganini mozor-qo'rg'onlar qazishmalarida qo'lga kiritilgan buyumlardan bilish mumkin.

Andronovoliklar o'zo'liklarini yer ostida toshlardan terilgan yumaloq yoki to'rtburchak "uychalarda" ko'mib, qabr ichiga uy hayvoni, g'ildirakli arava, ot yugani qayishi, urush qurollari, sopol idish va taqinchoqlar kabi tortiqlar qo'yardilar. Eng ko'zga ko'ringan qabr tortiqlaridan eradan oldingi 2000-yillarga tegishli jang aravalari bo'lib, ular otli va otsiz, ayrim holda "bosh va tuyoq"li ko'milgan. Bu odat dala-qirlarda yashagan hind-yevropa va turkiy tilli aholi madaniyatida hamda qisman ko'chmanchilar bilan yaqin aloqa qilgan qadimgi Xitoy jamoalarida kuzatiladi. Andronovoliklarda ikki o'likni bir qabrga – ikki ulg'ayganni yoki bir ulg'aygan va bir bolani birga ko'mish udumi ham bo'lgan.

Izlanuvchilar andronovoliklar hind-eron oilasiga tegishli tilda so'zlashganini ilgari surib, buni kegayli g'ildirakning eradan oldingi 2000-yillarda birinchi bo'lib hind-yevropaliklar ishlatgani, Andronovo jamoalari tarqalgan kengliklarda eroncha toponimlarning yoyilgani hamda ulardan keyin shu yerlarda eroniy tillarda so'zlashuvchi sak (skif), sarmat va alanlarning tarqalgani bilan bog'laydilar. O'zbekistonda andronovoliklarga tegishli bir necha mozor-qo'rg'on o'rganilgan bo'lib, Toshkent viloyatida ularga tegishli Quyun qishlog'i qazib ochilgan.

So'nggi o'n yilliklarda olib borilgan arxeologik izlanishlar natijasida O'rta Osiyoning tog'li tegralarida qadimiy ko'chmanchi chorvadorlarning bir necha topilmajoylari aniqlangan. Bularga asosan Tangritog' va Pomir tog'lari etaklari, Yettisuv, Toshkent vohasida, Farg'ona vodiysida, Zarafshonning o'rta va yuqori suv havzalarida va janubiy Tojikistonda o'rin olgan qabrlar va tasodifiy topilmalar kiradi. XIX asr o'rtalaridagi Sovet va so'nggi yillardagi post-Sovet arxeologik adabiyotlarni qisqacha o'rganish shuni ko'rsatadiki, tog'li tegralarda jez asri ko'chmanchi chorvadorlar madaniyatini o'rgangan deyarli barcha izlanuvchilar O'rta Osiyoda ko'chmanchi cho'pon jamoalarining yuzaga kelishini Andronovo madaniy hamjamiyatining arxeologik majmualari bilan to'g'ridan to'g'ri bog'lashga harakat qilganlar.

Shunday qilib, tog' ko'chmanchi chorvadorlari madaniyatining kelib chiqishi va xronologiyasi bo'yicha ma'lumotlar, asosan, ko'mish udumlari, kulolchilik mahsuloti, jez buyumlar (zargarlik buyumlari va qurol-yarog') va boshqalarni o'z ichiga olgan aniq ko'rsatkichlardan foydalangan holda topilmalarni solishtirma tipologik tahlilini qilish natijasida olingan. Qizig'i shundaki, mintaqada eradan oldingi II ming yillikning birinchi yarmiga tegishli ko'chmanchi chorvadorlar (Zarcha Xalifa, Begash va b.) mavjud bo'lgani aniqlangandan so'ng, o'tmishda ko'chishlarning bir necha bosqichlarda amalga oshirilgani g'oyasi kelib chiqqan.

Adabiyotlar

1. *Barfield T.J.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 B.C. to 1757 A.D. – Wiley-Blackwell Publishers, 1989. – 348 p.
2. *Beckwith C.I.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. – Princeton University Press, 2009. – 512 p.
3. *Golden P.B.* Nomads and Their Neighbours in the Russian Steppe: Turks, Khazars and Qipchaqs. – Routledge, 2003. – 384 p.
4. *Hatamova M.* Ötüken // Genel Turk Tarihi Dergisi. – Cilt/Volume 2, Sayı/Issue 4, Temmuz /July 2020, ss. 321–332.
5. *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. – University of Wisconsin Press, 1994. – 442 p.
6. *Shahrani M.N.M.* The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan: Adaptation to Closed Frontiers. – University of Washington Press, 1979. – 304 p.
7. *Boboyorov G'.* Choch tarixidan lavhalar. T., 2010
8. *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – Москва: Наука, 1976. – 322 с.
9. *Кубатин А.В.* Система титулов в Тюркском каганате: генезис и преемственность. Tashkent: Yangi nashr, 2016. 192 s.
10. *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. – Алматы: Социнвест – Москва: Горизонт, 1995. – 320 с.
11. *Поляков С.П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. – Москва: Издательство МГУ, 1980. – С. 2426.
12. *Xatamova M.M.* İlk o'rta asrlarda Choch hukmdorligining tarixiy-geografik tavsifi (sayyoh va elchilarning xotiralari asosida) // O'zbekiston tarixi. – Toshkent, 2014. – №2.

Muallif haqida ma'lumotlar:

Maqsudov Farhod Alijonovich, tarix fanlari doktori, Milliy arxeologiya markazi direktori, O'zbekiston, 100047, Toshkent shahri, Mirzo Ulug'bek tumani, Mirzo Ulug'bek ko'chasi 81-uy.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аннотация. В историографии прошлого века, культура кочевников-скотоводов в истории считалась «маргинальной», то есть выпадающей из основного политического и культурного ландшафта по сравнению с урбанизированным оседлым населением. Суть кочевников трактовалась как «зависимая от оседлых земледельцев» или «разрушающая оседло-земледельческую культуру». Однако подобные стереотипные взгляды отвергаются в последние годы в социально-антропологических исследованиях, проводимых в зарубежных странах и научных центрах нашей страны. Кроме того, тот факт, что центральноазиатское общество в прошлом часто управлялось кочевниками, накладывает отпечаток на политэкономия региона.

Ключевые слова: Средняя Азия, древний период, кочевая культура, археология, социальная антропология, стереотипичные взгляды.

SOME THOUGHTS ON NOMADIC CULTURE OF CENTRAL ASIA

Summary. In the historiography of the last century, the culture of pastoral nomads in history was considered “marginal”, that is, falling out of the main political and cultural landscape, compared to the urbanized sedentary population. The essence of the nomads was interpreted as “dependent on settled farmers” or “destroying the settled agricultural culture.” However, such stereotypical views have been rejected in recent years in socio-anthropological studies conducted in foreign countries and scientific centers of our country. In addition, the fact that Central Asian society in the past was often ruled by nomads leaves its mark on the political economy of the region.

Keywords: Central Asia, ancient period, nomadic culture, archaeology, social anthropology, stereotypic views.

MUNDARIJA

Taniqli arxeolog va jamoat arbobi Abdulhamid Anarbayev – 75 yoshda.....	8
<i>Andrey Korjenkov, Abdulhamid Anarbayev</i> Shohi-Zinda ansamblidagi seysmik deformatsiyalar.....	12
<i>Rustam Sulaymonov</i> O'rta Osiyo tarixida ko'chmanchilarning roli.....	44
<i>Sergey Baratov</i> Antik davr va ilk o'rta asrlarda Farg'ona vodiysi Landshaftlarida qurumlar va mug'xona madaniyati vakillarining xo'jalik va madaniy faoliyatini qayta tiklash tajribasi	62
<i>Shuhrat Odilov</i> "Asosiy yo'l" va "Kavkaz ipak yo'li"	81
<i>Aleksandr Podushkin</i> Qang'yuy tarixi yangi paleolingvistik, numismatik va arxeologik manbalar asosida	90
<i>Jamol Mirzaahmedov, Sirojiddin Mirzaahmedov</i> Ko'chmanchilar bilan chegaradagi Buxoroning ilk Rabot-karvonsaroylari (Poykend shahri materiallari asosida)	116
<i>Jamol Mirzaahmedov</i> Buxoro-Numijkat tarixiy topografiyasini shakllanish jarayonlariga doir	132
<i>Margarita Filanovich</i> Toshkentdagi qadimiy Shoshtepa yodgorligini o'rganish bo'yicha so'nggi arxeologik ma'lumotlar	151
<i>Jangar Ilyasov</i> Dalvarzintepa: tadqiqot natijalari, mammolari va istiqloqlari	163
<i>Sergey Yatsenko</i> San'at yodgorliklarida Qang'yuyning Ko'chmanchi aholisi	172
<i>Anvar Ataxodjayev</i> Rabinjonning X asr oltin tangalar xazinasi	184
<i>Abdulhamid Anarbayev, Sergey Baratov</i> Chust (bibi ona) yodgorligida olib borilgan yangi arxeologik tadqiqotlar	204
<i>Leonid Sverchkov, Nikolas Boroffka</i> Yoz-I madaniyati tasviriy san'atining ilk namunalari.....	227
<i>Farhod Maqsudov</i> O'rta Osiyo ko'chmanchi madaniyati bo'yicha ayrim mulohazalar.....	241

СОДЕРЖАНИЕ

Известному археологу и общественному деятелю Абдулхамиду Анарбаеву – 75 лет	8
<i>Андрей Корженков, Абдулхамид Анарбаев</i> Сейсмические деформации в средневековом ансамбле мавзолея Шахи-Зинда, Самарканд	12
<i>Рустам Сулейманов</i> Роль кочевников в истории Центральной Азии	44
<i>Сергей Баратов</i> Опыт реконструкции хозяйственной и культурной деятельности носителей культуры курумов и мугхона на ландшафтах Ферганской долины в эпоху античности и раннего средневековья.....	62
<i>Шухрат Адылов</i> «Главная дорога» и «Кавказский шёлковый путь»	81
<i>Александр Подушкин</i> Кангюй в свете новых палеолингвистических, нумизматических и археологических источников	90
<i>Джамал Мирзаахмедов, Сирожиддин Мирзаахмедов</i> Ранние рабаты-каравансарай Бухары на границах кочевой Степи (по материалам городища Пайкенд).....	116
<i>Джамал Мирзаахмедов</i> К процессам формирования исторической топографии Бухары-нумиджката.....	132
<i>Маргарита Филанович</i> Новейшие археологические данные исследования городища Шаштепа в Ташкенте.....	151
<i>Джангар Ильясов</i> Городище Дальварзинтепа: итоги, проблемы и перспективы изучения.....	163
<i>Сергей Яценко</i> Кочевое население Кангюя в памятниках искусства.....	172
<i>Анвар Атаходжаев</i> Рабинджанский клад золотых монет X в.....	184
<i>Абдулхамид Анарбаев, Сергей Баратов</i> Новые археологические работы на поселении Чуст – Бибиона.....	204
<i>Леонид Сверчков, Николаус Бороффка</i> Первые образцы изобразительного искусства культуры Яз-1.....	227
<i>Фархад Максудов</i> Некоторые размышления о кочевой культуре Средней Азии.....	241

CONTENTS

The famous archaeologist and social activist Abdulkhamid Anarbaev is 75 years old	8
<i>Andrey Korjenkov, Abdulkhamid Anarbaev</i>	
Seismic deformations in the medieval ensemble of the Shakhi-Zinda mausoleum, Samarkand	12
<i>Rustam Suleymanov</i>	
The role of nomads in the history of Central Asia	44
<i>Sergey Baratov</i>	
Experience in the reconstruction of the economic and Cultural activities of the bearers of the kurums and Mughona culture on the landscapes of the fergana valley In the era of antiquity and the early middle ages	62
<i>Shukhrat Adilov</i>	
“Main road” and the Caucasian silk road	81
<i>Aleksandr Podushkin</i>	
Kangyui in the light of new paleolinguistic, numismatic and archaeological sources	90
<i>Djamal Mirzaakhmedov, Sirojiddin Mirzaakhmedov</i>	
Early Rabat-caravansarais of Bukhara on the borders Of the nomad steppe (by the materials of the Paykend Settlement)	116
<i>Djamal Mirzaakhmedov</i>	
To the processes of formation of the historical Topography of bukhara-numijkat.....	132
<i>Margarita Filanovich</i>	
The latest archaeological data from the study of the ancient settlement of Shashtepa in Tashkent.....	151
<i>Jangar Ilyasov</i>	
Dalvarzintepa: results, problems and prospects of studying.....	163
<i>Sergey Yatsenko</i>	
Nomad population of kangyuy in art monuments.....	172
<i>Anvar Atakhodjayev</i>	
Rabinjan treasure of gold coins of the X century	184
<i>Abdulkhamid Anarbaev, Sergey Baratov</i>	
New archaeological excavations in the settlement of Chust – bibiona.....	204
<i>Leonid Sverchkov, Nikolaus Boroffka</i>	
The first examples of fine art of the Yaz-I culture	227
<i>Farhad Maksudov</i>	
Some thoughts on nomadic culture of Central Asia.....	241

O‘ZBEKISTON MODDIY MADANIYATI TARIXI

42-NASHRI

Taqrizchilar:

professor A. Ashirov
professor Sh. Nurmammedova

O‘zR FA Milliy arxeologiya markazining
Ilmiy kengashi tomonidan nashrga tavsiya qilingan.

Muharrir:

M. Mamadaliyev

Badiiy muharrir:

M. Rahmonov

Sahifalovchi:

D. Murodov

ISBN 978-9943-19-658-2

Nashriyot litsenziyasi № 1385, 21.01.2021-y.
30.09.2022-yilda bosishga ruxsat etildi.
Qog'oz bichimi 60x84 $\frac{1}{8}$, "Times New Roman" garniturasini.
Shartli bosma tabog'i 16 Adadi: 300 nusxa.
Buyurtma raqami №: 22-17.
O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi
"Fan" nashriyoti davlat korxonasi
nashrga tayyorlandi va chop etildi.
100047, Toshkent sh., Yahyo G'ulomov ko'chasi, 70-uy.
Tel.: +99899 7917555, +99871 2622154;
email: fan_ndk@mail.ru

fb.com/fan.nashriyoti

t.me/fannashriyoti

instagram.com/fannashriyoti

